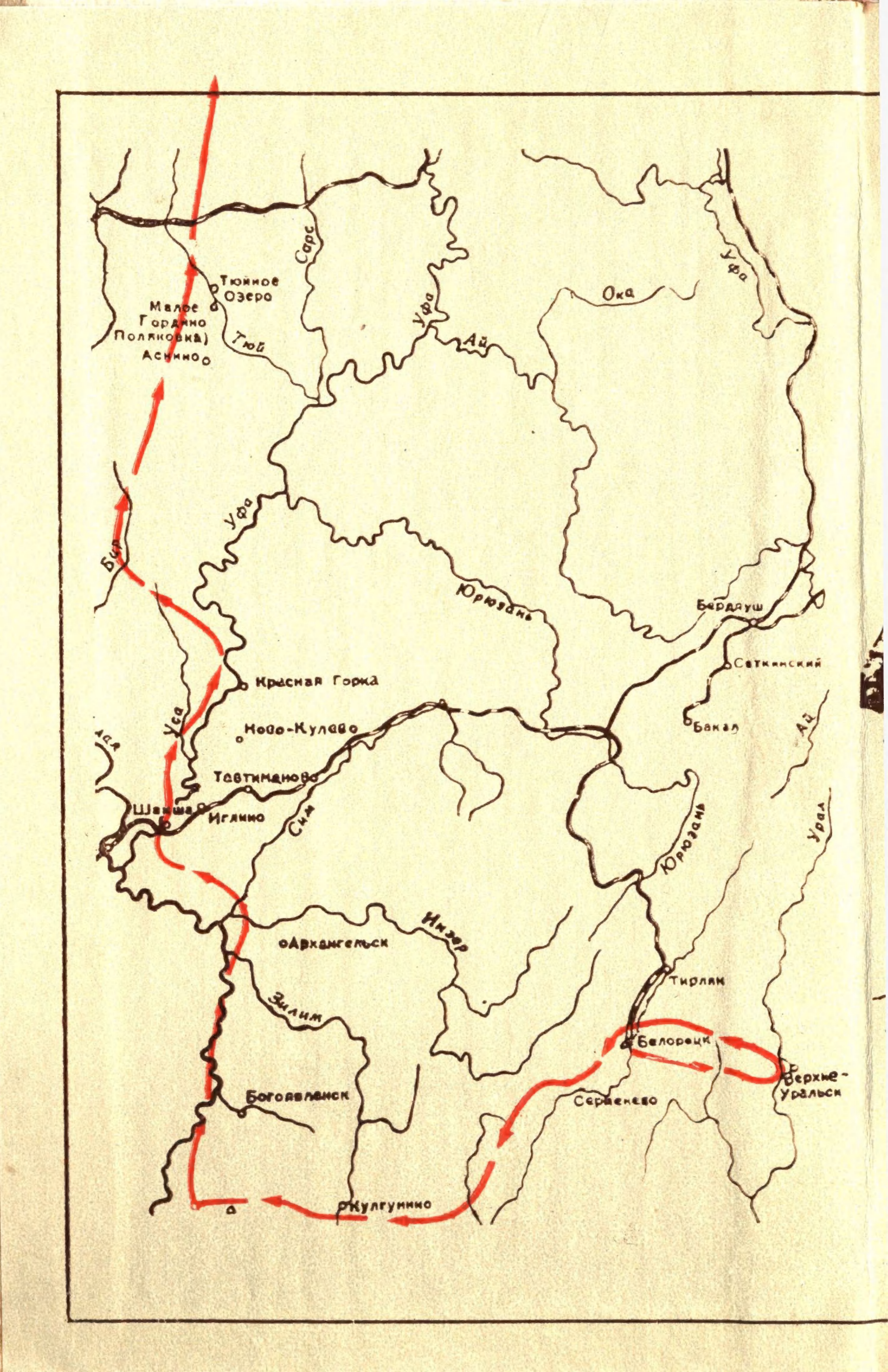
И. ПЛОТНИКОВ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ УРАЛЬСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ БЛЮХЕРА

Сарс
Тюйное Озеро
Малое Гордино Поляковка)
Асмино
Тюй
Уфа
Ай
Ока
Уфа
Уфа
Бир
Юрюзань
Бердяуш
Саткинский
Красная Горка
Ново-Кулево
Бакал
Уса
Ай
Тавтиманово
Шакша
Иглино
Сим
Юрюзань
Урал
Инзер
Архангельск
Тирлян
Зилим
Белорецк
Верхне-Уральск
Богоявленск
Серменево
Кулгунино

В. К. БЛЮХЕР

И. ПЛОТНИКОВ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ УРАЛЬСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ БЛЮХЕРА

Уфа
Башкирское книжное
издательство
1986

63.3(2)712
П 39

Рецензент
кандидат исторических наук
В. Дайнес

П $\frac{1304010000 - 91}{М\ 121\ (03)-86}$ 6—86 63. 3 (2) 712

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга посвящена одному из наиболее выдающихся событий гражданской войны на Урале, да и в стране в целом, — легендарному рейду уральских красноармейцев, красногвардейцев и партизан по тылам врага во главе с виднейшим героем гражданской войны, в дальнейшем выдающимся советским полководцем В. К. Блюхером. Заговорили о «блюхеровцах». Слово «блюхеровцы», относившееся к участникам героического рейда на Урале, перешло затем к бойцам и командирам 30-й стрелковой дивизии, костяк которой составили партизаны. Оно было равнозначным словам «чапаевцы», «буденновцы», произносилось красноармейцами, воевавшими под началом В. К .Блюхера, с величайшей гордостью и вызывало неподдельное почтительное отношение у их братьев по оружию из других частей и соединений.

Партия неукоснительно требует от историков, писателей освещения славного исторического прошлого Советской страны. В частности, июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость создания книг «о героическом пути, пройденном нашей партией и народом» [1]. В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, указывается на исключительно большое значение разгрома интервентов и белогвардейцев: «открывшиеся перспективы строительства новой жизни вызвали мощный прилив сил и революционной энергии трудящихся» [2]. Освещение рейда Блюхера, очевидно, вполне соответствует требованиям партии, задачам пропаганды исторических достижений нашего народа.

Рейд Блюхера — это действительно легенда, составная часть того исторического пути, который был пройден Коммунистической партией и советским народом.

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г., М., 1983, с. 42.

[2] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 125.

Опыт «Рейда Блюхера» интересен не только с чисто познавательной, но и со специальной военной точки зрения. Он учит партизанским методам борьбы, действию крупных войсковых соединений в глубоком тылу врага. Его широко использовали советские партизаны и участники антифашистского сопротивления стран Европы в дни второй мировой войны. Этот опыт применялся в Китае Народно-революционной армией в 1925—1927 гг., совершившей «Восточный» и «Северный» походы. Знаменательно, что планы этих походов были разработаны прежде всего усилиями группы военных советников при правительстве Сунь Ятсена во главе с В. К. Блюхером («генерал Галин»). В свою очередь и опыт Народно-революционной армии был широко использован в 1934—1936 гг. Красной Армией Китая, руководимой коммунистами. Ее части, пройдя с боями огромное расстояние, перебазировались с юга на север страны, где вблизи от советских границ несравненно благоприятней были обстановка и возможности для боевых действий.

История рейда Блюхера давно привлекает внимание исследователей, а также публицистов, писателей. Тема нашла отражение во многих воспоминаниях. К настоящему времени сложилась достаточно обширная историография, на которой нельзя не остановиться. Наблюдается поэтапное усиление внимания к теме, если не иметь в виду конец 30-х — 40-е годы, когда имя В. К. Блюхера и его сподвижников, партизанский рейд вообще, были временно преданы забвению.

В современный период сделаны некоторые шаги по обобщению исторической литературы по теме, правда, не специально, а в связи с проблемами гражданской войны вообще или большевистским подпольем и партизанским движением в частности [1]. Историографы называют ряд опубликованных работ, дают им краткую характеристику, отмечают отдельные недостатки, определяют основные задачи исследования темы на последующее время. Однако специальной историографической работы по теме не имеется до сего времени, хотя необходимость в этом давно на-

[1] *Васьковский О. А.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе. — В кн.: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Учен. зап. Уральского ун-та, № 78, серия историческая. Свердловск, 1967, вып. 11; *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции. М., 1972; *Плотников И. Ф.* Основные итоги и задачи дальнейшего изучения истории большевистского подполья и партизанского движения на Урале в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1919 гг.) — В кн.: Гражданская война на Урале. Тезисы межвузовской региональной конференции. Челябинск, 1983.

зрела. Вот почему мы считаем возможным дать краткий историографический обзор литературы по теме и намерены это сделать по трем периодам: 1 — со времени гражданской войны до второй половины 30-х годов; 2 — со второй половины 30-х годов до конца 50-х годов; 3 — с конца 50-х годов до настоящего времени. Данная периодизация становится ныне доминирующей, и мы ее разделяем.

В первый период специальных собственно исторических произведений по теме создано не было. В 1924 г. была опубликована книга М. Д. Голубых «Уральские партизаны»[1]. Заслуга автора — участника похода уральских партизан заключается прежде всего в том, что он привлек внимание к этому крупнейшему событию гражданской войны на Урале, осветил общий ход рейда, попытался раскрыть характер боевых операций и сражений партизан и дать им оценку. В целом же публикация М. Д. Голубых, который базировался главным образом на собственных впечатлениях и устных воспоминаниях отдельных участников, практически не обращался к документам, носит литературно-очерковый характер, страдает многочисленными и крупными фактическими ошибками, совершенно не согласующимися с документальными данными, субъективизмом, преувеличением своей роли в рейде. М. Д. Голубых не сумел правильно оценить роль В. К. Блюхера, преуменьшив ее, считая избрание его на пост главнокомандующего партизанской армией случайным, противопоставил ему в определенной мере И. Д. Каширина, явно преувеличив роль последнего. «Главкома Ивана Каширина, — писал М. Д. Голубых, — считали необходимым заменить Блюхером главным образом потому, что не было подходящего человека, которого можно было бы поставить во главе Верхнеуральского отряда, которым до того времени командовал бежавший к белогвардейцам Енборисов»[2]. На самом же деле, как мы в дальнейшем покажем обстоятельней, после ранения главкома Н. Д. Каширина командиры на своем совещании высказались за избрание на эту должность В. К. Блюхера, но он отклонил предложение в связи с его несогласием с походом к Верхнеуральску, в казачьи районы. Временное командование войсками взял на себя И. Д. Каширин, брат Николая Каширина. На последующем совещании комсостава, в Белорецке, речь шла о сохранении поста главкома за раненым Н. Д. Кашириным или избрании В. К. Блюхера. Н. Каширин решительно выска-

---

[1] *Голубых М.* Уральские партизаны. Поход отрядов Блюхера—Каширина в 1918 г. Екатеринбург, 1924.

[2] Там же, с. 67.

зался за избрание Блюхера в связи с ошибочностью ранее предложенного им плана действий, правильностью предложений Блюхера и своим тяжелым ранением. Это предложение и было поддержано. Избрание В. К. Блюхера главкомом было единственно правильным решением. Что же касается И. Д. Каширина, то из-за массового предательства среди его выдвиженцев — командиров и штабных работников Верхнеуральского отряда, крайне тяжелого положения, в котором оказался этот отряд, он сам с пониманием сути дела ставил вопрос о том, сможет ли он командовать и отдельным отрядом.

В последующие годы издают художественные произведения другого участника событий — И. П. Маркелова (литературный псевдоним — Недолин), в частности «Рейд Блюхера» [1]. В книге даются в целом достоверные описания событий, яркие и меткие литературные портреты виднейших партизанских военачальников. Отдельные воспоминания участников партизанского рейда помещены в сборниках «Гражданская война в Башкирии» и «За Советы» [2]. Наиболее обстоятельными и значительными являются воспоминания А. Лахмостова, Обухова и А. В. Пирожникова об истории Белорецкого полка, а также Н. Михеева и М. Халидова о действиях богоявленских и верхнеуральских партизан. Об истории формирования Богоявленского полка рассказывается в одном из наиболее ранних воспоминаний М. Баландина [3].

Следовательно, для первого периода историографии были характерны лишь упоминания о рейде В. К. Блюхера в отдельных исторических изданиях и отсутствие специальных исследовательских работ. Тема получила освещение в основном лишь в воспоминаниях отдельных участников. В это время шло становление советской исторической школы, овладение исследователями ленинской концепцией гражданской войны, конкретно-историческим материалом. Постепенно повышался научно-теоретический уровень публикаций. Но тема пока что ждала своего историка-исследователя.

Во второй период исследователи приступили к основательному изучению и освещению рассматриваемой нами

---

[1] *Недолин И.* Рейд Блюхера. Уфа, 1932. Через два года автор опубликовал книгу «Перевал». И та и другая публикации являются очерками, во многом повторяющимися.

[2] Гражданская война в Башкирии. Воспоминания участников. Уфа, 1932; За Советы (странички из гражданской войны в Башкирии). Уфа, 1936.

[3] *Баландин М.* Воспоминания уральского партизана (1918 г.) — Пролетарская революция, 1926, № 8.

темы, однако это происходит уже в конце периода, во второй половине 50-х годов [1]. Большим событием явилось издание 3-го тома «Истории гражданской войны в СССР» [2], на страницах которого есть строки об уральском рейде, приводятся славные имена партизанских командиров, воздается им должное. Выходят в свет книги П. С. Лучевникова, А. А. Спасского о гражданской войне на Южном Урале и истории 3-й армии Восточного фронта [3]. Каждый из этих авторов посвящает рейду Блюхера десятки страниц, обращаясь не только к воспоминаниям, но и документальным источникам. Авторы задаются целью проследить за процессом формирования партизанского соединения, выявить его количественный, социальный и национальный состав, роль отдельных отрядов и полков, армии в целом в ослаблении сил интервентов и белогвардейцев и оказании помощи Красной Армии. Сделана попытка выяснить роль коммунистов, командного состава в сплочении и воспитании личного состава. Однако в связи с тем, что авторами в основу были положены преимущественно воспоминания, данная ими картина далеко не всегда соответствует действительности. В частности, в книге П. С. Лучевникова искажаются события в Белорецке по прибытии туда Верхнеуральского и Троицкого отрядов, характер взаимоотношений между местным Военно-Революционным комитетом, с одной стороны, и главным штабом партизан, с другой, причины гибели П. В. Точисского, не указывается на то, что партизанский рейд начался под Оренбургом. Значительные неточности допускаются при выявлении состава партизанской армии, численности ее и отдельных отрядов и частей, освещаются преимущественно боевые действия Верхне-Уральского отряда, а подчас только его. В связи с этим создается искаженная картина сражений, в частности, почти совершенно замалчивается значение Уральского отряда, игравшего выдающуюся роль на всем этапе рейда [4].

Несмотря на определенные недостатки этих работ нельзя не отметить заслуг их авторов, внесших существенный

---

[1] Относительно более ранних годов следует назвать лишь брошюру: Тридцатая. Краткий очерк истории 30-й Иркутской Краснознаменной ордена Ленина имени Верховного Совета РСФСР стрелковой дивизии. Изд. политотдела дивизии, 1941, в которой о партизанском рейде в сущности лишь упоминается.

[2] История гражданской войны в СССР. М., 1957, т. 3.

[3] *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг. Челябинск, 1958; *Спасский А.* Третья армия. Пермь, 1958.

[4] См.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 59—69.

вклад в освещение уральского партизанского рейда. Благодаря им изучение и освещение темы впервые было поставлено на рельсы широкого исторического исследования. В сущности их труды стали отправными для других авторов в последующей работе над темой.

Значительным событием в историографии, точнее — мемуаристике тех лет, явилось издание сборника воспоминаний «На Южном Урале» [1]. В сборнике, посвященном практически целиком партизанскому рейду уральцев, впервые помещены сокращенные воспоминания В. К. Блюхера (через год появился более полный их вариант [2], а через пять — полный, без сокращений) [3], а также М. В. Калмыкова, В. С. Русяева, В. Д. Ковшова, Е. А. Михеева, К. З. Жеребова, П. С. Волкова, М. Э. Шойхет и других активных участников. Особое значение имеет публикация воспоминаний Блюхера, Калмыкова и Русяева, в которых приводятся неизвестные ранее факты, описываются процесс формирования партизанской армии, выработка плана действий главного штаба, крупнейшие сражения, дается их оценка. Большое значение имеют глубокие оценки политического положения в целом на Южном Урале летом 1918 г., в его казачьих, национальных башкирских районах и др. Весьма значительны по уровню обобщений и охвату событий воспоминания В. С. Русяева, который в большой степени опирался на документы.

Но даже и этим воспоминаниям свойственны определенные недочеты, которых нельзя не коснуться в связи с тем, что они не учитываются многими историками, публицистами. В частности, авторы до сих пор некритически используют следующее высказывание В. К. Блюхера о положении под Верхнеуральском: «По приблизительным подсчетам нашей войсковой разведки было установлено, что перед нами действуют около 25 тысяч белогвардейцев» [4]. Эти данные, как мы покажем, являются сильно преувеличенными. У В. С. Русяева, который старался обработать, обобщить разнообразные материалы, содержится много беллетризированных эпизодов с хронологическими смещениями, неточностями. Рядом авторов они в том же виде, как есть у Русяева, вводятся в научный оборот, что приводит к искажению исторических событий. Следует упомянуть, что в одном из мемуарных сборников были помеще-

---

[1] На Южном Урале. Воспоминания участников гражданской войны. М., 1958.

[2] См.: Легендарный рейд. Сб. воспоминаний о походе южноуральских партизан под командованием В. К. Блюхера. М., 1959.

[3] *Блюхер В. К.* Статьи и речи. М., 1963.

[4] Легендарный рейд, с. 23.

ны воспоминания еще одного видного участника рейда — С. П. Галунова, повествующего о действиях верхнеуральской конницы [1], а в другом, еще более раннем сборнике, появились воспоминания А.Е. Шевкопляса о Баймакском отряде, вошедшем в партизанское соединение [2].

Во второй период историографии, в конце его, как мы видим, появляется ряд публикаций, в том числе авторов-историков, имеющих большие достоинства. Они свидетельствуют о существенном шаге в развитии историографии темы. В тот период был заложен фундамент для ее углубленной, более обстоятельной разработки в последующем.

Третий, современный, период историографии стал неизмеримо плодотворней, чем оба предшествующих периода вместе взятые. Более широкие возможности изучения документов, которые стали в больших масштабах публиковаться, профессиональный рост историков — эти и другие факторы благотворно сказались на изучении темы, обусловили резкий количественный и качественный рост литературы по ней. Центральное место в разработке темы заняли книги, в полной или в значительной мере посвященные уральскому партизанскому рейду. Расширяется проблематика изучения темы. Больше уделяется внимания социально-экономическим вопросам. Завершилось издание многотомной «Истории гражданской войны в СССР», вышла в свет вторая часть 3-го тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» [3]. Практически систематически стали приводиться сведения о рейде армии В. К. Блюхера в общих работах по гражданской войне [4]. Они получили отражение в энциклопедии по гражданской войне [5]. Более обстоятельно, чем прежде, тема отражается в появившихся впервые монографиях по гражданской войне на Урале в целом [6], в Башкирии [7]. Тема отражается в повсеместно

---

[1] В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов — участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957.

[2] См.: Гражданская война в Оренбургском крае. Оренбург, 1939.

[3] История гражданской войны в СССР. М., 1959, т. 4; 1960, т. 5; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968, т. 3, кн. 2.

[4] Гражданская война в СССР в двух томах. М., 1980, т. 1 и др.

[5] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983, с. 618—619, 685.

[6] Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959; *Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л., Плотников И. Ф., Скробов В. С.* Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

[7] *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966.

издающихся общеуральских и республиканских, областных и городских исторических очерках.

Наиболее же примечательной чертой современного периода является появление книг, специально посвященных рейду Уральской партизанской армии. В 1967 г. вышла в свет наша работа «Десять тысяч героев»[1], в которой мы попытались, опираясь на разнообразные источники, главным образом документы, которые в подавляющей части не были ранее опубликованы, осветить партизанский рейд во всех его основных аспектах. Центральное место мы, естественно, уделяли боевым действиям, героическим подвигам бойцов и командиров. Но вместе с тем мы старались проследить за истоками этих подвигов, роли партийных организаций, коммунистов городов и других населенных пунктов в местах формирования, на пути следования и в составе самого партизанского соединения. В дальнейшем выходит еще несколько брошюр и публицистических очерков о рейде, а именно книга З. Ш. Янгузова и Л. Г. Юдкевича «Сквозь огненное кольцо»[2] и брошюры А. В. Апрелкова «Под боевым знаменем»[3] и В. В. Душенькина «Уральский рейд[4]. Выход этих работ говорит об исключительной популярности и назревшей потребности в исторической литературе о рейде Блюхера. Как и мы, авторы шире стали опираться на документальные источники. Особенно это характерно для работы В. В. Душенькина, который прежде целый ряд лет изучал биографию В. К. Блюхера. Характерно то, что он внес ряд исправлений в свои ранее сделанные публикации, в частности, пересмотрел критиковавшуюся нами трактовку хода сражения за Самаро-Златоустовскую железную дорогу, которое было одним из труднейших и решающих и ранее освещалось как скоротечное и легкое.

Много интересных эпизодов, новых деталей приводится в книге З. Ш. Янгузова и Л. Г. Юдкевича. В частности, в ней ярко отображается массовый патриотизм трудящихся, в том числе и среди казачьего населения Верхнеуральского уезда. Выявлены и называются многие трудовые семьи, вступавшие в революционные отряды почти в полном составе. Авторы останавливаются на ряде ярких боевых эпизодов, имевших место в ряде сражений, описывают подвиги коммунистов и беспартийных. Заслугой авторов является и то, что они затрагивают вопросы о взаимоотноше-

---

[1] *Плотников И. Ф.* Десять тысяч героев. Легендарный рейд уральских партизан во главе с В. К. Блюхером. М., 1967.

[2] *Янгузов З., Юдкевич Л.* Сквозь огненное кольцо. Казань, 1968.

[3] *Апрелков А. В.* Под боевым знаменем. Челябинск, 1965.

[4] *Душенькин В. В.* Уральский рейд. М., 1973.

ниях партизан и населения, системе снабжения отрядов, их численности, соотношении сил блюхеровцев и вражеских войск и др.

Но в связи с этим вновь отметим, что в книге допущены и неточности. Авторы заметно преуменьшают численность партизанского соединения, полагая, что в нем было менее 9 тыс. бойцов и командиров, и резко преувеличивают силы врага, говоря о том, что в районе Верхнеуральска в его рядах насчитывалось 25 тыс. штыков и сабель, в том числе до 7 тыс. белочехов[1]. Авторы руководствовались не документами, в частности боевым расписанием войск, а отдельными непроверенными данными воспоминаний. Они не показали полного состава отдельных отрядов и армии партизан в целом. О 1-м Уральском стрелковом полке, сформированном в первые месяцы 1918 г. в Екатеринбурге, говорится, что он будто бы был создан на базе 108 пехотного полка царской армии, что не соответствует действительности, что в него вошли рабочие Перми, Нижнего Тагила, Челябинска, Киева, Ржевского завода[2]. Но здесь от большинства названных пунктов добровольцев не поступало. Последних двух на Урале вообще не существовало. Авторы оказываются не в состоянии выяснить состав Троицкого отряда, особенно 17-го Уральского полка, который упорно именуется «Сибирским», полагая, что батальон интернационалистов и коммунистическая рота («Отдельная коммунистическая рота») существовали вне указанного полка[3]. Определенную досаду вызывают частные, фактические ошибки. Так, Н. Д. и И. Д. Каширины именуются — «впоследствии командармами 1-го и 2-го рангов»[4] (они—соответственно таких высоких званий не имели), искажаются имена или фамилии Н. К. Шкаева, И. П. Козлова, П. И. Шнекова, В. Г. Данберга и ряда других. Совершенно неясно: откуда взяты авторами данные о том, будто партизанскую армию в районе Белорецка «блокировали и окружили крупные силы 30-й Оренбургской дивизии генерала Калинина[5]». Речь может идти о 2-й и 3-й Оренбургских дивизиях, которыми соответственно командовали генералы Шишкин и Ончоков (в Оренбургском казачьем войске с рассматриваемое время было всего лишь несколько дивизий и их количество никогда не достигало 30).

---

[1] *Янгузов З., Юдкевич Л.* Сквозь огненное кольцо, с. 21, 44, 63.
[2] Там же, с. 23—25.
[3] Там же, с. 34—35, 123.
[4] Там же, с. 4.
[5] Там же, с. 46.

Мы вынуждены остановиться на ряде разноплановых недостатков рассматриваемой книги[1] затем, чтобы подчеркнуть, что и ныне никоим образом не снимается задача исследования и раскрытия темы и чтобы подчеркнуть, насколько необходимо каждому автору чаще опираться хотя бы на те документы, которые в значительной мере опубликованы в археографических изданиях или введены в научный оборот другими исследователями.

Вопросы рейда уральских партизан по тылам врага нашли отражение и в целом ряде других исторических публикаций, которые посвящены различным историческим темам и в персоналиях о В. К. Блюхере и других важнейших участниках событий[2]. Авторы этих работ, не ставящие задачей специальную разработку данной темы, освещают ее, наряду с другими, основными, опираясь на имеющиеся уже публикации. Рейд В. К. Блюхера в этих трудах показывается как один из важных этапов истории гражданской войны на Урале, в деятельности В. К. Блюхера и других видных полководцев и военачальников. Продолжали освещать тему после выхода в свет «Десяти тысяч героев» и мы[3].

Выходит в свет несколько литературно-очерковых и художественных произведений, в полной или в значительной мере посвященных рейду Блюхера, — Д. Г. Алексеева, Ф. А. Гарина, Н. Д. Кондратьева, В. А. Плющева, П. П. Попова, Ю. А. Буранова и И. М. Шакинко, А. А. Ушакова,

---

[1] Хотим оговориться, что мы специально остановимся в книге лишь на отдельных недостатках и ошибках наших коллег. Что касается остальных, то они могут быть выявлены посредством сопоставлений трактовок вопросов и апробации их источниками, которые мы приводим и на которые ссылаемся.

[2] *Душенькин В.* От солдата до маршала. М., 1964; *Он же.* Пролетарский маршал (о В. К. Блюхере). М., 1974; *Лисовский Н. К.* Разгром дутовщины (1917—1919). М., 1964; *Он же.* П. В. Точисский — один из организаторов первых марксистских кружков в России. Челябинск, 1973; *Саяпов Т. Ш.* Ленинский комсомол Башкирии. Уфа, 1967; *Скробов В. С.* Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г. — 1920 г.). Свердловск, 1971; *Павлов Я. С.* Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев (Руководство РКП(б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Минск, 1983.

[3] *Плотников И. Ф.* В тылу врага. Большевистское подполье Уфимской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1919). Уфа, 1971; *Он же.* В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918—1919). Свердловск, 1978; *Он же.* Революционная борьба трудящихся Урала в тылу интервентов и белогвардейцев (1918—1919). Свердловск, 1980 (См. также соответствующий раздел упоминавшейся коллективной монографии: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале).

Е. А. Федорова и др.[1]. Из публикаций этих авторов особо отметим работы Д. Г. Алексеева, много лет посвятившего изучению жизни и деятельности В. К. Блюхера, истории руководимого им партизанского рейда и 30-й стрелковой дивизии. Его книги в целом достоверны, так как в основу их положены документальные материалы и проверявшиеся на этой основе воспоминания. То же можно сказать о большинстве других авторов-публицистов, популяризирующих военно-политическую деятельность В. К. Блюхера, героические подвиги уральских партизан. Это же можно сказать и о романе Е. А. Федорова «Вдоль голубых Уральских гор», не лишенном, правда, недостатков, но не искажающем общего процесса и характера партизанской эпопеи. Что же касается романа Ф. Гарина «Василий Блюхер», то он, по нашему мнению и всеобщему признанию историков и участников рейда, неудачен, написан без знания подлинных событий, личности Блюхера, других командиров, наполнен домыслами о персонажах — исторических личностях, исторических явлениях[2]. Можно с сожалением констатировать, что грандиозная уральская партизанская эпопея и жизнь и деятельность Блюхера ждут еще своего талантливого писателя, а также внимания пытливых кинематографистов. Специально ставившаяся правительством перед лучшими советскими писателями в 30-х годах задача художественного освещения партизанского рейда В. К. Блюхера по-настоящему до сего времени не решена[3].

---

[1] *Федоров Е.* Вдоль голубых Уральских гор. Роман. Свердловск, 1959; *Гарин Ф.* Василий Блюхер. Исторический роман. М., 1963, т. 1; М., 1964, т. 2; *Кондратьев Н.* Маршал Блюхер. М., 1965; *Алексеев Д.* Один год из жизни Блюхера. Документальная повесть. Челябинск, 1965; *Алексеев Д., Голубых М., Калмыков В.* Главком Красноусольский, комбриг Чонгарский. Уфа, 1971; *Алексеев Д.* Уральская жемчужина. Свердловск, 1976; *Плющев В. А.* Николай Томин (1887—1924). М., 1966; *Попов П., Буранов Ю., Шакинко И.* По приказу революции. Свердловск, 1966; *Ушаков А. А.* Усолка остается Красной. Очерк истории Красноусольского стекольного завода. Уфа, 1975.

[2] Подробнее см. нашу рецензию: *Плотников И. Ф.* О фактических ошибках в романе Ф. Гарина «Василий Блюхер». — Военно-исторический журнал, 1964, № 10.

[3] В 30-е годы группой видных писателей была начата работа по сбору материалов, но прервалась... Мы хотели бы обратить на рассматриваемую тему внимание представителей художественной интеллигенции. К настоящему времени накоплен и опубликован большой документальный материал, исследователями даны указания на хранящиеся данные, в том числе воспоминания в архивах, музеях страны. Это с одной стороны, с другой, как показывает жизнь, по прошествии лет часть исторических материалов безвозвратно утрачивается. Уходят из жизни и последние участники событий. Выяснение многих вопросов, особенно личностного характера, частных, в деталях, столь необходимых для создания большого и тонкого литературного, художественного, кинематографического полотна, из года в год будет все более затруднительным.

Говоря о достижениях современного периода историографии, следует сказать о появлении новых сборников воспоминаний: «Легендарный рейд», «В боях и походах», «За власть Советов»[1]. В них были помещены полностью или частично уже публиковавшиеся ранее воспоминания В. К. Блюхера, И. И. Волкова, С. П. Галунова, М. Д. Голубых, М. В. Калмыкова, В. Д. Ковшова, И. П. Недолина (Маркелова), В. С. Русяева и А. Е. Шевкопляса, а также Л. В. Барышева, А. Б. Вдовина, Н. Ф. Грозенка, М. П. Дублистова, В. А. Зубова, И. Д. Каширина, И. П. Козлова, В. А. Константинова, С. И. Ловчикова, Г. И. Пивоварова и Ф. Н. Сызранкина. Сызранкиным позднее были опубликованы обширные воспоминания, включающие в себя его участие в рейде Блюхера отдельным изданием[2].

Как видно из одного лишь перечня авторов воспоминаний, их было опубликовано больше, чем на протяжении всех предыдущих десятилетий. Следует отметить, что воспоминания отбирались и готовились к печати более тщательно. Им предпосланы краткие биографические справки. Читатель получил возможность более обстоятельно познакомиться с рейдом, фактами личного участия в нем многих партизан. В распоряжении исследователей, краеведов, публицистов оказались обширные и доступные дополнительные материалы для их использования в работе. Разумеется, эти богатые, интересные материалы, в силу специфики воспоминаний как литературного жанра и вида исторического источника, требуют к себе критического отношения. Память человеческая нередко подводит. Бывают случаи, когда вольно или невольно в воспоминания отдельных участников проникают явные искажения, их авторы приписывают себе действия, заслуги, которые принадлежат другим. Так, в воспоминаниях М. Д. Голубых рассказывается, что автор создал саперную команду при Главном штабе, был ее начальником, руководил ее действиями, в частности сооружением мостов через реки Сим и Уфу и т. д. Как один из адъютантов штаба вместе с Н. В. Барановым, Я. М. Суворовым он участвовал в контроле за действиями команды, оказании помощи ей. Но, как будет на основе документов и других воспоминаний нами показано, начальником команды был коммунист Смолин, имевший специ-

---

[1] Легендарный рейд. Сб. воспоминаний. О походе южноуральских партизан под командованием В. К. Блюхера. М., 1959; В боях и походах. Воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959; За власть Советов. Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961.

[2] *Сызранкин Ф.* Рабочие — солдаты революции. М., 1973.

альное техническое образование, большой умелец, отличный организатор и мужественный человек, ставший в дальнейшем комиссаром 1-го Уральского стрелкового полка. Имя и дела Смолина, кроме как в нашей книге «Десять тысяч героев», вышедшей уже почти двадцать лет назад, до сих пор в литературе, к сожалению, не упоминаются. Поскольку М. Д. Голубых еще в 1924 г. кратко, а в 1959 г. подробно, «в лицах», без упоминания имени Смолина написал о создании команды и руководстве ею, строительными работами, это вошло в литературу, не искореняется поныне и, так сказать, приобрело «права гражданства». И подобные случаи в историографии не единичны. Это обстоятельство нами, исследователями, должно постоянно учитываться.

Как видно из сказанного, с конца 50-х годов по настоящее время по истории рейда уральских партизан создана значительная в количественном и качественном отношении литература. Если подводить итоги развития историографии по проблеме, то можно отметить, что она от периода к периоду, но преимущественно со второй половины 50-х годов, была нарастающей, процесс развивался и вширь, и вглубь. Ныне крен сделан на выявление, изучение и обобщение документов. Расширилась проблематика. Тема стала раскрываться всесторонне, глубже. Из исторических работ постепенно, одна за другой, изживаются фактические и иные ошибки.

Вместе с тем тема еще далеко не исчерпана, не решены на необходимом уровне многие ее важные вопросы. В публикациях до настоящего времени речь идет все же преимущественно о боевых действиях соединения, его отрядов и частей. В них мало что говорится о проведении в партизанской армии политической, дисциплинарно-судебной работы среди бойцов, об организации снабжения многотысячной армии и огромной массы беженцев продовольствием, одеждой, о медицинском обслуживании и т. д. Мало что сказано о конкретной политико-воспитательной работе коммунистов, партизан среди местного, в том числе башкиро-татарского населения. Не освещается в должной мере процесс реорганизации отрядов, их структура, состав и реальная численность. И то немногое, что имеется, часто нуждается в пересмотре на основе документов. Редко затрагиваются вопросы разработки тактики партизанской борьбы, подготовки планов боевых операций, организации работы штабов, специальных служб и команд и т. д. Одним словом, в литературе рейд уральских партизан освещается в значительной степени односторонне. Авторами не отмечаются негативные явления: проявления мародерства,

недисциплинированности отдельных бойцов и даже командиров, аморальные явления, которые имели место, особенно на первых порах, и преодолевались в результате систематической, умело поставленной, глубоко продуманной работы. Одним словом, на боевом пути партизанской армии постоянно встречались трудности самого различного, не только военного характера. Игнорировать эти вопросы — значит, вольно или невольно идеализировать, лакировать действительность, принижать значение огромной военно-политической работы, проводившейся среди партизан коммунистами и командным составом.

Крупнейшим недостатком исторических, публицистических работ и тем более — литературно-художественных очерков, романов является то, что авторами обычно не раскрываются дислокация и действия частей противника, замыслы белогвардейских штабов, их оперативные планы и т. д. с привлечением подлинных архивных документов. Все отмеченные нами и другие упущения авторов не позволили пока что создать развернутого и во всех отношениях достоверного исторического исследования.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением — теорией и методологией советских исследователей, автор использовал в работе разнообразные и обширные источники.

Важнейшим из источников были труды В. И. Ленина, в которых, во-первых, имеются многочисленные данные, оценки по истории гражданской войны, в том числе на Востоке страны, во-вторых, дана разработка вопроса о партизанском движении. Ленинские произведения — это и источник, и историография. В. И. Ленин был первым историографом гражданской войны. Но поскольку по такой узкой теме, которая является предметом рассмотрения в данной книге, В. И. Лениным трудов не создано, вообще не встречается и зафиксированных в каких-либо работах высказываний на этот счет, автор ограничивается обращением к его произведениям как источнику.

В. И. Ленин в десятках произведений рассматривал положение на Восточном фронте, на Урале. В своих обобщениях он основывался на разносторонней, полной и точной информации, получаемой с фронта и из тыла противника. Его книги, статьи, проекты решений партии, речи, письма и телеграммы периода гражданской войны — важнейшие документы эпохи. В частности, многое для понимания временных неудач Советской республики в гражданской войне и достижения последующих побед в стране в целом и на Урале в том числе дает статья В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», напи-

санная в декабре 1919 г.[1]. Статистические данные, выводы, содержащиеся в этой работе, позволяют правильно определить выдающуюся роль сравнительно немногочисленного отряда рабочего класса на Урале в период гражданской войны, понять сложность его задачи завоевания на свою сторону широких трудящихся крестьянских масс. Важные данные содержатся в трудах В. И. Ленина, написанных им летом и осенью 1918 г., в частности «Речь на митинге в Лефортовском районе 19 июля 1918 г.», «Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г.», «Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!»[2]

С точки зрения разработки В. И. Лениным вопроса о партизанском движении важны труды, созданные еще задолго до победы Октябрьской революции, в последующие годы и в период гражданской войны. В их числе статьи «Политическая стачка и уличная борьба в Москве», «Партизанская война», «К вопросу о партизанской войне», «Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики от 3 апреля 1919 г.», «Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт», «Все на борьбу с Деникиным», «Доклад на II съезде коммунистических организаций народов востока 22 ноября 1919 г.»[3].

Чрезвычайно важно указание В. И. Ленина, что партизанские действия, партизанское движение являются глубоко народной формой борьбы, военными действиями вместе с народом[4]. На основе опыта гражданской войны В. И. Ленин поднимал вопрос о партизанском движении, придавал ему, как одной из форм революционной, освободительной борьбы важное значение, указывал на необходимость изживания из него стихийных, негативных явлений. Чрезвычайно важное значение имеют установки Ленина на ведение революционной войны, действия по-революционному.

При создании книги использовался такой важный источник, как документы Коммунистической партии и Советского правительства, решения и материалы VII, VIII, XXVII и других съездов, конференций, Пленумов ЦК партии, в том числе июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. В них, как и в трудах В. И. Ленина, изложены многие важнейшие во-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 1—24.
[2] См: Там же, т. 36—37.
[3] Там же, т. 11, 14, 38—39.
[4] Там же, т. 11, с. 268.

просы революционной теории. Автор обращался к произведениям выдающихся деятелей партии и Советского государства — М. В. Фрунзе, Я. М. Свердлова и др. Источником, давшим основную часть материала для книги, явились разнообразные документальные материалы по теме. Часть документов опубликована в археографических сборниках. Среди них имеются такие, которые связаны с именем В. И. Ленина. В одном из таких сборников было опубликовано приветствие воинов Троицкого отряда В. И. Ленину [1]. Важное значение имеет Донесение Уральского областного комитета РКП(б) В. И. Ленину о рейде партизанского соединения В. К. Блюхера, опубликованное в сборнике «Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» [2]. Наибольшая пока что группа документов включена в называвшийся уже сборник «Легендарный рейд» в связи с помещенными в нем воспоминаниями. В сборнике содержится такой важный документ как текст приветствия партизанского главкома от имени всех партизанских войск, направленный 14 сентября 1918 г. в Совнарком, а также в Уралобком РКП(б), командующим армиями и «всем, всем». Исключительную ценность имеет ряд приказов партизанских главкомов (Н. Д. Каширина и В. К. Блюхера), протокол общего собрания делегатов отрядов от 16 июля 1918 г., сводки и другие документы [3]. Часть этих же и других документов, а также материалы из газет помещены в сборнике «Гражданская война на Южном Урале» [4]. На основании документов и материалов сборника прослеживаются некоторые важные этапы действий соединения в целом, отдельных его отрядов, обстоятельства вступления партизан по выходе из-за линии фронта в прямой контакт с частями 3-й армии. Но существенным недостатком рассматриваемых археографических изданий является то, что в них нет легенд, мало примечаний, что затрудняет использование документов [5]. Имеются и допу-

---

[1] См.: Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940, т. 1, с. 375.

[2] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 годы). Документы и материалы. М., 1962, с. 115—116.

[3] См.: Легендарный рейд, с. 150—190.

[4] См.: Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919. Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962, с. 124—157.

[5] Отдельные примечания составителей несостоятельны, свидетельствуют о слабом знании ими исторических фактов. Например, в сб. Гражданская война на Южном Урале (с. 136) в документе фамилия Туманов произвольно исправлена на — Томин. В числе видных партизанских командиров был И. Ф. Туманов, прежде командовавший группой войск в районе Златоуста и хорошо известный на Урале, в том числе и в 3-й армии Восточного фронта.

щенные при копировании искажения и ошибки в тексте. В качестве примера можно указать на документы № 1 и № 9 в сборнике «Легендарный рейд». Не всегда документы правильно датируются. Так, в сборнике «Гражданская война на Южном Урале» документ № 85 датируется 1-м августа 1918 г., а он относится к 13 августа.

Автор обращался и к другим документальным сборникам, но главным образом в связи с привлечением данных о социально-экономическом положении Урала, деятельности большевистских подпольных организаций и т. д.

Подавляющая часть документов и материалов, непосредственно использованных и учтенных автором, выявлена в центральных и местных архивах. Большая часть их извлечена из фондов Центрального Государственного архива Советской Армии — ЦГАСА (фонды: 4, 10, 11, 35, 106, 176, 1293, 1346, 1348, 1349, 1364, 2490, 3464, 3465, 3572, 3573, 3576, 3577, 3578, 4082, 7141, 28158, 39477, 39624 — всего 24 фонда, 32 описи, 83 дела), Центрального архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР — ЦГАОР (фонды: 147, 191, 236, 307, 673, 1428, 1437, 1447, 3578, 3825 — всего 10 фондов, 12 описей, 23 дела), также Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — ЦПА ИМЛ (фонды: 70, 71, 124, 811 — всего 4 фонда, 6 описей, 21 дело).

Особенно большое значение имеют выявленные нами и отсутствующие в сборниках приказы главкома, приказы и приказания командующих отрядами, полками, сотни других документов и материалов, включая истории частей, составленные сразу же по окончании их участия в военных действиях. Эти ценнейшие документы позволяют с большой точностью и полнотой проследить за каждодневными (а часто и почти ежечасными) перемещениями партизанской армии, ее отрядов, частей и подразделений, их боевыми действиями, работой штабов всех уровней, выработкой и осуществлением общих, оперативных и тактических планов, формированием и пополнением частей, подбором и расстановкой кадров, системой партийной, политико-воспитательной работы в войсках и среди населения, судебно-следственной и дисциплинарной практикой, постановкой разведки, связи, саперно-взрывной, санитарно-медицинской работы, организацией снабжения, хозяйственно-финансового, разнообразного ремонтного дела, руководством обозами с беженцами и помощью им и т. д.

Большим подспорьем явились выявленные нами, в подавляющей массе впервые, многочисленные документы, исходящие из враждебного, контрреволюционного лаге-

ря, — приказы командующих Поволжским фронтом, Уфимской группой войск, Уральским корпусом, начальников его соединений и частей, военные сводки, телеграммы, переписка, протоколы допросов предателей из числа бывших партизанских командиров, судебные обвинительные материалы на высших офицеров, потерпевших поражение от блюхеровцев, и др. Изучение и привлечение этих обширных материалов позволяет раскрывать положение в стане противника, боевое расписание, передислокацию, их боевые действия, планы командования, настроение солдат, причины отдельных временных успехов и неудач врага. В этих документах содержатся и дополнительные сведения о внутренней боевой жизни партизанской армии, ее взаимоотношениях с населением. Естественно, автору приходилось критически подходить к белогвардейским документам, сопоставлять их с источниками советскими, партизанскими, всесторонне проверять.

В местных архивах: Центральном государственном архиве Башкирской АССР — ЦГА БАССР (фонды: 721, 703, 723, 4 описи, 19 дел), Партийном архиве Башкирского обкома КПСС — ПАБО (фонды: 1832, 7655, 5 описей, 78 дел), Партийном архиве Курганского обкома КПСС — ПАКО (фонд 3219, 2 описи, 3 дела), Партийном архиве Куйбышевского обкома КПСС — ПАКб.0 (фонд I—V, 2 описи, 3 дела), Партийном архиве Новосибирского обкома КПСС — ПАНО (фонд 5, 2 описи, 4 дела), Государственном архиве Пермской области — ГАПО (фонд 90, 2 описи, 3 дела), Государственном архиве Оренбургской области — ГАОО (фонды: 520, 1811, 3 описи, 4 дела), Партийном архиве Оренбургского обкома КПСС — ПАОО (фонд 6002, 1 опись, 2 дела), Государственном архиве Свердловской области — ГАСО (фонды: 292, 1200р, 4 описи, 114 дел), Партийном архиве Свердловского обкома КПСС — ПАСО (фонды: 41, 221, 4 описи, 36 дел), Государственном архиве Челябинской области — ГАЧО (фонд: 594, 2 описи, 16 дел), Партийном архиве Челябинского обкома КПСС — ПАЧО (фонд: 596, 2 описи, 25 дел) и Партийном архиве Казахского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — ПА КФИМЛ (фонд: 811, 1 опись, 1 дело).

Следовательно, автором непосредственно использовано 28 фондов, 46 описей, 470 дел 16-ти центральных и местных архивов страны. В целом же в процессе изыскания необходимых документов и материалов просмотрены многие тысячи дел сотен фондов указанных и других архивов.

В книге использованы многочисленные документы и материалы целого ряда музеев: Башкирского республиканского, Свердловского, Челябинского областных, Верхне-

уральского, Троицкого городских краеведческих музеев, где они в фонды, как правило, не сведены, нередко являются экспонатами. Ценны не только оригинальные документы военного, партийного, советского характера, что понятно, но и копии документов, в свое время снятые с оригиналов в центральных архивах, ныне утраченных.

Подавляющую массу материала на местах дали фонды Истпарта, комиссий по делам бывших Красных партизан и красногвардейцев и воспоминаний. В них также встречаются документы, хотя и являются редкостью. Многие воспоминания, автобиографии, правдивость которых подтверждена заверенными подписями участников, справками учреждений и лиц, в определенной мере могут также восприниматься как документы. Нельзя было не использовать и обычных воспоминаний. Но как и к указанным ранее опубликованным воспоминаниям автор подходил критически, сопоставлял их друг с другом, сверял с документами, отбирал то, что носит достоверный характер.

Использовались и личные архивы участников, а также беседы с ними при встречах, переписка. У автора за десятилетия сложился обширный личный архив, в котором, помимо присланных по его запросу воспоминаний, ответов на вопросы, имеются и документы, копии с таковых, полученные от участников большевистского подполья и партизанского движения.

Одним из источников явилась и периодическая печать— газеты, журналы, советско-партийные, военные, а также белогвардейские. Однако в прессе история рейда Блюхера получила крайне незначительное отражение.

Ценным, хотя также ограниченным источником, являются фотодокументы, главным образом групповые и индивидуальные снимки участников партизанского рейда, часть из которых найдена автором и хранится у него. Наконец, следует упомянуть и об исторических памятниках, связанных с подвигом уральских партизан, материалах и данных, полученных во время научно-агитационной экспедиции по местам рейда В. К. Блюхера в 1977 г., которой автору довелось руководить.

Вот те источники, на которые автор опирался и к которым могут так же прибегнуть другие исследователи. По нашему представлению, за многие годы, включая те, которые прошли после выхода в свет книги «Десять тысяч героев», удалось собрать и изучить, возможно, все или почти все документы, подавляющую часть воспоминаний и других материалов. Появилась возможность на новом уровне и в ином объеме раскрыть легендарный рейд уральских партизан. Это и послужило основной причиной нашего пов-

торного специального обращения к данной теме и выступления в печати. Вместе с тем появление значительного числа публикаций по теме других авторов, определенные недостатки в них, особенно фактического характера, наряду с большими достоинствами, также говорит о том, что назрела необходимость нового обращения к документальным источникам, освещения событий на их основе.

Таким образом, автор ставит целью в монографическом плане раскрыть историю уральской партизанской эпопеи от зарождения, начала ее и до завершения во всех важнейших аспектах, по возможности, наиболее обстоятельно и достоверно. Автор стремился прежде всего к тому, чтобы: 1) несмотря на ограниченность сохранившихся источников показать роль Коммунистической партии, руководимой В. И. Лениным, местных, в том числе партийных, военных организаций, коммунистов-партизан в руководстве революционной вооруженной борьбой масс, партизанским движением; 2) раскрыть неиссякаемую творческую революционную энергию трудящихся масс в лице блюхеровцев, их непобедимость в борьбе с силами международной и внутренней реакции, покушающейся на великие завоевания Октября; 3) выявить масштабы и формы проявления единства фронта и тыла, взаимной поддержки партизан и трудового населения, в том числе из национальных меньшинств, в специфических, чрезвычайных условиях действий за линией фронта, подлинно интернациональный характер их справедливой борьбы; 4) показать невиданную стойкость, массовый героизм, высочайший патриотизм партизан на заре Советской власти, неоспоримый военный талант их командного состава, таких самородков из народа, как В. К. Блюхер, Н. Д. Томин, М. В. Калмыков, бывших царских офицеров, перешедших на сторону революции и честно служивших ей, как Н. Д. Каширин, И. С. Павлищев, И. Д. Каширин и др.; 5) показать обреченность целей и действий контрреволюции, неспособность ее и при наличии мощных, хорошо вооруженных, отмобилизованных военных сил, опытнейших генералов и офицеров добиться победы в единоборстве с наспех созданными отрядами, на ходу обучающимися, слабо вооруженными бойцами, совершенно оторванными от Красной Армии и ее налаженных тылов снабжения; 6) отметить историческую роль героического рейда Блюхера, оказавшего исключительно большое благотворное морально-политическое и военное влияние на ход борьбы на левом крыле и других участках Восточного фронта, являвшегося главным фронтом республики.

При этом, стремясь выдержать книгу в научно-исследовательском плане, автор по возможности стремился к ис-

пользованию популярной формы изложения. Хотя, с его точки зрения, не только системное описание рейда, но и каждый документ, каждая его строка волнуют, заставляют сопереживать с партизанами-уральцами героику боевого 18-го года.

Автор отдает себе отчет в том, что избранная им тема необычайно сложна, многоаспектна и одному исследователю в одной книге исчерпать ее невозможно. Потребуются усилия других исследователей, дальнейшая разработка темы. Автор будет считать свою задачу выполненной, если читатель получит более или менее полное представление о рейде Блюхера, почувствует сложный и героический характер послеоктябрьских лет, революционное самопожертвование уральцев-блюхеровцев, обаяние личности их выдающегося главкома-коммуниста, замечательного человека и храброго воина, его славных сподвижников.

Глава первая

НАКАНУНЕ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. Социально-экономическое положение края

Уральская партизанская армия прошла длительный и сложный путь формирования. Ее истоки лежат в красногвардейских отрядах и первых регулярных частях молодой Красной Армии, действовавших на Южном Урале против белого атамана Дутова. Она имела свою специфику и существенно, выгодно отличалась от партизанских соединений, подчас более крупных, сложившихся и действовавших в Сибири и других регионах, захватывавшихся интервентами и белогвардейцами. Армия В. К. Блюхера мало чем отличалась от регулярных частей Красной Армии как по структуре, так и по боевым качествам. По своему составу она напоминала стрелковую дивизию, усиленную кавалерийской бригадой и артиллерийским дивизионом. По оперативно-тактическому почерку в ней также определенно просматривается регулярное войсковое соединение.

Партизанские же отряды на Алтае, в Приенисейе и в других районах, часто называвшиеся «армиями», до самого последнего времени были партизанскими в широком смысле этого слова. Они состояли в значительной степени из неопытных в военном отношении, необстрелянных прежде крестьян, одетых в самую разнообразную одежду, не всегда поддающихся действию военных законов железной дисциплины. Отсюда в их оперативно-тактических действиях преобладали типично партизанские методы внезапных ударов по мелким, разрозненным частям противника и ускользания от его крупных группировок и т. д. И только на завершающем этапе борьбы, когда Красная Армия сломила сопротивление колчаковских полчищ, деморализовала их, по указанию Центрального Комитета партии партизанские отряды реорганизуются по принципу регулярных частей, укрупняются. Они становятся боеспособней, а бойцы — дисциплинированней. Однако и в этих условиях не снималась задача изживания «партизанщины», негативных явлений. Соединение же В. К. Блюхера радикально отличалось от партизанских армий и отрядов, о которых идет

речь. Но, не являясь в полном смысле слова и регулярным соединением Красной Армии, сформировавшимся в отрыве от нее, это соединение, как уже отмечалось во введении и в начале данного раздела, во многом сходно было с дивизией. Тем не менее организационно-структурные отличия здесь имелись. Имелись у соединения и черты партизанской армии, однако, в высшей, беспрецедентной для того времени степени организованности, дисциплинированности, боевой мощи, характеру действий на полях сражений, достигаемым в них результатам и их значению.

Сложность и специфика такого уникального военно-исторического явления, как Уральская партизанская армия Блюхера, были обусловлены исторической конъюнктурой, сложившейся на Южном Урале к лету 1918 г., и социально-экономическим положением края. В связи с этим следует хотя бы кратко остановиться на этих вопросах и истории создания армии, сформированной на Южном Урале, в Оренбургской и Уфимской губерниях в значительной мере из отрядов, действововавших против белоказачьего атамана Дутова, а также других формирований.

Южный Урал в конце 1917 и в первой половине 1918 г. представлял собой арену острой вооруженной борьбы между силами революции, с одной стороны, и силами реакции с другой. Острота борьбы за Советскую власть на Южном Урале объясняется прежде всего социально-классовым составом населения в данном районе. На Южном Урале имелось большое число промышленных очагов, в том числе города и крупные заводские поселки: Челябинск, Оренбург, Стерлитамак, Белорецк, Баймак, Богоявленск, Сим, Миньяр, Катав-Ивановск, Юрюзань и другие. Только на предприятиях Башкирии, точнее — Уфимской губернии — работало свыше 50 тыс. человек[1]. Бывшая Уфимская губерния и Башкирская АССР территориально разнятся несущественно. В пределы Башкирской АССР не вошли лишь районы Мензелинского уезда и горнозаводской части Златоустовского и Уфимского уездов и, наоборот, были включены обширные районы Оренбургской губернии, включая Белорецк, Баймак и другие города и заводы.

Основная часть рейда соединения В. К. Блюхера, сформированного в районе Белорецка, протекала по районам современной Башкирии, здесь происходили решающие сражения партизан. Поэтому считаем необходимым привести по этому региону, Башкирии, более подробные данные. Прежде всего отметим, что на этой территории численность и концентрация промышленных рабочих была несколько

[1] *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 10.

меньшей, чем в бывшей Уфимской губернии, но, тем не менее, весьма значительной — более 40 тыс., а всех рабочих — более 154 тыс. [1].

Уральский, в том числе уфимский (башкирский) пролетариат прошел большую школу революционной борьбы в трех русских революциях. Им руководила одна из крупнейших в стране организаций ленинской большевистской партии — Уральская, достигавшая весной 1918 г. 40 тыс., включая 10 с лишним тыс. в Уфимской губернии [2].

Вместе с тем на Южном Урале основную массу многомиллионного населения (на 1 января 1914 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях проживало 5 млн. 270 тыс. чел. [3]) составляли крестьяне. В дореволюционный период, например, в рамках современной Челябинской области сельские жители составляли 70 с лишним проц. В Уфимской же губернии сельских жителей было гораздо больше — до 95 проц. [4] По сравнению с крестьянской массой число рабочих было незначительным. Крестьянская беднота и часть середняков русских, башкирских, татарских, других деревень показали свою революционность в борьбе за победу и упрочение Советской власти.

Активность крестьянских низов Уфимской и ряда районов Оренбургской губернии объяснялась как успешной работой большевистских организаций в деревне, так и тяжелым положением ее тружеников. Несмотря на наличие большого земельного фонда в Уфимской губернии, беднота и многие середняки страдали от безземелья и малоземелья. Перед первой мировой войной из 470 817 крестьянских хозяйств Уфимской губернии 32 019 дворов (6,8 проц.) были безземельными, а 206 778 хозяйств (43,9 проц.) имели не более 10 десятин на двор. Большая часть дворов была безземельной и малоземельной. Почти 53 проц. крестьянских хозяйств были безлошадными и однолошадными [5].

К моменту Октябрьской революции расслоение, дифференциация крестьянства, обнищание его еще больше усилились. Это особенно относилось к башкирской и татарской крестьянской бедноте, испытывавшей не только социаль-

---

[1] *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, с. 22—23.

[2] Подготовка и проведение Великой Октябрьской революции в Башкирии (февраль 1917 — июнь 1918 гг.). Сб. документов и материалов. Уфа, 1957, с. 295.

[3] *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 44—45.

[4] *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, с. 27.

[5] Там же, с. 28—29.

но-политический, экономический, но и национальный гнет. Крайне тяжелым было положение башкир, испытывавших двойной гнет, — со стороны «собственной» национальной буржуазии, баев, кулачества, духовенства и русских помещиков, кулаков, торговцев. Среди трудящихся башкир, не имевших своей письменности, неграмотность была почти поголовной. Все это революционизировало крестьянскую бедноту, часть середняков русских и национальных районов Южного Урала.

Следует однако отметить, что крестьянская верхушка и некоторая часть середняцкого населения южноуральской деревни принимали активное участие в антисоветских мятежах, оказывали поддержку контрреволюции материально и с оружием в руках. Это особенно характерно было для Оренбургской губернии, ставшей в конце 1917 г. главной базой контрреволюционного движения на Урале. Причиной этого прежде всего было то, что 23 проц. населения губернии составляло казачество. Оно пользовалось до Октябрьской революции большими привилегиями и в первую очередь крупными земельными владениями. Из общей площади земли Оренбургской губернии в 6 млн. десятин в 1917 г. у казаков в наделах было 3.735.897,9 десятины, частновладельческих — 20.263,2 десятины, а крестьянских— 983.615 десятин. При этом следует иметь в виду, что крестьянских дворов в губернии было гораздо больше. Огромная часть земель принадлежала казачьей верхушке: генералам, офицерам, чиновникам, кулакам. Некоторые земельные латифундии достигали 3-х и более тысяч гектаров. Из года в год усиливалось расслоение казачества, увеличивалась прослойка бедноты. Только безлошадных казацких хозяйств в 1912 г. насчитывалось 12,9 проц. В дальнейшем процент безлошадных и вообще беднейших казаков Оренбургского войска продолжал возрастать [1]. Казачья верхушка жестоко эксплуатировала не только «инородцев»—крестьян переселенцев, но и одностаничников. Используя веками вдалбливавшиеся и укоренившиеся в умах отсталых людей монархистские идеи, казацкая верхушка вела за собой и часть казачьей бедноты. Но под воздействием Великого Октября все большая часть казачьей «голытьбы» становилась на путь революционной борьбы. Вместе с рабочими крестьянско-казачья беднота все активней включается в борьбу против дутовщины, за Советсую власть.

---

[1] *Сашенков Л. А.* Из истории создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства в первый период гражданской войны на Южном Урале. — В сб. Ученые записки Челябинского политехнического института. Кафедра марксизма-ленинизма. Выпуск 1. Челябинск, 1957, с. 42—45,

Довольно пестрым был и национальный состав Урала. Русские здесь составляли 71 процент, башкиры — 13, татары —5, удмурты —4, марийцы —2 процента и т. д.[1] Но наиболее пестрой по национальному составу была южная часть Урала, особенно Уфимская губерния. Помимо указанных национальностей здесь было немало также казахов, украинцев, белорусов, чувашей, латышей и др. На предприятиях Белорецка и других центров Южного Урала работали китайцы, корейцы. Здесь были и венгры, чехи, южные славяне, румыны, немцы, включая австрийцев, и другие представители различных национальностей — военнопленные, бывшие солдаты германской и австро-венгерской армий. И хотя в ходе революционной борьбы отношения между трудящимися различных национальностей в значительной степени интернационализировались, однако трения между ними, особенно в деревне, не были изжиты.

Пестрый национальный состав населения Южного Урала, особенно в осложнявшейся исторической обстановке, углублял социально-классовые противоречия, обострял борьбу. Белогвардейцы, националистические, кулацко-буржуазные слои национальных меньшинств, в том числе валидовцы[2], всячески растравляли еще не зажившие раны веками укоренявшейся царизмом национальной вражды. В частности, контрреволюция всячески содействовала националистическим устремлениям валидовцев, толкая их на путь формирования националистических частей и используя их для борьбы с революционными народными массами. Между дутовцами и башкирскими, а также казахскими националистами, несмотря на определенные распри, поддерживался тесный контакт и было единство по вопросам борьбы с Советской властью.

Следовательно, Южный Урал к началу иностранной военной интервенции и гражданской войны в социально-экономическом и политическом отношениях представлял собой исключительно сложное явление. Положение особенно резко осложнялось из-за вооруженной борьбы против Советской власти, развернутой контрреволюционно настроенными слоями Оренбургского казачества вскоре после победы Октября.

---

[1] Очерки истории большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951, ч. 1, с. 15—16.

[2] Башкирские буржуазные националисты, возглавляемые А. З. Валидовым, который в 1919 г., стремясь сохранить влияние в массах, перешел с войсками на сторону Советской власти, даже двурушнически вступил в РКП(б), но в следующем году бежал в Туркестан, вновь включился в контрреволюционную борьбу.

2. Борьба с атаманом Дутовым

Одиозная фигура А. И. Дутова всплыла в Оренбуржье еще накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Выходец из дворянско-офицерских кругов Оренбургского казачьего войска полковник Дутов при Временном правительстве подвизался на посту председателя Всероссийского союза казачьих войск. В сентябре 1917 г. он направляется в Оренбург и избирается председателем войскового правительства и войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска. Уже в ноябре 1917 г., вскоре после победы в Оренбурге Советской власти, Дутов поднимает контрреволюционный мятеж. Он продолжает борьбу с Советской властью на протяжении ряда месяцев, несмотря на неоднократные поражения весной и летом 1918 г. (в дальнейшем командует отдельной Оренбургской армией, получает от Самарского Комуча (Комитета членов учредительного собрания) звание генерал-майора и от Колчака — генерал-лейтенанта).

Дутовщина до белочешского мятежа представляла собой главную, ударную силу контрреволюции не только в Оренбуржье, но и во всем Уральском крае. Опираясь на зажиточные слои казачества, Дутов пытался на Южном Урале создать своеобразный плацдарм для борьбы против Советской власти и захвата хлебных районов Заволжья, Оренбуржья и Западной Сибири.

Дутовцы после победы Октября стали всемерно укреплять свои позиции в Оренбурге, Троицке, Верхнеуральске, готовить силы на борьбу против Советской власти. В первых числах ноября 1917 г. (по ст. стилю) белоказаки предприняли попытку захватить Челябинск и свергнуть большевистский Совет. К городу подступил трехтысячный белоказачий отряд, присланный атаманом Токаревым из Троицка. Потеря южноуральского пролетарского центра, который называли «Воротами Сибири», привела бы к тяжелым последствиям. Через Челябинск проходила транссибирская железнодорожная артерия. Челябинск был узловым железнодорожным пунктом, связанным с другими крупнейшими городами Урала. Наконец, он представлял собой крупный революционно-политический и промышленный центр, захват которого дутовцами резко усилил бы их во всех отношениях.

В распоряжении Челябинского Совета было только 600 вооруженных красногвардейцев — рабочих. За большевиками шла часть гарнизона. Однако соотношение сил было не в пользу Совета. Белоказаки имели огромный

перевес в живой силе и огневых средствах. И все же большевики стали энергично готовиться к неравному бою, не теряя надежды на помощь из центра и ближайших городов Урала и Сибири. Однако помощи в тот момент не поступало. Пришлось в ответ на ультиматум белоказаков, потребовавших роспуска Совета, разоружения Красной гвардии и передачи власти городской думе, пойти на некоторые уступки. Принимается решение о передаче власти в руки городской думы. Но Совет распущен не был, рабочие сохранили в своих руках оружие. Дутовцы из-под города ушли.

Имея огромное превосходство в силах, белоказаки активизировали свои действия во всех районах Южного Урала. В ночь на 15(28) ноября они разгромили Совет в Оренбурге и арестовали свыше 100 партийных и советских работников. В руках контрреволюции в ноябре 1917 г. оказалась большая часть Оренбургской губернии. Положение, сложившееся в связи с действиями Дутова на Южном Урале, вызвало серьезную озабоченность у В. И. Ленина, Центрального Комитета партии и Советского правительства. Одно за другим состоялось несколько заседаний Совета народных комиссаров, на которых обсуждались вопросы организации разгрома дутовщины, а также мятежа генерала Каледина на Дону [1].

25 ноября (8 декабря) 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял специальное обращение «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционными выступлениями Каледина и Дутова. В нем разоблачалась буржуазия, дающая средства казачьим атаманам и мечтавшая о возвращении с их помощью утраченной власти. «В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-революционный комитет[ы], разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города». Районы, где действовали контрреволюционные отряды, объявлялись «на осадном положении». Отмечалось, что туда двинуты необходимые войска. «Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти». На борьбу с белоказаками и доведение ее до конца Совнарком призвал рабочих, солдат и крестьян [2].

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974, т. 5, с. 74, 82, 84, 86, 97, 125, 127, 136, 137, 143, 155 и др.; Гражданская война в Оренбуржье 1917—1919 гг. Документы и материалы. Оренбург, 1958, с. 37—39.

[2] Декреты Советской власти. М., 1957, с. 154—155.

По указанию В. И. Ленина, с напряженным вниманием следившего за обстановкой на Южном Урале, в Челябинск из Самары срочно направляется отряд в 500 человек с одной восьмиорудийной батареей, комиссаром которого был назначен В. К. Блюхер. Вслед за тем из Петрограда на Урал прибыл «Северный летучий отряд», состоявший из революционных солдат 17-го Сибирского полка и балтийских моряков с линкоров «Гангут» и «Петропавловск», под командованием большевика мичмана С. Д. Павлова. Отряд из Самары прибыл в Челябинск 20 ноября (3 декабря). Позиции Совета и большевистского комитета, не имевших в городе серьезной военной силы, сразу же усиливаются. Созванное эсерами и меньшевиками учредительное собрание ликвидируется. Вся власть перешла к Совету. Был избран военно-революционный комитет во главе с большевиком А. П. Галактионовым.

В состав Президиума комитета вошел и В. К. Блюхер. Уже через полмесяца, в связи с отъездом из города А. П. Галактионова, Блюхер избирается председателем Челябинского РВК и назначается начальником штаба Красной гвардии Челябинского района. Позднее, 8 марта 1918 г., он был избран председателем Челябинского Совета. Вместе с другими большевиками он развертывает бурную революционно-военную деятельность, направленную на упрочение Советской власти, строительство вооруженных сил и борьбу против дутовщины на Южном Урале. В Челябинск прибывают новые отряды красногвардейцев из других городов. Контрреволюционные вылазки в городе и близлежащем районе были пресечены, позиции Советской власти упрочились. 20 декабря на освобождение Троицка направляется Северный летучий отряд и другие отряды во главе с С. Д. Павловым. Белоказакам было нанесено поражение. Когда советские войска подошли к Троицку, там началось вооруженное восстание рабочих, руководимое большевистской организацией. В ночь на 25 декабря 1917 года (7 января 1918 г.) Троицк совместными усилиями красногвардейцев и восставших рабочих от дутовцев был освобожден.

Дутовцы сосредоточились главным образом в районе Оренбурга. Для борьбы за освобождение Оренбурга значительные силы советских войск концентрировались в Бузулуке. Они возглавлялись чрезвычайным комиссаром по борьбе с дутовщиной членом партии с 1898 г. П. А. Кобозевым, бежавшими из Оренбургской тюрьмы видными коммунистами С. М. Цвиллингом, А. А. Коростелевым, прибывшим сюда из Тургайской области А. Джангильдиным и др. В середине декабря они организовали штаб Оренбургского фронта местного значения. В Бузулуке сосредо-

точился ряд красногвардейских отрядов из городов Урала и Поволжья. Во второй половине декабря красногвардейцы начали продвигаться к Оренбургу. Но на первых порах наступление советских войск не привело к значительным успехам из-за недостатка сил.

На Оренбургский фронт направляются новые отряды, оружие, боеприпасы. Общая численность советских отрядов достигла 3,5 тыс. человек и в январе 1918 г. продолжала увеличиваться [1]. Их командующим становится С. Д. Павлов. 7(20) января 1918 г. красногвардейцы развернули решительное наступление. Наиболее крупным и ожесточенным был трехдневный бой у станций Сырт и Каргала. В итоге противник был разбит. Советские войска подошли к Оренбургу. В этот момент в городе вспыхнуло восстание рабочих, подготовленное коммунистами. Дутовцы покинули Оренбург и в большинстве своем рассеялись по станицам. 18(31) января в город вступили красногвардейцы [2].

Но борьба против дутовцев не закончилась. Потерпев поражение под Оренбургом, Дутов с отрядом в несколько сот человек бежал в Верхнеуральск. Здесь было свито новое осиное гнездо контрреволюции. Местный Совет дутовцы разгромили. К Верхнеуральску стягиваются контрреволюционные отряды. Они захватили многие станицы и села и в марте подступили к Троицку. И вновь партийные организации Урала предпринимают экстренные меры по организации разгрома врага. Тысячи рабочих влились в красногвардейские отряды. Советские войска сосредоточивались главным образом в Троицке и Белорецке. Во второй половине марта развернулось наступление на дутовцев с двух сторон. Со стороны Челябинска и Троицка наступали отряды, сформированные на Северном и Среднем Урале. Они были объединены в группу, во главе которой стоял «Штаб войск, действующих против Дутова». Его председателем был В. К. Блюхер. Группой командовал Циркунов [3]. Но вследствие недостатка сил наступление красногвардейцев на Верхнеуральск со стороны Троицка было приостановлено. Они вернулись к городу.

Более успешно развертывались наступательные действия отрядов с запада. В Белорецке под руководством старейшего большевика П. В. Точисского, члена партии А. М. Чеверева, руководителей находившихся здесь Верхнеуральского Совета и большевистской организации были созданы крупные отряды. Сюда прибыли красногвардейцы

---

[1] История гражданской войны в СССР. М., 1957, т. 3, с. 60.
[2] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, с. 16.
[3] ЦГАСА, ф. 1436, оп. 2, д. 630, л. 146.

из нескольких южноуральских заводов — Тирляна, Катав-Ивановска, Юрюзани и др. В 20-х числах марта красногвардейцы Белорецкой группы под командованием А. М. Чеверева начали наступление на Верхнеуральск. Белоказаки с боями отступали. 25 марта они вынуждены были оставить Верхнеуральск и отступить к станице Краснинской. Попытка дутовцев в последующие дни вернуть город не увенчалась успехом. Западная (Белорецкая) группировка советских войск резко возросла, ибо сюда прибыло несколько новых отрядов из Уфимской губернии, в том числе с отрядом бойцов М. С. Кадомцев, который возглавил все отряды, находившиеся в Верхнеуральске.

Одновременно, 28 марта, белоказакам был нанесен сильный удар и близ Троицка, у Черной речки. Возглавивший по поручению Уралсовета отряды красногвардейцев, действовавших против Дутова, В. К. Блюхер в апреле 1918 г. организует разгром дутовцев. Положение последних становится все более стесненным и безвыходным.

В середине апреля 1918 г. в обстановке окружения и явной угрозы полного поражения Дутов распустил войска и с отборным отрядом в несколько сот офицеров и казаков прорвался в южном направлении, к Орску. Но 23 апреля враг вновь был настигнут авангардным отрядом блюхеровцев в поселке Бриены и разбит. Белый атаман с горсткой приверженцев позорно бежал в Тургайские степи [1].

Но прошло лишь около двух недель, и под Оренбургом возобновились военные действия в связи с новым восстанием и формированием отрядов белоказаков. К этому времени, в связи с разгромом в апреле Дутова, многие красногвардейские отряды вернулись в свои города и на заводы. Враг захватил станцию Ново-Сергиевская, прервал железнодорожное сообщение с Оренбургом. Положение весьма немногочисленных советских отрядов в районе Оренбурга стало критическим. Туда требовалось срочно послать подкрепление.

Партийные и советские организации Урала вновь забили боевую тревогу. В конце апреля, еще до нового обострения положения под Оренбургом, из Троицка в Екатеринбург для доклада Уральскому Совету и областному комитету партии был вызван В. К. Блюхер. Руководителям Уральской области, в частности Ф. И. Голощекину и С. А. Анучину он доложил об успехах борьбы с Дутовым. Но в эти дни были получены известия, что обстановка под Оренбургом вновь резко ухудшилась. Руководство области решило

---

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, с. 17—18; *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 10, 46.

вновь направить В. К. Блюхера на борьбу с дутовцами, назначив его «главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом». Несмотря на болезнь (сильно воспалилась рана на ноге — наследие первой мировой империалистической войны, из-за чего пришлось в Екатеринбурге полежать и в госпитале), Блюхер приступил к исполнению ответственного поручения. В его распоряжение передавались 1-й Уральский стрелковый полк РККА (командир П. П. Браницкий), Екатеринбургский кавалерийский эскадрон (командир И. А. Гергенс), находившиеся в Екатеринбурге, а также отряд шахтеров (командир С. Я. Елькин) и артиллерийская батарея (командир И. М. Матюшкин), сформированные в Челябинске [1].

Численность сводного уральского отряда достигала 1.800—2.000 человек. Его основу составлял 1-й Уральский стрелковый полк, по официальным данным на 21 мая насчитывавший 829 штыков и 221 нестроевого бойца [2]. Этот полк сыграл потом во время партизанского рейда выдающуюся, цементирующую роль. В. К. Блюхер неоднократно похвально отзывался об этой части, отмечая, что с ее бойцами «можно сделать все» [3]. Именно с движения из-под Оренбурга на север партизаны и вели отсчет тем полутора тысячам километрам, которые легли на боевом пути легендарного соединения. Вот почему следует несколько подробней рассказать о зарождении 1-го Уральского стрелкового полка.

Зимой 1918 г., на основе декрета Советского правительства от 15 января 1918 г. «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии», в Екатеринбурге начинается [4] и весной завершается формирование дружины (отряда) в составе девяти сотен. Отряд делился на три небольшие дружины трехсотенного состава.

В формирующуюся часть прибывали добровольцы из Екатеринбурга, Уктуса, Березовского, Полевского, Кыштыма, Билимбая, Режевского, Невьянска, Нижнего Тагила, других городов, поселков и сел Среднего Урала, а также с северо-запада края — Верещагино, Александровского завода и других мест. В числе добровольцев-екатеринбуржцев были Н. Г. Марков, В. А. Марусин, А. И. Михайлов, К. Н. Нечунаев, Р. Т. Овечкин — лекпом (фельдшер),

---

[1] Легендарный рейд, с. 19; ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 664, л. 90; д. 730, л. 186; *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 46; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 1; ф. 221, оп. 2, д. 558, л. 1, 2.

[2] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 91.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 42.

[4] Первые добровольцы прибывают в будущий полк уже в январе 1918 г. (см.: ГАСО, ф. р.-1200, оп. 2, д. 117-г, л. 1).

А. Г. Левина, К. Н. Неводчикова — сестры милосердия, из Березовского — В. Е. Глазырин, И. А. Исаков, М. С. Максимовских и др. В составе Александровского отряда, прибывшего в Екатеринбург, были К. К. Губанов, Н. И. Деменев, Г. Г. Мальцев; Верещагинского — И. Х. Беляев, М. В. Фролов и др. [1]

Весной сотни были реорганизованы в роты, дружины — в батальоны, а отряд (дружина) — в полк [2]. Каждая рота делилась на три взвода, а взвод — на три отделения. В полку имелись пулеметная команда, хозяйственная часть, медицинский околоток, в дальнейшем — команда связи. При командире полка имелся штаб с небольшим штатом военных работников. Как видим, полк был сформирован в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми к регулярным воинским частям.

Личный состав полка состоял исключительно из добровольцев. Принимались, как правило, лица не моложе 18 лет. Были, правда, и здесь исключения. Например, в полк вступил визовский подросток Миша Михайлов с 1903 г. рождения. Он прошел большие дороги войны и по освобождении Урала «по малолетству» был демобилизован. В полку в основном были рабочие уральских предприятий, лишь частично трудящиеся крестьяне. Например, 5-я рота целиком состояла из рабочих Режевского завода [3]. Значительную часть 4-й роты составили александровцы, 8-й роты — нижнетагильцы [4].

Приток добровольцев, прибывавших целыми группами, был настолько значителен, что на формирование основных подразделений потребовалось не более месяца. Среди бойцов были и опытные солдаты, и лица, никогда не державшие в руках оружия. Но все они, будучи добровольцами и подлинными патриотами Советской республики, легко усваивали науку вооруженной борьбы, были высоко дисциплинированными. Боец 5-й роты рабочий из Режа В. И. Ивакин впоследствии отмечал: «Нас научили как обращаться с винтовкой. До революции ни в каких боях участия не принимал» [5]. Случайно проникшие в полк отдельные анархиствующие элементы были изгнаны. В полку

---

[1] ГАСО, ф. р.-1200, оп. 1, д. 1, л. 3—5, 114; д. 56-М, л. 8; д. 82-О, л. 1 и др.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 1; ф. 221, оп. 2, д. 558, л. 2.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 42; ГАСО, ф. р.-1200, оп. 2, д. 177-М, л. 1—5; д. 203-М, л. 2—3.

[4] ГАСО, ф. р.-1200, оп. 2, д. 56-М, л. 8; *Янгузов З., Юдкевич Л.* Сквозь огненное кольцо, с. 23, 25.

[5] ГАСО, ф. р.-1200, оп. 2, д. 77-И, л. 3.

исключительно большой (в несколько сот человек) была партийная прослойка [1].

Высокие боевые качества полка, проявившиеся позднее в боях, объяснялись также и тем, что он был укомплектован штатом грамотных военных кадров, как оказалось, исключительно честных, преданных Советской власти бывших офицеров старой армии [2].

Широкого привлечения старых военных специалистов в ряды молодой Красной Армии требовал В. И. Ленин, предупреждая при этом о бдительном отношении к ним с тем, чтобы поставить их «в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их» [3]. Только за первые четыре—пять месяцев 1918 г. в Красную Армию добровольно вступило около 8 тыс. бывших офицеров и генералов [4]. Многие перебежали на сторону врага, но в большинстве своем они стали служить делу революции, защищать ее до конца. Учитывая это, В. И. Ленин счел возможным на VIII съезде партии отметить честную службу тех бывших генералов и офицеров, которые в рядах Красной Армии вместе с представителями трудящихся сражались за Советскую власть [5]. В числе таких бывших офицеров были П. П. Браницкий, И. С. Павлищев и другие, вступившие в 1-й Уральский полк.

Их вступление в полк (дружину) было вербовочно-добровольное. С ними был заключен полугодовой контракт, по истечении которого они могли покинуть часть. Об этом в воспоминаниях рассказывал В. К. Блюхер, причем следующим образом: «Когда в ходе боев с белогвардейцами в глубоком тылу их фронта летом 1918 г. истек срок упомянутого контракта, эти командиры — бывшие офицеры — стали обсуждать вопрос о своем дальнейшем положении. Но Блюхер и другие командиры (среди них были и не офицеры, например, командир 5-й роты Лукьянов — рабочий, коммунист) предложили им остаться на службе в Красной Армии. Да и сами они практически для себя этот вопрос уже решили. Все остались в полку на своих местах» [6].

Вскоре после создания полка его командиром был назначен П. П. Браницкий. Помощником командира являлся И. С. Павлищев, полковым адъютантом — А. Я. Бортовский. Командирами батальонов в их порядке были В. А. Зу-

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 43.
[2] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 558, л. 3.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 6—7.
[4] История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 226.
[5] Незабываемое. Воспоминания, с. 21.
[6] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 58.

бов, А. Бусяцкий, Спиридонов, командирами рот — В. И. Хлебутин, Я. М. Кривощеков, Лукьянов и др. Начальником пулеметной команды был Найденов, начальником хоз. части — Лятти [1].

Зная, что красноармейцы к бывшим царским офицерам относятся весьма настороженно, комсостав 1-го Уральского стрелкового полка шаг за шагом завоевывал авторитет, признание отвагой, распорядительностью, чуткостью к бойцам в боях против Дутова и во время похода по тылам белогвардейских войск. Из 36 бывших офицеров, вступивших в полк, известно, что лишь один — Разуев — изменил Советской власти [2]. После установления доверительных и товарищеских отношений между бойцами и командирами в полку стала еще более крепкой дисциплина [3]. Это была первая на Урале регулярная часть Красной Армии [4].

Упоминавшийся 1-й Екатеринбургский эскадрон был также сформирован из добровольцев. Среди бойцов были А. А. Бобров, П. В. Дрейсвин, Н. Г. Журавлев (командир взвода), А. А. Кобекин, А. М. Плотников, интернационалисты-венгры С. С. Псотни, Кардаш и др. 75 процентов бойцов эскадрона составляли рабочие. В числе других воинов в подразделении были две санитарки. Небольшое подразделение насчитывало полтора десятка коммунистов. В эскадроне резко преобладала молодежь [5]. Эскадрон насчитывал до полутораста человек.

Уже весной 1918 г. отдельные подразделения полка (дружины) и эскадрон приняли участие в боевых операциях по борьбе с контрреволюцией на Урале. В начале марта в Челябинск в распоряжение местного Совета был послан отряд в составе сотни (роты) и кавалерийского эскадрона во главе с В. А. Зубовым. Он успешно участвовал в борьбе с контрреволюционными бандами, в их разгоне и разоружении. 2-й батальон был послан в Тобольск и участвовал в конвоировании в Екатеринбург бывшего царя Николая II, в охране здания, где он с семьей был помещен [6].

1 мая полк принял участие в Екатеринбурге в городском торжественном параде, произведя тем самым еще раз проверку своих сил, организованности и радуя трудящихся

---

[1] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 90—91; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 588, л. 9.

[2] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 58; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 558, л. 9.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 42.

[4] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 558, л. 9.

[5] ГАСО, ф. р.-1200, оп. 2, д. 210-Б, л. 1—3; д. 210-Г, л. 4.

[6] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 1; ф. 221, оп. 2, д. 558, л. 10—11; В боях и походах, с. 200.

молодцеватой выправкой. Через несколько дней 1-й Уральский полк и Екатеринбургский эскадрон стали готовиться к погрузке в эшелоны для отправки на Оренбургский антидутовский фронт. В городе для охраны пакгаузов была оставлена вторая рота, которой так и не довелось в дальнейшем вернуться в свой полк, поскольку он вскоре оказался во вражеском кольце. Был разделен и эскадрон, оставшаяся часть которого в дальнейшем отошла с частями в Пермь [1].

Накануне отправки на фронт в приказе комполка говорилось: «Сейчас больше, чем когда-либо тт. солдатам и всему командному составу следует почувствовать еще большую ответственность за свои поступки: больше дисциплины в наши ряды. Помните, что в порядке и организованности — конечная победа и высшая экономия сил пролетариата. Поэтому, товарищи, ни одного позорного поступка, клеймящего наш порядок, с нарушителями будем разделываться как с предателями народного дела в минуту, когда решается его судьба» [2].

12 мая 1-й Уральский стрелковый полк и Екатеринбургский кавалерийский эскадрон во главе с В. К. Блюхером отправились на фронт. Они были выстроены на площади. Перед бойцами и командирами с большевистским напутственным словом выступили представители областного комитета РКП(б) и Совета. Но вот наступил и момент отправления. Щелкнул затвором аппарат фотографа, рванули воздух медные трубы оркестра, и части в полном составе с обозом позади двинулись по улицам Екатеринбурга на железнодорожную станцию. Началась погрузка. Ночью красные бойцы надолго распрощались с уральской столицей [3].

По прибытии в Челябинск и соединении с отрядом шахтеров и артбатареей 1-й Уральский полк и Екатеринбургский кавэскадрон выехали на Кинель — Бузулук. Здесь к соединению В. К. Блюхера, названному Сводным Уральским отрядом, присоединился отряд Г. В. Зиновьева, прибывший с Западного фронта и насчитывавший около 800 бойцов, и др. Руководство операциями против белоказаков осуществлял В. К. Блюхер, которому Уралсоветом был вручен мандат «главнокомандующего всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом».

В труднейших условиях отряды продвигались по железной дороге, занятой врагом, вперед, к Оренбургу. Круп-

---

[1] ГАСО, ф. р.-1200, оп. 2, д. 112-Н, л. 4; д. 202-П, л. 6.
[2] ЦГАСА, ф. 3576, оп. 1, д. 85, л. 54.
[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 43.

ные сражения произошли близ станиц Татищенской и Донецкой. Белоказаки понесли большие потери и отступили. 23 мая на станции Сырт произошла радостная встреча бойцов отрядов В. Блюхера и советских войск Оренбургского гарнизона. Отряды двинулись к Оренбургу, ведя с белоказаками упорные бои, ломая их сопротивление. Красноармейские части основательно потрепали дутовцев в районе станиц Татищенская и Донецкая. Последняя из них была освобождена стремительным ночным ударом одного из батальонов 1-го Уральского полка и Екатеринбургского эскадрона [1]. Враг спешно отступил. Вражеское кольцо вокруг Оренбурга было разорвано. Спустя 3 дня враг понес жестокое поражение в районе Пречистенской по Орской железной дороге и по линии железной дороги на Бузулук. Сводный Уральский отряд к 1 июня уже находился в Оренбурге [2]. В эти дни по вызову выбыл в Екатеринбург командир 1-го Уральского полка П. П. Браницкий. Исполнять обязанности комполка стал И. С. Павлищев, в дальнейшем утвержденный в этой должности.

В. К. Блюхер и другие командиры начали подготовку операции по осуществлению полного и окончательного разгрома дутовцев. В конце мая и первой половине июня, после разрыва блокады, к Оренбургу подходят Южный отряд, состоявший из трудящихся Верхнеуральского уезда, под командованием Н. Д. Каширина и сводный Уфимский отряд (из трудящихся Богоявленска [3], Уфы, Златоуста, Сима и Аша-Балаши) под руководством М. В. Калмыкова [4].

Они сразу же включились в борьбу с дутовцами. Южный отряд Н. Д. Каширина действовал преимущественно в районе г. Орска. Вместе с другими отрядами он дрался за очищение железнодорожной линии Орск—Оренбург от дутовцев, громил их на правобережье р. Урал, в частности, одержал победу в боях у ст. Подгорная, Ильинская, Красногорская (в последней было захвачено более 200 белоказаков с лошадьми, вооружением). В результате было восстановлено железнодорожное сообщение между Орском и Оренбургом, соединились отряды, действовавшие в районе этих городов. Южный отряд прибыл в Оренбург. Он принял участие в жарком бою под Татищенской [5]. Сводный Уфимский отряд, состоявший из нескольких сот бой-

[1] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 588, л. 18.
[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 13об.
[3] Ныне Красноусольский (Башкирская АССР).
[4] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 47.
[5] ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 91, л. 430 и об.

цов, включая 250 богоявленцев, 75 симцев, участвовал в боях за освобождение станции Сырт, станицы Павловской. Частью сил он оказал помощь Кустанайскому отряду, на который яростно наседали превосходящие силы белоказаков. Помощь оказалась своевременной и решающей [1]. Успешно действовал в те дни и Южный отряд Н. Д. Каширина. По белоказакам наносили удары с юга не только упоминавшийся Кустанайский, но и другие отряды. Из более отдаленных южных районов вели наступление рабочие отряды Ташкента, Самарканда и других среднеазиатских городов.

Численность советских войск в районе Оренбурга возросла. Для полного разгрома белоказаков имелись все предпосылки. Но к этому времени под Оренбург стали поступать все более тревожные вести о контрреволюционном выступлении белочехов и других белогвардейских сил.

Обстановка не только на Урале, но и в целом в стране в конце мая — начале июня 1918 г. коренным образом изменилась. Началась открытая иностранная военная интервенция и гражданская война. Урал быстро превращается в прифронтовой и фронтовой край. В наиболее сложном положении оказался сразу же Южный Урал, в том числе советские отряды под Оренбургом.

---

[1] В боях и походах, с. 50—51; *Ушаков А. А.* Усолка остается красной, с. 75.

Глава вторая

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ

1. Урал в огне гражданской войны

Успехи трудящихся России, приступивших к социалистическому строительству, упрочение Советской власти вызвали животный страх и лютую ненависть в лагере империализма, среди свергнутых эксплуататорских классов внутри страны. Борьба рабочих и крестьян России против капиталистической эксплуатации являла собой вдохновляющий пример для революционных выступлений трудящихся всего мира. Международный империализм поставил перед собой задачу — во что бы то ни стало ликвидировать Советскую власть в России, восстановить в ней капиталистический строй и расчленить ее на сферы влияния между своими государствами. Иностранные империалисты большие надежды возлагали на контрреволюционные силы внутри Советской республики, мобилизуя их на борьбу против трудящихся масс. В свою очередь, свергнутые эксплуататорские классы были кровно заинтересованы в помощи со стороны международного капитала и умоляли его заправил начать военную интервенцию в России. Непримиримая враждебность внешних и внутренних реакционных сил интересам России послужила основой для их объединения в единый фронт борьбы против Советской власти.

Весной 1918 г. обе эти антинародные силы объединились против Советской республики. Началась открытая военная интервенция империалистических стран на Севере, Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье. «Капитализм, — отмечал Генеральный секретарь ЦК партии М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, — встретил рождение социализма как «ошибку» истории, которая должна быть «исправлена». Исправлена во что бы то ни стало, любым способом, без оглядки на право и мораль: вооруженной интервенцией, экономической блокадой, подрывной деятельностью, санкциями и «наказаниями», отказом от какого бы то ни было сотрудничества.

Но ничто не смогло помешать утверждению нового строя, его исторического права на жизнь» [1].

Большие надежды империалисты возлагали на Чехословацкий корпус, насчитывавший около 45 тыс. человек. Этот корпус был сформирован царским и Временным буржуазным правительствами из военнопленных чехов, словаков и других славянских народов бывшей Австро-Венгерской империи. В корпус направлялись сотни наиболее реакционно настроенных русских офицеров. После заключения Брестского мира Советское правительство разрешило Чехословацкому корпусу, размещавшемуся на Украине, переправиться через Сибирь и Дальний Восток во Францию. К этому времени правительства стран Антанты, используя реакционное офицерство и заблуждения солдатских масс, готовили вооруженное восстание корпуса против Советской власти, тщательно скрывая подготовку.

Одновременно, в сговоре с командованием корпуса и с империалистами Англии, Франции и США, к вооруженному выступлению готовились и подпольные белогвардейские организации в Сибири, на Урале, в Поволжье. В 20-х числах мая 1918 г. командирам частей чехословацкого мятежного корпуса, растянувшегося от Пензы до Владивостока, по всей великой транссибирской железнодорожной магистрали, был отдан приказ о выступлении против Советской республики. Об этом, например, свидетельствует текст стенограммы совещания, состоявшегося 29 мая в Мариинске, в котором принимали участие американский полковник Эмерсон и белочешский капитан Кедлет. «Капитан Кедлет, — говорится в стенограмме, — признал, что он и другие начальники чешских эшелонов получили из Пензы инструкции остановиться там, где их застанут эти инструкции, и захватить эти города. Эти действия являлись согласованным выступлением, и руководство этой операцией находилось в Новониколаевске. Начальники эшелонов должны были остаться со своими войсками в захваченных городах до получения дальнейших инструкций» [2].

25 мая началось выступление корпуса (часть солдат отказалась поднять оружие против Советской власти и подверглась репрессиям). В этот день белочехами был захвачен Мариинск, 26 мая — Новониколаевск, а в ночь на 27 мая Челябинск. Корпус действовал четырьмя группами: Поволжской, Челябинской, Сибирской и Владивостокской. В Челябинске и его районе находилось 11 чехословацких

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 10—11.

[2] *Гревс.* Американская авантюра в Сибири, М., 1932, с. 32.

эшелонов, в которых было около 8 тыс. вооруженных солдат и офицеров. В связи с продолжающейся борьбой трудящихся Урала против дутовцев практически все вооруженные силы Челябинска были отправлены под Оренбург. В городе имелся весьма незначительный гарнизон. Воспользовавшись этим, мятежники внезапно напали на красноармейцев, разоружили их, разогнали Челябинский Совет и установили в городе контрреволюционный режим.

Хорошо организованные и вооруженные части белочехов развернули военные действия на Южном Урале. Оживились действия и белоказаков, возглавлявшихся Дутовым. Они немедленно вступили в контакт с белочешским командованием и взяли на себя задачу обеспечить им тыл с юго-востока. В целом ряде районов Урала вспыхнули новые кулацкие мятежи. Они имели место в Верхнеуральском и Оренбургском, Троицком и Челябинском уездах Оренбургской, Бирском, Златоустовском, Уфимском уездах Уфимской губерний, в других районах Урала. Если до конца мая 1918 г. на Урале велась эпизодически то разгорающаяся, то затухающая борьба с дутовцами и кулацко-эсеровскими выступлениями в отдельных районах, то с момента восстания чехословацкого корпуса, являвшегося интервенционистским выступлением, началась полоса длительной, тяжелой и кровопролитной гражданской войны в крае.

Ко времени антисоветского выступления белочехов, достаточных вооруженных сил для борьбы с ними и одновременно с дутовцами, кулацко-эсеровскими мятежами, не было. И это несмотря на то, что на Урале на 10 мая 1918 г.личный состав уральских войск составлял 29. 588 чел. Дело заключалось в том, что из этих войск 11837 чел. состояло в красногвардейских отрядах и дружинах [1], как правило небольших, слабо обученных, недостаточно организованных, вооруженных, тяготевших к действиям в районе своих заводов и других местных населенных пунктов. Особенно это характерно было для Уфимской губернии, где существовали боевые отряды народного вооружения (БОНВ), создававшиеся при партийных и советских организациях по типу дружин периода первой русской революции.

В новых условиях при нестабильном составе, недостаточной обученности, вооруженности отрядов вести успешную борьбу с регулярными частями врага было крайне трудно. Начатая в Уфимской и других губерниях работа по формированию из отрядов частей Красной Армии дала

[1] Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968, с. 16.

к моменту чехословацкого мятежа лишь самые первые, скромные результаты. Что касается других контингентов уральских войск, то они входили в 1-й Уральский, 17-й Уральский полки (из которых по-настоящему был отмобилизован лишь первый из них), в другие полки, подразделения, отряды, формирование которых было в самом разгаре.

Перед партией и правительством, коммунистами, советскими, военными органами Урала, а также Поволжья встала серьезная задача: в самое короткое время организовать вооруженные силы, достаточные для отпора врагу. Обороне Урала, представлявшего собой огромный и богатейший район страны, первостепенное внимание уделял В. И. Ленин. Он требовал от командования Красной Армии, от местных партийных, советских и профсоюзных организаций направить все силы, чтобы отстоять Урало-Кузнецкий район. 11 июня 1918 г., когда в Поволжье и на Урал были отправлены первые части Красной Армии, В. И. Ленин требует от Петроградского Совета немедленной посылки на Урал наибольшего числа отрядов Красной Армии. Через 3 дня В. И. Ленин настойчиво повторяет свое требование: «Надеюсь получили мою просьбу посылать больше отрядов на Урал. Добавляю, что крайне важно послать туда побольше рабочих для агитации и руководства остальными» [1].

Много внимания усилению борьбы с белочехами уделяли высшие военные органы, в частности Высший военный совет, а также Наркомат по военным делам. Оперативный отдел Наркомвоена Ярославскому, Костромскому и Владимирскому губернским военным комиссариатам уже 28 мая 1918 г. дал указание: «По приказанию наркомвоенмора по получении телеграммы немедленно вышлите все имеющиеся силы, оставив только для необходимых расходов, по маршруту Пермь — Екатеринбург, где получите от военного комиссара дальнейшие указания. Положение с чехословаками угрожающее» [2].

15 июня 1918 г. Совет в директиве потребовал «привлечь к активному участию в ликвидации» белочешского мятежа «все наличные силы Уральского и Приволжского окружных военных комиссариатов, в особенности их личный состав из военных специалистов» [3]. На Урал посту-

---

[1] Ленинский сборник XXXIV. М., 1942, с. 26.

[2] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сб. док. М., 1969, с. 91.

[3] Там же, с. 99.

пают пополнения. Но основные силы по борьбе с белогвардейцами и интервентами на Урале, особенно в первые недели, партия черпала на местах. Уральский окружной комиссариат 27 мая 1918 г. в донесении в Наркомвоен сообщал о мерах по развертыванию борьбы с мятежными белочешскими частями: «Приказано мобилизовать военные силы Вятского, Пермского, Екатеринбургского, Челябинского и Троицкого округов. По выяснении общего положения и сборе необходимых сил и средств, будет предпринято наступление к Челябинску» [1].

В напряженной обстановке по инициативе Уральского областного комитета РКП(б) 29 мая был образован революционный штаб Уральской области. В его состав вошли военные комиссары Ф. И. Голощекин и С. А. Анучин, а также председатели областного и Екатеринбургского городского Советов и начальник резерва Красной Армии. Урал, подобно всей стране, превращался в боевой военный лагерь.

Усилилась работа по формированию красноармейских частей. Первыми добровольцами были коммунисты. В ряде городов и заводов в отряды и дружины вступали коммунисты в полном составе. Под ружье были поставлены коммунисты Екатеринбурга, Уфы, Троицка и других городов. Не отставали от них и заводские поселки. Партийная организация Тирляна приняла постановление обязать всех 160 коммунистов, записавшихся в дружину, обучаться военному делу и по первому требованию отправиться на фронт. Всего в отряд вступило около 300 человек, составивших батальон под командованием Я. Д. Медведкова [2].

Вместе с тем коммунисты вели работу по мобилизации добровольцев рабочих и трудящихся крестьян. В Миньяре, например, была проведена добровольческая мобилизация, давшая отряд в 300 бойцов-рабочих. Местный Совет постановил завод временно закрыть, чтобы приступить к военному обучению всех способных носить оружие. Занятия начались немедленно. Военный лагерь представляли собой такие южноуральские заводы, как Белорецк, Богоявленск и др.

В район Челябинска и Златоуста для борьбы с белочехами и белогвардейцами направлялись отряды, сформированные на Среднем и Северном Урале. На фронт борьбы против белочехов стали прибывать и местные южноуральские отряды. В районе Златоуста из советских отря-

---

[1] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Сб. док. в 4-х томах.М., 1971, т. 1, с. 363.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 5, д. 4, л. 9, 15.

дов создается фронт, которым руководил выдающийся уральский коммунист И. М. Малышев. Несмотря на малочисленность, советские отряды почти в течение месяца мужественно обороняли подступы к Златоусту, срывая планы врага прорваться в западном направлении и соединиться с волжской белогвардейской группировкой [1]. Советские части упорное сопротивление оказывали белогвардейцам и в ряде других районов.

Тяжелые оборонительные бои с белочехами, белогвардейскими отрядами вели красногвардейцы, немногочисленные части Красной Армии в Поволжье. К началу июня враг захватил здесь ряд городов. 8 июня в его руках оказалась Самара. В борьбе против Поволжской группировки врага складывался один из участков Восточного фронта. Не менее упорной была борьба в Сибири и на Дальнем Востоке, складывавшаяся не в пользу советских войск. Значительная часть отрядов западносибирских городов отходила к Тюмени, на Урал. Под руководством коммунистов Урала и Западной Сибири они постепенно сплачиваются, дают более организованный отпор контрреволюции.

Но враг обладал большим превосходством сил. Ломая героическое сопротивление красногвардейских отрядов, заняв Златоуст, Курган и соединившись с шедшими из Сибири контрреволюционными частями, вражеские войска численностью до 17 тыс. человек двинулись на столицу Урала — Екатеринбург. На их вооружении было 26 орудий, 140 пулеметов, броневики, авиаотряд [2]. Под Екатеринбургом и в других районах Среднего Урала советские войска вели упорные оборонительные сражения на протяжении многих недель.

Стойкое сопротивление частей Красной Армии и красногвардейских отрядов в Поволжье и на Урале позволило ЦК РКП(б) и Советскому правительству сосредоточить на востоке страны значительные силы, направить туда сотни коммунистов, видных деятелей партии. В середине июня создается Восточный фронт. Из разрозненных частей, действующих на Среднем Урале, был образован Северо-Урало-Сибирский фронт. Его командование в оперативном отношении было подчинено Реввоенсовету Восточного фронта. В ходе боев, начиная с 19 июня, на Восточном фронте создаются армии. Так, 20 июля части Северо-Урало-Сибирского фронта были преобразованы в 3-ю армию Восточного фронта. 26 июня Реввоенсоветом Восточ-

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 193—194.

[2] Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940, т. 1, с. 355—356.

ного фронта издается распоряжение об объединении всех войск, действовавших в районе Уфы, во 2-ю армию, которая и была сформирована в боевой обстановке.

Восточный фронт летом 1918 г. стал главным фронтом Советской республики. Части и соединения этого фронта отражали натиск наиболее многочисленных и мощных сил внутренней и международной реакции, представлявших смертельную опасность для Советской республики. Фронту уделяется первостепенное внимание. В распоряжение его командования направляются пополнения, в том числе части, снимавшиеся с других фронтов. 10 августа 1918 г. В. И. Ленин дал Высшему военному совету предписание: «Всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта *наибольшего* числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок»[1]. Высший военный совет 11 августа во исполнение этого предписания Северному и Западному участкам завесы Западного фронта дал директиву снять «все боеспособные части, подготовить их к посадке на железную дорогу и стянуть к станции посадки»[2].

Лишь с 5 по 21 августа на Восточный фронт прибыло около 11 тыс. штыков и сабель, 60 орудий и 175 пулеметов. Но пополнялись и вражеские войска. К тому времени их численность превысила 60 тыс. штыков и сабель[3]. Они, особенно чехословацкие части, были лучше организованы, обучены, вооружены. Вот почему в июле — августе белочехам, белогвардейцам и белоказакам удалось захватить обширные районы Среднего Поволжья, большую часть Южного и Центрального Урала. Советские войска, действовавшие под Оренбургом, уже к концу июня оказались полностью разобщенными с частями Восточного фронта, в том числе и его северного участка. Не было с ними и телефонно-телеграфной связи.

А между тем отряды под Оренбургом продолжали жить и действовать. В. К. Блюхером была предпринята попытка установить связь с Уралобкомом партии и командованием советских войск. Через линию фронта был послан политкомиссар Челябинской артиллерийской батареи, член партии с 1906 г. С. С. Моисеев, который благополучно добрался до Екатеринбурга и поручение В. К. Блюхера выполнил[4]. Но шли недели. Новых сведений из-под Оренбурга

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 146; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 43.

[2] Директивы Главного командования Красной Армии, с. 109.

[3] Гражданская война в СССР. В двух томах. М., 1980, т. 1, с. 185, 187.

[4] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 88.

не поступало. Уральский обком РКП(б) и областной Совет пришли к выводу, что отряды, оставшиеся в окружении врага под Оренбургом, прекратили свое существование. Однако они существовали и действовали.

В. К. Блюхер, опираясь на опыт борьбы с дутовцами весной 1918 г. выдвинул план создания в казачьих станицах революционных отрядов из местного населения. Но этот военно-политический план не сумели правильно оценить другие командиры, рассматривавшие казачество как контрреволюционную массу в целом. А между тем казачья беднота и крестьяне-переселенцы («иногородние», как их называли казаки), могли быть надежной силой в борьбе с контрреволюцией. Вслед за выявлением принципиальных расхождений между В. К. Блюхером, как он сам вспоминал, и некоторыми командующими отрядами, общее число которых достигало двух десятков, на собрании командиров в середине июня главнокомандующим был избран Г. В. Зиновьев [1].

Возможно, освобождение В. К. Блюхера от поста главкома войск под Оренбургом было связано и с тем, что в ответ на настойчивые просьбы советских и партийных руководителей Троицкого уезда о переводе туда лично Блюхера (сам он тоже рвался туда) и его отряда нарком по военным делам Н. И. Подвойский дает на это согласие [2]. Но осложнившаяся обстановка под Оренбургом потребовала дальнейшего присутствия там его самого и Сводного Уральского отряда, как наиболее стойкого боевого соединения.

Именно части этого отряда были срочно брошены в западном направлении, когда белочехи оказались под Бузулуком. Когда уральцы подошли туда, Бузулук был уже оставлен. Завязались ожесточенные бои, в результате которых удалось на время освободить и удерживать город, оказать помощь в эвакуации ценностей. В бою под Бузулуком погиб командир и комиссар отряда Челябинских шахтеров С. Я. Елькин.

Под натиском многократно превосходящих сил врага пришлось из Бузулука все же отступить. Но блюхеровцы, приняв на себя основной удар врага, отступали медленно, дрались за каждую станцию. Это спутало планы и расчеты белочехов, позволило осуществлять в угрожаемых районах организованную эвакуацию. Командование войск под Оренбургом доносило Н. И. Подвойскому, что «отряд Блюхера (700—800 человек) один сдерживает наступле-

---

[1] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 11, 47—48.
[2] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 241, л. 62.

ние противника, силы которого доходят до четырех тысяч»[1].

Уральцы сражались до тех пор, пока не завершилась эвакуация Кинель-Бузулукского фронта, пока не были доставлены вечером 28 июня последние эшелоны на станцию Сырт.

К концу июня все советские отряды сосредоточились непосредственно в районе Оренбурга. В обстановке полной изоляции от основных сил Красной Армии, при наличии здесь огромного превосходства сил врага, оборона Оренбурга утрачивала свое прежнее значение. К тому же достаточной надежды на успех в решении этой задачи у командования советскими отрядами не было. Остро встал вопрос о дальнейших боевых действиях.

28 июня 1918 г. состоялось совещание командиров и представителей местных органов власти, созванное Г. В. Зиновьевым. Решено было эвакуировать Оренбург. Большинство командиров, в том числе и главком Г. В. Зиновьев, высказались за отвод частей с Оренбургского фронта по незанятым противником районам в Туркестан, к Ташкенту. В. К. Блюхер развивал план выхода из окружения в северном направлении, к крупным промышленным центрам Урала для слияния с главными силами Красной Армии. С решением совещания В. К. Блюхер не согласился и со Сводным Уральским отрядом решил пробиваться в район Троицка-Верхнеуральска и далее, в зависимости от обстановки, на север по рабочим районам Урала в район Златоуста.

Отказались уходить с Урала, в сторону от главных сил Красной Армии, еще два отряда — Н. Д. Каширина и М. В. Калмыкова. Произошло расчленение Оренбургской группы советских войск. Часть из них во главе с Г. В. Зиновьевым, отойдя вначале в район Актюбинска — Орска, продолжала борьбу главным образом с дутовцами. Впоследствии отряды Г. В. Зиновьева стали ядром сформированной советским командованием Туркестанской армии.

Следовательно, эти отряды в борьбе с контрреволюцией сыграли видную роль. Однако она могла бы быть более значительной, если бы отряды переместились из степного района на Средний Урал, где вследствие острого недостатка советских войск враг захватил десятки городов и поселков, насыщенных промышленными предприятиями. Вскоре после выхода Сводного Уральского и Южного отрядов на север, 3 июля, Г. В. Зиновьев в разговоре по телеграфу с В. К. Блюхером сказал: «Ну хорошо, ска-

---

[1] *Душенькин В.* От солдата до маршала, с. 22.

жи, как мне быть, Сангурсий ранен, я изнемогаю, рабочие разбегаются, казаки продвигаются... настроение паническое. Скажу всю правду: «Молодцы, уральцы!». В. К. Блюхер советовал: «По-моему, необходимо собрать все боевые отряды и двинуться в нашем направлении. Скопившись вместе на линии Самаро-Златоустовской железной дороги, нам может быть удастся перевернуть весь ход событий» [1].

Не имея связи с центральными партийными и советскими органами, В. К. Блюхер выбрал, можно сказать, наиболее удачный, рациональный план действий и в дальнейшем неуклонно его придерживался. Его уверенность в этом окрепла после упомянутого разговора с Г. В. Зиновьевым и в тот же день — с А. М. Калугиным — одним из видных командиров стерлитамакских красногвардейцев. Последний Блюхеру сообщил: «Вам Уфа рекомендует отступать на Верхнеуральск» [2]. Давая этот совет войскам В. К. Блюхера, руководители уфимских военных и других губернских организций, готовивших эвакуацию города, имели в виду информацию о действиях в районе Верхнеуральска отрядов И. Д. Каширина и Н. Д. Томина, необходимости объединения с ними.

Судьба отрядов В. К. Блюхера, Н. Д. Каширина и М. В. Калмыкова, в отличие от других отрядов Оренбургского фронта, сложилась иначе. Они вынуждены были действовать в тылу врага и вместе с другими отрядами вошли в состав партизанского соединения. И в этот период, и потом, по выходе из-за линии фронта, они дрались там, где находился центр тяжести борьбы соединений Восточного фронта — главного фронта республики.

2. Во вражеском кольце

В крупнейшие на Южном Урале, в глубоком тылу интервентов и белогвардейцев, очаги борьбы с ними и формирования новых вооруженных сил превратились Троицк, Верхнеуральск, Белорецк и их районы. Белорецку суждено было стать не только пунктом притяжения, стечения частей и отрядов, но и подлинной столицей обширного партизанского края. И это не было случайным.

Белорецк был крупным заводским поселком (фактически городом) со старинным металлургическим заводом,

---

[1] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 19.
[2] Там же, л. 18.

производимый которым чугун в свое время славился качеством и дешевизной, а железо — своей легкой ковкостью в холодном состоянии. Завод состоял из 2 доменных, 3 мартеновских печей, сутуночного и проволочного станов. Количество рабочих завода, включая рудничных и вспомогательных, уже в конце XIX столетия исчислялось почти 8-ю тысячами [1]. Правда в связи с упадком производства, мобилизациями к моменту установления Советской власти численность рабочих завода значительно сократилась, но продолжала составлять несколько тысяч [2]. В городе имелся также новый сталепроволочный завод.

Белорецкие рабочие имели большие революционные традиции. Но в их среде наблюдались и мелкобуржуазные тенденции, в связи с чем накануне Октября там пользовались весьма значительным влиянием эсеры и меньшевики. После победы Советской власти их влияние резко снижается, а влияние большевиков становится подавляющим.

Летом 1918 г. Белорецк стал своеобразным центром небольшого острова на южном Урале, окруженного со всех сторон белогвардейцами. Город, окруженный горами, был труднодоступен для врага и представлял удобную базу для борьбы с ним. Крупная Белорецкая большевистская организация (уже к январю 1918 г. в ней состояло 106 членов, а позднее — несколько сот человек) оказывала большое влияние на соседние заводы и крестьянско-казачью бедноту. В ней активную роль играли коммунисты-латыши Барум, Гаум и другие, прибывшие на помощь местным коммунистам еще до Октября. Белорецкий партийный комитет руководил коммунистами 11 заводов (Тирлянского, Узянского, Кагинского и др.) и многих сел [3].

Во главе Белорецкой организации РКП(б), а также Военно-революционного комитета и военного комиссариата стоял Павел Варфоломеевич (Людвигович) Точисский [4]. Точисский родился в 1864 г. в Екатеринбурге в семье полковника. В 1883 г. он оставил гимназию, порвал с дворянской средой, стал рабочим. В следующем году переехал в Петербург, установил связи с нелегальными рабочими кружками. Усиленно занимался самообразованием. Стал одним из первых марксистов России.

---

[1] Очерки истории Башкирской организации КПСС, Уфа, 1973, с. 21.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246-а, л. 9 и об.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 85; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 294, л. 5—6; Гражданская война в Башкирии, с. 31.

[4] П. В. Точисский, а в первые годы после Октябрьской революции и все близко знавшие его писали его фамилию с одним «с» — «Точиский», но в литературе она утвердилась как «Точисский».

В 1885 г. создал социал-демократическую организацию, получившую название «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Вел активную революционную партийную работу в Москве, Н.-Новгороде, Екатеринославе и других городах. Февральская революция застала П. В. Точисского в Омске. Вскоре он с семьей переехал в Белорецк, устроился заведующим отделом заказов заводоуправления и развернул кипучую организационно-политическую работу в массах. Под его руководством оформляется большевистская организация. Председателем избранного 7 апреля 1917 г. партийного комитета избирается П. В. Точисский. Под его руководством в Белорецке и его районе завоевывается и успешно защищается Советская власть.

С началом иностранной военной интервенции и гражданской войны П. В. Точисский развернул бурную деятельность по формированию красногвардейских отрядов. В них вступали рабочие Белорецка и округа, трудящиеся крестьяне русских и башкирских деревень. Несколько крупных отрядов Белорецк послал на борьбу против белочехов и белогвардейцев. Так, один из них под командой И. Мамыкина в составе Южного отряда Н. Каширина сражался под Оренбургом, другой под руководством большевиков Ф. Н. Сызранкина и А. В. Пирожникова сдерживал белогвардейцев под Юрюзанью («запрудовский фронт») и т. д. Кроме того, в городе к началу июля 1918 г. имелась крупная рабочая дружина.

Представители Белорецкого ВРК совместно с местными коммунистами создавали красногвардейские отряды в Тирлянском, Узянском и других заводах. П. В. Точисский раньше, чем многие другие военные и партийные работники Южного Урала, понял, что война с белогвардейцами предстоит трудная. Ее можно выиграть, создавая дисциплинированные, крепкие и хорошо вооруженные отряды. Он решительно боролся с партизанщиной в отрицательном смысле этого слова [1].

П. В. Точисский организовал бесперебойное снабжение боевых отрядов продовольствием и снаряжением. Продовольствие в Белорецк и непосредственно в отряды на Запрудовский фронт доставлялось по распоряжению советских властей непосредственно с мест или группами посылавшихся в деревни рабочих. Например, одна из таких групп, возглавлявшаяся коммунистом В. А. Дородновым, закупила в Южноуралье и доставила в Белорецк 5 тыс. пу-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 784, л. 43.

дов хлеба[1]. Белорецкие рабочие были одновременно тружениками и воинами. Когда они работали, то винтовки стояли в пирамидах рядом, тут же в цеху[2].

Белорецкому, Тирлянскому и Катав-Ивановскому отрядам, действовавшим под руководством Ф. Н. Сызранкина и А. В. Пирожникова под Юрюзанью, сдерживать противника становилось все труднее и труднее. В начале июля отряды стали постепенно отходить к Белорецку[3]. В непосредственной близости от этих отрядов действовали остатки Челябинско-Златоустовской красногвардейской группы войск, которыми командовал член большевистской партии с 1905 г. И. Ф. Туманов[4]. Под давлением врага они отошли от ст. Кропачево через Катав-Ивановский завод в район Юрюзани. И Туманов связался по телефону с Сызранкиным и Пирожниковым. От них он узнал, что те отходят к Белорецку. И Туманов со своими бойцами прямым путем двинулся в Белорецк и прибыл туда примерно 9 июля. Произошла встреча с П. В. Точисским. Туманов передал председателю ВРК крупную сумму денег — около 1 млн. 200 тыс. рублей[5].

В район Белорецка и Тирляна пробивались мелкие партизанские отряды, группы и одиночки-рабочие, красногвардейцы из захваченных врагом заводских южноуральских районов. Это было сопряжено с огромными трудностями, смертельной опасностью и заканчивалось нередко трагическим исходом. Так, когда в июне, после захвата белогвардейцами Катав-Ивановского завода, поражения местного красногвардейского отряда, роспуска его остатков, перехода коммунистов, многих бойцов на нелегальное положение, группа молодежи в составе 8 человек под руководством председателя местной организации Социалистического союза рабочей молодежи А. И. Азина отказалась сложить в тайники оружие и двинулась через горы и леса в сторону Белорецка в расчете на соединение с Красной Армией или крупными силами партизан. В числе членов группы были башкир Ахмедзян, украинец Журба, русские Ваня Варенов, Леня Бочкарев и др.

Пришлось идти по бездорожью, питаться ягодами, грибами. Одежда у всех обратилась в лохмотья. Крайней степени достигло истощение. Стычки с белогвардейцами были чуть ли не повседневными. В них были убиты Жур-

---

[1] *Янгузов З., Юдкевич Л.* Сквозь огненное кольцо, с. 45.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 10.
[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 239, л. 7.
[4] ЦГА БАССР, ф. Р-701, оп. 1, д. 7, лл. 1—6.
[5] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 35—36.

ба и два других бойца, четверо были схвачены врагом. До партизан-белоречан, тирлянцев в районе Журавлиного болота добрался лишь один — Азин; включился в пулеметную команду, в дальнейшем стал пулеметчиком Архангельского полка, неоднократно отличался в боях, позднее стал командиром батальона [1].

В период борьбы с дутовцами под Оренбургом и белочехами в районе Челябинска формирование красногвардейских отрядов шло также в Верхнеуральске и Троицке.

В начале июня 1918 г. в Верхнеуральске состоялся 1-й уездный съезд Советов казачьих и крестьянских депутатов. В связи с тем, что была получена информация о захвате белочехами Миасса и продвижении их на Троицк, работа уездного съезда Советов по предложению Верхнеуральского комитета РКП(б), возглавлявшегося Н. И. Ивановым, была прекращена. Решено было все усилия коммунистов, делегатов съезда сосредоточить на формировании добровольческих революционных отрядов.

Призыв вступить в Красную Армию нашел горячий отклик среди казачьей, крестьянской и городской бедноты. В городе и уезде, в казачьих станицах и селах сотни добровольцев вступали в формирующиеся отряды. Только в с. Кирсинское число добровольцев составляло две роты. В пос. Смеловском записались в отряд 93 чел., включая ряд женщин и девушек — А. Баранову, А. Добрынину, Л. Зотову и др. Необходимо подчеркнуть, что и на восточных склонах Уральского хребта, на равнинах, за р. Урал, среди казаков, в Верхнеуральске жило много башкир и татар. По призыву Советской власти они прибывали в Верхнеуральск десятками. Дер. Ахунова дала 200 бойцов. Был организован отряд из крестьян дер. Кизинкеево [2].

Целый ряд представителей национальных меньшинств, в том числе 50-летний башкир Мгужай были включены в Верхнеуральскую батарею, в которой правда в связи с отправкой в составе Южного отряда двух орудий имелось пока лишь одно орудие. При создании батареи и в данный момент артиллеристами командовал коммунист, член городского Совета, фронтовик Мустафа Халидов.

Командиром одной из кавалерийских сотен был С. Валеев, отец которого был трубочистом. «И вот сын его (трубочиста.— *Авт.)* — командир красной сотни,— говорил М. Халидов, — а я, бывший фейерверкер, — командир батареи. Так вот революция выдвигает людей, предоставляя

---

[1] ГАСО, ф. 1200р, оп. 1, д. 32, л. 4—7.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 421, л. 67—68.

каждому проявлять свою творческую инициативу»[1]. Замечательным бойцом-наездником сотни Валеева был Сафиуллин из дер. Ново-Ахуновой.

При мобилизации добровольцев нередко заявления о вступлении в Красную Армию подавали дети 14—16 лет. Часть шестнадцатилетних подростков была принята в отряды. В них не ошиблись. Они показали себя прекрасными бойцами[2]. Среди добровольцев преобладали бывшие солдаты и казаки-фронтовики. Правда, в числе добровольцев оказалось и некоторое число маловеров и прямых предателей, которые, получив оружие, перебегали к врагу.

В связи с тем, что противник стал теснить верхнеуральцев, городской гарнизон усиленно готовился к обороне. Комиссаром штаба Верхнеуральского гарнизона 26 июня был назначен член большевистской партии волевой командир Н. К. Шкаев[3]. Ему вменялось в обязанность «спешно принять меры к организации местных дружин...»[4].

Формирование Верхнеуральского отряда шло на ходу, в процессе оборонительных боев. В отряде преобладали кавалеристы. Первоначально они составляли «Летучий отряд». Позднее, 29 июня, Летучий отряд был переформирован во 2-й кавалерийский полк четырехсотенного состава»[5]. Другие кавалерийские сотни и отряды были сведены в 1-й кавалерийский полк. До середины июля он имел также 4 сотни. В обоих полках имелось около 900 сабель[6]. Добровольцы-пехотинцы были сведены в один полк 5-ротного состава (около 800 штыков) с командами — пулеметной, службы связи и др.[7].

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 421, л. 38—39.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 784, л. 27; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 56.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108; ГАЧО, ф. 594, оп. 2, д. 363, л. 8.

[4] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108.

[5] Там же, л. 109 и об.

[6] В литературе допускаются огромные преувеличения численности верхнеуральских кавалеристов. Например, П. С. Лучевников пишет о том, что их будто бы в рассматриваемый период было 2.400 (см.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 56).

[7] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 125 и об.; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 129; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 735, д. 310; Легендарный рейд, с. 154. Некоторые авторы (например, В. В. Душенькин, см. кн.: От солдата до маршала, с. 26) указывают, что в Верхнеуральске будто бы было сформировано два пехотных полка. Это не соответствует действительности. Первоначально мыслилось (возможно, в этом отношении сделаны были первые шаги) сформировать два стрелковых полка. Но на деле, судя по всей совокупности документов, был создан лишь один полк, к тому же немногочисленный. На первых порах, как мы отметили, он иногда именовался «1-м Верхнеуральским», а в дальнейшем — просто «Верхнеуральским пехотным полком».

Формирование полков в основном было закончено к 8 июля 1918 г. Командиром пехотного полка стал бывший прапорщик В. М. Хорьков, его помощником — И. В. Погорельский [1]. Командирами кавалерийских полков были назначены: 1-м — Смирнов, несколько позднее замененный Зобовым [2], и 2-м — Каюков [3]. В отряде имелось одно артиллерийское орудие [4].

В дальнейшем в отряде за счет орудий Южного отряда Н. Д. Каширина была сформирована трехорудийная батарея, которой вначале командовал упоминавшийся М. Халидов, затем — Марченко [5].

Верхнеуральский отряд имел штаб, а также «Летучий санитарный отряд», нестроевую роту, хозяйственную часть, обозы 1 и 2 разрядов и другие службы и подразделения [6]. Общая численность отряда к середине июля превышала 2 тыс. человек, в т. ч. 800 штыков и 900 сабель [7]. Командующим назначается бывший казачий офицер И. Д. Каширин (брат Н. Д. Каширина), популярный среди казачьей бедноты, сочувствовавший большевикам.

Подобная же работа по формированию красногвардейских частей в июне 1918 г. проводилась и в Троицком уезде. Председатель Троицкого Совета Я. В. Аппельбаум, характеризуя обстановку на Южном Урале, в докладной записке в Совнарком 8 июня писал: «Троицк своим маленьким гарнизоном обороняется от напора казаков, все более сжимающих контрреволюционное кольцо. Залежи хлеба в Троицком, Кустанайском уездах, готовые к вывозу в голодные центры, значительно повреждены, в опасности быть захваченными мятежниками... Особенности мятежа требуют наискорейшей [его] ликвидации... необходимо срочно принять самые решительные всевозможные меры» [8]. Но оказать помощь Троицку, вскоре отрезанному от центральных районов, оказалось невозможным. Приходилось полагаться на свои силы и возможности. Основной боевой силой Троицкого гарнизона был 17-й Сибирский (переименованный в 17-й Уральский Социалистический) стрелковый полк. Им командовал бывший прапорщик большевик А. П. Кононов.

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 735, л. 310—311; ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 109 и об., 125; ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 1; ф. 3572, оп. 1, д. 13, л. 15.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2137, л. 3.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108—109.

[4] Легендарный рейд, с. 154.

[5] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 26; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 379; Легендарный рейд, с. 157.

[6] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 7 и об.; ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108.

[7] Легендарный рейд, с. 154.

[8] Директивы командования фронтов Красной Армии, т. 1, с. 373.

Александр Павлович Кононов родился в 1894 г. в дер. Горощино Ново-Торжского уезда Тверской губернии. Участники рейда запомнили этого командира, коммуниста с 1917 г., члена Троицкого горкома РКП(б) и горсовета, как бесстрашного и на редкость спокойного. Он всегда был в боевых цепях, в критические минуты лично водил полк в атаку с винтовкой с примкнутым штыком в руках. Вспоминали, что однажды во время боя прошел слух, что А. П. Кононов убит. В опровержение этого Кононов с очередным оперативным приказом в секретном пакете прислал командирам рот... клочки собственной бороды. Командиры и бойцы успокоились: рыжую бороду комполка знали все отлично. А бородачу было лишь 24 года [1]. В 1919 г. А. П. Кононов назначается командиром одной из бригад 30-й стрелковой дивизии.

Адъютантом 17-го Уральского полка становится Гусаков [2]. До 50 процентов полка составляли рабочие Красноярска, Иркутска, Черемхова и других сибирских городов [3].

Но здесь были сотни уральцев и кустанайцев. Так, сформированный в Кустанае отряд Мищенко был переформирован в роту и включен в состав 17-го Уральского полка [4]. В дальнейшем этот полк, как и другие, становится по составу преимущественно уральским.

В Троицке имелся также коммунистический отряд, созданный весной 1918 г. [5]. Им командовал С. П. Жеребцов. Из бывших военнопленных австро-венгерской и германской армий был сформирован отдельный батальон под командованием венгра Сокача. Как коммунистический отряд, так и интернациональный батальон в дальнейшем были включены в состав 17-го Уральского полка. В Троицком отряде имелась 6-орудийная батарея [6]. Вначале ею командовал П. Д. Крахмалев, в дальнейшем — М. А. Сухов. В числе опытных артиллеристов были И. Ш. Сибатуллин и другие башкиры и татары [7].

Боевые действия против дутовских казачьих частей и белочехов показали, что без конницы обойтись невозможно. Командованием войск Троицкого гарнизона перед

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 48, л. 62; ф. 3573, оп. 1, д. 105, л. 24; *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 43.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 213.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 239, л. 42.

[4] ГАЧО, ф. 594, оп. 2, д. 127, л. 1.

[5] Там же, д. 255, л. 6.

[6] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 294; Легендарный рейд, с. 154, 162.

[7] Легендарный рейд, с. 41—42, 124; ПАБО, ф. 7655, оп. 2, д. 84, л. 119.

исполкомом уездного Совета был поставлен вопрос о формировании кавалерийских частей из трудящихся казаков. Состоявшийся в начале июня Чрезвычайный съезд Советов Троицкого уезда постановил призвать казаков двух сроков службы в Красную Армию и объявил добровольную запись бывших фронтовиков. Казачья секция Совета постановила создать кавалерийский отряд. Избран был и командный состав будущей части, командир — Александр Ермолаевич Карташев, казак из Тарутинской станицы, являвшийся кумиром бойцов, бесконечно храбрый и находчивый.

До нас дошел фольклорный текст песни, сочиненной, очевидно, разинцами о своем любимом командире, об участии их в рейде Блюхера:

Из-за Южного Урала
На уфимские поля
Выезжали партизаны
«Стеньки Разина» полка.

Впереди всех ехал храбрый,
Наш отважный командир.
Принимая бои жаркие,
К центру двигались они.

Партизаны с крепким духом
Собрались под Красный стяг,
Разбивали банды белых,
Также чехов и словак.

Шли крестьяне на подмогу,
Командир часы взвестил,
Перешли реку Уфимку,
Полк их дальше покатил.

А позади слышен ропот
Малодушных казаков:
— Нет снарядов, нет патронов,
Впереди нету дорог...

— Ничего, сказал, ребята, —
Командир, их веселя, —
Мы найдем себе дороги,
Крепче шашками гремя.

Так и вышло, — все пробились
И к Кунгуру подошли.
Красных войск там было много, —
Соединились с ними мы.

Полилися их рассказы
Все про жаркие бои.
Ну, и — браво, партизаны,
Наши красные орлы![1]

---

[1] Красный набат. Песни, стихи, рассказы о Великом Октябре и гражданской войне. Пермь, 1957, с. 50—51. Составители сборника дали

Песня примечательна и тем, что из ее текста видно, каким виделся партизанам только что завершившийся героический рейд, и тем, каким было отношение их к своим командирам, в данном случае — Александру Ермолаевичу Карташеву, командиру Красноказачьего полка им. Степана Разина.

Помощником командира кавалерийского отряда (затем полка) был избран С. И. Ловчиков, начальник штаба — Полюдов[1]. 10 июня А. Е. Карташев издал приказ «по казачьему социалистическому отряду», что он «на основании постановления казачьей военной коллегии от 9 июня» вступил в командование этим отрядом[2].

Партийные ячейки, советский актив ряда станиц в полном составе садились на коней и вступали в кавалерийский отряд. Например, актив и наиболее сознательная часть казаков Нижне-Увельской станицы сформировали целый взвод. В числе его бойцов были коммунисты и им сочувствующие: А. А. Иванов, его сын И. А. Иванов, Ф. П. Свешников, Е. П. Золотухин, И. И. Свешников, Конкин и др. На базе этого взвода затем была развернута 1-я сотня[3].

В кавалерийский отряд помимо казаков вступило также небольшое количество трудящихся крестьян. Так, три брата Вдовины из д. Борисовки, собрав по пути до 20 добровольцев, прибыли в Троицк и были включены в формирующуюся часть[4]. Отряду городскими и уездными властями было присвоено наименование: «1-й Оренбургский казачий полк имени Степана (Стеньки) Разина». В его составе сначала было 3 сотни, а затем 4[5]. Сотнями

этой песне, записанной в 1936 г. в г. Верхнеуральске, название «В честь южно-уральских партизан». Точнее было бы связать название песни, исходя из ее содержания, с именем А. Е. Карташева и 1-м Оренбургским казачьим полком имени Степана Разина.

[1] Легендарный рейд, с. 45—46.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 221, л. 93—94.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1655, л. 2.

[4] ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 93, л. 3.

[5] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 25. Неправильно дается состав Троицкого отряда в кн. Р. Алферова «Прочнее стали», Уфа, 1954 г. (см. с. 168). Там говорится: «Троицкая бригада имела 17-й Уральский полк имени Степана Разина, кавалерийскую сотню и батарею». Кавалерийский полк им. Ст. Разина выпал, а это название автором ошибочно приписано 17-му Уральскому стрелковому полку. Отдельной сотни в отряде не было. О будто бы имевшемся в Троицком отряде отдельном кавалерийском эскадроне в 180 сабель пишут и авторы упоминавшейся книги «Сквозь огненное кольцо» (с. 34), что также не соответствует действительности.

командовали в разное время Н. Д. Томин, Д. А. Тарасенков, Е. П. Ершов, А. Ф. Пасынков, Баймухаметов, Н. П. Захаров.

Формирование Троицкого отряда не прекращалось вплоть до середины июня. Коммунисты предприняли попытку привлечь на свою сторону солдат-фронтовиков, имевших в Троицке свою организацию, хотя и не вполне успешную. В ее руководстве были коммунисты, вместе с тем и антисоветские элементы.

Когда 13 июня к Троицку подошли белочехи, Троицкий партийный комитет и военный совет выпустили и распространили воззвание, в котором говорилось: «Товарищи крестьяне, казаки и мусульмане! Настал час, когда мы для спасения своей трудовой власти, своей жизни и вольности, своего имущества должны все как один с оружием в руках встать против иноземных разбойников-чехословаков и кровавых вечных наших угнетателей-офицеров и капиталистов» [1].

В этот момент на площади на Амуре (район города) был созван митинг бывших солдат-фронтовиков. Их собралось несколько сот. Предстояло, как планировали коммунисты, обсудить вопрос о вступлении в Красную Армию. В это время бой под городом достиг особого накала. Над собравшимися то и дело, просвистев, пролетали пули. Фронтовики стали расходиться. В это время один из организаторов митинга, коммунист Г. И. Обухов, крикнул:

— Кто хочет жить или умереть за правое дело трудящихся — за мной, к оружию!

Часть собравшихся бросилась за Обуховым к оружейному складу. Им были быстро розданы винтовки и патроны. Вооруженная толпа двинулась на станцию. С противоположной стороны туда спешили бойцы частей гарнизона. Общими усилиями удалось отбросить белочехов от города и обратить их в бегство.

На другой день фронтовики были вновь собраны на митинг. Им было предложено организоваться в отряд, выбрать командиров. Но одновременно с большевиками среди фронтовиков вели работу и контрреволюционные подпольные организации. Митинг и массовая запись в красногвардейский отряд были сорваны офицерами [2].

18 июня белочехи повели новое наступление на Троицк. Неожиданным ударом с северо-запада им удалось ворваться в город. Советским войскам пришлось спешно отступать. Часть бойцов вообще не успела вырваться из го-

---

[1] *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 42.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1982, л. 5.

рода, другая отступила в южном направлении. Основные силы — поредевший 17-й Уральский, кавалерийский им. Степана Разина полки, интернационалисты, Коммунистический отряд, артиллерийская батарея и броневой отряд направились к Верхнеуральску. В эти дни Коммунистический отряд и отряд Интернационалистов включаются в 17-й Уральский полк. В этот тяжелый для троичан момент, 20 июня, собранием командиров и советско-партийного актива командующим Троицким отрядом вместо И. Сугакова, плохо себя проявившего, избирается Н. Д. Томин.

Николай Дмитриевич Томин родился в пос. Кочердык ныне Целинного района Курганской области в казачьей семье. Участник 1-й мировой войны, младший урядник. После Февральской революции избирался членом полкового, дивизионного и армейского комитетов, выборным начальником 1-й Оренбургской казачьей дивизии. С февраля 1918 г. — военный комиссар и уполномоченный по формированию кавалерийских отрядов Троицкого уезда Оренбургской губернии. Будучи избранным командующим Троицким отрядом, оставался им до конца партизанского рейда.

С сентября 1918 г. — командир 4-й стрелковой бригады 4-й (30-й) стрелковой дивизии. В 1919—1920 гг. командовал кавалерийской группой 3-й армии, 10-й Кубанской кавалерийской дивизией, в 1921 г. — 2-м конным корпусом, затем — 15-й Сибирской кавалерийской дивизией. Участвовал в разгроме бандитизма на Северном Кавказе и на Тамбовщине.

В декабре 1921 г. — марте 1922 г. — командующий Забайкальской группой войск Народно-революционной армии Дальневосточной республики во время боев под Волочаевкой и Хабаровском. В 1922—1923 гг. — командир кавалерийской бригады, в 1923—1924 гг.—слушатель Высших академических курсов. В 1924 г. вступил в Коммунистическую партию. С апреля того же года назначается начальником 6-й Алтайской кавалерийской бригады в Восточной Бухаре. Погиб в бою с басмачами в августе 1924 г. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Высоко ценил боевые качества, исключительную дисциплинированность Н. Д. Томина В. К. Блюхер. Беспартийный тогда Томин был строгим, требовательным командиром, умелым воспитателем бойцов, беспредельно честным и столь же храбрым, мужественным человеком.

Начальником штаба Троицкого отряда был член партии с 1912 г. Станислав Мартынович Глинский (родился в Забайкалье, в семье польского революционера), его по-

мощником — член партии с 1917 г. Виктор Сергеевич Русяев. Численность Троицкого отряда значительно превысила 1000 бойцов и после вступления в него добровольцев в районе Верхнеуральска к середине июля достигла 1.300 человек пехоты и кавалерии[1].

Путь от Троицка до Верхнеуральска отрядом Н. Д. Томина был проделан за несколько дней. Верхнеуральцы встретили троичан радушно и торжественно. На городской площади был организован митинг, на котором выступил прибывший с фронта И. Д. Каширин и призвал бойцов Троицкого отряда к совместным и решительным действиям против белогвардейцев[2]. 24 июня в Верхнеуральске состоялось собрание командного состава обоих отрядов. Отряды решили объединить. И. Д. Каширин избирается «Главнокомандующим всеми силами Троицкого и Верхнеуральского отрядов».

Иван Дмитриевич Каширин (1890—1937) родился в Верхнеуральской казачьей семье. Член Коммунистической партии с конца 1918 г. Окончил Оренбургское казачье военное училище. Участник 1-й мировой войны, подъесаул. В марте 1917 г., находясь на Румынском фронте, примкнул к революционной группе казаков 1-й Оренбургской казачьей дивизии. Был членом дивизионного комитета. В марте 1918 г. формировал красные казачьи отряды для борьбы с дутовцами, а затем — с белочехами и белогвардейцами. Участвовал в походе Сводного Уральского отряда в качестве командующего Верхнеуральским, затем — Верхнеуральским и Троицким отрядами и в течение нескольких дней (конец июля — начало августа 1918 г.) — временно Сводным Уральским отрядом. В сентябре 1918 г. — марте 1919 г. — командир 4-й бригады 4-й (30-й) стрелковой дивизии. С марта 1919 г. — командир Особой казачьей бригады. С марта 1920 г. — председатель Верхнеуральского городского Совета. В дальнейшем работает в органах ВЧК — ОГПУ, в частности был полномочным представителем ОГПУ по Нижне-Волжскому краю. С 1931 г. — на хозяйственной работе. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР. Имел звание комкора. В 1925 г. за подвиги в гражданской войне был награжден орденом Красного Знамени.

На собрании комсостава 24 июня в Верхнеуральске Н. Д. Томин был утвержден «начальником троицких отря-

---

[1] Легендарный рейд, с. 20, 162.

[2] Свердловский областной краеведческий музей (СОКМ). Рукописный фонд, 1958, д. 15, л. 76.

дов», иначе говоря, командующим Троицким отрядом [1].

Несколько позднее, 6 июля, командующим Верхнеуральским отрядом И. Д. Каширин назначил Ф. Г. Пичугина [2]. Коммунист Н. В. Баранов избирается помощником главкома. В объединенном отряде создается «Главный военный штаб». В него в течение двух недель подбираются: в качестве начальника — бывший казачий офицер Н. Енборисов, адъютанта—А. Леонтьев, его помощника—Г. Чунин (замененный 10 июля М. Голубых), начальника снабжения — Новиков, фронтового комиссара финансов — Ф. Шеметов, бухгалтера при нем — Абдулла Айдаров, 13 июля вводится должность помощника начальника штаба, на которую был назначен С. Гаврилов [3]. Заведующим летучим лазаретом отряда был назначен врач Ворожев, ветеринарным врачом — Круглов [4]. В Верхнеуральске, оставляемом в тылу готовящихся к наступлению войск, был сформирован штаб гарнизона во главе с комиссаром Н. К. Шкаевым.

Командование и штаб объединенных отрядов занимались разнообразными вопросами. Одной из первостепенных задач было изучение противника, дислокации его войск, а также отношения к нему населения и т. д.

Рассчитывая на успех борьбы с контрреволюцией вообще и в занимаемом Южноуральском районе в частности, штаб посылал разведку не только в ближайшие, но и в отдаленные населенные пункты. 26 июня штаб направил в разведку члена партии С. Д. Попова и Шуменкова (Кобзева) с задачей выяснения положения в казачьих станицах Уйской, Степной, Кундравинской, а также в городах Троицк, Миасс, Челябинск, Курган, Петропавловск, Омск, Ново-Николаевск, Красноярск. Во всех этих пунктах, а также на ст. Чебаркуль, Бикшиль, Иртыш и Тайга разведчики побывали. Но на это ушло большое время.

Доставить разведданные в район Верхнеуральска и Троицка группа, возвращавшаяся из Сибири во второй половине августа 1918 г., не успела. Она перешла линию фронта на участке 3-й армии. Полученные данные представили для командования большую ценность [5]. Но данные о непосредственном противнике в районе Троицка партизаны получали от других разведчиков, местного населения и пленных, готовились к наступлению [6].

---

[1] Легендарный рейд, с. 150.
[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 7.
[3] Там же, оп. 5, д. 91, л. 109; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 10об., 11.
[4] Там же, оп. 5, д. 91, л. 108 и об., 112.
[5] Там же, ф. 176, оп. 3, д. 380, л. 13—21 об.
[6] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 631.

На следующий день после избрания главкомом И. Д. Каширин издает приказ. В нем от командиров и бойцов он требовал твердой революционной дисциплины. Каширин высказал твердую уверенность в неизбежности торжества Советской власти — власти трудового народа. «Мощные духом, — говорилось в приказе, — с верой в победу, с железной товарищеской дисциплиной, мы выступаем против врагов и предателей трудового народа. Пощады никакой, «борьба не на живот, а на смерть». Смело вперед!

Главнокомандующий И. Каширин»[1].

После кратковременной передышки троичане совместно с верхнеуральцами приступили к активным боевым действиям. Было предпринято наступление в Троицком направлении. Одновременно продолжались военные действия и в Миасском направлении[2]. Командование отрядов, как пишет в воспоминаниях А. Б. Вдовин, намерено было, разбив врага под Верхнеуральском и пополнив свои ряды за счет рабочих, трудящихся крестьян и казаков, прорваться в северном направлении и соединиться с уральскими красноармейскими отрядами[3].

В 20-х числах июня, до начала наступления и уже в процессе боевых действий, по-прежнему продолжались формирование и реорганизация отрядов.

Сохранившиеся партийные, советские организации, их представители проводили в станицах и поселках мобилизацию, рассчитывая преимущественно на добровольцев. В те дни (28 июня) И. Д. Каширин, находясь в пос. Краснинском, обратился к населению с воззванием: «Товарищи пролетарии-беднота! Садитесь на коней, нет коней — идите пешими. Этим спасете революцию, вашу свободу и вашу власть, т. е. тот Совет, который поставлен мной исключительно из бедноты. Думайте последний раз! За измену поселков поселки эти буду предавать огню. Урлядинский поселок дает мне товарищей-казаков, конных фронтовиков — 85. В других поселках они — мерзавцы-офицеры — делают мобилизацию, и идут, конечно, к ним богатые, а беднота приневоливается силой оружия. Итак, идите за мной и сейчас же ко мне или смерть пролетариям, смерть трудовикам.

Главнокомандующий фронтами»[4].

---

[1] Легендарный рейд, с. 151.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108; СОКМ, фонд воспоминаний, 1958, д. 15, л. 77.

[3] СОКМ, фонд воспоминаний, 1958, д. 15, л. 77.

[4] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 659, л. 2.

Документ, с одной стороны, показывает крайнюю сложность проведения мобилизации, классовый подход к ней, с другой, — личные черты И. Д. Каширина, в том числе его определенный эгоцентризм, который пытались использовать враги, в частности его угрозу сжечь за неподчинение жителей станицы их дома.

Мобилизация проходила не везде успешно — зажиточное казачество всячески ей препятствовало, но результаты все же были значительными. Так, 1 июля прибыло 37 чел., в том числе 35 конных, с седлами. Была отправлена дружина из хут. Сабановского, в которую включились молодые казаки в возрасте от 21 до 26 лет. В Верхнеуральске завершилось формирование и вооружение 3-х рот. На подходе к Верхнеуральску были группы мобилизованных из различных районов уезда[1]. Верхнеуральский отряд численно рос. Усиливалось его материальное обеспечение.

Значительно пополнился и красноказачий полк им. Ст. Разина. Но этого нельзя было сказать о 17-м Уральском полке, состоявшем из 3-х батальонов. Происходит лишь его реорганизация. Батальоны сильно поредели во время боя 18 июня за город Троицк и в последующие дни. Третий батальон был расформирован. Две его роты — 6 и 7-соответственно включаются в 1-й и 2-й батальоны. Теперь в каждом из 2-х батальонов имелось по 3 роты[2].

В этот момент отряды располагали относительно большими запасами боеприпасов, в частности патронов. Перед началом наступления в Троицком отряде на руки было выдано стрелкам по 120, а кавалеристам — по 90 патронов[3].

Наступление в Троицком направлении началось успешно. Бойцы рвались в бой. Натиск Верхнеуральского и Троицкого отрядов враг не выдержал и начал отход из района селений Краснинский, Петропавловский, Аминевский, Глазуновский в восточном направлении[4]. На 1 июля, по данным штаба, о противнике имелись следующие сведения: «На участке отряда Погорельского в течение 1 сего июля велась разведка, которая подходила на $1^1/_2$ версты к Уйской. Разведкой выяснено, что противник охранение района Уйской осуществляет слабыми постами, которые близко держатся к Уйской. Воронина, Замотохина и х. Леонов противником не заняты... С левого участка

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 9—10.

[2] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 14а, л. 265, 270.

[3] Там же, л. 282.

[4] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1655, л. 1—2.

Верхнеуральского отряда высланным разъездом налетом был взят Выдринск (Айгирь), но огнем из окопов со стороны Фоминой разъезд из Айгира был выбит, выслана вновь разведка на этот же поселок с целью его захватить... Предполагается, что противник после вчерашнего боя понес большие потери или перебросил свои силы к Сухтелям и тем ослабил Уйский гарнизон, который был сегодня весьма пассивным...» [1]

Действительно противник особенно крупные силы сосредоточил в районе Сухтелинской, который занимал отряд есаула Анненкова, состоявший в основном из сибирских казаков. Против них сражались троичане. Вступив в бой с противником в Сухтелинской, 1-я сотня полка им. Степана Разина не выдержала удара, стала отступать и попала в окружение. Получив сигнал о тяжелом положении 1-й сотни. Н. Д. Томин выслал ей на выручку две другие сотни кавалерии, которые расчистили дорогу для отхода попавших в беду разинцев. Для облегчения положения троичан верхнеуральцы усилили натиск на врага, защищавшего ст. Уйскую.

2 июля И. Кашириным и Н. Томиным в бой под Сухтелинской и в ее районе были введены основные силы их отрядов, с задачей сломить сопротивление врага и занять станицу. Бой протекал с переменным успехом, но инициатива все время находилась в руках партизан. Они смело атаковали врага и, наконец, сломили его сопротивление и выбили из поселка [2].

В оперативной сводке штаба Уральского корпуса белых 6 июля сообщалось, что партизаны 2 июля «значительными силами, главным образом из мадьяр, повели наступление на ст. Сухтелинскую... Бой продолжался весь день. Противник довел свои силы до 2.000 человек при 8 пулеметах и 5 орудиях. Доблестным отрядом атамана Анненкова отбито 8 атак и лишь ночью, опасаясь быть отрезанным, отряд оставил поселок Сухтелинский и отошел в направлении на станицу Степная» [3].

Белогвардейцы преувеличили силы красных, участвовавших в бою под поселком Сухтелинский, и сделали попытку замазать факт своего поражения. На деле они позорно бежали из поселка. Партизанам достались военные трофеи, включая значительные запасы продовольствия [4]. Партизаны продолжали развивать наступление, но уже

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 9.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1655, л. 2.
[3] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 50, л. 27.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2465, л. 3.

на подступах к Троицку, где враг сконцентрировал свежие силы, вынуждены были остановиться. Боеприпасы были на исходе. Начавшееся контрнаступление врага силами отряда Анненкова, трех Кундравинских, Полтавского и др. казачьих полков партизанам сдержать не удалось [1].

Насколько сложным было положение партизан, в частности упоминавшейся группы И. В. Погорельского в районе Фоминой и Уйской, как тяжело было бороться с сильным врагом, можно видеть из воспоминаний М. Халидова, командовавшего двухорудийной батареей (одно орудие верхнеуральцами было придано из Троицкой батареи). Из воспоминаний явствует, что подчас недостаточно слаженно действовали и партизанские командиры. Приходилось вступать в рукопашную и артиллеристам. Батарея Халидова была расположена на высоте, но не имела возможности вести огонь по врагу, так как во встречной атаке ряды сражающихся перемешались. И вдруг из рядов сражающихся на артиллеристов ринулся вражеский казачий отряд. Артиллеристы вынуждены были вступить в неравную рукопашную схватку. Бомбардир-наводчик Яков Лебедев, вернувшийся с фронта «ярым большевиком», по выражению М. Халидова, ринулся с шашкой, как лев, на многократно превосходящего силами врага, рубил, колол, убил и ранил «не менее 20 белогвардейцев», но и сам получил много ранений, стал терять кровь, выбиваться из сил и был зарублен. Отважно бились и другие бойцы и сумели сдерживать врага до тех пор, пока не удалось отвести орудия к Троицкой батарее, в относительно безопасное место [2].

Но враг продолжал наседать. Начался отход отрядов к Верхнеуральску. Враг подступал сюда с разных сторон. Неустойчивые и случайные элементы в составе Верхнеуральского отряда, преимущественно из только что мобилизованных казаков, стали сдаваться в плен белогвардейцам, кое-где группами по нескольку десятков человек или скрываться по лесам, полагая, что Советская власть погибла и с нею больше не по пути [3]. Так, в приказе командира конного полка от 30 июня отмечалось, что в 1-м дивизионе в этот день снова имел место случай дезертирства четырех казаков [4].

---

[1] ЦГАОР, д. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 4.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 379, л. 46.
[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 5—6.
[4] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 659, л. 8об.

В Верхнеуральске действовало контрреволюционное подполье[1]. Создавалось угрожающее положение. В обстановке огромного численного и военно-технического превосходства врага 5 июля в Верхнеуральске созывается совещание командиров, представителей партийной организации и Совета. Взвесив сложившуюся обстановку, участники совещания принимают решение оставить Верхнеуральск и отойти в Белорецк.

Незадолго до этого, 1 июля, штабом отрядов была получена из Уфы телеграмма за подписью Харченко, назвавшимся и являвшимся в те дни командующим 2-й армией. Он заявил, что Верхнеуральский и Троицкий отряды входят во 2-ю армию, подчиняются ему и потребовал ежедневно давать сводки о положении фронта в районе Троицка — Верхнеуральска[2]. Но затем связь с Уфой прервалась, да и сам город 5 июля был оставлен. Что касается Харченко, то он, разговаривая с Верхнеуральском, готовил предательство и вскоре, прихватив денежный запас, перебежал к белым. Несомненно, он передал им и информацию о положении отрядов И. Д. Каширина. Но обо всем этом в Верхнеуральске не было известно. Представлялось, что обстановка прояснится с приходом в Белорецк и там определится план дальнейших действий.

6 июля коммунистами, командирами проводятся митинги бойцов отрядов, трудящихся города. Выступали наиболее авторитетные партийные, советские работники, командиры, характеризуя сложную обстановку, причины намеченного отхода отрядов, призывая вместе с тем к спокойствию и организованности, к решительной борьбе с контрреволюцией. Выступивший на митинге бойцов И. Д. Каширин сказал: «Принятое нами решение очень сложное и рискованное... Нам нужны сильные волей, мужественные люди. Трусы и кто хоть чуть колеблется в успехе нашего дела, пусть не идут за нами»[3].

Рано утром 7 июля город был оставлен. Все необходимое было эвакуировано. Верхнеуральцы захватили с собой золотой запас и другие драгоценности. При этом огромную выдержку, смелость и находчивость проявил комиссар финансов, член партии с начала 1918 г. Козьма Георгиевич Сандырев. Он сумел вывезти золото (около 8 пудов) тогда, когда партизанские отряды выступили из города[4]. Чтобы избежать преследования со стороны бело-

---

[1] СОКМ, фонд воспоминаний, 1958, д. 15, л. 78.
[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 10.
[3] *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 57.
[4] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 151.

казаков, коммунист Сандырев в финотделе Верхнеуральского Совета оставил записку следующего содержания: «Знаю, что меня Каширин предаст суду, а может быть и расстреляет, но золото оставляю потому, что народ остается, а уходит небольшая кучка искателей приключений. Золото оставляю, сам же остаться не решился, зная отношение ко мне Дутова.

Комиссар финансов Сандырев»[1].

Белогвардейцы были несказанно рады такому «подарку». Они пытались открыть несгораемую забетонированную комнату, где финотдел хранил золото, но безуспешно. Будучи уверенными, что золото здесь, белогвардейцы поставили у дверей сильную охрану и ломали голову над тем, как открыть дверь. Через несколько дней кто-то из них случайно нашел связку ключей, среди которых был и ключ от бетонированной комнаты. Золота не оказалось. Цель Сандыревым была достигнута: золото удалось благополучно доставить в Белорецк. Враги неистовствовали, разграбили дом К. Г. Сандырева, стали избивать и пытать его жену и детей. Жена Сандырева была замучена.

7—8 июля части Верхнеуральского и Троицкого отрядов и огромный обоз с беженцами — семьями бойцов — двигались по Белорецкому тракту. Бойцам пришлось вести непрерывные бои с преследовавшей их по пятам белоказачьей конницей. Кавалеристам трудно было выбрать для отдыха даже полчаса.

— Не успеешь попить чаю и пообедать, — вспоминал боец Г. С. Шумский, — как раздается команда взводного: «Вылетай! По коням!» Начиналась новая схватка[2]. То здесь, то там красные кавалеристы завязывали бои с белыми, которые неожиданными налетами с тыла и флангов угрожали колонне отступающих войск и особенно обозам. В бой приходилось вступать так же пехотинцам и артиллеристам. Отход Верхнеуральского и Троицкого отрядов был произведен в кратчайшее время — полтора-два дня. С выходом в район Белорецка отрядам предстояло решать целый ряд сложнейших вопросов технического, материального и других видов обеспечения. Первостепенным становился вопрос об определении и разработке плана дальнейших боевых действий.

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 220, л. 20; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 58.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2465, л. 4.

3. В партизанской столице

Белорецк, живший тревожной и бурной жизнью, с 8 июля, когда в него прибывают главные силы отрядов И. Д. Каширина и Н. Д. Томина, становится еще более оживленным, настоящим военным лагерем. Часть боевых сил была дислоцирована вне Белорецка. В это время в городе имелся сравнительно небольшой красногвардейский отряд (дружина) рабочих. Основные силы белоречан по-прежнему находились на фронте. С прибытием в Белорецк Верхнеуральского и Троицкого отрядов приток рабочих в местный отряд усилился. Белорецкой партийной организацией прилагаются большие усилия по укреплению обороноспособности города.

На плечи местных коммунистов во главе с П. В. Точисским легла трудная и ответственная задача — разместить в городе многотысячный партизанский отряд, снабжать его продовольствием, оказывать ему всестороннюю помощь. Эти задачи успешно решались. Представители Белорецкого Военно-Революционного комитета закупали у крестьян и казаков зерно, муку, крупу, скот для забоя и, преодолевая огромные трудности, доставляли в город. Женщины выпекали для партизан хлеб, шили белье, одежду. Рабочие ремонтировали оружие, ковали пики.

Но вместе с тем с самого начала между штабом Верхнеуральско-Троицкого отряда и Белорецким Военно-Революционным комитетом начались трения, которые привели к трагической развязке. Основой тому послужили провокационные, предательские действия эсеров, а также меньшевиков, которых было довольно много в Верхнеуральском отряде и в самом городе. Пользуясь недостаточной боевитостью Верхнеуральской большевистской организации, которая фактически была распущена, испытывала гонения[1], и особенно недостаточной политической зрелостью главнокомандующего отрядами беспартийного[2] И. Д. Каширина, эсеры проникли в отряд и захватили многие решающие командные посты. В одном из первых приказов И. Д. Каширина, изданных в момент формирования Верхнеуральского отряда, давалось указание—«принять меры к организации местных дружин, работая в кон-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2339, л. 4.

[2] Многие авторы, например П. С. Лучевников (см.: Гражданская война на Южном Урале, с. 57), ошибочно утверждают, что И. Д. Каширин был в то время членом партии. И. Д. Каширин вступил в Коммунистическую партию позднее, в конце 1918 или даже в 1919 гг. (см.: *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 222; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 358, л. 61).

такте с партиями коммунистов, эсеров левых, причем выдавать оружие, т. е. принимать в дружины граждан пролетариата и с рекомендацией комитетов указанных выше партий»[1].

Такой шаг И. Каширина был чрезвычайно опрометчивым, ибо в тот период левые эсеры повсюду изменяли Советской власти, организовывали мятежи. Случаев предательства со стороны левых эсеров немало было и в Верхнеуральске. Некоторые эсеры, получив оружие, тут же переходили к белогвардейцам или расходились по домам[2].

По прибытии в Белорецк верхнеуральские эсеры установили непосредственный контакт с местными эсерами, меньшевиками и контрреволюционным охвостьем города в целом. Эсеры, купечество, реакционная часть мещанства развернули разнузданную клеветническую кампанию против Белорецкой партийной организации и в особенности против П. В. Точисского. Одновременно эсеры всячески стремились разложить бойцов Верхнеуральского отряда, поощряли пьянство, грабежи, распространяли панические слухи. Играя на низких чувствах отсталых бойцов, они твердили о том, что укрепление дисциплины и все действия П. Точисского в этом отношении — это «возврат к старому режиму» и т. д.[3]. Недостойное поведение, разгул многих казаков-партизан вызывали протест у трудового населения, порочили отряды, саму идею, которая была написана на их знаменах.

Наличие в штабе и отряде И. Д. Каширина эсеров, установление ими контактов с местным контрреволюционным подпольем, враждебное отношение к Белорецкому ВРК и коммунистам вообще, распространение клеветнических слухов не могли не насторожить старейшего, испытанного большевика П. В. Точисского к действиям командования партизанского отряда вообще. Точисский ясно видел, что Верхнеуральский отряд нуждается в серьезной помощи Белорецкой партийной организации. И помощь эта нужна была для очищения отряда, его штаба от явно сомнительных элементов и всемерного укрепления воинской дисциплины среди бойцов. Передача политического руководства в партизанских войсках в руки П. В. Точисского была весьма и весьма желательна для пользы большого дела.

---

[1] ЦГАСА. ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1746, л. 1—8; д. 2339, л. 1—4; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 43.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 784, л. 44; д. 2339, л. 4.

В свою очередь, это было в высшей степени нежелательным для затаившихся контрреволюционеров. Енборисов, Пичугин, Каюков и другие эсеры, бывшие офицеры стали требовать полного и безоговорочного подчинения Белорецкого ВРК, его вооруженных сил командованию партизанских отрядов. Эсеры усилили клеветническую кампанию против П. В. Точисского, стали муссировать слухи, будто он намерен с огромными денежными суммами бежать из Белорецка, предать партизан и т. д.[1]. Об этом они беспрестанно наушничали И. Д. Каширину, стараясь вызвать у него недоверие к П. В. Точисскому. Каширин поверил этой клевете. «Эти пять миллионов денег, — вспоминал он впоследствии, — были для нас всем. В это я поверил отчаянным образом»[2].

В такой напряженной обстановке вечером 9 июля в помещении Белорецкого Военно-Революционного комитета было созвано совместное заседание членов ВРК и командования партизанского отряда[3]. На нем присутствовали также И. Ф. Туманов, и К. В. Бочкарев[4]. На совещании П. В. Точисский остро поставил вопрос об усилении политической работы в войсках, укреплении дисциплины среди бойцов и командиров. В отношении последних из Верхнеуральского отряда, часть из которых имела, как вспоминал коммунист И. И. Филатов, «по 2 и 3 Таньки», потребовал удаления таких женщин, и соблюдения моральной чистоты в отряде.

Эта речь Павла Варфоломеевича, поддержанная выступлениями других членов ВРК, была встречена яростными выпадами, грубыми инсинуациями со стороны Енборисова, Пичугина и других эсеров. Посыпались угрозы Точисскому, другим членам ВРК, которые поддержал и Каширин, угрожая расстрелом в случае отказа подчиниться партизанскому штабу, сдать оружие и деньги[5].

Эсерам удалось убедить И. Д. Каширина в целесообразности изъятия оружия и денег у Белорецкого ВРК и сосредоточения всей власти в городе и округе в руках главнокомандующего партизанскими отрядами и его штаба. Каширин, по его словам, заявил, что отныне «все отряды, которые находятся в вашем распоряжении, тов. Точисский, переходит в мое оперативное подчинение»[6]. Он потребовал передачи командованию Верхнеуральско-Тро-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 784, л. 64.
[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 15.
[3] Там же, л. 60.
[4] Там же, д. 352, л. 37—39.
[5] Там же, л. 37—39; д. 357, л. 47.
[6] Там же, д. 357, л. 14—56.

ицкого отряда оружия, боеприпасов, снаряжения и всех денежных сумм [1] (сумм по воспоминаниям, их было около 5 млн. руб.). П. Точисский и другие члены ВРК высказали несогласие с этим требованием по существу и по форме [2]. Бурное заседание закончилось ночью.

С тяжелым чувством П. В. Точисский отправился домой, пригласив к себе переночевать Ф. Березина. С ним он поделился опасением о возможной провокации со стороны верхнеуральских и белорецких эсеров против коммунистов и его лично. Еще накануне совещания Точисский делился таким опасением с коммунистом К. М. Евсеевым [3] и даже позвонил на фронт Ф. Н. Сызранкину и А. В. Пирожникову, проинформировав их о положении в городе и потребовав как можно быстрей возвращаться с отрядами в Белорецк [4].

Опасения оказались обоснованными. Пичугин, Енборисов и другие настояли на немедленном аресте П. В. Точисского и других видных коммунистов Белорецка.

И. Д. Каширин поддался давлению, поверил инсинуациям вокруг «побега Точисского» и прочей клевете, и, как сам Каширин отмечал впоследствии, он «отдал распоряжение вызвать взвод кавалерии» и направить его «для задержания» П. В. Точисского, обыска и изъятия у него денежных сумм [5].

Сохранились на этот счет и документы. Помощник начальника штаба С. Гаврилов еще 8 июля в одном из распоряжений от имени командования писал, что «Об аресте Точисского вопрос не решен, но все-таки назначен над ним строгий надзор» [6]. 9 июля вечером (очевидно, уже после заседания в Ревкоме) Гаврилов в распоряжении Н. Д. Томину с грифом «секретно, весьма спешно» от имени главкома писал, что тот приказал «немедленно выставить на ст. Белорецк сотню с 2 пулеметами с целью задержать пытающегося бежать Точисского, дав официальное поручение выставить заслон против Тирляна» [7].

---

[1] Там же, л. 14—15, 55.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 5.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 358, л. 8.

[4] Там же, д. 357, л. 22, 87, 100; д. 358, л. 8.

[5] Там же, д. 357, л. 16—17.

[6] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 3, л. 36.

[7] Там же, л. 108, В. В. Душенькин в сообщении «К вопросу об обстоятельствах и времени гибели П. В. Точисского» (см.: Вопросы истории КПСС, 1969, № 5, с. 108), приводя данные, несколько искаженные документы, другие, приводившиеся нами ранее в книге «Десять тысяч героев», правда, без упоминаний таковой, утверждает, будто И. Д. Каширин приказа о посылке команды для ареста П. В. Точисского не посылал. Это заявление противоречит приводимым

Как видим, действия И. Д. Каширина и штаба не ограничивались «вызовом взвода кавалерии». В недоброе дело были введены значительные силы. Посылка сотни с двумя пулеметами на железнодорожный вокзал могла быть и мерой по задержанию возможного возвращения для защиты П. В. Точисского ВРК и партийной организации войск из-под Тирляна. Вместе с тем, следует отметить, что И. Д. Каширин посылал команду не для физической расправы с Точисским. Как говорил сам Каширин, он требовал «принять всяческие меры к тому, чтобы мирным порядком договориться с П. Точисским»[1]. Конечно, слова «мирным порядком договориться» не вяжутся с посылкой отряда для ареста, но убийство Каширин исключал. Это ясно из источников. Но это предупреждение для предателей не имело значения.

Нам довелось выявить материалы допроса белогвардейцами, ворвавшимися в оставленный партизанами Белорецк, И. П. Зимина, дезертировавшего из Белорецкого полка. Этот предатель, активный левый эсер, заявил: «В Белорецке Каширин, когда у него возникли несогласия с Точисским, зная, что мы сами добивались смерти Точисского, предложил нам убить его, на что мы согласились и получили отряд казаков»[2]. Это свидетельство следует, очевидно, расценивать так, что разрешение И. Д. Каширина на арест П. В. Точисского, обыск у него и захват во что бы то ни стало денег эсерами в штабе и вне его было воспринято, а главное, трактовалось, как «предложение... убить его». Лидеры эсеров среди рядовых членов своей партии распространяли слух о будто бы отданном Кашириным приказе убить Точисского, натравливали на последнего несознательных бойцов. Час антисоветчиков настал. Каширин, не ведая сам, фактически подписал смертный приговор Точисскому.

К дому, в котором жил Точисский, к помещению штаба направляются отряды казаков-верхнеуральцев. Мелкие

и им самим документам, всей совокупности имеющихся источников и, наконец, собственным признаниям И. Д. Каширина. Кстати, в публикации В. В. Душенькина в принципиальных оценках событий и фактов делаются ссылки на отдельные места одного из вариантов воспоминаний И. Д. Каширина, который, как известно, исследователям, очень часто был неточен, смещал события, путал имена участников и т. д. В частности, С. П. Попов никакого отношения к клевете на Точисского, его убийству (будто это было сделано отрядом под командованием С. П. Попова) не имел. Как будет показано далее, Попов защищал арестованных коммунистов, затем входил в комиссию по расследованию обстоятельств убийства П. В. Точисского.

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 17.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 207, л. 2.

команды и группы были посланы на квартиры других видных коммунистов. Дом Точисского был окружен. Жена Точисского Александра Леонтьевна и дочери — Мария и Марина — были уже в постели, но встали, испытывая в последние два дня беспокойство за судьбу Павла Варфоломеевича. Он сказал им об угрозе ареста и смерти. Все в таком состоянии легли отдохнуть. Выключили свет. Но вскоре послышался шум, а затем сильный стук в дверь. Возбужденные голоса требовали открыть дверь.

П. В. Точисский встал и, не зажигая света, позвонил в Белорецкий красногвардейский штаб. Ответа не было. Точисский прошел на кухню. По одной версии он подошел к кухонному окну, чтоб рассмотреть собравшихся. В это время кто-то из членов его семьи машинально включил свет. Точисский сразу же крикнул: «Тушите свет!» Но было уже поздно. Грянул воровской выстрел в окно и Точисский был убит.

В таком духе — «о включенном свете» — писали и говорили на вечерах воспоминаний практически все коммунисты-белоречане. В дневнике же дочери П. В. Точисского — Марины, — правда в записи, как видно из содержания, сделанной спустя несколько дней, говорится нечто другое. Приведем отрывок из этого волнующего человеческого документа: «Было 2 часа ночи, когда мы пошли спать. Я только что хотела приготовить постель, как вдруг на улице послышался лошадиный топот и чей-то голос крикнул: «Рысью!».

Отец бросился к телефону: «Моя квартира окружена казаками», передал он. Оказалось, что штаб тоже окружен. «Тушите электричество», — крикнул отец. Мы потушили. Слышно было, как перелезали через ворота. Двор наполнился казаками. В дверь на кухне стали ломиться. «Прячьтесь в подвал», — крикнул отец, пробегая по коридору. «Отворяй!» — в дверь заколотили. Отец бросился в кухню и подошел к окну: «Что вам нужно?» В ответ на это раздался выстрел, звон разбитого стекла и что-то тяжелое упало на пол.

Я бросилась в кухню. «Отворяй, а то мы всех вас там погребем!» — кричали каширинцы. Мать отворила дверь, они вошли с поднятыми вверх револьверами: «Руки вверх!». «Ведь вы же его убили», — повторяли я и сестра. Один из пришедших злобно крикнул: «Ну что ж что убили, а как он нашего брата на навоз вывозил» [1].

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 366, л. 1 и об. «На навоз вывозил»... — антисоветчики имели в виду ряд вынесенных советскими органами приговоров о расстреле отдельных наиболее опасных контрреволюционеров.

Мы привели сравнительно подробные данные об обстоятельствах гибели П. В. Точисского, этого замечательного революционера, марксиста, ленинца, отдавая дань его памяти, и в связи с тем, что все это или замалчивалось из-за трагедийности, казалось, нелепого сочетания обстоятельств, или заведомо искажалось в обход принципа историзма.

О неслучайности убийства Точисского прибывшим к его дому отрядом говорит и то, что у калитки сразу же был убит боевик-часовой[1]. Так был сражен насмерть талантливый политический организатор, представитель старой большевистской гвардии.

Начался обыск. Налетчики забрали все, в том числе и личные деньги Точисского. Враги злорадствовали и глумились над телом ненавистного им П. В. Точисского[2]. Ф. Березин выпрыгнул в окно, намереваясь вырваться из окружения и сообщить о случившемся в штаб. Но его тут же поймали, обезоружили и заключили под стражу. Штаб же, охранявшийся 22 боевиками, был захвачен крупным отрядом и подвергся разгрому.

В эту же ночь эсеры и меньшевики, их пособники, опираясь на помощь казачьих офицеров, с ордерами на арест, выданными Енборисовым, Пичугиным, И. Кашириным, арестовали Н. Ф. Горшенина, П. И. Феоктистова, И. Ф. Туманова, К. В. Бочкарева, Ф. К. Алексеева и других видных коммунистов. Так, Алексеев, член партии с 1905 г., рассказывает, что, услышав выстрел (у дома Точисского), ничего особенного не подозревая, вышел из дома и тут же был окружен вооруженной группой в 6 человек. Они приставили «в упор и в затылок» револьверы и арестовали. Одни кричали: «Стреляй!», другие заявили, что «здесь неудобно». Повели к названному ими месту расстрела, но повстречался конный патрульный объезд во главе с Н. А. Константиновым, который потребовал привода Алексеева в штаб. Там, отмечал Ф. К. Алексеев, «находился сам Каширин Иван, лица, которые меня повели на расстрел, — одного признал, — Рудаков Николай Максимович, который уже в штабе бил меня по лицу, штыком проколол грудь.

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 333, л. 10.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 358, л. 56, 57. До настоящего времени некоторыми авторами этот исторический эпизод по-прежнему датируется неправильно — «в ночь с 17 на 18 июля 1918 г.» (см., например, сообщение *З. Ш. Янгузова* «Борец за рабочее дело». Вопросы истории КПСС, 1964, № 10, с. 100—101). К указанному времени обстановка в Белорецке была совершенно иной: здесь уже находились отряды В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина, а 18 июля началось общее наступление на Верхнеуральск.

Но благодаря Константинову Василию и Попову Сергею (бывший председатель Верхнеуральского Совета), меня узнали и не дали издеваться»[1]. Алексеев все же был брошен в застенок. Подобные, специально созданные штабом группы, хватали на квартирах и на улице других видных коммунистов.

Ночью работники Белорецкого штаба подняли по тревоге рабочих-красногвардейцев. Тревожно гудел заводской гудок. Бойцы поодиночке, группами по два-три человека спешили к штабу. Но их перехватывали контрреволюционеры, избивали, а некоторых убивали[2]. «Мне часто видится эта ужасная, кошмарная ночь, — вспоминал видный верхнеуральский коммунист М. Е. Федосеев, — темная, жуткая, наводившая ужас, под страшное гуденье заводского гудка нас принудили снимать посты Белорецкой организации и арестовывать лучших членов нашей партии»[3].

Утром Белорецк гудел, как муравейник. На улицы выползла вся контрреволюционная нечисть. Купечество ликовало по поводу смерти П. В. Точисского и ареста коммунистов. Коммунисты и активные рабочие Белорецка вынуждены были скрываться. На площади собралась улюлюкающая толпа. Ею были убиты большевики И. Н. Ульянов и П. Овсянников, избит П. И. Феоктистов, специально приведенный сюда из арестного помещения и отведенный затем обратно[4], арестован был руководитель местных интернационалистов, секретарь Совета, коммунист В. Ф. Гис, причем он также был избит[5].

На митинге выступали эсеры, меньшевики и даже известные всему городу купцы. Особые почести буржуазия воздавала командующему Верхнеуральским отрядом Пичугину. Его буквально носили на руках и качали[6].

Труп П. В. Точисского в те дни толпой был подвергнут глумлению: его бросили на вымазанную дегтем телегу, отвезли на городскую свалку для нечистот и, спустя некоторое время, сожгли. Аресты коммунистов продолжались. В енборисовско-пичугинском застенке томилось полтора десятка видных коммунистов. Поодиночке вы-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 5, л. 8; д. 422, л. 45.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 45; ф. 7655, оп. 1, д. 333, л. 10; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 61, 85, 101; д. 358, л. 43.

[3] ПАСО, д. 41, оп. 1, д. 2339, л. 4.

[4] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, л. 352, л. 39; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 6; ф. 7655, оп. 1, д. 422, л. 3.

[5] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 1157, л. 155—156.

[6] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, лл. 87, 107.

зывали на допрос в «комиссию», в которой верховодили и неистовствовали Пичугин и Енборисов. Главное, чего домогались эсеры, были деньги. Они требовали указать место их хранения и немедленно сдать, в противном случае угрожали расправиться, как с Точисским[1]. Коммунистов продолжали держать под арестом и после того, как в штаб были сданы требуемые деньги[2].

Из Белорецка в ряд заводских поселков и сел в качестве «представителей» партизанского штаба эсерами уже 10—11 июля было послано несколько лиц с «информацией» местного населения и советских органов о «ликвидации банды Точисского», «убийстве графа Точисского» и т. д. В таком духе, например, был выдержан доклад некоего Ф. Е. Иванова в башкирском селе Серменево 11 июля. Эсеры подняли голову. В ряде мест, как и в Белорецке, они совершили убийства коммунистов. Например, в Узяне был зверски убит председатель Совета Портнов, в Инзере — начальник штаба боевых дружин Ехлаков[3].

В сложной обстановке некоторые коммунисты, в том числе и верхнеуральские, предприняли шаги по прекращению действий распоясавшихся эсеров. На другой же день после гибели П. В. Точисского под руководством видного верхнеуральского коммуниста В. А. Константинова было произведено расследование. Было выяснено, что П. В. Точисский был убит одним из бойцов окружившего дом взвода. Комиссия составила акт, но каких-либо мер по аресту убийц Точисского и других коммунистов принято не было[4].

Некоторые коммунисты получали сведения о готовящемся Енборисовым, Пичугиным и некоторыми другими казачьими офицерами предательстве. Об этом сообщали И. Д. Каширину, указывали на оживление контрреволюции в городе. Каширин стал все больше прозревать и

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 422, л. 4; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 61, 85, 103; д. 358, л. 44.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 358, л. 44. Позднее Пичугин похитил значительную часть этих денег и бежал к белым.

[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 541; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 422, л. 3.

[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1746, л. 8; д. 2339, л. 4; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 850, л. 100—137. Этот исторический документ обнаружить не удается. Очевидно, будучи доставленным в штаб, он был уничтожен Енборисовым или кем-то другим. В воспоминаниях Г. Д. Штырляева, с которыми он выступил в 1936 г., говорится, что выстрелившим в Точисского бойцом был эсер Зарубин из Верхнеуральского пехотного полка (см.: ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 11). П. Е. Федосеев и И. И. Филатов в 1932 г. вспоминали, что убийцей был некто Яблочкин (ПАЧО,

убеждаться в том, что события в городе начинают развиваться не в том направлении, в каком необходимо для дела революции. Уже в ходе митинга 10 июля он принял ряд необходимых мер для пресечения контрреволюционного разгула, попыток представителей реакции сорвать мобилизацию добровольцев или получить оружие[1]. Обращаясь к разъяренной толпе антисоветчиков, он спрашивал: «Вы что, восстание делать хотите?» и угрожал расстрелом за самосуды. В то же время продолжал злобно отзывается уже о мертвом П. В. Точисском[2].

Спешно, 10 июля, вернувшийся с фронта Ф. Н. Сызранкин категорически потребовал от командования Верхнеуральско-Троицкого отряда освобождения арестованных коммунистов. Он заявил И. Д. Каширину, что никакого побега с денежными суммами на руках коммунисты Белорецка не готовили, что это клевета, распространяемая эсерами.

В ответ на угрозу Сызранкину со стороны Каширина, подогреваемого присутствующими штабистами-контрреволюционерами, об аресте и расправе, тот вынужден был также пригрозить революционной карой виновникам убийств, избиений и арестов коммунистов. Это возымело определенное действие, Каширин «стал помягче»,—как отмечал Сызранкин. К тому времени Белорецкий отряд, достаточно крупный и хорошо обстрелянный, приближался к городу. Каширин приказал освободить нескольких коммунистов, например В. Ф. Гиса, и др[3]. Однако и после этого большинство арестованных томились в застенках. Положение оставалось напряженным.

Как отмечал Ф. К. Алексеев, томящимся в заключении коммунистам удалось освободиться в связи с угрозой захвата Белорецка приблизившимися войсками врага и предательскими действиями командующего Верхнеуральским отрядом Пичугина, который самовольно снимал части с боевых позиций и сам их покинул. Началась спешная эвакуация, проявлялись признаки паники, хаоса в военно-организационных делах. Заключенным в этой ситуации удалось уговорить часового В. Е. Маврина открыть дверь.

ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 48, 58). И. Д. Каширин подозревал в этом и эсера Копьева (ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 155, л. 5).

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 15—101; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 422, л. 4.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 5, л. 8об; д. 246, л. 392—395; д. 422, л. 45.

[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 1157, л. 151—158; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 300, л. 17.

Коммунисты незамедлительно направились в Белорецкий отряд [1].

Следовательно, в гибели П. В. Точисского и других коммунистов повинны непосредственно эсеры, ряд бывших казачьих офицеров, впоследствии перебежавших к белым. И. Д. Каширин же в данном случае стал жертвой обмана, проявил политическую близорукость в процессе развития сложных политических событий и не пресекал должным образом провокационные действия затаившихся в его отряде контрреволюционеров. Это он фактически признавал впоследствии и сам, хотя у него до конца и оставался налет неуважительного отношения к П. В. Точисскому (на вечерах воспоминаний в 1932 г. он говорил: «У старика только одна колокольня: хочет умереть и действительно он умер» [2]). Как неоднократно говорили на проводившихся в 30-е годы и стенографировавшихся вечерах воспоминаний коммунисты-белоречане, И. Каширин оказался «слепым», позволил ввести себя в глубокое заблуждение. Но, без сомнения, непосредственной вины за случившееся он не несет. Действуя глубоко ошибочно, он полагал, что укрепляет войска и Советскую власть. Это был преданный Советской власти боевой командир, блестяще проявивший себя на фронтах гражданской войны. Хотя, правда, отдельные рецидивы политической несознательности, анархизма он допускал и в дальнейшем(отказ принять в бригаду комиссара, самовольное снятие войск с боевых позиций и т. д.).

Данный исторический прецедент лишний раз говорит о том, насколько сложной была эпоха гражданской войны. Она требовала от борцов революции не только мужества, героизма, но и высокого политического сознания, умения безошибочно ориентироваться в любой исторической обстановке, распознавать маскирующихся врагов.

Гибель П. В. Точисского глубоко потрясла белорецких коммунистов, трудящихся. Они всегда помнили и помнят об этом, высоко чтили и чтят память старейшего большевика, пламенного борца за идеалы коммунизма, неутомимого воспитателя революционных масс. Молодой коммунист, секретарь штаба Белорецкого отряда (полка) Владимир Клубков памяти Точисского посвятил такие стихи:

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 5, л. 9. Утверждение В. В. Душенькина (см.: К вопросу об обстоятельствах и времени гибели П. В. Точисского. — Вопросы истории КПСС, 1969, № 5, с. 109), основывающееся на воспоминаниях И. Д. Каширина, что тот после встречи с Ф. Н. Сызранкиным сразу же освободил всех заключенных и расстрелял 14 заложников крупной буржуазии, не соответствует действительности.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 14.

В тяжелое время великой борьбы
За народную власть и Советы
Наш боец пожилой, но душой молодой
Всех нас вместе собрал, в руки банд не отдал,
На путь честный направил нас ты [1].

Самодеятельный поэт писал, как мог, но от глубины души.

Активисты Белорецкой партийной организации, вынужденные в течение ряда дней скрываться и действовать подпольно, приняли меры по спасению семьи Точисского, члены которой находились под домашним арестом и которым также угрожала расправа.

Коммунисты Барум и Миронов организовали переезд вдовы П. В. Точисского Александры Николаевны и дочерей Марии и Марины в Серменево, снабдив их продуктами [2]. Башкирские семьи приняли горячее участие в судьбе Точисских, заботились о них, организовали хорошее питание, поили кумысом, лечили от тяжелого нервного потрясения. В дальнейшем семья была взята в рейд. А. Н. Точисская и ее юные дочери вносили посильный вклад в общее дело, ухаживали за ранеными партизанами.

Группа активных коммунистов в составе четырех человек—И. П. Козлов, А. Н. Пухов, Барум и Игаум—в ночь на 11 июля на нелегальном заседании оценила обстановку, взвесила силы партийной организации и наметила меры по ее консолидации. Был избран председатель партийного комитета Белорецкой окружной большевистской организации — Иван Петрович Козлов, один из старейших и авторитетных членов партийной организации. По другому рассмотренному вопросу — о военном комиссаре (им прежде был П. В. Точисский) — решение вопроса отложили [3].

Коммунистов чрезвычайно волновали вопросы военного строительства, усиления и укрепления Белорецкого отряда. С прибытием Ф. Н. Сызранкина ускоряется и вскоре, 15 июля, завершается первый этап процесса формирования пехотного полка — «1-го Белорецкого социалистического полка» [4]. В него шаг за шагом входили Белорецкий, Узянский, Тирлянский, Юрюзанский, Катав-Ивановский и другие отряды [5].

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 1, д. 246, л. 397.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 400; д. 366, л. 3об.

[3] Там же, д. 246, л. 398—401.

[4] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 12; Легендарный рейд, с. 84; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 371, л. 5. В ряде работ (например, во вступительной статье В. В. Душенькина к сб. «Легендарный рейд», с. 8) утверждается, будто Белорецкий полк был сформирован еще до 10 июля, т. е. при жизни П. В. Точисского. Это неверно.

[5] Там же; ПАБО, д. 1832, оп. 2, д. 356, л. 6—7; Легендарный рейд, с. 84.

Так обстояли дела в первой половине июля в Белорецке и его районе. Несмотря на большие осложнения, шел процесс развертывания Белорецкого отряда в крупную воинскую часть. Некоторые пополнения поступали и в соединение И. Д. Каширина — Н. Д. Томина, хотя в них, точнее в Верхнеуральском отряде, по указанным уже причинам, положение было сложным, наблюдались негативные явления.

В июне-июле 1918 г. советские отряды формировались и в Стерлитамаке. Формирование и обучение отрядов в связи с временными успехами белогвардейцев ускорилось. Этой работой непосредственно руководил штаб боевых организаций во главе с военным комиссаром уезда И. Башкатовым, военруком Мясниковым и начальником штаба В. Андреевым. Приезд из Уфы по назначению губернского штаба начальника отрядов и военрука при нем бывших офицеров отца и сына Калугиных был весьма кстати.

После захвата 5 июля белогвардейцами Уфы Стерлитамакским «Совнаркомом», как там назывался местный орган Советской власти, и штабом боевых организаций принимается решение об эвакуации. Большие запасы товаров (мануфактура, сахар, чай), присланные из центра для проведения хлебозаготовок, кожевенные изделия, оружие, деньги погружаются на подводы. Стерлитамакский отряд с большим обозом вышел из города и двинулся в восточном направлении. Вместе со штабом ушел и Совнарком, в составе которого было немало левых эсеров.

Единства взглядов на дальнейшие действия не было ни в Совнаркоме, ни среди командного состава. В отряде, разбросанном по нескольким населенным пунктам на протяжении десятков километров, проходили митинги. После бурного обсуждения на заседании командиров и членов Совнаркома в селе Ахмерово принимается решение: «основным боевым силам вместе с обозами вернуться в Стерлитамак и, в случае появления под городом вражеских войск, оборонять его до последней возможности» [1].

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 388, л. 1; д. 422, л. 42; *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 20.

11 июля отряд вернулся в город. Должной дисциплины в отряде и единодушия среди комсостава по-прежнему не было. Весьма негативно сказалось на положении стерлитамакских боевиков малодушие их военного комиссара Башкатова. Не принималось достаточных мер по защите города. Многие бойцы находились дома, в семьях. Вот почему белочехам удалось с трех сторон внезапно напасть на Стерлитамак. Создалась критическая обстановка. А. М. Калугин в тот момент, когда белочехи были уже на окраине города, прибежал в штаб, где была лишь небольшая группа боевиков. Срочно предпринял некоторые меры по сбору и сплочению отряда из сбегающихся бойцов. Белочехам сопротивление было оказано малоорганизованное. Отстреливались группами, редкими цепями. В основном группами и вырывались из полуокруженного города на восток, к Петровскому.

Но меры, предпринятые в последний момент, все же дали результаты. Основная часть товаров и ценностей была спасена. Отряд понес большие потери. В числе других погиб и бывший полковник Калугин-старший. Все это послужило жестоким уроком: дисциплина в отряде повысилась. Возросла его боеспособность.

Отряд во главе с командиром А. М. Калугиным[1] и Башкатовым направился в Белорецк. По пути к нему присоединился ряд мелких отрядов. В обозах имелось до сотни беженцев. В результате проведенной реорганизации определился трехротный состав отряда. Ротами командовали Т. Уткин, Д. Курченко и И. П. Маркелов[2]. Стерлитамакцы настойчиво продвигались к Белорецку.

Белорецк продолжал жить боевой жизнью, был военным лагерем. Отряды отражали наскоки вражеского войска, силы и натиск которых возрастали. Положение осложнялось. Приходилось готовиться к решающим схваткам. Учитывая то, что от главных сил врага на время

---

[1] Несколько позднее командиром отряда стал Гарбуз. Можно предполагать, что Стерлитамакский отряд насчитывал около 400 бойцов. В одном из документов (см. Легендарный рейд, с. 162) указывается, что Стерлитамакский отряд вместе с Баймакским насчитывали около 800 бойцов. В другом документе говорится, что в Баймакском отряде имеется 450 человек (см. там же, с. 154). Во втором случае, возможно, допускаются преувеличения, ибо из Баймакского отряда в Белорецке была создана рота, а из Стерлитамакского — батальон. Отсюда можно заключить, что не менее половины этих восьмисот человек приходилось на Стерлитамакский отряд.

[2] *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 24.

верхнеуральцам и троичанам при отходе к Белорецку удалось оторваться, главком И. Д. Каширин 9 июля приказал командирам частей: «Пользуясь свободным временем, производить строевые занятия во всех частях войск. Занятия начинать с 8 утра и заканчивать в 10 часов утра, послеобеденные занятия вести с 3 часов дня до 5 часов дня старого времени»[1]. Обучение военному делу: строю, тактике, владению огнестрельным и холодным оружием шло во дворах домов, на улицах, площадях Белорецка и на его окраинах. Оно чередовалось с отправлением караульной, дозорной и боевой службы. Партизаны приводили с помощью рабочих в порядок оружие, седла, сбрую, обозы. Но все это проводилось в ходе боев, становящихся изо дня в день все жарче. Передышки от них фактически не было. В район Белорецка и Тирляна подходят все более крупные белогвардейские войска и для борьбы с ними главком вынужден был бросать главные силы. Были получены сведения, что белоказаки при активном участии контрреволюционного подполья 10 июля свергли Советскую и установили белогвардейскую власть в Тирляне. Заводской поселок был сдан противнику без боя: по приказу Пичугина, как уже отмечалось, части Верхнеуральского отряда были отведены. Сам он покинул отряд и самовольно приехал в Белорецк. Как отмечали белогвардейцы, красные отошли, «не оказывая упорного сопротивления», как только отряд есаула Грибанова повел наступление и стал охватывать Тирлян с юга[2].

Для освобождения Тирляна И. Д. Кашириным возвращаются прежние и направляются свежие части Верхнеуральского отряда; 11 июля были разбиты белые, захвачены пленные, военные трофеи. Белоказаки заняли позицию в трех верстах к востоку от Тирляна. Как признавались сами белогвардейцы, жители к их отряду «относились недружелюбно, при отходе даже обстреливали отряд»[3]. Группировка белых под Тирляном в тот момент состояла из двух казачьих кавалерийских полков (1-го и 3-го Кундравинских), пешей сотни и одного орудия[4].

Непосредственно под Белорецк, как уже отмечалось, вышли отряд Анненкова, а также 2-й Кундравинский казачий полк и две роты морских стрелков. Эта группа войск имела три орудия. 11 июля, когда часть партизан

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 114.
[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 129.
[3] Там же, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 3; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 11; ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 50, л. 129.
[4] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 50, л. 124.

выступила под Тирлян, белые повели наступление на Белорецк, и фронт боевых действий растянулся от Белорецка до Ломовки. Борьба на подступах к городу продолжалась и 12 июля. На помощь терпящим неудачу анненковцам и другим частям 12 июля из-под Верхнеуральска была послана офицерская рота и две сотни Петропавловского полка [1].

13 июля белые повели общее наступление. Сибирские белоказаки неожиданным налетом смяли заслон и прорвались на окраину города. Анненковцам удалось захватить несколько пулеметов и пленных. На угрожаемый участок спешно были брошены практически последние партизанские резервы. Противника удалось отбросить. Отряд Анненкова и другие части, по признанию офицеров, понесли «большие потери» [2]. Под городом целый день продолжался упорный бой.

На помощь Белорецку прибыли войска из Тирляна, в который в ночь на 13 июля вновь вступили белоказаки. В результате наступление врага на Белорецк вновь было отбито, и он отошел в сторону Верхнеуральска [3]. На фронте наступило затишье. Но это было затишье перед бурей.

Белые готовились к решающему сражению, чтобы разгромить партизанские отряды и захватить город. В перспективе у партизанских войск в Белорецке была жестокая схватка с вражескими войсками, имевшими большой численный перевес, особенно в коннице и практически неограниченный источник боеприпасов и снаряжения.

Тревожно было на душе бойцов и командиров. В это тревожное время в Белорецк стали прибывать один за другим еще несколько красногвардейских отрядов. Первыми, крупнейшими из них, были Южный и Сводный Уральский отряды.

В. К. Блюхер и Н. Д. Каширин предельно спешили с выходом на север. Они знали, что дорог каждый день и час: путь на соединение с уральскими войсками предстоял необычайно большой и трудный. 1 июля Сводный Уральский и Южный отряды выступили. Двумя днями раньше, выполняя телеграфное распоряжение из Уфы, на Стерлитамак с целью выхода к Уфе выступил Сводный Уфимский отряд под командованием М. В. Калмыкова [4].

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 47—49; ф. 1437, оп. 1, д. 50, л. 124, 128.

[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 47—62.

[3] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 3; ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 50, л. 132; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, л. 76.

[4] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 48—49; На Южном Урале, с. 10[illegible]

Как уже отмечалось, именно выход отрядов из-под Оренбурга по тылам врага и положил начало полуторатысячекилометровому партизанскому рейду.

Зная, что в Троицке и Верхнеуральске в июне месяце формировались значительные боевые силы, В. К. Блюхер и Н. Д. Каширин направились именно сюда через Ак-Мечеть—Преображенский завод. Но по дороге, на подходе к Верхнему Авзяно-Петровскому заводу, были получены сведения, что нашими войсками Верхнеуральск оставлен. Отряды повернули в сторону Белорецка.

Отряды вначале не были объединены, являлись самостоятельными, однако, двигались вместе и фактически возглавлялись В. К. Блюхером. 5 июля была достигнута договоренность об официальном объединении. В приказе В. К. Блюхера № 1 по отрядам, изданном в с. Мараковка, ставились задачи не только перед частями Сводного Уральского отряда, но и Южного отряда [1]. В приказе говорилось: «Для прибытия отрядов в Верхнеуральск для лучшего использования сил в боевой обстановке и объединения их создается единый штаб — командующий отрядами тов. Блюхер, начальник штаба тов. Каширин заведующий оперативной частью товарищ Гвоздиковский» [2].

По дороге в полосе 50—60 километров Блюхер и Каширин систематически рассылали надежных агитаторов, которые вовлекали в отряды твердых сторонников Советской власти. И к нам шли добровольцы, шли в одиночку и группами представители различных национальностей, включая интернационалистов-венгров. Силы отрядов по мере продвижения все время возрастали. Так, 9 июля в 1-й Уральский полк были зачислены 22 бойца из бывшего Оренбургского полка и команда самокатчиков из Челябинского отряда [3]. К соединению В. К. Блюхера примкнул Сводный отряд Оренбургского уезда под командованием коммуниста С. И. Синельникова в количестве 357 пехотинцев и кавалерийской сотни, которой командовал Д. П. Михайлюк, в 108 бойцов (последние данные относятся к 13 августа) [4]. В отряды Синельникова и Михайлюка успели, подчас догоняя их, вступить многие небольшие отряды и группы на пути следования. В их чис-

---

[1] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 92.

[2] ЦГАОР, ф. 3576, оп. 1, д. 85, л. 87.

[3] ЦГАСА, ф. 3576, оп. 1, д. 85, л. 89; ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 86.

[4] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 558, л. 22; ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 126об.; ф. 3576, оп. 1, д. 85, л. 98; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 133—134.

ле были отряд из новоникольцев и шарлыкцев под командованием Опрышко и Дедово-Исаевская дружина [1].

На Кананикольском заводе произошла встреча с новым крупным отрядом — Баймакским, о существовании которого блюхеровцам стало известно 8 июля [2]. После восстания белочехов Баймакский медеплавильный завод оказался отрезанным от Челябинска, Екатеринбурга. Около 500 рабочих завода встали под ружье. В числе бойцов были Ф. Т. Белов, Ф. А. Логинов, И. Г. Максимов, 14—15-летние подростки Н. Д. Князев и Ф. А. Костылев [3]. С тремя сыновьями вступил в отряд 65-летний рабочий Минеев. В отряд вступила почти в полном составе, включая некоторых женщин, партийная организация, насчитывавшая в то время около 70 человек, в частности один из ее организаторов и руководителей А. Е. Шевкопляс [4].

Стали выяснять обстановку в ближайшем районе с тем, чтобы сориентироваться в ней и принять решение. В разведку была послана Логинова, которой дали захудалую лошадь, разбитую телегу. Разведчица выдавала себя за нищенку. Она благополучно проехала по указанному ей маршруту, вернулась и рассказала, что в казачьих поселках организуются белогвардейские отряды, которые из Челябинска получают оружие, о контрреволюционных настроениях части и башкирского населения, подогреваемых баями и муллами и намерении белогвардейцев захватить Баймак.

Было созвано собрание коммунистов завода. Оно приняло решение завод оставить. Взяв запасы золота (почти 8 пудов), несколько сот баймакцев выступили из поселка, намереваясь выйти к Преображенскому заводу и соединиться там с местным отрядом. Но оказалось, что Преображенский отряд был распущен, оружие спрятано. Прибыв на завод, баймакцы провели среди рабочих разъяснительную политическую работу, запись добровольцев и вооружили их найденными винтовками и патронами. Сюда же прибыл небольшой отряд Копанева. Баймакский отряд значительно вырос [5].

Получив сведения о занятии белыми Оренбурга, баймакцы направились на Кананикольский завод. Отсюда

---

[1] ГАСО, ф. р-1200, оп. 2, д. 3-Н, л. 1, 8; д. 247-Б, л. 1.

[2] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 86.

[3] ГАСО, ф. 1832, оп. 3, д. 92-Л, л. 2—8.

[4] За власть Советов, с. 204—205.

[5] В протоколе собрания командиров от 16 июля указывается, что Баймакский отряд имел 450 человек (в т. ч. 50 кавалеристов) и 4 пулемета (см.: Легендарный рейд, с. 154).

они вместе с Южным и Сводным Уральским отрядами двинулись к Белорецку[1]. Присоединялись, примыкали небольшие группы партизан и к отряду Н. Д. Каширина. Так, в Кананикольском заводе к нему присоединилась группа из с. Помряскино Стерлитамакского уезда (Я. С. Борисов, М. К. Цацын и др.)[2].

Вскоре войскам Блюхера — Н. Каширина стало известно о существовании Стерлитамакского отряда. Как уже отмечалось, 3 июля удалось связаться и переговорить по телеграфу с А. М. Калугиным. При разговоре со стороны стерлитамакцев присутствовали, помимо Калугина, который был лично известен В. К. Блюхеру и Н. Д. Каширину, В. Андреев, И. Башкатов, Ф. Дюльдин, В. Г. Барлебен и др.

Переговоры вел Калугин. Он спрашивал, как быть с большим «грузом», поступившим из Уфы и сданным стерлитамакцам на хранение. Судя по всему, речь шла не о грузе, а о деньгах в сумме 5 млн. руб., которые там имелись. Калугин сообщил, что значительная часть «груза» («один миллион») по разрешению уфимских руководителей должна была поступить в отряд Блюхера, меньшая («двести тысяч») — стерлитамакскому отряду, а остальная — «в распоряжение Уфимского губисполкома». Калугин собирался связаться с Уфой, выяснить, как и когда это сделать, а затем выехать навстречу войскам В. К. Блюхера — Н. Д. Каширина «в Мелеуз, а может быть и дальше»[3]. Когда же Блюхер спросил Калугина: «Куда вы думаете двинутся?», то ответ получил неопределенный. Стерлитамакцам было предложено идти в Белорецк[4].

Этот совет ускорил принятие стерлитамакцами решения двигаться именно в Белорецк. А. М. Калугин выехал в сторону Мелеуза и встретился с отрядами В. К. Блюхера, Н. Д. Каширина в дер. Ямангулово. Сообразуясь с создавшейся ситуацией, передал В. К. Блюхеру все деньги, патроны и другие ценные материалы вместе с обозом. В. К. Блюхер выдал А. М. Калугину расписку о том, что

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 290, л. 3; За власть Советов, с. 204—205. Нельзя признать правильным заявление В. В. Душенькина (см.: От солдата до маршала, с. 25), будто «на Преображенском заводе сразу влилось 500 рабочих» в отряд Блюхера. Вне всякого сомнения здесь имеется в виду Баймакский (Баймакско-Преображенский) отряд. Но этот отряд не вливался в отряд Блюхера, а присоединился к нему. Как будет нами показано дальше, он был включен в состав Троицкого отряда.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 137, л. 2—3.

[3] ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 18—19.

[4] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 48.

получил от него 4.990.000 рублей денежными знаками, денежных документов на 10.000 руб., всего 5 млн. руб., 90 ящиков патронов, 10 ящиков снарядов и 4 бочки спирта[1]. Отряд В. К. Блюхера стал обладателем самой крупной суммы денег. Но, возможно, часть их была передана отряду Н. Д. Каширина.

В середине июля отряды из-под Оренбурга, из района Кананикольского завода прибыли в район Белорецка. Южный отряд проследовал в город и был встречен рабочими и бойцами партизанских частей. Баймакский отряд на некоторое время остановился в Кагинском и Авзяно-Петровском заводах, затем перешел в Узян. Отряд Блюхера остановился на Узянском заводе. Вслед за ним в район этих же заводов вышел и Сводный отряд Оренбургского уезда.

Как вспоминал С. П. Попов, прибывший со своим отрядом в Белорецк Н. Д. Каширин тотчас встретился в Главном штабе с И. Д. Кашириным и другими командирами и штабными работниками. При встрече братья обнялись, потом долго молчали. Иван нервно ходил по комнате. Николай спокойно сидел у стола, затем стал выяснять, какими силами располагали сконцентрированные в Белорецке отряды. С помощью штабных работников И. Д. Каширин дал подробную информацию, в том числе об оружии, боеприпасах, продовольственных ресурсах. Иван Дмитриевич поделился сведениями о силах противника, дислокации его частей и соединений, сообщил о захвате белочехами Челябинска, других городов, отсутствии данных о положении Уфы, общем трудном положении партизанских войск, недостатке боеприпасов, поделился своими соображениями о дальнейших действиях.

Н. Д. Каширин проинформировал о Южном отряде, вынужденном отходе из Оренбурга. В Узяне, — сказал

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 233, л. 18—19; д. 421, л. 144—145. Данные взяты из доклада-воспоминания А. М. Калугина. В докладе имеются определенные противоречия о времени встречи с Блюхером. В нем, в частности, говорится, что это произошло 1 июля, но в то же время отмечается, что к этому времени Оренбург уже был захвачен врагом, что в действительности произошло 3 июля. Судя по тому, что разговор по телефону состоялся 3 июля и до дер. Ямангулово (близ Мелеуза) из-под Оренбурга путь отрядов Блюхера — Н. Каширина занял несколько дней, передача денег могла состояться не ранее 5 июля. В других источниках говорится, что транспорт с деньгами и боеприпасами был встречен в станице Еманжелинской (см. ЦГАСА, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 19; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 3; *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 19). Последние данные неточны. Указанная станица находится за сотни километров от места встречи В. К. Блюхера и А. М. Калугина, близ Челябинска.

он, — находится со своим хорошо организованным отрядом В. К. Блюхер, что с этим командиром он познакомился и близко сошелся в ходе антидутовских операций. Каширин добавил, что Блюхер прибудет в Белорецк к вечеру, познакомитесь с ним, это прекрасной души человек, умный, рассудительный, на редкость смелый и решительный.

Вскоре прибыл в Главный штаб и В. К. Блюхер, познакомился с И. Д. Кашириным, с другими лицами, прежде незнакомыми ему. Вновь возник разговор о состоянии отрядов, положении на партизанском фронте, об оперативных разработках. Блюхера сразу насторожили сведения о стремлении бойцов и командиров Верхнеуральского и Троицкого отрядов двинуться в свои родные места, белоречан партизанить в районе своего округа. Местнические настроения были налицо. Блюхер уже в ходе этого предварительного обмена мнениями высказался за движение в район Екатеринбурга через заводские поселки: Тирлян — Катав-Ивановск, Юрюзань. Беседа длилась более часа и штабными работниками записывалась в дневник[1].

Прибытие в район Белорецка политически и организационно крепких отрядов из-под Оренбурга, продвижение которых штабом Уральского белогвардейского корпуса с тревогой отмечалось еще 9 июля[2], сразу же и резко подняло моральный дух бойцов других частей.

Мы вряд ли ошибемся в оценке факта прибытия к Белорецку отрядов В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина, если скажем, что он был буквально спасительным, предотвращавшим надвигавшуюся катастрофу. Уже отмечалось, что Пичугин, командовавший основными силами партизан, фактически вышел из подчинения главкома И. Д. Каширина, вел курс на свертывание боевых действий Верхнеуральского отряда и, очевидно, готовил прямой предательский акт. Между штабом соединения и коммунистами, которые и были в состоянии выправить положение, поднять моральный дух бойцов, сплотить их, продолжал существовать конфликт. Элемент разложения и паники в Верхнеуральском отряде был налицо. И он не мог не сказаться на положении Троицкого и Белорецкого отрядов. Белорецк вот-вот могли захватить белогвардейцы.

Насколько в городе было тревожно, насколько осложненной стала обстановка, свидетельствуют, к примеру, данные воспоминаний И. П. Козлова: «Я забежал к себе в квартиру перед самым отступлением, тоже решил взять

---

[1] Верхнеуральский краеведческий музей (ВКМ). Воспоминания С. П. Попова, л. 1—3.

[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 13.

с беженцами свою семью, жену и сына 12 лет; собирались мы не более 10—15 минут. Жене и сыну привесил по ранцу на спину, немного хлеба в них положил, чаю, сахару, в руки чайник, а жене запасные патроны в руки, вот и все» [1].

Ситуация с приходом войск из-под Оренбурга радикально изменилась. Влияло на оздоровление обстановки, на моральное состояние бойцов и командиров и поступившее вдруг большое пополнение боевых и материальных ресурсов партизан. Сводный Уральский отряд доставил большие запасы боеприпасов, мануфактуры и деньги [2], Баймакский — золотой запас. Стало известно, что идущий из Стерлитамака отряд имеет также много денег, особенно мануфактуры, сахара. В его сопровождении двигалось несколькьо сот подвод [3]. Но особенно важным, со всех точек зрения, фактором было прибытие отряда В. К. Блюхера. Сразу бросалось в глаза, что он «был хорошо слажен, дисциплинированный, хорошо вооруженный, была своя батарея из 4 пушек. Были запасы снарядов и патронов... Шли автомашины, грузовые и легковые» [4]. Это была сила, вызывавшая не только почтение, но и успокоение и уверенность.

Силы партизан в районе Белорецка оказались настолько значительными, что совместными усилиями они могли решать сложнейшие оперативные задачи.

4. Партизанская армия создана

Важнейшими и первоочередными задачами всех сконцентрировавшихся в Белорецке и его районе отрядов были: объединение и принятие плана дальнейших совместных действий. Эти задачи стали решаться с прибытием В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина незамедлительно. Между командующими отрядами была достигнута договоренность о проведении в Белорецке совещания.

О подготовке к совещанию и представительстве на нем свидетельствует содержание приказа В. К. Блюхера по сводному Уральскому отряду от 15 июля. В нем говорилось: «Выбрать от 1-го Уральского полка каждого батальона по одному представителю и от контрольного Совета

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 404.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 4.

[3] В воспоминаниях приводятся противоречивые данные — от 300 до 800 подвод. ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 49; оп. 3, д. 335, л. 10—11.

[4] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 405.

одного; от Челябинской батареи и 1-го Екатеринбургского эскадрона по одному. Представители должны прибыть в штаб к 23 часам сего числа, а завтра с рассветом со мной отправиться в Белорецкий завод в штаб Верхнеуральских войск, действующих в пределах Оренбургской губернии, для создания единого штаба и выработки плана совместных действий»[1]. Другие отряды также делегировали на совещание своих виднейших командиров.

Совещание было намечено провести 16 июля. Тысячи бойцов ждали его открытия и решений, от характера которых в прямой зависимости находился успех последующих действий. 16 июля совещание, названное «собранием», командиров отрядов и частей[2] открылось в доме бывшего управляющего заводом. В нем приняло участие 15 человек. Были рассмотрены вопросы о боевой и политической обстановке, выяснены силы и средства, общий план действий, группировка отрядов, хозяйственные вопросы и произведены выборы главнокомандующего.

Собрание открыл И. Д. Каширин. Председателем избирается Н. Д. Каширин. С сообщениями об обстановке в районе действий отрядов после восстания белочехов выступили Иван Каширин, Николай Томин, Василий Блюхер и другие. И. Д. Каширин остановился на процессе развития борьбы революционных масс против контрреволюции в Верхнеуральском уезде. В. К. Блюхер ознакомил командиров отрядов с положением под Оренбургом. Он отметил, что после захвата Бузулука белочехами и казаками, Оренбургский красноармейский штаб во главе с

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 143.

[2] Многие авторы именуют это собрание, как и ряд последующих — «Военным Советом», а в кн. «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» (с. 203) даже утверждается, что для «управления» отрядами «было создано объединенное командование — военный совет, куда вошли командиры отрядов». В действительности никакого постоянного органа (помимо «Главного штаба», о котором далее пойдет речь) в виде «военного совета» создано не было ни 16-го июля, ни позднее. Несколько последующих совещаний (собраний) не были постоянными по составу и созывались главкомом тогда, когда он при решении принципиальных вопросов считал необходимым обратиться к коллективу командиров. В официальном документе — протоколе совещание 16 июля называется «общим собранием делегатов отрядов, собравшихся в Белорецке» (см.: Легендарный рейд, с. 151). Неверно и такое утверждение авторов кн. «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» (с. 203), будто «военный совет назначил командующего отрядами». Главком был избран голосованием (см.: Легендарный рейд, с. 155—156). Можно, очевидно, совещания командиров, представителей отрядов, называть по-разному, в том числе «военным советом». Но выдавать это название за узаконенное специальным решением да еще закрепленное за постоянным органом, стоящим над главкомом, нет никаких оснований.

Г. В. Зиновьевым решил эвакуировать местные войска в Ташкент. Блюхер подчеркнул, что, несмотря на временные неудачи советских войск в Поволжье, на Урале и в Сибири, «в центре, по слухам, было довольно спокойно. В Москве не было никаких волнений» [1].

Участники собрания сделали приблизительный подсчет численности и огневых средств партизанских отрядов. В отрядах, собравшихся в районе Белорецка, насчитывалось пехоты 3400 и кавалерии 1600 человек. Через несколько дней в город прибыли еще три крупных отряда — Сводный отряд Оренбургского уезда, Баймакский и Стерлитамакский. Несколько мелких отрядов, действовавших под Тирляном, позднее вошли в Белорецкий полк. Учитывая численность всех этих отрядов, можно считать, что партизанское соединение в те дни имело в своем составе до шести с половиной тыс. бойцов. В отрядах имелось 13 артиллерийских орудий и более 70 пулеметов. Запасы снарядов и патронов составляли соответственно — 3 тыс. и 300 тыс. штук [2].

Важнейшим вопросом была разработка плана действий партизанских отрядов. Почти все командиры [3] заявили, что оставаться в Белорецке не следует, необходимо с боем пробиваться на соединение с Красной Армией [4]. Но когда речь зашла о направлении прорыва вражеского кольца, то выяснились серьезные разногласия. Н. Д. Каширин предлагал двигаться, ссылаясь на стремление бойцов-верхнеуральцев, в направлении на Верхнеуральск и Троицк. И. Д. Каширин поддержал его. Братья Каширины надеялись, что подавляя белогвардейские силы в казачьем районе, им удастся поднять восстание трудящегося казачества. В этом варианте плана боевых действий, несомненно, отразилось и общее настроение бойцов Верхнеуральского и Южного отрядов, тяготевших к родным местам, к семьям [5]. Каширины полагали, что, заняв казачьи районы, обезопасив свой тыл, партизанские отряды прорвутся

---

[1] Легендарный рейд, с. 153.

[2] Там же, с. 154, 162; На Южном Урале, с. 82.

[3] Н. В. Баранов от имени Белорецкого полка высказался за то, чтобы «остаться для защиты завода на месте» (см.: Легендарный рейд, с. 154).

[4] ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 95, л. 12; Легендарный рейд, с. 21.

[5] Легендарный рейд, с. 155. В. К. Блюхер в воспоминаниях писал, что Каширины стремились «идти через Верхнеуральск в Оренбургские степи» (см.: Легендарный рейд, с. 21). В протоколе же собрания командиров от 16 июля зафиксировано высказывание И. Каширина о стремлении командования Верхнеуральского отряда «пробиваться из Верхнеуральска до Екатеринбурга» (см. там же, с. 152).

в направлении Челябинск — Миасс к Екатеринбургу, где, как было известно, сконцентрировались крупные уральские красноармейские части.

Второй вариант выхода из вражеского окружения был предложен В. К. Блюхером и Н. Д. Томиным. Они категорически высказались за выход на соединение с главными силами Красной Армии через рабочие районы Урала: или через Тирлян — Катав-Ивановский завод — Юрюзань и далее в направлении к Екатеринбургу, или Красноуфимску, или через Авзяно-Петровский — Кагинский — Богоявленский заводы, мимо Уфы, в район действия Красной Армии на Бирском фронте. В. К. Блюхер предостерегал, что в случае движения отрядов через казачьи районы ряды партизан могут не только не вырасти, но и поредеть в результате того, что многие бойцы разойдутся по домам[1].

Большинство собравшихся высказалось за вариант Н. Д. Каширина. В этом, как показала жизнь, выразилась серьезная, хотя и непроизвольная, ошибка собрания командиров, недооценивших силы белоказачьих войск в районе Верхнеуральска — Троицка. Голосования и принятия формального решения по этому вопросу не было. «Я видел, — говорил впоследствии В. К. Блюхер, — что это голосование ни к чему не приведет. Если отказаться от похода на Верхнеуральск — это значит раскол революционных сил. Я своим предложил присоединиться к предложению братьев Кашириных. Нам казалось, что мы на этом деле значительно выиграем с точки зрения политики»[2].

Совещание решило выбрать главнокомандующего партизанскими отрядами, которому и вменялось в обязанность окончательно, конкретно решить вопрос о плане действий. При выборах (голосование было тайным) главкома баллотировалось четыре кандидата: В. К. Блюхер, Н. Д. Каширин, И. Д. Каширин и Н. Д. Томин. При первом голосовании Н. Каширин получил 6, В. Блюхер 5 и И. Каширин — 4 голоса. При перебаллотировке 14 человек проголосовали за Н. Д. Каширина и 1 за В. К. Блюхера. Таким образом, главнокомандующим был избран коммунист Николай Дмитриевич Каширин[3].

Н. Д. Каширин (1888—1938) родился в г. Верхнеуральске в семье казака-учителя, ставшего в дальнейшем станичным атаманом. Каширин закончил в 1909 г. Оренбургское казачье военное училище, служил в кавалерий-

---

[1] Легендарный рейд, с. 21, 155.
[2] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 51.
[3] Легендарный рейд, с. 21, 155—156.

ских частях Оренбургского казачьего войска. Участвовал в первой мировой войне, имел чин подъесаула. Награжден 6 орденами. В 1917 г. был избран председателем полкового казачьего комитета, затем — председателем комитета 1-й Оренбургской казачьей дивизии. С начала 1918 г. — в большевистской партии. Вступил в борьбу с дутовцами. Участвовал в подавлении контрреволюционных выступлений казаков в качестве командира Южного отряда. После завершения партизанского похода был помощником начальника 4-й Уральской (30-й) стрелковой дивизии, затем — ее начальником. В 1919 г. был комендантом Оренбургского укрепленного района, начальником 49-й крепостной дивизии Туркестанского фронта. В 1920 г. был председателем Оренбургского губисполкома, командиром 3-го конного корпуса на Южном фронте командующим Александровской группой войск по борьбе с махновщиной. В 1923—1925 гг. — командир 14-го стрелкового корпуса, а в последующие шесть лет — помощник командующих ряда военных округов. В 1931—1937 гг. был командующим Северо-Кавказским военным округом. С 1934 г. — член Военного совета Народного комиссариата обороны СССР. Имел звание командарма 2-го ранга. Н. Д. Каширин был награжден двумя орденами Красного знамени и Почетным революционным оружием.

Н. Д. Каширина высоко ценил В. К. Блюхер. По его словам, Н. Каширин был скромным, сдержанным и умным командиром.

Неизбрание на пост главкома В. К. Блюхера объяснялось, во-первых, несогласием с его планом выхода из вражеского окружения большинства участников совещания, во-вторых, недостаточной известностью его (по сравнению с Н. Д. Кашириным) среди бойцов и командиров Верхнеуральского, Баймакского отрядов и Белорецкого полка. Собрание единогласно решило «образовать 3 группы: Верхнеуральскую, Троицкую и Уральскую, включив в них все остальные отряды, и поручило главкому «организовать Главный штаб по его личному усмотрению»[1].

---

[1] Легендарный рейд, с. 155. Собрание в специально принятом решении отметило, что оно избирает «только главнокомандующего» (там же). В протоколе отсутствуют какие-либо данные о выборах заместителей главкома. Следует считать оговоркой высказывание В. К. Блюхера (см.: Легендарный рейд, с. 21), повторяемое буквально всеми авторами, что на собрании были избраны заместители главкома — первым он сам, а вторым — И. Д. Каширин. Вопрос о назначении заместителей главкома был решен Н. Д. Кашириным спустя несколько дней после собрания 16 июля. В приказе № 13 от 17 июля главком указывает, что его «помощником назначается тов. Баранов, который заменяет меня в

И. Д. Каширин 16 июля издал по Верхнеуральскому и Троицкому отрядам приказ с объявлением бойцам и командирам о том, что он «главное командование указанными выше отрядами сдал новому главнокомандующему Верхнеуральско-Троицко-Уральским отрядом Николаю Каширину» [1].

В этот же день вновь избранный главком Н. Д. Каширин приступил к реализации данного и других решений собрания командиров по реорганизации отрядов и созданию единой партизанской армии. В приказе за № 12 от 16 июля он (очевидно, посовещавшись с другими видными командирами) определяет название партизанского соединения — «Сводный Уральский отряд» [2].

мое отсутствие» (см.: ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 133). В этом же приказе в последнем пункте говорилось: «Мой заместитель — товарищ Баранов» (Легендарный рейд, с. 160). Назначение заместителем главкома Н. В. Баранова объясняется простой причиной: он был таковым у прежнего главкома — И. Д. Каширина. Но уже в приказе № 14-а от 20 июля указывается: «Мои заместители — В. К. Блюхер и Иван Каширин» (Легендарный рейд, с. 163). В дальнейшем Н. Д. Каширин заместителями называет только их. Н. В. Баранов оставался помощником главкома и в это время, и в дальнейшем при В. К. Блюхере. Очевидно, В. К. Блюхер запамятовал момент назначения его и И. Д. Каширина заместителями главкома и связал этот факт с собранием командиров 16 июля и выборами главкома.

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 118.

[2] Сб. «Легендарный рейд», с. 157. Название «Сводный Уральский отряд» указывается во многих приказах главкомов Н. Д. Каширина и В. К. Блюхера. Правда, ими нередко употреблялись и такие обращения — приказ «Верхнеуральскому, Троицкому и Сводно-Уральскому отрядам» (см. ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 19), приказ «Сводному Уральскому отряду Красной Армии (Верхнеуральскому, Троицкому и Уральскому отрядам)» (там же, л. 27) и т. п. Во время похода имело хождение и такое название, как «Южноуральский отряд». В дальнейшем после соединения с Красной Армией, особенно в воспоминаниях В. К. Блюхера и др. участников похода, в исторических работах это название («Южноуральский отряд», «Южноуральские отряды») стало преобладающим.

Неофициально бойцы, командиры и местное население соединение именовали «партизанской армией». В дальнейшем этот термин в воспоминаниях, исторической литературе стал употребляться все чаще и чаще. Широко применяется он и ныне. Так, в Большой Советской Энциклопедии (см.: Изд. 3, М., 1977, т. 27, с. 190), в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983, с. 618—619) Сводный Уральский отряд именуется «армией» и статьи о нем озаглавлены — «Уральской армии поход 1918». Поскольку в период гражданской войны многие крупные партизанские отряды или соединения отрядов именовались армиями, наименование соединения Н. Д. Каширина — В. К. Блюхера партизанской армией по аналогии является, на наш взгляд, уместным. И все же, как правило, должно применяться его официальное название — «Сводный Уральский отряд».

В эти дни завершалось становление Белорецкого полка. Одновременно проводилась огромная работа в самом городе и округе, которым предстояло стать в ближайшие дни тылом готовящейся к наступлению партизанской армии. Воспрянула духом Белорецкая партийная организация, как только стало известно о подходе к городу отрядов В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина. Восстанавливаются связи и координация действий между ее звеньями. Набирались темпы в проведении разнообразной работы. 15 июля состоялось экстренное заседание партийного комитета в полном составе с участием актива от города и периферии округа. Его работа и принимавшиеся решения были направлены на консолидацию партийных сил, наведение порядка в городе, округе, на предприятиях, среди боевиков Белорецкого полка.

Были намечены меры по мобилизации материальных, продовольственных ресурсов всего партизанского района. Даны были указания на срочное и качественное удовлетворение требований и нужд частей и подразделений, прибывших после длительного и тяжелого похода из Оренбурга, в ремонте боевой техники, стрелкового оружия, автотранспорта и прочего снаряжения.

Решались и организационные вопросы. На должность военного комиссара округа было решено выдвинуть члена партии большевиков, еще в недавнем прошлом — эсера Н. Корнилова. Собравшимся импонировало его рабочее происхождение, участие в мировой империалистической войне на командных должностях. Командиром полка рекомендовали беспартийного Н. Мулюкина, также имевшего военный опыт [1]. На общем собрании формирующегося полка предложения партийного актива были приняты. Начальником штаба полка избирается И. П. Зимин — эсер [2]. В тот же день был издан приказ военного комиссара «по Белорецкой боевой организации народного вооружения», в котором извещалось об избрании командира полка, его помощника, начальника штаба и его помощника, а также командиров первых трех рот [3].

Командиром полка избирается не Мулюкин, кандидатура которого ранее предлагалась, а Федор Николаевич Сызранкин, а Мулюкин — его помощником. Однако Сызранкин на другой день обратился с просьбой назначить его помощником комполка, ссылаясь на слабое знание военного дела применительно к боевым действиям на суше

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 406—409; д. 298, л. 47.
[2] Там же, д. 298, л. 47; д. 207, л. 3.
[3] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 12.

(в прошлом — военный матрос). Его просьба была удовлетворена. Командиром полка становится Мулюкин [1]. Начальником штаба был избран Зимин.

Выдвижение Корнилова, Мулюкина и Зимина на военные посты оказалось шагом совершенно опрометчивым и глубоко ошибочным. Все они оказались предателями. Из недавнего опыта борьбы, убийства П. В. Точисского при активном участии эсеров члены обновленного Белорецкого парткома, как ни странно, должных уроков не извлекли. «Примазавшихся» к Советской власти замаскировавшихся контрреволюционеров, которые уже в то время исподтишка разлагали отряды, готовили предательство, подобно Енборисову, Пичугину и их окружению, коммунисты распознать в то время не сумели.

15 июля в 1-м Белорецком социалистическом полку имелось лишь 4 роты. Командирами первых трех из них были избраны: Коротков, Гуненков и Дороднов [2]. Вскоре в полк включаются рота И. Мамыкина, вернувшаяся в составе Южного отряда Н. Д. Каширина, а затем Тирлянская рота В. В. Творогова. Были созданы команды связи, пулеметная, хозчасть с сапожной, швальной мастерскими и хлебопекарней, обозы 1 и 2 разрядов [3]. Полк как и многие другие партизанские части, был многонациональным. Помимо русских рабочих и крестьян, в нем были башкиры, татары, интернационалисты, в частности в одной из рот большую часть бойцов составляли рабочие-китайцы [4]. Была сформирована кавалерийская сотня, преимущественно из молодежи, которой командовал Г. Д. Штырляев.

Полк находился в Белорецке. Здесь же на 16 июля размещались Троицкий и расформировывавшийся Южный отряды. Верхнеуральский отряд в это время дислоцировался в дер. Ломовка (частично в Белорецке); в Узяне находились отряд В. К. Блюхера и Сводный отряд Оренбургского уезда; Баймакский отряд был в Авзяно-Петровском и Кагинском заводах; в Белорецк спешил Стерлитамакский отряд. Навстречу ему И. Д. Кашириным для связи и ускорения движения посылался В. А. Константинов [5]. Севернее Белорецка находились Юрюзанский, Тирлянский и Журавлинский отряды.

Все эти многочисленные отряды предстояло объединить, собрать в единый мощный ударный кулак. «Для

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 11—12.
[2] Там же, л. 12.
[3] Там же, д. 34, л. 9.
[4] Там же, д. 4, л. 12 и об.; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 356, л. 6—7; оп. 3, д. 379, л. 57.
[5] ВКМ. Личное дело В. А. и Н. А. Константиновых, л. 7.

удобства управления, — говорится в приказе, — все вверенные мне части, согласно постановлению общего собрания делегатов от всех отрядов, расположенных в районе Белорецкого завода, разбить на три следующих отряда: 1) Троицкий — Томина, 2) Верхнеуральский — Пичугина, 3) Уральский — Блюхера» [1]. Во главе этих отрядов остались прежние командующие. И. Д. Каширин, не занимавший после переизбрания главкома какого-либо официального командного поста, фактически осуществлял общее руководство Верхнеуральским отрядом, главным образом его конницей.

В течение нескольких дней в Сводном Уральском отряде проводится большая организационная работа. Особенно значительной была она в отряде В. К. Блюхера. Несмотря на несогласие с планом Н. Д. Каширина, В. К. Блюхер вместе с Н. Д. Томиным ради сохранения единства партизанской армии решили принять участие в походе в район Верхнеуральска. По прибытии в Узян В. К. Блюхер рассказал командирам и коммунистам о результатах совещания, избрании главкома Н. Каширина. Он призвал собравшихся к активной подготовке частей и подразделений отряда к боевым действиям.

В течение нескольких дней Блюхером проводится серьезная реорганизация Сводного Уральского отряда, который, после присвоения этого названия всей партизанской армии, стал именоваться «Уральским отрядом» [2]. Приказом главкома от 19 июля в Уральский отряд был включен отряд С. И. Синельникова. Данное решение было принято с учетом желания представителей этого отряда [3]. Из стрелков этого отряда был сформирован 4-й батальон 1-го Уральского полка трехротного состава. Теперь в полку было 4 батальона, 12 рот. В состав стрелковых рот были включены бойцы расформированной команды самокатчиков [4].

Численность 1-го Уральского полка достигла 1.200 человек. 1-я Оренбургская кавалерийская сотня Д. П. Михайлюка, насчитывавшая более 100 человек, входит в Уральский отряд как самостоятельная боевая единица [5].

---

[1] Легендарный рейд, с. 157, 160.

[2] ЦГАСА, ф, 7141, оп. 1, д. 1, л. 133; Легендарный рейд, с. 22, 157.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 126об.

[4] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 27. Позднее, 7 сентября, в 1-м Уральском полку была сформирована еще одна «Особая запасная рота». В нее включались добровольцы, вступившие в полк во время рейда по тылам врага. Рота предназначалась «для окарауливания обоза» (ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 135).

[5] Легендарный рейд, с. 162; ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. л. 133, 134 об.

1-й Екатеринбургский эскадрон был «прикомандирован к 1-му Уральскому полку». Этот эскадрон имел около 60 «строевых людей»[1]. Численность Уральского отряда включая артиллеристов, а также нестроевых, достигла примерно 1.700 человек.

В. К. Блюхер провел серьезную реорганизацию обоза. «Все лишнее, не имеющее значения в боевой обстановке», было или уничтожено, или сдано в штаб главнокомандующего. Некоторые изменения были произведены в штабе отряда. Начальником штаба был назначен член контрольного Совета 1-го Уральского полка коммунист Тарасов. Но в этой должности он пробыл недолго. Фактически функции начальника штаба продолжал выполнять адъютант Я. М. Суворов[2].

Некоторые меры по дальнейшей реорганизации, начатые еще до их прихода в Белорецк, были проведены в Верхнеуральском отряде. 17 июля Южный отряд был расформирован. 1-я и 2-я кавалерийские сотни и Кирсинская рота вошли в состав Верхнеуральского отряда. К 18 июля в двух верхнеуральских кавалерийских полках стало уже 10 сотен (5 в первом и столько же во втором). Две из них в то время находились в распоряжении главкома. В Верхнеуральском стрелковом полку, которым продолжал командовать В. Хорьков, вскоре замененный И. В. Погорельским, стало 6 рот. В результате того, что 2 орудия Южного отряда также были включены в состав Верхнеуральского отряда, сформировалась трехорудийная батарея[3]. Численность всего отряда составляла примерно 1.800 бойцов[4].

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 17; Легендарный рейд, с. 154.

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 132—133.

[3] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 125 и об.; ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 162; Легендарный рейд, с. 157—158.

[4] Сведения о численности этого отряда самые противоречивые. На совещании 16 июля отмечалось, что в нем имеется «пехоты — 800, кавалерии — 900» (Легендарный рейд, с. 154). В приказе главкома Н. Д. Каширина от 20 июля численность отряда определяется в 700 пехотинцев и 800 кавалеристов (см. там же, с. 162). К этому времени в Верхнеуральский отряд была включена большая часть Южного отряда (около 200 кавалеристов и рота пехоты — около 100 человек). Правда, часть кавалерии (2 сотни) была временно передана Белорецкой группе Н. В. Баранова. Верхнеуральский отряд в это время насчитывал, по-видимому, 1.800 бойцов. В ряде воспоминаний называются цифры, близкие к указанной нами (см.: ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 40). Численность этого отряда авторами обычно резко преувеличивается. Например, П. С. Лучевников (см. кн.: «Гражданская война на Южном Урале», с. 56) и Н. К. Лисовский (см. кн.: «Разгром дутовщины (1917—1919 гг.)», с. 63) полагают, что в отряде уже в рассматриваемое время было 3 тыс. бойцов.

Это был по численности самый крупный отряд партизанского соединения. Но в связи с тем, что Пичугин, Зобов, Каюков и некоторые другие командиры готовили предательство, его ожидал тяжелый удар. Контрреволюционеры продолжали распространять среди бойцов провокационные и панические слухи. В полках нередкими были случаи недисциплинированности. К середине июля Верхнеуральский отряд еще не обрел своей лучшей боевой формы.

В составе Троицкого отряда каких-либо существенных изменений на данном этапе реорганизации не произошло. В двух его полках (стрелковом и кавалерийском) насчитывалось свыше 1.000 строевых бойцов [1].

В процессе подготовки наступления на Верхнеуральск, командование Сводного Уральского отряда для прикрытия левого фланга главных сил и подготовки условий на случай продвижения на север по заводским районам решило создать, помимо 3-х отрядов (Уральский, Верхнеуральский и Троицкий), особую боевую группу — «Белорецкий отряд». В него включаются Белорецкий стрелковый полк, в том числе кавалерийская сотня Г. Д. Штырляева, 2 красноказачьи сотни верхнеуральцев, 2 артиллерийских орудия. В состав Белорецкого стрелкового полка по пути в Тирлян включаются Юрюзанский, Тирлянский и Журавлинский отряды. На помощь Белорецкому отряду под Тирлян было послано 2 роты Стерлитамакского отряда. Численность Белорецкого отряда превышала 1.200 человек [2].

Часть белоречан в наступлении не участвовала — была оставлена в городе. Первоначально командующим Белорецким отрядом был назначен Ф. Н. Сызранкин, а затем,

---

[1] Легендарный рейд, с. 154. Точной цифры численности отряда назвать не представляется возможным. На собрании командиров 16 июля отмечалось, что в Троицком отряде было «пехоты — 700, кавалерии — 300» (Легендарный рейд, с. 154). В приказе главкома Н. Д. Каширина от 20 июля указывалось, что численность этого отряда составляла «до 1.000 человек пехоты и трех сотен кавалерии» (см. там же, с. 162). Разница в цифрах, как видно, довольно велика. Из них первая, очевидно, более достоверна, так как позднее, даже после включения в состав Троицкого отряда Стерлитамакского и Баймакского отрядов (всего около 800 человек), численность отряда по выходе из белогвардейского тыла определялась в 1.350 бойцов (см. там же, с. 181). Можно предполагать, что до начала августа в Троицком отряде было около 1.100 человек (1000 пехотинцев и кавалеристов и около сотни артиллеристов, хозяйственников и пр.). Эта цифра дается также в некоторых воспоминаниях (см.: ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 41 и др.). Огромные преувеличения допускают П. С. Лучевников (см. кн.: «Гражданская война на Южном Урале», с. 57) и Н. К. Лисовский (см. кн.: «Разгром дутовщины», с. 62), считающие, что в отряде Томина, в момент прихода в Верхнеуральск, было 2.300 человек.

[2] Легендарный рейд, с. 154.

утром 18 июля, Н. В. Баранов, остававшийся помощником главкома[1].

Никифор Васильевич Баранов родился в 1890 г. в дер. Улей Балаганского уезда Иркутской губернии. Учился в начально-приходской школе, которую не закончил. С восьмилетнего возраста работал по найму. Будучи рабочим в Иркутске, в 1914 г. мобилизуется в армию. В июле 1915 г. закончил курс учебной команды 12-го Сибирского запасного батальона с производством в младшие унтер-офицеры и направляется на фронт. В 1915—1917 гг. состоит в 17-м Сибирском полку, участвует в боях под Ригой.

В июле 1917 г. вступает в РСДРП(б), становится одним из руководителей партийной организации, членом полкового комитета, принимает участие в Октябрьской революции.

Вместе с полком в составе Северного летучего отряда, по решению Совнаркома, едет на Урал. Входит в состав Центрального комитета отряда. Участвует в борьбе с дутовцами, белогвардейцами и белочехами, занимая руководящие посты: товарища председателя Троицкого Совета, начальника штаба охраны города и уезда и др.

При создании Троицкого отряда избирается помощником командующего. Затем становится помощником главкома партизанского соединения, некоторое время одновременно являясь командующим Белорецким отрядом.

По выходе Сводного Уральского отряда из вражеского тыла — зав. отделом Военно-полевого контроля и казначей штаба 4-й Уральской (30-й) стрелковой дивизии, комендант штаба Вятского укрепленного района. После демобилизации из Красной Армии — на партийной и советской работе.

Таким образом, в процессе реорганизации Сводного Уральского отряда было создано 4 отряда, причем создание Белорецкого отряда, в отступление от решения совещания командиров, было, очевидно, продиктовано временными оперативно-тактическими соображениями. Что касается создания штаба партизанского соединения, то в этом направлении также была проделана значительная работа. В своем первом приказе главком Н. Д. Каширин отметил, что «ввиду невозможности создать в настоящее тяжелое время свой особый штаб и, принимая во внимание необходимость планомерной работы, бывшему штабу Ивана Каширина в полном составе быть на своих местах при

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 130; Легендарный рейд, с. 159, 162.

мне... Для пополнения штаба и представительства выслать ко мне от Уральского отряда (Блюхера) 1 делегата... Бывшему штабу Южного отряда находиться в резерве при мне» [1].

Судя по содержанию приказов И. Д. Каширина в бытность его главнокомандующим Верхнеуральским и Троицким отрядами, в составе главного штаба помимо Н. Енборисова (начальника), были А. Леонтьев, С. Гаврилов, М. Голубых, Ф. Яковлев, Г. Чунин и др. В качестве помощника главнокомандующего совместно со штабом работал Н. В. Баранов [2].

В самом начале наступления Сводного Уральского отряда на Верхнеуральск, 19 июля, Н. Д. Каширин принял решение «ввиду несоответствия к занимаемой должности» Енборисов из штаба был выведен и направлен в распоряжение командующего Верхнеуральским отрядом Пичугина, назначившего его своим начальником штаба. Временно исполняющим должность начальника Главного штаба был назначен А. Я. Леонтьев [3]. В дальнейшем уже Блюхером он был в этой должности утвержден. В качестве помощника Леонтьеву был назначен Третьяков. Удаление из штаба Енборисова было весьма положительным шагом Н. Д. Каширина. Не исключено, что коммунист Н. Д. Каширин сместил Енборисова с поста начальника Главного штаба по политическим мотивам. В штабе Сводного Уральского отряда были произведены и другие перемещения [4].

Особое внимание было уделено созданию службы связи. Начальником связи был назначен Ворошилов. Ему вменялось в обязанность «наладить связь между отрядами и отрядов с Главным штабом», «взять на учет все телефонное и телеграфное имущество, находящееся в отрядах, а также и заводе, на учет» [5]. Формирование службы связи шло в процессе боевых действий. Из специалистов в отрядах и почтово-телеграфных конторах и отделениях был создан «телеграфный взвод», в распоряжение которого поступили повозки и верховые лошади [6].

Готовя отряды к наступлению, Н. Д. Каширин обращал особое внимание партизан на сложность обстановки, требующей от каждого бойца полного самоотречения, бе-

---

[1] Легендарный рейд, с. 158.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 108—112, 126; Легендарный рейд, с. 150.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 126об.

[4] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 133.

[5] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 136.

[6] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 34об.

зусловного товарищества и самой напряженной работы. «При занятии нами, — говорилось в его приказе от 16 июля, — в будущем селений и городов вменяю в обязанность всем красноармейцам не производить никаких самовольных реквизиций и конфискаций. За всякое насилие над мирными жителями буду карать самым беспощадным образом. Каждый должен помнить, что всякое насилие над мирным населением неизмеримо увеличивает число наших врагов» [1].

В течение каких-нибудь суток партизанские отряды были приведены в готовность для новых боев и длительного похода по тылам белогвардейской армии.

[1] Легендарный рейд, с. 157.

Глава третья

К ВЕРХНЕУРАЛЬСКУ И ОБРАТНО В БЕЛОРЕЦК

1. Каждый километр с боем

Части Сводного Уральского отряда выступили на Верхнеуральск в расчете пробиться на север, к Екатеринбургу, в обстановке тяжелых временных поражений советских войск на Урале, а также в Поволжье и Сибири. К середине июля 1918 г. белогвардейцы захватили весь Южный Урал, за исключением Белорецкого и Богоявленского районов. В их руках оказалась значительная часть и Среднего Урала. Несколько недель шли ожесточенные бои под Екатеринбургом. Все ближе подходили к нему с трех сторон — с запада, юга и востока — крупные вражеские группировки... На временно утраченной территории Урала, а также Сибири и Поволжья установилась контрреволюционная диктатура. Уже летом 1918 г. началась борьба трудящихся против белогвардейцев в их тылу. Наблюдались массовые уклонения от вступления в белогвардейские войска.

По сведениям, полученным главным штабом партизан от местного населения и по данным разведки, от вступления в белогвардейскую армию отказывались многие крестьяне и даже казаки Верхнеуральского и Троицкого уездов. Однако, как выяснилось, после выхода партизан в район Верхнеуральска, надежды на массовые выступления трудового казачества против белых не оправдались. Значительная часть казачьей и крестьянской бедноты ушла с Красной Армией. Середняк в основной массе все еще находился в плену эсеровской мелкобуржуазной идеологии. Пробуждение его еще только намечалось.

Таким образом, борьба за выход из вражеского окружения отрядам предстояла исключительно трудная. Партизаны находились на большом удалении от линии фронта. Враг захватил огромные районы, увеличивал армию и продолжал теснить советские войска.

Против партизан белогвардейцы двинули многочисленные войска — части Уральского корпуса и отдельные, в том числе и чехословацкие отряды. Уральским корпусом

командовал генерал-лейтенант Ханжин. Еще 4 июля 1918 г. ему было приказано немедленно сформировать Уральский армейский корпус. В корпус предписывалось включить: «1) все части и отдельные пешие и конные сотни Оренбургского казачьего войска; 2) все части и отряды правительственных войск, находящиеся в районе корпуса (Пермская, Оренбургская губернии и Тургайская область)» [1].

Формирующемуся корпусу была поставлена задача: продолжать совместно с чехословацким корпусом наступление с целью овладеть Екатеринбургом и одновременно, сосредоточив все свободные от вышеуказанной операции силы, начать наступление в общем направлении на Верхнеуральск и Оренбург с тем, чтобы обеспечить правый фланг чехословацкой группы, наступающей на Уфу и захватить всю Оренбургскую губернию. Таким образом, первоначально задача борьбы против партизанских частей в районе Верхнеуральска определялась, как второстепенная. В дальнейшем обстановка на данном участке фронта заставила командование белогвардейской армии и Уральского корпуса уделить Верхнеуральскому направлению самое серьезное внимание и бросить сюда не меньшие силы корпуса, чем под Екатеринбург.

Вначале формирующийся корпус был малочисленным. 5 июля в нем насчитывалось 5.869 штыков и сабель. В этот момент имелось лишь 3 артиллерийских орудия [2]. Но в последующие дни численность корпуса быстро росла. 14 июля в нем имелось уже 11.050 штыков и сабель. Число орудий возросло до 10. Спустя 5 дней, когда Сводный Уральский отряд начинал наступление на Верхнеуральск, корпус Ханжина имел свыше 12 тыс. штыков и сабель, в том числе 8.584 сабли и 3.427 штыков, не считая других контингентов войск. Корпус располагал уже 12 орудиями [3].

Некоторые части и отряды были только что сколочены. Насильственная мобилизация давала пополнение, численный рост войск, но это далеко не всегда приводило к реальному усилению врага. По данным Главного штаба, мобилизованные, как резерв, могли находиться в Верхнеуральске. Формировался башкирский полк и т. д. [4].

В корпусе Ханжина преобладали кавалерийские части. Он вобрал в себя все казачьи полки, сформированные белогвардейскими властями и сражавшиеся с отрядами И. Д. Каширина и Н. Д. Томина. В середине июля (к

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 70, л. 14.
[2] Там же, л. 18.
[3] Там же, л. 18, 23, 35, 39, 42.
[4] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 13.

16 июля) половина всех войск Уральского корпуса и большая часть кавалерии, а именно: 5.421 штык и сабля, из них 4.618 сабель, были сосредоточены на Верхнеуральском фронте. Кроме того имелось невооруженных 739 человек. Общая численность войск корпуса в целом и в Верхнеуральском районе была гораздо больше указанной.

В районе Верхнеуральска Уральский корпус 16 июля имел следующие части: 1-й, 2-й и 3-й Кундравинские, Уйский, Степной, Великопетровский, 6-й Оренбургский, Петропавловский казачьи кавалерийские полки (по 600—800 сабель каждый), 2-ю Таяндинскую кавалерийскую сотню, отряд атамана Анненкова (около 500 штыков и сабель, 2 орудия), Троицкую офицерскую сотню (283 штыка), роты миасских стрелков (280 штыков), две роты морских стрелков и 3-ю Оренбургскую батарею. Всего в этой группе войск было 4 орудия и несколько пулеметов [1].

Ознакомление с другими материалами позволяет установить, что кроме указанных частей, белогвардейцы к середине июля в районе Верхнеуральска имели до 3 других отдельных сотен и небольшие пехотные отряды. Так, один из отрядов состоял из 2-й Травниковской, 3-й Кумлякской кавалерийских сотен и Травниковского «особого отряда» [2]. Кроме того в районе Троицка находился отряд в составе 4-го Оренбургского казачьего полка, одной сотни 6-го Оренбургского казачьего полка, Еманжелинской, Кундравинской, 1-й и 3-й Таяндинских отдельных сотен, общей численностью в 2.217 бойцов [3]. Троицкая группа могла явиться резервом для усиления войск под Верхнеуральском. Верхнеуральская группа войск Уральского корпуса имела на командных должностях свыше 70 офицеров. Для командования частями корпуса в районе Верхнеуральска 12 июля из Челябинска был послан генерал-майор Шишкин [4].

К началу наступления партизан на Верхнеуральск и Тирлян противник занимал на правом фланге Тирлян и далее на юг, через Казаккулово, пересекая трактовую дорогу. Основные силы белых в Тирляне составляли 1-й и 3-й Кундравинские казачьи полки, пешая сотня, 1 орудие и Тирлянский белогвардейский отряд. Левее размещались части, участвовавшие 11—13 июля в наступлении на Белорецк: 2-й Кундравинский полк, сотни Петропавловского

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1а, л. 134; ф. 1437, оп. 1, д. 31, л. 129; оп. 4, д. 70, л. 39. В документах есть расхождения в наименовании полков и расписании частей.

[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 98.

[3] Там же.

[4] Там же, л. 18, 134.

казачьего полка, роты миасских стрелков, офицерская сотня (рота), отряд есаула Анненкова с двумя орудиями. Общая численность этих частей превышала три с половиной тысячи солдат, т. е. примерно столько же, сколько имели направленные главкомом Н. Д. Кашириным Белорецкий, Троицкий и Верхнеуральский отряды (в них имелось до четырех тысяч пехотинцев и кавалеристов).

Учитывая, что партизанам приходилось вести наступательные операции, в численном отношении их сил было явно недостаточно. Однако преобладание в их отрядах в условиях горной местности пехоты, превосходство в артиллерии и пулеметах (пока имелись запасы снарядов и патронов), огромное морально-политическое превосходство, героизм бойцов и мастерство командиров позволяли Сводному Уральскому отряду вести наступательные операции в невыгодных по соотношению сил условиях.

Но примерное равновесие сил стало меняться. Белые создали перевес сил. Вечером 18 июля против правого фланга боевого порядка партизан было брошено подкрепление в 700—800 сабель[1]. Со стороны Вязовой к Тирляну стали подтягиваться различные белогвардейские отряды, включая только что сформированные. Следовательно, уже к 19—20 июля противник получил численное превосходство.

В этой неравной борьбе нужно было обладать огромным мужеством, небывалой волей к победе, чтобы не только противостоять врагу, но и развивать наступательные операции. 18 июля[2], на рассвете, Сводный Уральский отряд двинулся в наступление на Верхнеуральск. Так начался первый этап героического рейда партизанского соединения. Путь пролегал в горах. Предстояло пересечь высокие и крупные горные хребты, пройти через труднопроходимые леса.

В соответствии с приказом главкома в течение первого дня партизанские части значительно продвинулись в Верхнеуральском направлении. Верхнеуральский отряд к вечеру сосредоточился в районе дер. Абзаково. Троицкий приближался к дер. Казаккулово. Следовательно, наступление развертывалось по широкому фронту.

Справа, вдоль тракта, действовали верхнеуральцы, а слева — топинцы. 18 июля Уральский отряд выступил из Узянского завода, прибыл в Белорецк и находился здесь в течение двух последующих дней, как резерв главкома. 19 и 20 июля Верхнеуральский и Троицкий отряды про-

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 116; ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 40.
[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 19; Легендарный рейд, с. 159.

должали продвижение на восток. Троицкий отряд, находясь в районе дер. Казаккулово, вел боевые действия в направлении деревень Мусино (Кузнечкино), Чуреманово, Наурузово, Кабагушево и др. Верхнеуральцы действовали в районе Баталово — Рахметово — Яйкарово — Яникеево— Абзаково [1].

Между отрядами поддерживалась тесная связь. Отряды двигались в боевом походном порядке, готовые в любую минуту развернуться по фронту и дать бой белогвардейцам. Например, Верхнеуральский отряд первоначально двигался в следующем порядке: впереди (авангард) 1-й кавалерийский полк, за ним следовали главные силы — 2-й кавалерийский полк в составе 3-х сотен, стрелковый полк и трехорудийная артиллерийская батарея. В арьергарде следовала сотня 2-го кавалерийского полка [2].

От полков вперед и по сторонам высылались конные боевые дозоры. Все эти меры предосторожности оправдали себя в самом начале. Партизанам уже в 15—20 километрах от Белорецка пришлось то и дело вступать в схватку с белоказаками. По мере приближения к Верхнеуральску их становилось все больше. Генерал Ханжин бросал в бой против советских отрядов все новые части. Борьба принимала ожесточенный характер. В жаркий бой вступил Троицкий отряд в районе дер. Казаккулово, где действовали анненковцы и другие части, включая офицерскую роту, артиллерийскую батарею и пулеметы [3].

Весь день 19 июля томинцы предпринимали против этих частей наступательные действия. Выбрав удачную позицию, троицкие артиллеристы меткими попаданиями заставили врага снять с огневых позиций артиллерийскую батарею и отвести ее в тыл. Артиллерийский обстрел внес замешательство и в обоз врага, двигавшийся на Казаккулово [4]. В результате одновременного удара пехотинцев и кавалеристов Троицкого отряда противник с занимаемых позиций был сбит и начал беспорядочное отступление. Троичанам достались военные трофеи: 28 берданок, несколько пулеметных лент и пленные. К утру 20 июля отряд Томина занимал позицию западнее и северо-восточнее Казаккулово. Сотни Разинского полка вступили в схватку с кавалерией противника близ дер. Мусино (Кузнечкино) и Чуреманово. Одна из сотен разинцев с группой пехотин-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 19, 23—24; Легендарный рейд, с. 162.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 125.

[3] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 24; ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 116.

[4] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 109, л. 60.

цев-пулеметчиков, заняв высоту у дер. Чуреманово, успешно отбивала атаки противника силою в 2 роты пехоты и 2 сотни кавалерии. 21 июля, усилив отряд под Чуреманово, Н. Д. Томин повел решительное наступление на противника и выбил его с занимаемых позиций [1].

В эти же дни верхнеуральцы с боями продвигались вдоль тракта. Первый крупный бой они дали восточнее Абзаково. Шедшая впереди Верхнеуральского стрелкового полка кавалерийская сотня вошла в соприкосновение со значительными силами белоказаков, но не выдержала их натиска и отошла. Стрелковый полк быстро принял боевой порядок и приготовился к отпору атакующего врага Завязалась перестрелка, враг приближался к позициям партизан. Подпустив белоказаков на 100—200 шагов, верхнеуральцы ринулись в контратаку. Враг не выдержал и стал отступать [2].

Борьба Верхнеуральского отряда в этом районе носила весьма специфический характер: его бойцам приходилось постоянно сталкиваться со своими станичниками — зажиточным казачеством и теми, кто позволил увлечь себя контрреволюционерам. В рукопашном бою рубились и родственники, которых революция поставила по разные стороны баррикад. Вот как описал один из таких боевых эпизодов С. П. Галунов: «За Белорецком молодой наш казак Никита узнал в одном из белых всадников своего отца. На взмыленном вороном летел батько прямо на сына. Никто не придержал коня, не свернул в сторону. И вот уже отец взметнул клинок и... резанул воздух. Успел изловчиться наш Никита, вмиг скрылся за коня, повиснув на одном стремени. Вороной проскочил Рыжку. Но через секунду поднялась Рыжка, развернул Никита коня, настиг Вороного. И не пощадила сыновья рука отца-врага...» [3].

В боях с белоказаками мужали красные кавалеристы, закалялось их политическое сознание, укреплялась воля к победе. Белые казаки отступали под натиском красных казаков. Командующий Верхнеуральской группой генерал Шишкин, спасая положение, поздно вечером 18 июля бросил на левый фланг своих войск подкрепление — 5-й Оренбургский полк в полном составе — около 700—800 всадников [4]. Полк к утру следующего дня занял позицию в 4-х

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 21—24; ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132. д. 91, л. 132.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 735, л. 312; д. 2137, л. 2—3.

[3] Подвиг отцов. Сборник воспоминаний и очерков. Свердловск, 1959, с. 248.

[4] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 116; ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 40.

верстах юго-западнее Малого Богодака. Однако усиление левого фланга белых в тот день не принесло им успеха. Верхнеуральцы успешно отбивали контратаки белоказаков как по фронту, так с фланга и с тыла.

К вечеру 19 июля Верхнеуральский отряд, оттеснив противника, занял дорогу на город. Белые оказывали слабое сопротивление, отходили. Они оставили Богодак. 19 августа генерал Шишкин с тревогой телеграфировал в Челябинск командиру корпуса: «Положение вновь обостряется. Противник наступает большими силами. Наши части отходят...» [1]. Ханжин приказал оттянуть на центральный участок фронта один кавалерийский полк и стрелков из-под Тирляна и атаковать партизан. В результате на другой день в районе Богодака белогвардейцы отчаянным усилием потеснили верхнеуральских партизан и заняли Богодак [2].

Верхнеуральский и Троицкий отряды действовали сомкнутым фронтом по линии Казаккулово — Кабагушево — близ дер. Баталово — по направлению на Балабаново [3]. К исходу 20 июля была преодолена почти половина пути от Белорецка до Верхнеуральска. По мере продвижения партизан к Верхнеуральску сопротивление врага нарастало. 21—22 июля под Верхнеуральском борьба шла с переменным успехом [4].

В первые дни успех сопутствовал партизанам и в Северном направлении, на котором приказано было действовать Белорецкому отряду. В 1-м приказе Н. В. Баранов извещал о его назначении главкомом командующим отрядом и призывал к стойкости, дисциплинированности и решительной борьбе. «Заявляю, товарищи боевики, что время слов прошло, ближе к делу. Поэтому требую от вас революционного мужества во исполнение [приказов] непосредственных ближайших начальников, особенно при исполнении боевых задач, помня, что всякое пререканье и неисполнение того или иного распоряжения ведет нас в общем нашем деле к гибели нашей революции» [5].

Командующий на основе приказа главкома ставил перед отрядом, его частями боевые задачи. В Белорецкий отряд входили Белорецкий стрелковый полк, две кавалерийские (верхнеуральские) сотни общей численностью 1000 штыков и 200 сабель при 2 орудиях. Он должен был

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 118.
[2] Там же, л. 117, 125.
[3] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 23 (и об), 24.
[4] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 156.
[5] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 130.

прикрывать поход партизан к Верхнеуральску с севера. Первоначальная задача отряда главкомом определялась следующим образом: «18 сего июля выдвинуться с рассветом из завода Белорецкого и двигаться на Тирлян двумя дорогами: по правому и левому берегу реки Белая, причем к левой колонне присоединить к себе Юрюзанский, Тирлянский и Журавлинский отряды, находящиеся на Журавлином болоте. Дойдя до Мокрого болота, занять исходное положение для атаки, а утром 19 сего июля занять завод Тирлян» [1].

Утром 18 июля Белорецкий отряд приступил к выполнению боевой задачи. Его основные силы — пять рот Белорецкого полка (исключая 5-ю роту), кавалерийская сотня, артиллерия и обоз, выдвинув дозоры, двигались вдоль левого берега реки Белой. Это была правая колонна. По левую сторону реки, из района ст. Шушпа, вдоль полотна узкоколейной железной дороги продвигалась 5-я рота Белорецкого полка, две кавалерийские сотни верхнеуральцев и присоединившиеся к ним в районе Шушпы и Журавлиного болота упоминавшиеся выше отряды. Командовал этой левой колонной командир 5-й роты В. В. Творогов [2].

К вечеру обе колонны сосредоточились в 7 километрах от Тирляна, в районе Мокрого луга. Отряд развернулся. Для получения сведений о расположении вражеских позиций ночью к Тирляну направляется разведка. Разведгруппа, в которую вошли Ф. Сызранкин и А. Пирожников, натолкнулась на противника и завязала неравный бой. На помощь разведчикам прибыла рота, которой командовал В. Бобров. Партизаны пошли в атаку. Противник не выдержал натиска и бросился в бегство, оставив на поле боя убитых и раненых. На подступах к заводу партизаны натолкнулись на укрепленные позиции белых.

На рассвете Белорецкий отряд повел наступление на вражеские позиции. Партизаны были встречены сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем. Весь день шел упорный бой. Под вечер партизанам удалось обойти фланги противника. Началась новая стремительная атака белоречан, поддержанная метким прицельным огнем артиллеристов. Враг не устоял, дрогнул и начал паническое отступление в разных направлениях: в дер. Суюндуково, Махмутово и Б. Танстак и, главным образом, к дер. Мусино (Кузнечкино) в сторону Верхнеураль-

---

[1] Легендарный рейд, с. 159—160, 162.

[2] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 15—21; ф. 7141, оп.1, д. 1, л. 130.

ска. Белорецкий отряд вступил в Тирлян и в тот же вечер, 19 июля, значительными силами занял позиции в 2—3-х километрах от завода в сторону отряда противника [1].

Вечером 19 июля на запрос из штаба Уральского корпуса войсковой старшина Курганов сообщал: «Вчера и сегодня противник вел наступление на эту позицию, которая занята двумя нашими полками; линия фронта тянется к юго-востоку, на Казаккулово, где сосредоточен отряд атамана Анненкова. Одновременно с действиями против правого фланга противник повел энергичное наступление против отряда Анненкова, стараясь обойти его левый фланг...» Курганов, отмечая неудачи своих частей, жаловался на неустойчивость солдат: старых, — «оставляющих желать много лучшего», молодых, — «разбегающихся при первом орудийном выстреле» [2].

Это, заметим, было не только следствием мощных ударов партизан, но и антинародным характером устанавливавшейся белогвардейской власти, в том числе палаческими действиями карателей в отношении рабочих.

В Тирляне партизанам предстала ужасная картина: перед отступлением белогвардейцы жестоко расправились со многими десятками коммунистов и наиболее активных рабочих [3]. Многие рабочие Тирляна вступили в Белорецкий полк. В связи с присоединением к полку тирлянцев, а также партизан в районе Журавлиного болота командующий отрядом Н. В. Баранов 22 июля приказал командиру полка «сформировать роты в 150 штыков каждая, а также единую пулеметную команду, обслуживающую роты, и увеличить команду пеших разведчиков до 50 человек» [4]. Приказ был выполнен. Роты Белорецкого полка стали более крепкими и боеспособными. Силы Белорецкого отряда возросли и в связи с прибытием в эти дни в Тирлян двух рот (Т. Уткина и И. Маркелова) Стерлитамакского отряда. Стерлитамакский отряд прибыл в Белорецк примерно 20 июля, доставил большие запасы мануфактуры, кожтоваров, сахара, продовольствия и сразу же включился в состав партизанских войск [5].

Продолжая занимать позицию под Тирляном, Н. В. Баранов послал по железной дороге в северном направле-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 23—24; Легендарный рейд, с. 85—86.

[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 116.

[3] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 21.

[4] Там же, л. 131.

[5] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132 (и об); ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 39; Легендарный рейд, с. 162.

нии разведку. Проехав до ст. Юрюзань, километров на 35—40 от Тирляна, разведчики противника не обнаружили[1]. Некоторое время в районе Тирлянского завода предпринимались разведывательные операции, активных военных действий не велось.

21 июля командование Сводного Уральского отряда произвело перестановку и укрепление сил на Верхнеуральском направлении. В этот день на фронт прибыл Уральский отряд. Он занял позицию Троицкого отряда в районе Казаккулово, развернувшись фронтом на Верхнеуральск. На другой день в Казаккулово из Белорецка прибыл Баймакский отряд, находившийся в резерве главкома. Троицкий отряд, по прибытии на его место уральцев, продвинулся на северо-восток, в дальнейшем занял дер. Наурузово, выдвинув разведку в направлении Кулушево — Исмангулово — пос. Урлядинский[2].

Таким образом, на главный участок борьбы в центр боевого порядка партизанских войск был выдвинут отряд В. К. Блюхера. Вместе с Верхнеуральским отрядом ему предстояло вести непосредственную борьбу за Верхнеуральск. Троицкому отряду отводилась роль прикрытия левого фланга главных сил. В то же время он предупреждал возможный выход белоказачьих полков в тыл Уральскому отряду, не располагавшему достаточными кавалерийскими силами. Кроме того Троицкий отряд сам создавал большую угрозу правому флангу белогвардейцев с севера, заставлял их растягивать фронт и отвлекал силы из района Белорецко-Верхнеуральского тракта.

В связи с настойчивыми попытками белогвардейцев обойти правый фланг Верхнеуральского отряда, атаковать его с юга и юго-запада, 21 июля в дер. Абзаково была направлена специальная группа прикрытия — кавалерийская сотня. Она выставила наблюдение по направлению к дер. Махмутово. Одновременно сотня выполняла роль связующего звена Верхнеуральского отряда с Белорецком.

После того, как перестройка боевого порядка Сводного Уральского отряда была произведена, 21 июля главком издает приказ о непосредственной борьбе за Верхнеуральск. «Товарищу Блюхеру, — указывалось в приказе, — после сосредоточения отряда в дер. Кузуткуловой[3], двигаться в боевом порядке через деревню Узун-

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132.

[2] Там же, л. 132 (об.); ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 20 (и об.)—21 (и об). (и об.) — 21 (и об.)

[3] Так в документе. Очевидно, следует читать «в дер. Казаккулово».

гулово — Сазынбаеву — хутор Вятский на город Верхнеуральск с целью овладения этим пунктом в течение 22 июля»[1]. Командующему Верхнеуральским отрядом предписывалось «сгруппировать пехоту и артиллерию в один кулак и, связав свою пехоту с товарищем Блюхером живой связью, двинуть ее в направлении на Верхнеуральск, усиливая удар со стороны товарища Блюхера[2]. Кавалерию же использовать главным образом для прикрытия общего нашего правого фланга и для разведки вперед в направлении на Веселый Маяк и город Верхнеуральск. Особенно бдительно следить за правым флангом и ни в коем случае не допускать разбрасывания своих сил»[3]. Отряду Томина предписывалось двигаться на Наурузово, в течение 22 июля овладеть этим пунктом и «в дальнейшем прикрывать фланг» (левый — *И. П.*)товарища Блюхера»[4].

Таким образом, Н. Д. Каширин непосредственное решение задачи по разгрому главных сил противника в освобождении Верхнеуральска возложил на отряд В. К. Блюхера и Верхнеуральский пехотный полк. Численность этой ударной группировки партизан превышала две тысячи бойцов, в подавляющей части пехотинцев. Не располагая точными сведениями о силах противника, главком рассчитывал на благоприятный исход боя уже к исходу 22 июля и освобождение Верхнеуральска.

Однако, предвидя возможное осложнение боевой обстановки, Н. Д. Каширин расположил партизанские отряды таким образом, что они действовали на сравнительно небольшом участке фронта и в процессе боя ими можно было маневрировать. Главком специально предупреждал о недопустимости разбрасывания сил, в частности, кава-

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132 об.

[2] Ряд авторов (см. например, Лучевников П. С.: Гражданская война на Южном Урале, с. 61—63 и др.) полагают, что Извоз штурмовали только верхнеуральцы, об отряде В. Блюхера они даже не упоминают. Это, как видим, неверно.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132 об.

[4] Там же. Н. Д. Каширин, будучи избранным главкомом, на первых порах план действий соединений определяет осторожно, учитывает критику своей точки зрения на собрании командиров 16 июля. В первых приказах он акцентирует внимание на задаче продвижения к центру, переходе «через железнодорожную линию Челябинск—Уфа» (см.: Легендарный рейд, с. 159), «Челябинск — Златоуст», но «овладев узлом грунтовых дорог, выходящих из Верхнеуральска в необходимом для нас северном направлении», «выбравшись из горной и бедной хлебом полосы, двинуться в направлении на север от Верхнеуральска к линии железной дороги» (см.: Там же, с. 162—163). Однако, вскоре, 21 июля, главком, перестроив боевой порядок войск, отдает приказ о быстром продвижении главных сил на Верхнеуральск и взятии его уже 22 июля (см.: ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132).

лерии, помощь со стороны которой в любой момент могла понадобиться стрелковым частям. Готовясь к решающему броску на Верхнеуральск и учитывая сложность обстановки, главком потребовал от всех командиров «обратить самое строгое внимание на необходимость экономить патроны и не допускать ни в коем случае бесцельной стрельбы. Стрельбу разрешать только по ясно видимой цели»[1]. Этот приказ был доведен до всех бойцов.

Немаловажную, хотя и вспомогательную в общей операции роль должен был сыграть Белорецкий отряд. Он должен был надежно прикрывать главные силы партизан с северо-запада. «Товарищу Баранову,—говорилось в приказе главкома,— оставаясь на месте, выслать усиленную разведку возможно дальше в сторону Запрудовки и на деревню Мусино»[2]. Таким образом, главком еще раз хотел разведывательными действиями проверить: насколько далеко свободна узкоколейка, связывавшая Белорецк с Самарско-Златоустовской железной дорогой и каковы силы белогвардейцев в районе Мусино.

К Мусино (Кузнечкино) для активных разведывательных действий посылались кавалерийские сотни, стрелковая рота. Между партизанскими подразделениями и белогвардейскими частями завязывалась перестрелка. Разведчики держали противника в напряжении, наблюдая за ним и срывая его планы наступления на Тирлян[3]. 22 июля командующий Белорецким отрядом приказал малочисленной Юрюзанской роте, находившейся севернее Тирляна, продолжить продвижение по узкоколейной железной дороге по направлению Запрудовки, «вести разведку и войти в соприкосновение с противником», после чего вернуться в Тирлян[4].

На другой день юрюзанцы приступили к выполнению поставленной задачи. Они ехали на «бронепоезде», сделанном под руководством юрюзанцев Г. Н. Просвирова и В. Бухвалова. Бронепоезд состоял из маленького пассажирского вагона, стены которого были выложены мешками с песком. Позади этого вагона и впереди незащищенного паровоза — боевые платформы: простые железные платформы для перевозки угля, стенки которых были также укреплены мешками с песком и землей. На платформах стояли два голенастых кольта[5].

Продвигались юрюзанцы осторожно. 24 июля, не доез-

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132 об.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 15—16.
[4] Там же, л. 15.
[5] Там же; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 735, л. 164—165.

жая до горы Бихта, рота Г. Н. Просвирова наткнулась на белогвардейскую цепь, вступила в бой. Смело действовали бойцы бронепоезда, в частности лично Василий Бухвалов. Он, пробравшись на правый фланг боевых порядков, забросал противника гранатами. В этом же направлении по наступающим белогвардейцам ударил очередью пулемет. Противник решил, что его фланг охвачен партизанами, растерялся. Была одержана победа[1], захвачено двое пленных и четыре винтовки. Противник отступил на север.

В эти дни в одном из боев был захвачен упоминавшийся бронепоезд белых, самодельный, как и у партизан. М. Халидов описывает этот эпизод так: «Китайцы, идущие впереди... уловили шум, дали знать об этом русскому отряду, предложили открыть огонь по противнику лишь тогда, когда поезд не в состоянии будет двигаться ни вперед, ни назад. А для этого они выдвигали предложение: немедленно разобрать впереди рельсы, а когда поезд пройдет, то же самое сделают они. В результате дружных действий обеих частей и внезапно произведенной атаки принудили белых сдаться в плен, отправив пленных тем же поездом в Белорецк»[2]. Так находчиво, геройски проявили себя китайцы-интернационалисты.

После неудачи у г. Бихты, где был разбит державший оборону Катавский партизанский отряд, командование Уральского корпуса обратило большое внимание на укрепление позиций севернее Тирляна. Оно заключило, что «возможна попытка красных уйти из района Верхнеуральска на север»[3]. Посланному на ст. Юрюзань отряду в 100 человек срочно направляется 2 пулемета. Начальнику Златоустовского гарнизона, руководившему отражением наступления партизан по узкоколейке, было приказано «усилить нажим на Тирлян, дабы отвлечь красных от Верхнеуральска, выслать туда, что можно»[4]. Со стороны ст. Вязовая 25 июля спешно двинулись на юг новые отряды белых[5].

Таким образом, против небольшого отряда Г. Н. Просвирова были брошены крупные силы. Юрюзанцы, не зная об этом, продолжали продвигаться вперед, 26 июля они были встречены врагом в районе ст. Арша и втянуты в неравный бой. У противника оказался также и самодель-

---

[1] ГАСО, ф. 1200 р, оп. 1, д. 32, л. 6 об.—7.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 379, л. 58.
[3] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 1.
[4] Там же, л. 9—19.
[5] Там же, л. 19.

ный бронепоезд. Встречный бой закончился победой белогвардейцев. Партизаны, потеряв несколько человек убитыми и пулемет, вынуждены были отступить [1].

В результате разведывательных операций было выяснено, что в Аршу и севернее ее белогвардейцы стянули крупные силы. По слухам число только мобилизованных жителей Юрюзани, ряда сел достигало тысячи человек. Они также готовились к борьбе [2]. В оперативной сводке штаба Уральского корпуса за 29 июля отмечалось: «Тирлянский фронт. Наши главные партизанские отряды [3] находятся на ст. Юрюзань, на Белорецкой ветке от ст. Арша по обе стороны железной дороги, по хребту Бихта расположена наша боевая линия против красных» [4].

Против этой линии белогвардейских войск Н. В. Баранов решил бросить значительные силы. В случае успеха можно было не только предотвратить угрозу захвата противником Тирляна, но и не дать ему возможности нанести фланговый удар по главным силам Сводного Уральского отряда, наступающим на Верхнеуральск. Для проведения операции были выделены обе роты стерлитамакцев, роты И. Мамыкина, Г. Н. Просвирова. Роте И. Мамыкина придавалось 40, а стерлитамакцам — 10 бойцов Тирлянской роты, хорошо знакомых с местностью.

Перед рассветом 29 июля в район Арши с левой стороны железнодорожной линии двинулась рота Мамыкина. По занятии ею исходного положения для активных действий в наступление двинулись стерлитамакцы и юрюзанцы, находившиеся впереди. Они шли боевым порядком вдоль узкоколейки под прикрытием выдвинутого вперед бронепоезда [5].

В районе «Чертовых ворот» произошел бой. Сбить врага с занимаемых позиций на горных кручах малыми силами с фронта было невозможно, да и не имело смысла в связи с угрозой больших потерь. В тыл врага направилась рота И. Мамыкина. Но от нее вестей не поступало. Как потом выяснилось, рота вначале имела успех, но затем оказалась в критическом положении. Рота Мамыкина посеяла панику в стане неприятеля. Белогвардейцы, казаки и чехи стали отступать. Но левый фланг роты так увлекся преследованием, что ни командир, ни

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 21; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 119 об.; ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 1, 19.

[2] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 119.

[3] Так белогвардейцы называли местные отряды, сформированные ими и еще не сведенные в регулярные части.

[4] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 226.

[5] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 21.

бойцы не заметили, как противник подтянул и ввел в действие резерв с горной артиллерией и пулеметами. По цепи партизан ударили пушки, сосредоточенным огнем отсекли левый фланг и прижали ее к железнодорожному полотну.

В образовавшуюся брешь ринулись вражеские солдаты. Бойцы почти всей роты оказались в окружении. Попытка двух других рот развить наступление в этом направлении в этот момент оказалась безуспешной. Встретив партизан орудийным и пулеметным огнем, белые вынудили их отойти. Артиллерия Белорецкого отряда израсходовала последние снаряды. Одно из орудий к тому же оказалось поврежденным.

Окруженные бойцы-мамыкинцы отважно дрались в окружении. Израсходовав патроны, они ринулись на врага со штыками наперевес. Но силы были слишком неравными. Горстка партизан была схвачена и озверевшими белогвардейцами буквально растерзана[1]. Лишь остатки роты продолжали действовать во вражеском тылу.

Надвигались сумерки. Тогда командованием отряда принимается решение: направить левее полотна железной дороги, по горе в тыл врага стерлитамакскую роту И. Маркелова. Она должна была нанести фланговый удар по белогвардейцам, засевшим у «Чертовых ворот». Немного погодя вперед двинулся бронепоезд с юрюзанцами, за ними цепью шла рота Т. Уткина. По фронту разгорелся бой с новой силой. Наконец, когда уже стемнело, с тыла ударили маркеловцы и остатки мамыкинской роты. Белогвардейцы бросились в бегство, оставляя винтовки и патроны. Заблудившиеся белогвардейцы утром были захвачены в плен[2].

Белорецкий отряд в последующие дни прочно удерживал район Тирляна. Он взорвал железнодорожный мост между ст. Рудник и Тирлян, исключив на время продвижение врага по железной дороге[3]. Отряд большое внимание уделял поддержке связи с Троицким отрядом и оказанию помощи ему.

Еще 27 июля, когда главные силы Сводного Уральского отряда вели жаркое сражение в районе Вятских хуторов, Н. Баранов, в соответствии с приказом главкома,

---

[1] *Сызранкин Ф.* Рабочие — солдаты революции. М., 1973, с. 162—163.

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 119; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 735, л. 165; *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 31.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 266.

направил в распоряжение Н. Д. Томина стрелковую роту Короткова и одну сотню верхнеуральцев [1].

Таким образом, действия Белорецкого отряда в большей степени, чем первоначально, были сведены к удержанию железнодорожной магистрали и предупреждению удара белогвардейцев в тыл Троицкому и другим отрядам на Верхнеуральском фронте. Белорецкий отряд значительную часть своих сил оттянул к Мусино, т. е. в район действий отряда Томина. Более того, под Тирлян белогвардейцы вынуждены были направлять новые войска с севера. Так, с Вязовой туда была направлена в конце июля стрелковая рота. Затем генерал Ханжин приказал отправить под Тирлян две роты белочехов с орудиями [2]. В ходе боевых действий командованием партизан против многочисленных частей противника был развернут единый, почти сомкнутый фронт всех четырех отрядов. Белорецкий отряд играл значительную роль.

Решительное наступление главных сил партизанской армии на Верхнеуральск началось 22 июля. Но отряды с первых же шагов встретили отчаянное сопротивление белогвардейцев. Особенно жаркое сражение разгорелось в районе Большого Богодака и Вятских хуторов. Эти населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Исключительный героизм в боях проявили как блюхеровцы, так и верхнеуральцы. Партизанам порой надолго приходилось окапываться и отбивать атаки вражеской конницы.

Нередко создавались критические моменты то на одном, то на другом участке. Тогда бойцы одних подразделений бросались на выручку другим и вынуждали врага отступать. В результате одной из стремительных атак белоказаки потеснили стрелков Верхнеуральского полка и захватили 2 артиллерийских орудия. Но И. В. Погорельский со взводом пехотинцев самоотверженно бросился на врага, отбил орудия обратно, а белоказаков обратил в бегство.

Особенно жарко было на участке Уральского отряда. С ним постоянную связь поддерживал Томин. Раненный в одном из боев в руку, он не покинул своего отряда, продолжал им командовать.

Действуя на стыке главных сил и Белорецкого отряда, на обширном по протяженности фронте, командование Троицкого отряда предпринимало шаги в организации разведки, в том числе и целыми подразделениями. В районе

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 119 об., 120.
[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 266, 293.

Аитово в разведку был послан взвод 3-й сотни полка им. Разина. В этой сотне (командир Баймухаметов), в частности во взводе, о котором идет речь, было много башкир и татар. Кавалерийский взвод, в который входили Галеев, З. З. Ибрагимов, Л. Халиков, Ф. Т. Чугунов и другие, направился к Аитово, проехал эту деревню, но вскоре наткнулся на белоказаков.

Завязалась перестрелка. Несколько человек, в том числе Галеев, было ранено. Под некоторыми бойцами были убиты лошади. Группами стали выбираться в сторону Верхнеуральска. С большим трудом несколько дней пробивались к своим Чугунов и Ибрагимов с раненым Галеевым, имея только лошадь. Вскоре лошадь совсем выбилась из сил, пришлось ее бросить. Брели длительное время пешком, голодные, выбившиеся из сил. Вышли на покос, где увидели крестьянскую семью. Предпринятая было предосторожность оказалась излишней. Партизан накормили. Глава семьи — старик спрятал партизан в телеге, забросав их травой и отправился в Белорецк, привез их туда благополучно. Разведчиков считали уже погибшими. Это было 31 июля, когда партизаны готовились к отходу из-под Верхнеуральска. Старика командование наградило, тепло проводило. Оказалось, что у него у самого два сына состояли в Белорецком полку [1].

Разведданные Н. Д. Томиным все же были получены вовремя. Большая часть взвода вернулась в штаб отряда своевременно.

Троичане в случае надобности перебрасывали часть своих сил вправо и оказывали помощь Блюхеру. Так, 23 июля во время упорного боя уральцев за одну из высот, им на помощь была послана полусотня разинцев. Но развить и закрепить успех уральцам не удалось, ибо по ним, не жалея снарядов, била вражеская батарея. Тогда одно из орудий Троицкой батареи было переброшено на правый фланг отряда и подключилось к обстрелу белогвардейских позиций [2]. Положение на левом фланге Уральского отряда выправилось, противника удалось оттеснить.

Отправка главкомом на фронт Уральского, Баймакского, части Стерлитамакского отрядов, т. е. практически всех контингентов — почти в 6 тысяч штыков и сабель не дала перевеса над противником. В эти дни белогвардейцами были брошены в бой также почти все силы, со-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 335, л. 4—6; д. 388, л. 3—6.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 579, 582; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2137, л. 3.

средоточенные близ Верхнеуральска. По численности они превышали партизанское соединение. Помимо того, в 20-х числах севернее Тирляна появилось несколько отрядов, сформированных в районе западнее и юго-западнее Златоуста. На помощь белым прибыло с севера несколько башкирских рот в 600 штыков[1]. Численность вражеских войск, по нашим подсчетам, достигала 7,5—8 тысяч солдат и офицеров.

Взвешивая обстановку, соотношение сил на фронте, имея точные сведения о том, что партизаны ощущают острейший недостаток боеприпасов, командир Уральского корпуса 25 июля вновь приказал генералу Шишкину перейти в наступление[2]. Ханжин выражал, как ему казалось, нерешительными действиями Шишкина недовольство и все больше раздражался. Ему казалось странным, что его подчиненные вышколенные высшие офицеры бывшей царской армии не могут справиться с партизанами. Шишкин попытался спасти честь своего генеральского мундира, требуя от командиров частей наступательных действий и разгрома партизанских отрядов. 25—26 июля сражение под Верхнеуральском достигло исключительно большого накала.

Жестокая борьба шла за каждый перевал, за каждую высоту. Так продолжалось несколько дней. Экономя боеприпасы, партизаны часто ходили в штыковую атаку. Враг, располагавший большим запасом патронов, встречал партизан сильным огнем. Но несмотря на значительные потери, партизаны рвались вперед. Белогвардейцы обычно уклонялись от рукопашного боя и отходили, отстреливаясь. 26 июля верхнеуральцы безуспешно штурмовали позиции противника, засевшего на Березовой горе. Когда наступавшие цепи партизан, встретив в высшей степени упорное сопротивление белогвардейцев, поколебались, главком Н. Д. Каширин решил личным примером ободрить бойцов.

С небольшим резервом казаков он бросился в атаку на врага. Охваченные боевым энтузиазмом, партизаны усилили натиск на белогвардейцев и захватили Березовую гору. Во время этой атаки Н. Каширин был тяжело ранен в ногу[3]. Вместо Н. Д. Каширина, отправленного в белорецкую больницу, временное командование Сводным Уральским отрядом взял на себя И. Д. Каширин,

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 195, 227, 291, 309.
[2] Там же, л. 186.
[3] ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 91, л. 431; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 33 (и об.) — 35.

так как В. К. Блюхер, не согласный с планом действий главного штаба, от сделанного ему на этот счет предложения отказался.

Весть о ранении Николая Каширина быстро разнеслась по отрядам, но замешательства в них не было. В этот день партизаны в Верхнеуральском направлении значительно продвинулись вперед. В белогвардейской сводке события этого дня отражены следующим образом: «26 июля наши части, расстреляв все патроны, под натиском больших сил красноармейцев отошли на линию 12—14 верст западнее Верхнеуральска»[1]. Если отбросить лживые оправдания, ссылку на недостаток патронов и превосходство партизан в силах, то можно видеть признание врага в очередном поражении. В последующие дни партизаны с еще большим упорством вгрызались в позиции врага, продвигаясь вперед.

На подходе к городу стойко дрались блюхеровцы. Основная масса бойцов Верхнеуральского отряда не была обескуражена тем, что 31 августа командующий отрядом Пичугин во время наступления на г. Извоз с группой предателей бежал, захватив 175 тыс. рублей[2]. Предатели из-за денег в последний момент перессорились, стали требовать себе суммы до перехода к белогвардейцам. Из сбивчивых показаний Пичугина белым выясняется, что у него на руках оказалось лишь 20 тыс., 30 тыс. руб. было у шести дезертиров, которые, как полагали белогвардейцы, не смогли перебежать и были «пойманы» большевиками»[3].

Дезертиры и воры, очевидно, с большими суммами решили бежать домой, не вступая и в белогвардейскую армию. Один же из предателей действительно был пойман в лесу крестьянами-башкирами, когда устроил себе отдых и кормил лошадь, запряженную в тарантас. Он был доставлен в штаб. С повешенной на шею доской, на которой была надпись: «Я предатель, я враг революции, я украл народные деньги», его водили по местам расположения партизанских частей. На него показывали пальцами, ему плевали в лицо. Затем предатель был расстрелян[4].

Верхнеуральцы, несмотря на случившееся, продолжали геройски сражаться, показывая образцы мужества и героизма. Успех сопутствовал и Троицкому отряду.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 70, л. 56.
[2] Там же, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 322.
[3] Там же, л. 323.
[4] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 379, л. 64—65.

Важную роль в достижении успеха Троицкого отряда сыграли артиллеристы. М. Халидов, действовавший со своими орудиями вместе с троичанами, рассказывает: «Как только перевалили за Уральский хребет, установили свои 4 орудия вдоль дороги, открыли по противнику ураганный огонь. Белые занимали позицию по реке Миндян, над дер. Казаккулово. Перед нами была высокая гора. Наши наблюдатели, взобравшись на ее вершину, следили за действиями наших снарядов и давали нам сведения об этом. Противник в своем распоряжении имел против нас 2 орудия. Они были установлены им примерно в 8 верстах от нас на склоне горы Сyукбиль.

Посылаемые противником снаряды пролетали высоко над нашими головами, разрывались в воздухе. В целях лучшей ориентации в обстановке, взобравшись на гору, к наблюдателям, я стал свидетелем, как наши снаряды метко попадали по обозу противника, двигавшегося по направлению Казаккулово на Суукбильские горы. Ясно было видно, как там люди в панике метались, создавая большой беспорядок. Я распорядился взять более высокий прицел. В результате несколько наших снарядов разорвалось у орудий противника. Они вынуждены были быстро передвинуть свои орудия на другую сторону Суукбиль. Вскоре после этого несколько снарядов противника разорвалось на горе, как раз над нашими головами, но слишком высоко, не причинив вреда».

Артиллеристы продвинулись вперед, заняли новые позиции на опушке леса, вновь открыли огонь, «не прошло и получаса времени, как орудия противника замолчали» [1]. Успех в борьбе с врагом сопутствовал во все дни наступления. Враг откатывался на восток. 28 июля отряд партизан «сильным артиллерийским огнем 4—5 орудий, — как сообщали белогвардейцы, — заставил наши части очистить Наурузову, которую и занял в 20 часов» [2]. Занятие этой деревни было результатом многодневных усилий томинцев.

На линии Белорецк-Верхнеуральск к исходу июля уральцы и верхнеуральцы мощным нажимом на противника отбросили его непосредственно к Верхнеуральску. Фронт принял дугообразную форму: центр боевого порядка партизан на Верхнеуральском направлении выдвинулся вперед, опережая фланги. До Верхнеуральска, что называется, было рукой подать. Но здесь, на горе Извоз, примерно в 3-х километрах от города, противник

¹ ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 379, л. 60—61.
² ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 264.

имел заранее подготовленные сильные оборонительные позиции. Предстояла битва за овладение этой горой, являвшейся ключом к Верхнеуральску.

2. Извоз взят, но враг не сломлен

В связи с ранением Н. Д. Каширина, выходом партизан на подступы к Верхнеуральску и наличием в его районе, как теперь стало ясно, огромных сил врага, назрела необходимость созыва совещания командиров. Следовало решить вопрос о плане дальнейших боевых действий. Данный вопрос тем более назрел, что под горой Извоз от пленных белогвардейцев, а затем и из газет стало известно, что 25 июля Екатеринбург был захвачен врагом и части Красной Армии отходят на северо-запад. Было совершенно очевидно, что расчет братьев Кашириных на развал белоказачьих войск и восстания в станицах не оправдался.

В штаб Уральского отряда по поручению Н. Д. Томина приехал пом. начальника штаба Троицкого отряда В. С. Русяев. Он поделился своими и Томина впечатлениями о всей операции, доказывая бесцельность взятия Верхнеуральска. Это было давно уже ясно В. К. Блюхеру. Об этом он говорил еще в Белорецке. В беседе с Русяевым Блюхер высказывал соображение немедленно провести встречу командиров. Такое совещание в составе В. К. Блюхера, Н. Д. Томина и И. Д. Каширина состоялось в тот же вечер в штабе последнего. На нем В. К. Блюхеру вновь было предложено принять командование партизанской армией. Но он, по словам И. Д. Каширина, отклонил это предложение, ибо с планом действий отряда был принципиально не согласен. И. Д. Каширин утверждается в качестве временно исполняющего обязанности главкома.

Блюхер и Томин потребовали от И. Д. Каширина принять меры, наиболее целесообразные в сложившейся обстановке: отбросить белых из-под Верхнеуральска, сконцентрировать партизанские части и организовать их отход к Белорецку с тем, чтобы потом начать продвижение на соединение с Красной Армией в северо-западном направлении. И. Д. Каширин согласился с этим планом действий, высказавшись за возвращение к Белорецку после взятия Верхнеуральска, чтобы у партизан не соз-

далось впечатления, будто отряды отходят, потерпев поражение [1].

Началось сражение за гору Извоз, господствовавшую над Верхнеуральском и окружающим районом. Подступы к горе были крутые. Не защищенные лесом, они полностью простреливались. Это была своеобразная естественная крепость. Белые надеялись разбить партизан под Извозом и сконцентрировали на нем большие силы. Потерпев поражение в районе Вятских хуторов, белогвардейцы придавали дальнейшей борьбе с уральскими партизанами самое серьезное значение. Генерал-лейтенант Ханжин объявил начальнику дивизии генералу Шишкину выговор за пассивность и потребовал от него активных действий.

На центральном участке действовали, главным образом, обстрелянные добровольческие части, а также только что сформированные отряды из местной буржуазии, студентов, гимназистов. Офицеры и добровольцы устроились на горе в глубоких окопах и с «комфортом» — с перинами, подушками и одеялами. Впереди окопов на ряде участков были устроены заграждения из колючей проволоки. Крупные силы белых имелись и на других участках фронта. Вместе с отрядом Блюхера Извоз предстояло штурмовать частью сил Верхнеуральского отряда и баймакцев [2].

На флангах по-прежнему действовали Троицкий отряд и кавалеристы Верхнеуральского отряда. Фронт растянулся на 35—40 километров. Перед штурмом Извоза партизаны сосредоточились на склоне горы. Противник, уверенный в неприступности своих позиций, огня с дальней дистанции не вел, молчал. Блюхеру трудно было организовать атаку, не рискуя причинить отряду большие потери. Он решил вызвать добровольцев для выявления огневых средств противника. Выполнить эту разведывательную задачу, связанную со смертельной опасностью, вызвался седобородый крепкий старик, несколько дней назад добровольно вступивший в Уральский отряд. «Первая встреча у меня с ним, — вспоминал Василий Константинович, — была похожа на анекдот. Я стоял на крыльце около избушки и вот смотрю, подъезжает старик приблизительно 68 лет, сидя, как бог, на коне, будто он приготовился

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 20—21; Легендарный рейд, с. 23—24.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132 (и об.); ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 4; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 43; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2137, л. 3.

для позирования скульптору. Он спросил меня, где помещается штаб командующего. Я ему сказал:

— Зачем тебе нужен штаб, дедушка?

Он ответил:

— Молокосос! Я спрашиваю, где штаб командующего, где командующий, а ты меня расспрашиваешь, для чего мне это нужно.

Я ответил, что я и есть командующий.

Он был необычайно поражен, осмотрел меня с головы до ног и с ног до головы и наконец сказал:

— Хочу поступить добровольцем. Я — рабочий Тирлянского завода. После этого я решил, что дальнейшая полемика авторитета мне не прибавит, и приказал зачислить его в Челябинскую батарею, чтоб старик мог подольше прожить. Он повернулся и поехал туда, куда его направили. Наши рабочие умеют подчиняться.

И вот под Извозом откуда-то появился этот старик, подошел ко мне и сказал:

— Я, товарищ командующий, пойду один в разведку. Мне стало жаль его. Но он был настойчив, и я дал согласие.

На высоту он погнал галопом и, не доехав до вершины, был сражен из пулеметов. 29 пуль изрешетили его тело. 16 пуль попало в лошадь»[1]. Но своей цели старый рабочий достиг: огневые точки врага были выявлены. После перегруппировки сил партизаны короткими перебежками, используя небольшие естественные укрытия, стали продвигаться вперед, вверх. Но противник обрушил на атакующих шквальный огонь. Он применил, наряду с обычными, и химические снаряды[2].

Не менее жарким был бой и на участке верхнеуральцев. Пули выхватывали бойцов одного за другим. Партизанам стало ясно, что завершение атаки следует отложить до наступления темноты. О последних часах перед решающей атакой Н. К. Шкаев вспоминал: «Наступление необходимо было вести ночью, чтобы незаметно дойти до противника, меньше понести потерь и выиграть сражение. Вечером... красноармейцы, узнав о предстоящем ночном наступлении, которое должно было решить судьбу их жен, отцов и матерей, находившихся в лапах Дутова, были воодушевлены и весело настроены. Работа кипела. Как рой пчел, копошился отряд и вел усиленное

---

[1] Легендарный рейд, с. 24—25.
[2] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 4.

приготовление к предстоящему бою»[1]. Ночью бой возобновился.

Вот как описан штурм горы Извоз на участке Верхнеуральского пехотного полка в его истории: «С наступлением ночи цепь совершенно без шума двинулась к позиции противника, подошла к караулам и без стрельбы ударила на них в штыки; растерявшиеся белые не оказали почти никакого сопротивления, но все же шум короткой схватки и несколько выстрелов, произведенных караулами, разбудили сладко спавших белогвардейцев. Но когда они опомнились и узнали в чем дело, наша цепь была уже в 60—70 шагах. Моментально гора по всей линии позиций окуталась дымками от разрывов бомб, которыми верхнеуральцы забросали противника. Белые схватились было за пулеметы и винтовки, но в горячке стреляли выше голов наступающих. Наши же цепи, не теряя лишних патронов, бросились в штыки, доканчивая дело. Сильно пострадала наша первая рота, угодившая под пулемет нерастерявшихся пулеметчиков противника: из нее выбыло 10 человек убитыми и 28 ранеными.

...Бой продолжался 15—20 минут, и белые были сбиты, оставив массу убитых и раненых и человек 6 пленных, несколько пулеметов, винтовок, два воза снарядов, орудия белым все-таки удалось увезти. В это время взошло солнце и было видно, как белые кучками и поодиночке, словно зайцы по кустам, пробирались в город, а наша пехота садила их на мушку (т. е. уничтожала прицельным огнем — *Авт.*)»[2].

Такой же упорной и острой была борьба на участке 1-го Уральского полка. Ворвавшись в окопы врага, уральцы вступили с ним в кровавую рукопашную схватку. Трещали ружейные выстрелы. Ухали взрывы гранат, лязгали столкнувшиеся штыки. Со стоном падали убитые и раненые. Попытки врага сбросить с горы партизан были тщетны. Наконец, белогвардейцы не выдержали и, оставив на поле боя множество трупов, оружие, бросились в бегство. О размерах потерь врага можно судить по сообщению генерала Шишкина в штаб корпуса о том, что «у Анненкова на две роты меньше стало после сегодняшнего боя»[3]. А ведь этот отряд не был единственной частью, защищавшей Извоз!

В этом бою прекрасно проявили себя и уральцы, и

---

[1] Красный уралец, Орган Верхнеуральского РК КПСС и районного Совета депутатов трудящихся; 1976, 7 нояб.

[2] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 4.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 309.

верхнеуральцы. Так, командиры И. С. Павлищев, В. А. Зубов, В. И. Хлебутин и другие, то один, то другой во весь рост под огнем противника обходили ряды лежащих на позициях партизан (последние пытались отослать комполка и других в тыл, говоря: «Вам тут не место, вас убьют, кто будет руководить»), чтоб успокоить и вдохновить бойцов. И в атаку они бросались впереди всех. Из числа бойцов вновь как и под Вятскими хуторами, отличились пулеметчики 1-го Уральского полка братья Полетаевы, Тарасов и А. Соловьев, получивший ранение. Меткими очередями они разили врага, прижимали его к земле и содействовали действиям партизан-стрелков [1].

Подлинный героизм был показан пом. командира Верхнеуральского стрелкового полка И. В. Погорельским и командиром 1-го батальона В. Куликовым. Погорельский первым бросился в штыковую атаку на левом фланге полка и увлек за собой бойцов. Василий Куликов показал в бою недюжинную отвагу. Бросившись вперед, он шашкой сразил несколько белогвардейцев [2].

Путь к Верхнеуральску был расчищен. Взорам партизан, занявших гору Извоз, утром открылась чрезвычайно красивая перспектива: на переднем плане внизу раскинулся Верхнеуральск, хорошо просматривались его улицы, сквозь дымку в долине реки Урал виднелись казачьи станицы. Пехотинцы во всей полноте наблюдали, как бегущего врага преследовали верхнеуральцы-кавалеристы под непосредственным командованием И. Д. Каширина.

Полному разгрому вражеской пехоты помешала брошенная наперерез каширинцам огромная масса белоказачьей конницы. «И вот уже в перспективе степи, — вспоминал В. К. Блюхер, — между озер летят навстречу две лавы. На солнце засверкали клинки. И все же, как ни многочисленны были белоказачьи части, не доскакав несколько десятков шагов до каширинской лавы, они повернули обратно» [3]. Находившиеся в городе рота башкир и полторы сотни белоказаков во время боя на Извозе нервничали. Первыми бросили свои позиции башкиры, а с рассветом бежали и казаки [4]. Таким образом, город оказался свободным от войск противника.

Противник занял выжидательную позицию на высотах к востоку и северо-востоку от Верхнеуральска. Партизаны

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2053, л. 1; д. 2361, л. 3; ЦГАСА, ф. 3576, оп. 1, д. 85, л. 99 об.
[2] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 4.
[3] Легендарный рейд, с. 25.
[4] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 327.

наблюдали передвижение белогвардейских частей. Занимать Верхнеуральск не было смысла. Выход партизанской армии в низину поставил бы ее в невыгодное положение. С разведывательной целью в город от Верхнеуральского отряда был послан кавалерийский разъезд. Его встретили на улицах босоногие мальчишки. Получив необходимые сведения и увидев, что к городу приближается белогвардейская часть, разведчики вернулись в свой отряд [1].

Командующий группой генерал Шишкин считал положение подчиненных ему войск очень серьезным. 1 августа он в штаб корпуса сообщил: «Сегодня в 2 часа противник повел ночное наступление на наш центр, который подался назад. Противник занял гору Извоз. Я отвел войска части центра на позицию по р. Уралу. Фланги еще впереди, но положение неустойчивое... В случае отхода займу позицию к востоку от Урала» [2]. Генерал жаловался, что резервов у него, кроме четырех с половиной сотен добровольцев, нет.

Таким образом, враг потерпел очередное крупное поражение. Он признавал это и опасался новых неудач в случае перехода партизан в наступление. Однако белые не были разбиты. Из ближайших районов они могли подтянуть новые резервы. Под Верхнеуральском и Тирляном они по-прежнему имели большой перевес сил. Четыре с половиной сотни добровольцев непосредственного резерва имели так же немалое значение, ибо партизаны не располагали и таким резервом.

Потеря во время похода на Верхнеуральск 150 человек убитыми и 300—350 ранеными [3] была для партизан весьма ощутимой. В распоряжении белогвардейцев имелись большие запасы патронов, тогда как в Сводном Уральском отряде их осталось по полусотне на бойца. Обладая громадным превосходством в коннице, командир Уральского корпуса генерал Ханжин ждал выхода партизан в степь. Приехав в район Верхнеуральска, он намеревался лично командовать группировкой, находившейся в районе Верхнеуральска и Тирляна.

Из доставленных сведений Ханжин выяснил, что в районе Верхнеуральска находятся 1-й и 2-й Кундравинские, Уйский, 5-й и 6-й Оренбургские, Петропавловский казачьи кавалерийские полки, пять отдельных казачьих

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 29; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2137, л. 3.

[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 305—306.

[3] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 52.

сотен, Сибирский отряд есаула Анненкова, Троицкий офицерский отряд (сотня) и др. части. Имелись артиллерийские батареи в составе 6 орудий. В общей сложности в этих частях имелось до 6.400 сабель и штыков, не считая других контингентов войск. Численность конницы достигала пяти с половиной тысяч бойцов [1]. Но это было не все. Белогвардейцы имели части, находившиеся севернее Тирляна. В ряде ближайших городов имелись значительные резервы. В целом Уральский корпус к тому времени вырос до 17—18 тыс. штыков и сабель [2]. В случае критического положения командир Уральского корпуса мог бросить против партизан и части с других участков фронта.

Командование партизанского соединения не располагало точными сведениями о численности войск противника, но знало, что они весьма велики [3]. 1 августа состоялось второе совещание командиров под Верхнеуральском, на хуторе Вятский, более представительное, чем первое. На нем было подтверждено предварительное решение командующих отрядами о возвращении в Белорецк, с тем, чтобы в дальнейшем двигаться в общем направлении на северо-запад. За это решение высказался и Иван Каширин, убедившийся в том, что план выхода из вражеского окружения через казачьи районы явно неудачен. Каширин вручил командирам директиву о порядке отхода в Белорецк [4].

Одной из причин, содействовавших принятию совещанием решения об отходе отрядов в Белорецк с последующим движением через Стерлитамак было получение новых и подробных сведений о действии партизан в районе Богоявленского и Архангельского заводов. Еще 17 июля, накануне выступления партизан на Верхнеуральск, в Белорецк прибыли посланцы из Богоявленска. В приказе главкома указывалось: «Получена живая связь от Богоявленского отряда, который в настоящее время группи-

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 291; ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 40. В двух документах, относящихся к одному и тому же периоду, сведения о составе частей и их численности несколько расходятся.

[2] Там же, ф. 1437, оп. 4, д. 70, л. 64.

[3] В воспоминаниях В. К. Блюхера (см.: Легендарный рейд, с. 23) говорится: «По приблизительным подсчетам нашей войсковой разведки было установлено, что перед нами действуют около 25 тысяч белогвардейцев». Эти сведения, являющиеся весьма неточными, вошли в литературу. Совершенно неправомерны также утверждения многих авторов, что будто против партизанских отрядов В. К. Блюхера действовал Уральский корпус целиком.

[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 4; Легендарный рейд, с. 25—26; Верхнеуральский краеведческий музей. Воспоминания С. П. Попова, л. 5.

руется в районе Архангельского и Богоявленского заводов при достаточном количестве артиллерии и огнестрельных припасов и готовится действовать в направлении на Уфу и Бирск»[1]. Новая конная группа, прибывшая с пакетом от М. В. Калмыкова к Верхнеуральску, отбыла обратно, чтобы передать в Богоявленске о намерении партизан уйти в северо-западном направлении. Совещание командиров закончилось поздно вечером.

В ту же ночь партизаны начали отход в Белорецк. Первыми выступили уральцы. В Белорецк отводились баймакцы. Последними с занимаемых позиций должны были сняться Троицкий и Верхнеуральский отряды. Их кавалерийские полки выполняли роль арьергарда. Отход Сводного Уральского отряда протекал в чрезвычайно тяжелых условиях. Обнаружив, что партизаны покинули позиции на горе Извоз, передовые конные части белогвардейцев ринулись вперед. Белоказаки совершали неожиданные набеги на стрелковые части, двинувшиеся по Белорецкому тракту.

Когда колонна белых двинулась в атаку на подразделения 17-го Уральского полка, не растерялся командир взвода И. И. Каменский. «Я взялся за пулемет, — писал он, и дал по колонне белоказаков очередь. В колонне замешательство, а наши ребята повеселели. Я кричал — бей гадов, приложился к пулемету и пропустил всю ленту по передним рядам. Только и было видно, как барахтались люди, кони с визгом вскакивали на дыбы и падали. Наше орудие расстреливало их картечью, но задние колонны двигались вперед. Мы и их взяли в переплет, орудие било беглым, давая то картечь, то гранату. Мой «максимка» пел, как соловей. Я брал и в вилку, и в упор, и шквальным способом, стараясь захватить не только передние, но и средние, а главное, задние ряды противника. Гранаты, снаряды рвались в гуще колонн, поднимая все и всех в воздух. Бой кончился, оставшиеся без оглядки удирали в город, а мы радовались победе»[2].

Но преследование партизан не прекращалось.

Особенно опасными были фланговые налеты белока-

---

[1] Легендарный рейд, с. 159. В литературе укоренилось мнение, будто представители Богоявленского отряда впервые прибыли к партизанам Кашириных — Блюхера в конце июля и не в Белорецк, а под Верхнеуральск (см.: например, *Голубых М.* Уральские партизаны, с. 58). Ошибочность этой точки зрения подтверждается не только содержанием приведенного выше приказа главкома, но и рядом воспоминаний богоявленцев (красноусольцев) (см.: ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 3, 4, 21—23).

[2] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 40.

заков на обозы. Так, неожиданно налетев на обоз Уральского отряда, они пытались увезти его с собой. Подоспевшим бойцам 1-го Уральского полка удалось отбить обоз, но небольшую часть повозок враг все же успел увезти [1].

Особенно активно пришлось поработать кавалеристам, отбивая атаки белоказаков на арьергард. 1-я сотня полка им. Степана Разина под командованием Н. П. Захарова прикрывала левый фланг отступающих и не раз выручала пехоту. Смело действовали командиры взводов М. А. Слинкин, К. А. Богатырев и Дубков. Сотне приходилось продвигаться по лесистой и гористой местности, не упуская из виду шоссе и движущуюся по нему колонну пехоты, артиллерию, обозы, высылая дозоры. Сам командир сотни действовал со взводом позади и принимал на себя первые удары вновь и вновь появляющейся кавалерии противника. В необходимых случаях навстречу противнику разворачивалась вся сотня и, независимо от численности врага, смело бросалась на врага, врезалась в его ряды и отбрасывала [2].

Отход Сводного Уральского отряда был осложнен новым предательством командного состава Верхнеуральского отряда. Сбежал Енборисов, ставший после измены Пичугина командующим отрядом, с несколькими десятками приверженцев. Утром 2 августа белогвардейцы отмечали, что «пойман хорунжий Енборисов и с ним 60 казаков». В приказе генерала Ханжина, составленном днем 2 августа, отмечается «в Спасском сдался Енборисов с сотней казаков». На следующий день начальник штаба группы Курганов в штаб корпуса доносил, что 2 августа «в районе Спасский добровольно сдалось 50 казаков с пулеметами, с командиром 2 сотни... Туголуковым и подъесаулом Енборисовым (в документе — «Инварисовым». — *Авт.)* уничтожен до опроса» [3]. Последнее относится к Енборисову. Предатель так и не смог спасти свою шкуру. Сколько удалось этим предателям увести в плен к белым казаков (50—60—100), — сказать трудно.

Одновременно, в ночь на 2 августа, вероятно, по сговору с Енборисовым, предательство совершили и командиры кавалерийских полков Зобов и Каюков. Они с группой казачьих офицеров и урядников решили воспользоваться сложностью обстановки, применить предательский маневр и увести сотни в белогвардейский плен, когда Верхнеуральский отряд должен был еще оставаться неко-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 4.
[2] СОКМ. Фонд воспоминаний, д. 15, л. 79.
[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 324, 330, 360.

торое время для прикрытия отхода других частей в районе горы Извоз. Зобов и Каюков отдали сотням полков приказ отходить. Выстроили сотни и карьером повели их куда-то в темноту.

Преданные Советской власти командиры сотен и коммунисты насторожились. Вскоре им стало ясно, что бывшие казачьи офицеры уводят полки в расположение белогвардейцев. Предвкушая удачу, командир 2-го Верхнеуральского конного полка Каюков крикнул: — Идти некуда, нужно сдаваться белым. Кто с нами — за мной.

Командир 4-й сотни большевик Н. В. Акулин крикнул: — Назад, за мной!

Первый полк таким же образом остановил С. П. Галунов. Предатели, увлекая за собой около одной — полутора сотен казаков, скрылись [1]. Они добровольно сдались белогвардейцам [2].

На основе показаний предателей командование белых составило к середине августа сводку-таблицу о живой силе и огневых средствах партизан по отдельным отрядам и в целом. Отмечалось, что партизаны имеют 9 батальонов, 30 рот, 2 кавалерийских полка силою в 4.850 штыков и 1460 шашек (всего — 6.310 штыков и сабель) при 14 орудиях и 46 пулеметах. В примечаниях белые отмечали, что эти данные относятся ко времени боев под Верхнеуральском и позднее «очевидно изменились и требуют проверки» [3]. Сведения во многих отношениях действительно устарели. В частности, вплоть до середины августа белые считали главкомом не В. К. Блюхера, а Н. Д. Каширина, полагали, что сохранился отряд Н. В. Баранова и т. д.

Так вели себя предатели. Они из кожи лезли, давали белогвардейцам все известные им сведения, чтобы сохранить свою жизнь. Как мы видим, это, тем не менее, удавалось не всегда. Случалось, в лапы врага партизаны попадали и в плен, чаще всего при отходах, будучи ранеными. Отдельные сохранившиеся сведения говорят об их стойкости и самопожертвовании. Так, газетой 4-й Уральской дивизии «Часовой революции» сообщалось, что при отходе из-под Верхнеуральска на хуторе Вятском попал в плен один из бойцов 1-го Уральского полка. Его привели на допрос. Офицер спрашивает у пленного:

---

[1] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 4—5.

[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 319, 391. Каюков дал подробные сведения о партизанском соединении. Затем его затребовали для опроса в Омск и он был направлен туда. Судьба Зобова и других предателей неизвестна.

[3] Там же, ф. 1437, оп. 1, д. 31, л. 105—106.

— Мы слышали, что у вас людей, снарядов и патронов мало. Сколько же вас?

— Побольше вашего, — ответил партизан.

— А сколько же у вас пушек и снарядов?

— Много, а когда у вас отнимем, то станет еще больше.

— Сколько у вас патронов? — спросил разъяренный офицер.

— На вас, сволочей, хватит, — был достойный ответ.

Партизан был зверски избит и затем расстрелян[1].

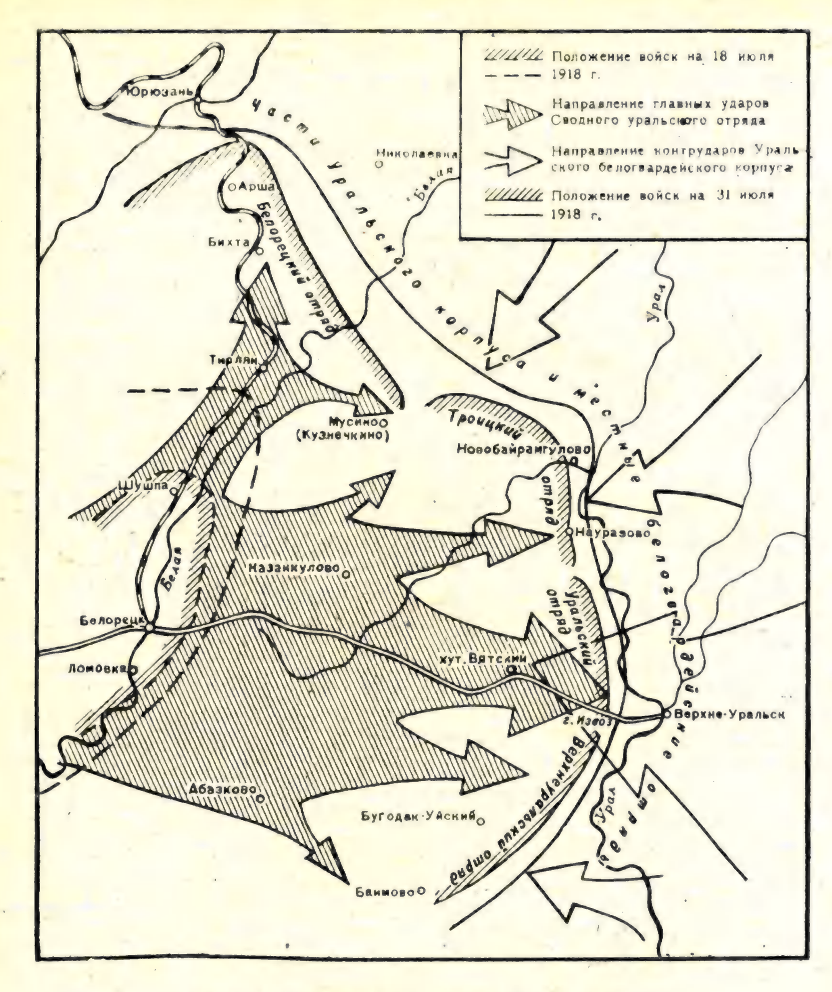
Смело смерти, врагу в глаза смотрели и другие партизаны, оказавшиеся в таком же трагическом положении.

Несмотря на замешательство в рядах Верхнеуральского отряда в связи с изменой части бывших офицеров, И. Д. Каширин, возглавивший отряд, сумел предотвратить панику, мобилизовал бойцов на отпор преследующего врага. Особую стойкость в бою проявили верхнеуральские пехотинцы, в частности, рота Иванчикова, прикрывавшая отход полка. Рота вступила в бой с крупным белоказачьим отрядом, который проселочной дорогой пробрался в горы с тем, чтобы отрезать Верхнеуральскому полку путь отхода.

Беззаветный героизм и мужество проявил пулеметчик Евлампий Бачурин. Он установил пулемет посредине тракта и открыл кинжальный огонь по белогвардейцам. Сразу же, потеряв несколько человек убитыми, те откатились назад, залегли. Затем они вновь начали атаку. И опять вынуждены были отступить. Бачурин вел огонь почти безостановочно. Ствол пулемета раскалился. Пришлось эпизодически прекращать стрельбу, чтоб предотвратить выход пулемета из строя. Офицеры решили захватить пулемет и расчистить себе путь для продвижения. Они послали один взвод в тыл, другой, спешенный, короткими бросками стал все ближе продвигаться вдоль тракта. Для перебежек враги использовали перерывы в стрельбе. Вместе с тем они, не переставая, вели по пулеметной точке ружейный огонь. Одна из пуль насмерть уложила второй номер. Бачурин остался один. Белые отрезали пулеметчика от роты, все ближе подползали к нему. Отступать было некуда. Еще один рывок и враг захватит грозный пулемет, обратит его против партизан... Этого Бачурин допустить не мог. Он мгновенно вынул из пулемета замок, разобрал его части, лег на пулемет и на

---

[1] Часовой революции, 1918, 13 окт.

СРАЖЕНИЕ В РАЙОНЕ ВЕРХНЕУРАЛЬСКА

глазах ошеломленных белогвардейцев подорвал под собой гранату [1].

Партизаны во время двухнедельного похода на Верхнеуральск показали прекрасные образцы героизма и стойкости. Отряды получили боевую закалку и опыт не только в наступлении, но и во время отхода. Арьергардные бои, умение их вести с этого момента приобрели особое значение, так как на протяжении сотен километров кава-

[1] Уральский следопыт, 1935, № 6, с. 72.

лерийские части белого корпуса Ханжина все время следовали за партизанской армией, пытаясь нанести ей поражение. Неоднократно белоказаки настигали партизан, но всякий раз получали сокрушительный отпор и отставали. Удалось оторваться партизанам от врага и 2 августа. Они вновь вступили в Белорецк.

С началом похода на Верхнеуральск в Белорецке с задачей организовать его оборону и охрану обозов, складов и т. д. был оставлен небольшой гарнизон — резерв Белорецкого завода. В распоряжение «начальника штаба Белорецкого военного округа» главком приказал выделить две сотни верхнеуральцев и два орудия Троицкой батареи. Уже 18 июля из состава этих сил выделяется охранение по всем дорогам, выходящим из Белорецка.

Спустя несколько дней — 20—21 июля гарнизон пополнился за счет прибывших сюда Баймакского и Стерлитамакского отрядов. Но они пробыли здесь один-два дня. Как отмечалось ранее, 22 июля Баймакский отряд выступил к Верхнеуральску. Стерлитамакскому отряду 21 июля главком приказал «находиться в заводе Белорецком, прикрывать все имеющиеся здесь обозы»[1]. Однако две роты стерлитамакцев были посланы в Тирлян. В городе остались штаб Стерлитамакского отряда, кавалеристы и одна из стрелковых рот[2].

Следовательно, в Белорецке имелось несколько сот бойцов, в том числе и кавалеристы. Отсюда становится очевидным, что утверждение ряда авторов, например, М. Д. Голубых[3], что будто бы в городе партизанских отрядов не было, имелись одни раненые, несостоятельно. Но имевшиеся в Белорецке силы были незначительными. Отразить нападения крупного отряда врага им было трудно. Белые сосредоточили в районе Ломовки конную группу, произвели разведку и убедились, что в Белорецке партизаны имеют незначительные силы, а в ночное время держат в боевой готовности лишь часть из них. Решили в следующую же ночь ворваться в город, уничтожить спящих партизан и захватить огромные обозы. Они не знали, что именно в эту ночь в город с фронта прибыла первая группа партизанских войск.

После окончания битвы за гору Извоз и принятия решения об отходе из-под Верхнеуральска обратно, отряду Н. Баранова было приказано направиться в Белорецк. Разрушая за собой железнодорожные сооружения, оста-

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132 об.
[2] *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 26—29.
[3] См., кн.: Уральские партизаны, с. 39.

вив в Тирляне заслон, отряд направился в Белорецк. Первым поездом вернулись в город стерлитамакские роты. Это оказалось весьма и весьма кстати.

Белогвардейцы через агентуру в Белорецком заводе получили сведения, что там значительных партизанских войск нет. Так, в агентурной сводке за 26 июля сообщалось: «В Белорецке войска все на фронте»[1]. Белоказаки решили совершить на Белорецк налет. Ранним утром 1 августа в Белорецк со стороны Ломовки внезапно девятью сотнями с двумя пулеметами ворвались белоказаки[2].

Поселок еще спал. Спали на улицах, в повозках и возле них беженцы и обозники. Спали утомленные, только что вернувшиеся из-под Тирляна бойцы Стерлитамакского отряда. Спали и бойцы-белоречане, опрометчиво снявшие охрану накануне с ряда менее угрожаемых направлений в связи с приближением к Белорецку отрядов из-под Верхнеуральска.

Белоказаки мчались по улицам, между повозками и рубили сонных обозников, беженцев, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. Беляки по приказу офицеров намеревались уже приступить к уничтожению спящих партизан непосредственно в домах. Они выпустили находившихся в тюрьме белогвардейцев. Но недолго длилось преждевременное торжество белых налетчиков. На улицах то тут, то там завязывается борьба, перестрелка. Мчавшихся по улицам белоказаков заметили многие домохозяйки, выгонявшие со двора в стадо своих коров. Шум боя услышали отдельные, случайно не спавшие бойцы. Например, не спали стерлитамакцы Ф. Дюльдин и Саидгалеев, раздававшие ночью в подразделениях отряда хлеб. Одним из первых сигнал тревоги подал и Я. С. Борисов, только что вернувшийся с поста[3].

Кучки полураздетых бойцов-стерлитамакцев, выскакивая из домов с винтовками и патронташами в руках, на ремне, перехватившем подчас голое тело, сбивались в каре, развертывались в цепи. Улицы и переулки спешно перекрывались баррикадами, на которые пошли повозки, бревна. Прошло немного времени, и уже казакам нужно было думать о спасении. Наличие в городе Стерлитамакского отряда явилось полной неожиданностью для них.

Баррикады, с которых, как и из многих домов и дворов, велась стрельба, не позволяли вырваться из централь-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 70, л. 55.
[2] Там же, 1447, оп. 1, д. 50, л. 58.
[3] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 290, л. 4; д. 388, л. 42; д. 374, л. 22.

ных кварталов города. Попытка врага овладеть штабом Стерлитамакского отряда была успешно отбита. Отважно сражались в бою бойцы — башкиры и татары, которых в отряде было много. Смело дрались член партии Г. Г. Азельгареев, Б. Ю. Ахтямов, Саитгалеев и др. Отважный пулеметчик башкир Фатхи Салаватов, отличавшийся во многих боях, полоснул, по подскакавшим вражеским конникам, из пулемета. Оставив несколько трупов, враги, как зайцы, метнулись в другую сторону, но и оттуда были встречены дружным огнем. Им с трудом удалось прорваться в сторону кладбища. Вслед за врагом устремилась и все нараставшая цепь во главе с И. П. Маркеловым.

Другой отряд, выбивший врага с площади, от водокачки и с базара, возглавляли адъютант отряда Барлебен и Калугин[1]. Бойцы третьей роты во главе со своим командиром Т. Уткиным отрезали белоказакам выход на дорогу к Магнитной. Упорной была борьба в районе больницы. Враг появился неожиданно в гуще утреннего тумана. С шашками на изготовку мчались казаки во главе с офицером, кричавшим о том, что необходимо вырезать, спящих в домах, красноармейцев. Но и здесь врагу был нанесен сокрушительный удар. Не спавшие в это время пулеметчики Я. С. Борисов и Щеников и находившиеся близ больницы мгновенно изготовились. Заговорил «максим». Первым свалился с коня офицер. Бойцов и легкораненых возглавил Н. Д. Каширин, вышедший в самом начале боя из больницы на костылях. По его приказу партизаны перехватили улицы, подпускали белоказаков на близкое расстояние и били в упор.

Стерлитамакские кавалеристы во главе с Киреевым настигли врага и отбили обоз в несколько десятков подвод, который белым удалось увести из центра. Однако одну повозку с винтовками и патронами, несколько повозок с мануфактурой враг успел увезти[2]. Белогвардейцы похвалялись этим, но все же вынуждены были признать героизм партизан, отмечая, что они открыли огонь из ружей и двух пулеметов, причем один пулемет стоял на колокольне. За городом, в районе кладбища разрозненные цепи партизан сомкнулись и вдохновляемые примером личного участия в бою Николая Каширина двинулись в общее наступление на врага.

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 374, л. 6—12, 22; д. 388, л. 43. *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 36.

[2] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 58; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 319, л. 4.

Не приняв здесь боя, белоказаки ушли в сторону Магнитной. Н. Каширин приказал цепи снять, оставив на подступах к городу заставы. В уличном бою стерлитамакцы потеряли до 30 человек убитыми и ранеными, но и враг понес большие потери[1]. К вечеру в поселок стали входить передовые части из-под Верхнеуральска и Белорецкий полк. Сводный Уральский отряд вновь сосредоточился в Белорецке и его районе.

Первый этап легендарного рейда уральских партизан по тылам врага закончился.

---

[1] *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 39—40.

Глава четвертая

ВДОЛЬ БЕЛОЙ ПО УФИМСКОМУ ТРАКТУ

1. По плану Блюхера

2 августа в Белорецке состоялось совещание командиров. Оно было закрытым. В помещение пропускали лишь тех, кто был приглашен. Проверяли документы. Охрана не снималась до конца работы совещания. В доме бывшего управляющего Белорецким заводом собралось несколько десятков человек, в том числе В. К. Блюхер, Н. Д. Томин и братья Каширины.

Интереснейшая, неоценимая по своему значению, характеристика виднейших командиров партизанской армии, собравшихся на совещание, была дана И. П. Недолиным (Маркеловым).

«Василия Константиновича Блюхера, — писал он, — все привыкли видеть в его неизменной потертой кожанке, в солдатской фуражке, пыльных сапогах. Среднего роста, крепкий, шатен. Подбородок в щетине редко освежаемой бритвой бороды. Серые, внимательные глаза временами — в этом убедились все — отливали сталью. Челюсти и подбородок выдавали твердую решительную натуру. Неразлучный маузер в деревянном чехле, бинокль, полевая сумка довершали скромный наряд главкома партизан.

Иван Каширин, любимец казачьей бедноты, популярный своей удалью, находчивостью. Высокий и стройный, он держался с подкупающей простотой и красочностью. Синие казачьи офицерские брюки, в высоких, хромовых сапогах. Иван Дмитриевич носил летом в жару простую рубаху-косоворотку или гимнастерку. На ней эффектно выделялся серебряный пояс, кривая казачья шашка — тоже в серебре. Наган. Каширин отпустил рыжеватую бородку, а голову часто брил. Ему было меньше тридцати, с виду это был душа-кавалерист, рубака и весельчак.

Рядом с Иваном скромно выглядел старший Каширин, Николай. Среднего роста, брюнет, темноглазый, с задумчивым, строгим лицом, в обычном костюме казачьего офицера. Николай еще не оправился от ран, ходил, опираясь на костыль или на гусарскую, в металлических нож-

нах шашку. Николай твердый большевик, скромный, решительный, настойчивый...

Из других командиров отрядов наиболее популярным был Николай Томин, командир Троицкой бригады, бывший казачий урядник. Высокий, плотный, с русой бородкой, в старенькой кожанке с неизменной плеткой в руке, с револьвером у пояса, биноклем на груди. Томин был недавно ранен в руку и весь поход проделал с рукой на перевязи. Деятельный, спокойный и бесстрашный, он всегда был вблизи передовых частей фронта. Неизвестно было, когда он отдыхал, так привыкли его видеть всегда бодрствующим»[1].

Собравшимся командирам предстояло решить ряд вопросов. Наиболее важными из них были: 1) утверждение нового маршрута Сводного Уральского отряда и 2) выборы нового главнокомандующего[2]. Командиры были озабочены и тем, что предложенный Н. Д. Кашириным вариант выхода на соединение с Красной Армией оказался ошибочным и тем, что командная верхушка Верхнеуральского отряда в большинстве своем перебежала к белогвардейцам и, несомненно, выдала им планы командования партизанского соединения, информировала о тяжелом положении партизанских отрядов. Все с огромным волнением ждали выступлений Кашириных, Блюхера, Томина.

По первому вопросу единства мнений не оказалось и на этот раз. Отдельные командиры высказывались за то, чтобы остаться в районе Белорецка и сражаться здесь до конца. Были и сторонники похода в Туркестан. Но эти точки зрения решительным большинством командиров были отвергнуты. Принимается план В. К. Блюхера, рассчитанный на прорыв через линию фронта в северо-западном направлении. Утверждению совещанием командиров этого плана содействовало откровенное признание Н. Каширина, что в принципиальном споре 16 июля о направлении выхода из окружения был прав Блюхер.

Принятие плана боевых действий, развивавшегося В. К. Блюхером, предопределило его избрание на пост главнокомандующего Сводным Уральским отрядом[3]. За

---

[1] *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 41—42.

[2] ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 95, л. 12.

[3] М. Д. Голубых писал, будто «главкома Ивана Каширина считали необходимым заменить Блюхером главным образом потому, что не было подходящего человека, которого можно было бы поставить во главе Верхнеуральского отряда, которым до того времени командовал бежавший к белым Енборисов» (*Голубых М.* Уральские партизаны, с. 67). Данное заявление несостоятельно. Вопрос о кандидатуре В. К. Блюхера на пост Главкома никак не связывался с судьбой командующего

время похода на Верхнеуральск Блюхер, действовавший со своим отрядом на главном направлении, стал широко известен среди верхнеуральцев, баймакцев, белоречан и стерлитамакцев. О нем говорили во всех подразделениях, расспрашивали бойцов Уральского и бывшего Южного отрядов. Между прочим, многих интересовала фамилия Блюхера, его национальность. В связи с такой фамилией у партизанского командира белогвардейцы в газетах и листовках распространяли клеветнические слухи, будто Блюхер — немецкий генерал, «нанятый большевиками», и т. д. Настоящая фамилия предков Василия Константиновича неизвестна. Но фамилия Блюхер закрепилась еще за его прадедом — крепостным крестьянином Ярославской губернии, прозванном помещиком за расторопность и сообразительность «Блюхером» — по имени знаменитого прусского фельдмаршала. Прозвище закрепилось за семьей как их новая фамилия. В период партизанского рейда Василий Константинович в своем кругу иронически говорил:

— Хотел ведь сменить я фамилию, да теперь нельзя: от знаменитого немецкого рода Блюхеров, оказывается, происхожу. Недаром так высоко оценивают белогвардейцы мою голову. С фамилией Блюхер мне неудобно плохо-то воевать...

В. К. Блюхер на совещании 2 августа был единственным официально выдвинутым кандидатом. Председательствовавший И. Д. Каширин проинформировал собравшихся, что под Верхнеуральском командиры отрядов решили рекомендовать на должность главкома В. К. Блюхера. За избрание главкомом Блюхера высказался и Н. Д. Каширин, ссылаясь на то, что он в связи с тяжелым ранением не в состоянии оставаться на этом ответственном посту.

Собравшиеся командиры единогласно избрали В. К. Блюхера главнокомандующим Сводным Уральским отрядом, выразив ему тем самым полное доверие и признание его выдающихся военно-политических заслуг.

В. К. Блюхер родился в 1890 г. в семье крестьянина села Барщинка, близ г. Рыбинска, Ярославской губернии. До 1910 г. — рабочий, слесарь на Мытищинском заводе, где за революционную деятельность был арестован и заключен в тюрьму на 2 г. и 8 мес. Участник первой мировой войны в качестве рядового, а затем младший унтер-офицер. В 1915 г. после тяжелого ранения В. Блюхер долго

Верхнеуральского отряда И. Д. Каширина. Как мы отмечали, командиры настаивали на вступлении Блюхера в должность Главкома еще под Верхнеуральском, после ранения Н. Д. Каширина, но он тогда от этого предложения отказался.

лечился в госпитале. В 1916 г. был уволен из армии, работал на Сормовском судостроительном, а затем на механическом заводе Остермана в Казани. В 1916 г. вступил в большевистскую партию. В феврале 1917 г. по поручению партии Блюхер возвращается в армию — в 102-й запасный полк в Самаре. Избирается в полковой комитет и городской Совет и в Военно-революционный комитет Самары.

В ноябре 1917 г. в качестве военного комиссара отряда, посланного в помощь уральцам, едет в Челябинск, где входит в состав РВК и вскоре становится его председателем. Возглавляет борьбу многих уральских отрядов Красной гвардии против дутовцев. В период выступления белочехов—первоначально главнокомандующий, а затем заместитель главнокомандующего Оренбургским фронтом. После завершения легендарного рейда Сводного Уральского отряда по тылам врага, партизанский главком становится начальником 4-й Уральской дивизии, которая, слившись затем с остатками 3-й дивизии, переименовывается в 30-ю стрелковую дивизию.

Некоторое время В. К. Блюхер был помощником командующего 3-й Армией, начальником Вятского укрепрайона, затем назначается начальником 51-й стрелковой дивизии. В 1921—1922 гг. — главнокомандующий, военный министр и председатель Военного Совета Дальневосточной республики. За боевую работу и руководство частями Красной Армии в гражданской войне и в последующий период Блюхер был награжден 5 орденами Красного Знамени, двумя орденами Ленина и орденами Красной Звезды.

После окончания гражданской войны был командиром и комиссаром 1-го стрелкового корпуса, начальником Ленинградского укрепленного района, выполнял особо важные поручения Реввоенсовета СССР. В 1924—1927 гг. — главный военный советник революционного правительства Китая в Гуанчжоу, возглавляемого до 1925 г. Сунь Ятсеном. В последующие два года Блюхер являлся помощником командующего войсками Украинского военного округа, а с 1929 года — командующий войсками Особой (в дальнейшем Краснознаменной) Дальневосточной армии (с 1 июля 1938 г. преобразована в Дальневосточный Краснознаменный фронт). В 1935 г. ему присваивается воинское звание Маршала Советского Союза.

Громкая и заслуженная слава талантливого полководца, как мы видим, началась именно в связи с выдающимся партизанским рейдом на Урале.

На совещании 2 августа главком Блюхер дал оценку создавшегося положения и обратился к командирам с

просьбой немедленно созвать во всех ротах и эскадронах сначала партийные, а затем общие собрания и растолковать бойцам, почему отошли отряды от Верхнеуральска и в чем состояли задачи в данный момент. Требуя от командиров тесного контакта с коммунистами, сочетания военно-административных мер с политико-воспитательной работой, Блюхер указывал на необходимость тесного контакта начальника и подчиненного, понимания ими общих задач отряда, единой и строгой военно-революционной дисциплины в каждой части.

В. К. Блюхер требовал правдивого освещения положения отряда, трудности задач и т. д.[1]. Вместе с тем, он предупреждал командиров, что, находясь во вражеском окружении, необходимо быть вдвойне бдительным, не разглашать военных секретов, всячески дезориентировать противника. В тот же день — 2 августа главком издает приказ. В нем разъяснялись причины изменения маршрута движения партизан.

Отказ от прорыва в направлении Верхнеуральск — Миасс — Екатеринбург мотивировался весьма своеобразно, что было продиктовано военно-политическими соображениями, стремлением ввести в заблуждение противника, поддержать моральный дух бойцов, когда он в связи с изменой группы бывших офицеров, отходом в Белорецк и недостатком боеприпасов был несколько поколеблен. По этому поводу среди партизан, одержавших под Верхнеуральском победу, шло много разговоров. Далеко не всем было известно о концентрации противником за Верхнеуральском огромных сил, отступлении советских войск из Екатеринбурга и практической нецелесообразности маршрута, предложенного Н. Д. Кашириным, вообще.

Коренной причиной отхода партизан от Верхнеуральска называлась измена Енборисова и других бывших офицеров. «Изменнический поступок Енборисова, — говорилось в приказе, —вынудил нас отказаться от дальнейших операций на Верхнеуральск, так как Енборисов безусловно раскроет все наши планы и наши средства к дальнейшей борьбе с нашим противником, который, учтя это, будет оказывать упорное сопротивление, с тем чтобы заставить нас израсходоваться, а тогда взять нас голыми руками...»[2].

Приказ главкома заканчивался пламенным призывом к самоотверженной, стойкой борьбе с врагом: «Может быть у многих красноармейцев возникнет сомнение в том,

---

[1] *Спасский А.* Третья Армия, с. 62.
[2] Легендарный рейд, с. 165.

стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться. Товарищи, такое решение будет весьма гибельным, так как легче всего переловить и передушить нас поодиночке, а когда же мы будем двигаться кулаком, справиться с нами трудно, потому что мы можем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой. Итак, вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни, что одиночки — не сила и легко могут быть переломлены противником. Главнокомандующий Блюхер» [1].

Командиры, коммунисты проводили в частях митинги, собрания, беседы с отдельными бойцами, разъясняли им сложное положение Сводного Уральского отряда и вместе с тем слабость белогвардейцев, армия которых в подавляющей части состояла из насильственно мобилизованных крестьян, казаков и рабочих [2]. Так, собрание делегатов рот Верхнеуральского стрелкового полка 3 августа заслушало доклад одного из участников совещания командиров, приняло его «к сведению» и затем участники собрания провели разъяснительную работу среди своих товарищей [3].

Поставленная в приказе главкома задача прорваться на соединение с Красной Армией в новом направлении была доведена до сознания каждого бойца. Приказ партизаны встретили с одобрением. Он вызывал у них чувство ответственности за общее дело и поднял моральный дух, усилил стремление победить. У всех партизан, вспоминал Василий Константинович, «была мечта: как можно скорее соединиться с Красной Армией, влиться в ее ряды и вести дальнейшую борьбу с белыми за власть Советов. Все думали только о том, что в далекой Москве находится наш вождь Владимир Ильич Ленин и что он примет все меры, чтобы освободить от белых Урал» [4].

Под руководством В. К. Блюхера, начиная со 2 августа, проводится дальнейшая реорганизация партизанской армии. Белорецкий отряд был расформирован. Верхнеуральские кавалеристы и артиллерийские орудия были возвращены в свои части. Белорецкий стрелковый полк в полном составе включается в Верхнеуральский отряд. Произошло значительное увеличение и численности Троицкого отряда. В него, а именно в 17-й Уральский полк, вливаются Стерлитамакский, Баймакский и Преображен-

---

[1] Исторический архив, 1958, № 1, с. 83; ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 140 (об.).
[2] ПАСО, ф .41, оп. 1, д. 2053, л. 2.
[3] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 5.
[4] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 53.

ский отряды. Полк был развернут в 4 батальона (в 3-х первых по 2 роты, а в 4-м — 3). Стерлитамакский отряд составил 3-й батальон. Основу четвертого составили баймакцы. Командиром 1-го батальона был Короленко (с 14 августа — И. Ф. Толонов), 2-го (интернационалистов) — Сокач, 3-го — Гарбуз (вскоре замененный И. П. Маркеловым, бывшим прапорщиком, пом. комбата — Файзулин, 4-го — Т. С. Корнев. В числе командиров рот были коммунисты И. Т. Титов, Т. Уткин, Ещенко, Дунов. Вскоре пулеметная команда полка была разделена на две —«максимов» и «кольтов», которыми командовали Н. И. Набоков (прежний командир) и Ф. А. Гордеев (из бывшего Баймакского отряда). 3 августа пом. командира полка стал Н. П. Гвоздиковский [1].

Таким образом, решение собрания делегатов партизанских частей, состоявшегося 16 июля, было реализовано. Все партизанские части сводятся в 3 крупных отряда: Троицкий, Уральский и Верхнеуральский. Командующим Троицким отрядом остался Н. Д. Томин. На посту командующего Уральским отрядом с одновременным выполнением функций командира 1-го Уральского полка Блюхера заменил Иван Степанович Павлищев.

Бывший царский офицер, командир роты 36 Сибирского стрелкового полка, Павлищев честно служил власти трудового народа. Он отличался глубоким знанием военного дела, большой выдержкой, личной отвагой и пользовался у бойцов и командиров заслуженной популярностью. «Когда меня выбрали в Белорецке главкомом, — вспоминал В. К. Блюхер, — надо было назначить командующего отрядом. Я собрал партактив и сказал, что надо выбрать Павлищева, так как его любят и он грамотен в военном деле. Павлищев был яркой фигурой. Он всегда был опрятно одет, всегда бритый, всегда молчаливый. Красноармейцам он отвечал «да» или «нет». Всегда выполнял свои обещания. В бою был впереди всех. Меня все поддержали...» [2]. В дальнейшем И. С Павлищев превосходно командовал 3-й бригадой 4-й Уральской (30-й) стрелковой дивизии и погиб (умер от раны) в Прикамье 29 марта 1919 г. [3]

Решение вопроса о командующем Верхнеуральским отрядом главком предоставил командирам и бойцам этого отряда, которые были взбудоражены предательством

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 217; ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 1, 3, 3 об.; д. 105, л. 24; *Попов П., Буранов Ю., Шакинко И.* По приказу революции, с. 78.

[2] Там же, д. 730, л. 180; *Блюхер В. К.* Статьи речи, с. 58—59.

[3] Там же, д. 638, л. 95.

Енборисова, Пичугина, Каюкова и др. Часть партизан высказывалась за недоверие всем бывшим офицерам отряда, не исключая И. Д. Каширина. Как отмечалось, 3 августа в частях Верхнеуральского отряда, включая и Белорецкий полк, состоялись собрания делегатов подразделений. Партизаны выразили И. Д. Каширину доверие и избрали его командующим. В штаб отряда, сформированный позднее, 14 августа, вошли: К. В. Бочкарев (начальник штаба), А. Д. Каширин и Н. Визгалов (адъютанты). 30 августа вместо А. Д. Каширина адъютантом по оперативной части стал В. А. Константинов (в дальнейшем — начальник штаба). Помощником командующего был назначен Н. Фролов [1]. Казначеем штаба был А. Третьяков [2].

Под руководством И. Д. Каширина проведено было слияние двух кавалерийских полков Верхнеуральского отряда в один в составе 7 сотен [3]. Командиром Верхнеуральского кавалерийского полка избирается Семен Петрович Галунов. Галунов — член партии с 1918 г., родился в 1891 г., участник 1-й мировой войны, казак, до избрания командиром полка был командиром одной из сотен. Он с честью водил полк на фронтах гражданской войны, стал краснознаменцем. В дальнейшем был организатором и первым председателем одной из южноуральских коммун, находился на ответственной советской и профсоюзной работе. Помощником командира полка и одновременно командиром эскадрона избирается Ф. А. Вандышев.

Укреплен был командный состав и Верхнеуральского стрелкового полка, состоявшего из 7 рот. Его командиром вновь избирается В. М. Хорьков, помощником — И. В. Погорельский. Спустя 11 дней командующий отрядом за отдельные упущения Хорькова от командования отрядом освободил и назначил вместо него Ивана Васильевича Погорельского, бывшего подпрапорщика, отличившегося уже будучи одним из партизанских комбатов, которому во многом полк был обязан и прежде сплочением и минимальными издержками в трудные дни под Верхнеуральском, потрясшим отряд серией предательств [4].

Собрание представителей рот полка с этим решением согласилось, но сочло необходимым отметить большие

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 179 и др.; ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 90; ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 2, 30, 49.

[2] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 40.

[3] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 93, 94, 160, 161, 165, 166. Позднее, 1 сентября, 7-я сотня была соединена с 1-й сотней. В полку осталось 6 сотен. Командиром 1-й сотни был назначен Кульдякин (см.; Гражданская война на Южном Урале, с. 133).

[4] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 1, 29, 30; ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 4.

заслуги В. М. Хорькова и избрало его помощником командира полка [1].

Таким образом, И. В. Погорельский и В. М. Хорьков поменялись ролями. Адъютантом полка был К. Акимов, казначеем — М. Гревцев, нач. хозчасти — Г. Шохов, командиром 1-го батальона — В. Куликов, 2-го — И. И. Филатов, 3-го—Н. К. Шкаев. Командирами рот были: И. Куликов, М. Калинин, Д. В. Вандышев, Н. Уткин, В. Пантюхин, Л. Захаров, Фаттахов (4-я рота) и В. Офицеров (нестроевая рота) [2].

В результате реорганизационных мер и политической работы среди бойцов и командиров обстановка в Верхнеуральском отряде оздоровилась. Этому в большой степени содействовало включение в состав отряда Белорецкого полка, состоявшего из рабочих с большой партийной прослойкой. В. К. Блюхер отмечал, что этот полк был цементирующей силой Верхнеуральского отряда и составлял его политическую основу, вокруг которой группировалось революционное казачество. В эти и последующие дни принимались радикальные меры по укреплению дисциплины и повышению морально-политического духа в Верхнеуральском отряде, в частности путем очищения его от неустойчивых, случайных элементов. В этом деятельное участие принимал командующий отрядом. В соответствии с его приказом 12 августа в с. Петровском в 7 часов утра части и подразделения отряда были построены. В ходе смотра с помощью самих же бойцов были выявлены «неспособные к строю, малодушные и небрежно относящиеся к делу», «позорящие полки (батареи)» лица, после чего были составлены списки подразделений и каждому партизану было выдано удостоверение о том, что он «считается состоящим в рядах отряда»; не получившие таковых по изъятии у них оружия и патронов изгонялись [3].

Нам не известно количество подвергшихся «чистке». Полагаем, что оно было невелико. Сама по себе эта акция, общее построение частей отряда дисциплинировали его бойцов и командиров, сводили до минимума действия «бациллы разложения». Продолжалась реорганизация и совершенствование штаба и управления отряда. Так, в середине августа была создана команда связи. Начальником службы связи был Ф. Яковлев [4]. Вероятно, в эти же

---

[1] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 11—12.

[2] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 83—87 и об; ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 4—5, 15.

[3] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 24 и об.

[4] Там же, л. 29.

дни был создан, как формирование чрезвычайного характера, «карательный отряд» из трех с лишним десятков бойцов, упонимающийся в документах середины августа, и расформированный 30 августа [1].

Под руководством главкома, командующих отрядами и полками сразу же по возвращении частей в Белорецк развертывается усиленная подготовка к новому походу по тылам врага. Особое внимание уделялось ремонту и чистке оружия. Белорецкие металлисты оказывали отрядам в этом неоценимую помощь. Рабочие кустарным способом выплавляли пули и т. д. Приводился в порядок подвижной состав: повозки, сбруя, перековывались кони.

В дальний путь Сводному Уральскому отряду помогали готовиться все трудящиеся завода, возглавляемые большевистским комитетом. Особое внимание уделялось пополнению запасов продовольствия. Армия численно возрасла. Больше требовалось и хлеба. По распоряжению местного Совета, парткома устанавливались специальные точки хлебопечения. Хлебопекарни были полностью загружены. Но они не удовлетворяли потребностей отрядов. На помощь пришли женщины. «Жены, сестры, матери рабочих Белорецка,—писал секретарь парткома И. П. Козлов, — заботливо выпекали хлеб. Было сначала так: женщины узнавали тайком друг у друга, кто выпекает хлеб, какого он получается качества. Каждая стремилась как можно скорее и лучше испечь хлеб для красноармейцев-партизан. Получилось нечто вроде соревнования за качество выпечки хлеба. Порой доходило до того, что все женщины друг за другом незаметно следили: кто в какое время получал заказ, когда сдавал заказ и какого качества. Такое соревнование женщин за хорошую выпечку хлеба продолжалось все время, пока мы стояли в Белорецке» [2]. Белоречане создавали также все возможные в той обстановке условия для кратковременного отдыха бойцам, утомленным в многодневных тяжелых боях под Верхнеуральском.

В последний день боев мирные жители Белорецка всемерно помогали партизанам на боевых рубежах, доставляли боеприпасы, еду, стараясь побыть со своими сыновьями, мужьями, братьями еще раз, хотя бы несколько минут. Белорецкие рабочие семьи ночью прощались со своими сыновьями, отцами, отправляющимися в поход. Вечером 4 августа на улицах и площадях Белорецка наблюдались подчас тяжелые сцены. Адъютант Белорецкого

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 32 об., 49.

[2] Легендарный рейд, с. 33—34.

полка А. В. Обухов воспроизвел в памяти одну из таких сцен: «Вот подросток-рабочий, лет 17—18, единственный сын, прощается с матерью-старушкой. Старушка медленно крестит своего сына и что-то бормочет про себя. Последний раз она наказывает сыну: «Ты уж, Ванюша, береги себя, ведь ты единственный у меня сын». Но сын быстро распрощавшись, уходит туда, где ждут его сотоварищи, туда, где ждет их неизвестно что и откуда многие из них уже быть может не вернутся» [1].

«Бегут жены, дети, все они хотят насладиться, со слезами на глазах, — вспоминал И. П. Козлов, — насмотреться на отступающих своих близких людей. Они то и дело забегают вперед и спрашивают: «А долго ли вы проходите?», «Когда вернетесь?»... Другая кричит: «А ты уж, Сережа, побереги себя, ведь ты у меня один сын. Я тебя благословляю. Будь здоров!». Другие кричат: «Мы вас будем ждать обратно скоро. О нас не беспокойтесь!» [2].

Белоречане делали все возможное для того, чтобы уходящие партизаны были оснащены необходимым, почувствовали душевное тепло, любовь к ним.

Вся эта большая и разносторонняя подготовка партизанского соединения к продолжению похода, жизнь партизанской столицы протекали в процессе почти не затихающих боев под Белорецком. Белогвардейцев не оставляла мысль о том, чтобы догнать партизанские отряды, вступить с ними в бой и разгромить. После того, как Сводный Уральский отряд покинул завоеванные под Верхнеуральском позиции, тон и характер белогвардейских донесений изменился. На смену удрученному состоянию, растерянности пришли радость и ложное представление о слабости партизан. Белогвардейцы начали плодить хвастливые реляции о будто бы имеющем место бегстве партизан, развале в их отрядах и т. д. Им стало уже представляться, что разгром Сводного Уральского отряда — дело нескольких дней. От предателей Каюкова и других командование Уральского корпуса и его частей узнало о численности и положении партизанских отрядов. Им представлялось, что настроение партизан подавленное, в отрядах развал, красные казаки ждут случая, чтобы сдаться в плен белым.

Надежды на возможность разгрома отрядов В. К. Блюхера командование Уральского корпуса питало и потому, что знало о полном истощении у партизан запасов патронов и снарядов. Враг получил сведения и о планах

[1] Гражданская война в Башкирии, с. 81—82.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 440.

Главного штаба. Штаб корпуса поставил обо всем этом в известность Уфимский, Стерлитамакский гарнизоны. 3 августа в Уфу была послана телеграмма, извещающая местные военные власти о том, что большевики решили прорваться на Уфу, двигаясь по дороге Белорецк — Стерлитамак — Богоявленский завод [1]. У белогвардейцев первоначально было лишь некоторое сомнение относительно маршрута партизан в район Богоявленска. Они предполагали, что партизаны могут пойти и долиной по течению р. Инзер.

Генерал Ханжин решил бросить против партизан все многочисленные части, находившиеся под рукой. С его приездом под Верхнеуральск был окончательно решен вопрос о сведении сконцентрированных в районе Верхнеуральска частей в две дивизии — 2-ю и 3-ю. Начальником 2-й дивизии был назначен Шишкин, а 3-й — генерал-майор Ончоков. В первую из этих дивизий были включены части левого, а во вторую — правого крыла белогвардейского боевого порядка в районе Верхнеуральска. В резерве командира корпуса был оставлен Добровольческий казачий полк. Кроме того в резерве комкора имелся находившийся к югу от Верхнеуральска отдельный «Магнитский отряд». К началу августа претерпел большие изменения и состав частей. Появились новые полки. Некоторые из прежних, понесшие большие потери в боях и вследствии увольнения старших возрастов, были расформированы, так из 3-х Кудравинских полков сначала было создано два, а затем лишь один [2].

Днем 2 августа генерал-лейтенант Ханжин отдал приказ, в котором ставил задачу атаковать партизанские отряды и преследовать их. 3-й Оренбургской казачьей дивизии (генерала Ончокова) было приказано наступать на Тирлян — г. Золотые Шишки и далее на Белорецк. Дивизии генерала Шишкина ставилась задача двинуться правым флангом на Белорецк, а левым — совершить обходной рейд, минуя Белорецк, на дер. Серменево и Узянский завод. В этом же направлении, но несколько левее, должен был двинуться Магнитский отряд, получивший задачу перерезать трактовую дорогу к востоку от Авзяно-Петровского завода [3].

Еще накануне Ханжин принял меры, чтобы войскам Стерлитамакского гарнизона было приказано начать наступление в Белорецком направлении. Таким образом,

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-е, л. 364.
[2] Там же, д. 1-а, л. 308.
[3] Там же, л. 330.

Ханжин выдвигал перед войсками Уральского корпуса задачу не только преследовать партизанские отряды, теснить и бить их с тыла, но и отрезать им путь отхода по единственному трактовому пути — к Стерлитамаку. Белогвардейцы намеревались взять партизан в кольцо или полукольцо, закрыть их в районе Белорецка и разгромить.

Осуществляя приказ Ханжина, обе белогвардейские дивизии в полном составе в тот же день, 2 августа, бросились вслед за партизанами. Уже к вечеру 3 августа разъезды и авангардные части белых вошли на подступах к Белорецку в соприкосновение с партизанами. Борьба возобновилась. Она была прервана наступившей ночью. 4 августа рано утром белогвардейцы значительными силами повели наступление и на Белорецк, и на Ломовку. В районе Ломовки белоказаки атаковали правый фланг Верхнеуральского отряда. Встреченный сильным пулеметным и ружейным огнем верхнеуральцев, потеряв не менее 200 человек убитыми и ранеными, враг отхлынул. Перестрелка на данном участке прекратилась только с наступлением темноты.

Белогвардейцы развернули наступление и по тракту на Белорецк. Они во что бы то ни стало стремились добиться успеха, видя, что в юго-западном направлении от Белорецка в облаках пыли идут авангардные силы партизан и обозы. Части дивизии генерала Шишкина стремились прорваться близ Ломовки на юго-запад и отрезать партизанам путь отхода на Узянский завод. Наступление на Белорецк враг вел широким фронтом, введя в бой отряд Анненкова, Петропавловский, Уйский казачьи полки и другие части.

Белым удалось потеснить кавалерийский заслон разинцев, а затем и засаду, выставленную от 17 Уральского полка. Бойцы Троицкого отряда наносили врагу пулеметным огнем сильный урон. Но, не считаясь ни с чем, враг приближался к Белорецку. Ему удалось продвинуться до кирпичных заводов, находившихся в одной версте к востоку от города. Отряд Н. Д. Томина прочно закрыл вход в партизанскую столицу.

Наряду с кавалеристами-разинцами отважно сражались стрелки 17-го полка. Их борьбой умело руководили А. П. Кононов и направленный в полк Блюхером Н. П. Гвоздиковский, назначенный помощником командира. По соседству с 17-м Уральским успешно действовал Белорецкий и Верхнеуральский пехотные полки. И когда белогвардейцы бросили в атаку 2 казачьи сотни, то они были подпущены на близкое расстояние и уничтожены.

Это подействовало на врага отрезвляюще. Вечером под городом оставались белоречане. Попытка врага сбить полк с занимаемых позиций при поддержке атаки своих частей артиллерийским огнем к успеху не привела. Последнее слово в бою вновь осталось за партизанами [1].

Отважно дрался на своем участке Верхнеуральский пехотный полк. Вначале напор противника сдерживал 2-й батальон под командованием И. И. Филатова. Затем к нему присоединились другие подразделения. Несколько раз на партизан-пехотинцев бросались в атаку белоказаки, но всякий раз вынуждены были с потерями откатываться назад [2].

Героические усилия пехотинцев, отважные атаки верхнеуральской и троицкой кавалерии смело врезавшиеся во фланг и тыл противника, заставляли его отходить, а то и обращаться в бегство. Не помогли врагу непрерывные атаки огромной массы конницы. В этих боях под городом, наряду с другими частями, изумительную стойкость проявил наиболее молодой — Белорецкий полк, кавалерийская сотня Штырляева, пулеметчики Орлов, Астахов и др. бойцы. 3—4 августа партизаны удерживали силами небольшого заслона и Тирлян. 4 августа в течение дня под Тирляном велась ружейная перестрелка. Вечером партизаны покинули позиции, спешно отправившись догонять Сводный Уральский отряд. В Тирлян вступили белогвардейцы [3].

По существу сражение Троицкого и Верхнеуральского отрядов 4 августа под Белорецком являлось ничем иным, как началом арьергардных боев партизанской армии на новом — втором и основном этапе героического рейда по тылам врага. Эти отряды решали задачу — отразить опасную попытку белых прорваться в юго-западном направлении и отрезать путь партизанам на Узян к Стерлитамаку. Эта задача отрядами была успешно решена.

Сосредоточившиеся в районе Белорецка к вечеру 2 августа части Сводного Уральского отряда уже на другой день начали новый поход. Главком учитывал, что вокруг Белорецка со дня на день будут концентрироваться все более крупные силы белогвардейцев и промедление с выступлением на северо-запад резко осложнит решение главной задачи прорыва из вражеского кольца. Уже 3 августа началась эвакуация Белорецка. Это был один из

---

[1] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 4; ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 2; ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 363—365, 433—436.

[2] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 4 об.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, лл. 405—409.

немногих поселков-героев Южного Урала, в которых на протяжении двух месяцев с начала выступления белочехов сохранялась Советская власть.

На состоявшемся 3 августа заседании Белорецкого комитета принимается решение беженцев-белоречан с собой не брать, идти с армией Блюхера только бойцам.

Для обеспечения успеха эвакуации Белорецка и движения партизанской армии Уральский отряд В. К. Блюхером перебрасывается в Серменево. Под его надежным прикрытием в Узянский завод проследовали госпиталь, обозы, беженцы. Уральский отряд, как авангард, а за ним обозы, раненые и беженцы двинулись на запад по Стерлитамакскому (Уфимскому) тракту. В ночь на 5 августа из Белорецка ушел арьергард [1].

Авторы-историки обычно пишут, что новый этап партизанского рейда начался 5 августа 1918 г. Это неточно, ибо авангард выступил из Белорецка еще 3 августа. Эвакуация города, отход частей продолжались в течение следующего дня. В ночь на 5 августа город покинул арьергард Сводного Уральского отряда. Поэтому вряд ли можно говорить, что поход возобновляется 5 августа. Точнее было бы указывать на 3 или, хотя бы, на 3—5 августа. Остановка войск после возвращения из-под Верхнеуральска была незначительной.

Не успел закончиться один этап, как начался другой. Это свидетельствует о большой мобильности партизанских войск и талантливом руководстве ими со стороны В. К. Блюхера и других командиров. Вечером были приняты меры, заставившие белых думать, что партизаны намерены оборонять поселок и на следующий день. В частности, разожжены были многочисленные костры. Исчезновение партизан противник обнаружил только на следующее утро. К этому времени Белорецкий полк, замыкавший колонны партизанской армии, проследовал через Серменево. Здесь полк удалось догнать 2-й (Тирлянской) роте В. В. Творогова, находившейся севернее Белорецка и с опозданием получившей приказ об отходе. Молодой командир и бойцы волновались, опасаясь столкнуться с крупными силами врага, но все обошлось. Чрезвычайно утомленных бойцов тепло встретили башкиры-серменевцы, накормили всех сытным горячим обедом [2].

Во время выступления белоречан из поселка кучка предателей — Мулюкин и ряд других — дезертировали [3].

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 34, л. 9.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 206, л. 1—3.

[3] Там же, оп. 2, д. 383, л. 16; ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 1160, л. 22.

В районе Узяна перебежала к белогвардейцам группа предателей во главе с маскирующимся эсером Н. Корниловым, опрометчиво выбранным белоречанами командиром полка вместо Мулюкина. Предатель прихватил с собой и полковую кассу[1]. Вместе с Корниловым бежал и упоминавшийся уже И. П. Зимин — начальник штаба полка. Зимин тайно встречался с видными контрреволюционерами врачом Касперовичем и инженером Кагановичем, получил от них указание вести агитацию против отхода полка из Белорецка, что он и делал.

На допросе белогвардейцам Зимин рассказывал, как вместе с другими эсерами, явными и замаскировавшимися (некоторые из них, в том числе Корнилов, вступили в партию большевиков), всячески вредили партизанам, пытались внести в их ряды панику и сорвать эвакуацию. Зимин, в частности, говорил бойцам о том, что в «Народной армии» (белогвардейской) много белоречан и надо удерживаться от боя с ними. Во время одного из таких контрреволюционных выступлений Зимин по требованию коммуниста И. Н. Ульянова был взят бойцами под стражу, отведен в штаб, откуда выход ему был запрещен. Фактически он с занимаемого поста был смещен, но вынужден был, как и Корнилов, с которым они действовали в контакте, отступить с полком к Узянскому заводу. Оба находились под наблюдением бойцов и командиров, но арестованы и преданы суду не были. Белорецкие коммунисты не довели дело до конца[2]. Но все это не поколебало воли и боевого духа белоречан. Своим командиром они избирают Алексея Викуловича Пирожникова. Рабочий, коммунист, в прошлом — унтер-офицер, бесстрашный и хладнокровный в бою, он — этот плотный, высокий, неутомимый брюнет, в жизни был общительным, веселым человеком. Во время больших, трудных переходов, на привалах, он нередко для поднятия духа затевал пляски. Его авторитет оставался непререкаемым. Чувство уважения перерастало у бойцов в любовь к своему командиру. Помощником командира был избран И. Коротков, вскоре замененный Лохмостовым[3]. Под командованием Пирожникова белоречане успешно выполняли роль арьергарда. Удачный маневр при отходе замыкающих частей партизанской армии позволил ей вновь значительно оторваться от противника. В авангарде на всем протяже-

---

[1] *Сызранкин Ф.* Рабочие — солдаты революции, с. 168.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 207, л. 1—3.

[3] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 1; ПАБО, ф. 1832, оп. 3. д. 299, л. 52.

нии пути к селу Петровское шел Уральский отряд И. С. Павлищева. За ним следовали основные силы Троицкого отряда. Замыкал движение Верхнеуральский отряд. Полк им. Степана Разина нес фланговое охранение [1].

Главнокомандующий принимал меры по обеспечению движения войск и обозов в строго указанном порядке. Поскольку в начале похода обнаружилось смешение некоторых частей, обозов, отставание от своих отрядов или, наоборот, отставание от них отдельных групп бойцов, для прекращения этих явлений перед началом движения на дорогу от каждого отряда высылался кавалерийский взвод. Он не пропускал группы и бойцов-одиночек вперед в отрыве от своих частей. Исключение допускалось лишь для тех, кто выполнял специальные задания [2].

Путь от Белорецка до с. Макарово был длительным и наиболее трудным. Необычайно напряженной была первая неделя, первая сотня километров.

Партизанская армия двигалась по перевалу через седловину горного хребта Ала-Тау. «Кряжист и высок хребет Ала-Тау, — писал И. П. Недолин (Маркелов). — Гора разметалась с юга на север огромным горным китом. Две шапкообразные вершины, посредине — перевал седлом. Вершины Ала-Тау лысы, в серых мшелых скалах. А гора не брита тысячелетиями, поросла густо лесом. На вершинах вьются, громоздятся тучи... Вершины Ала-Тау в погожие дни пересматриваются с далекими пиками Иремеля, с вершины Ала-Тау в ясный день на запад, за путаницей гор и долин, видна серебряная лука далекой реки... Река эта — Ак-Идель, красавица Белая» [3].

На пути партизан громоздились высокие горы, кручи, камни. То там, то здесь у самой дороги разверзались вызывающие головокружение обрывы, пропасти. Август выдался знойным. Полуголодные бойцы обливались потом. На ногах горели мозоли. Их мучила жажда. Недосыпали. К концу очередного перехода ноги становились точно чугунными. Но они все шли и шли, преодолевали подъем. Пехотинцы тянули отяжелевшие пулеметы, надрывались, втаскивая на горы орудия. Фланговым отрядам и арьергарду приходилось еще труднее. Они двигались напрямик, через горные вершины, лесами, сбивая врага, оседлавшего тропинки и перевалы, высоты, господствовавшие над трактовой дорогой. Путь групп охране-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 39—42; ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 135—139; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 39.

[2] Там же, л. 39—41.

[3] *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 14.

ния был подчас настолько опасен, что нередко бойцы срывались и падали в пропасть.

Трудно было пехотинцам. Не меньшие трудности испытывали и кавалеристы. Именно на них ложилась тяжелая повседневная обязанность охранять, оберегать главные силы партизанской армии от наскоков врага. Всадники и кони были крайне утомлены. Коням от самого Верхнеуральска не давали овса, они падали от истощения. Их приходилось резать и использовать в пищу. Кавалеристы нередко по несколько суток не спали, почти не слезали с коней. В минуты относительного спокойствия они дремали, сидя в седле. Как вспоминал боец Екатеринбургского кавалерийского эскадрона Н. А. Рождественский, они «спали в седле и умирали в седле» [1].

С большим пониманием испытанных уральскими партизанами трудностей, характера их боевого рейда писал Д. А. Фурманов. Он отмечал, что их «изумительный поход переполнен легендарными фактами. Можно представить, сколько за это время вынесли отряды испытаний, как дорого обошелся им этот крестный путь. Только исключительная выносливость, героическое напряжение воли, сознательность помогли им выбраться благополучно из враждебного, кругом бушевавшего омута» [2]. Так все в действительности и обстояло.

По выходе из Белорецка все отряды и обозы следовали одной колонной, так как трактовая дорога, прорезавшая горы, была единственной. Отряды вытянулись в 20—30 километровую нитку. Белые, настигнув партизан, пытались использовать этот естественный недостаток в боевом порядке Сводного Уральского отряда. Наибольшая опасность нависла над его тылом и флангом. Под Узяном разгорелся горячий бой. На арьергард партизанской армии— Белорецкий стрелковый полк стали бешено наседать белоказачьи полки. Перед командованием Белорецкого полка стояла сложная задача: опираясь на помощь верхнеуральских кавалеристов, задерживать врага на труднопроходимых участках малыми силами. Полк не должен был глубоко увязать в бою и отрываться от главных сил.

В бою под с. Серменево и Узянским заводом успешно действовали и тройчане. В одном из эпизодов боя в сложном положении оказались артиллеристы. Троицкая батарея, находившаяся на марше, внезапно подверглась артиллерийскому обстрелу. Один из орудийных расчетов в полном составе убежал в укрытие. Кони же с орудием

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2119, л. 2.
[2] Пролетарская революция, 1924, № 12, с. 316.

бросились в сторону противника. К упряжке уже подскакали белоказаки. Молодые наблюдатели Пивоваров и Сучков пристыдили и вдохновили расчет, бойцы которого, поддерживаемые огнем стрелков, бросились за упряжкой и, пустив в ход гранаты, отбили орудие [1].

Под прикрытием арьергарда Сводный Уральский отряд продолжал продвижение вперед. Вслед за основными силами двинулся и Белорецкий полк. С горных круч по-прежнему раздавались ружейные залпы и строчили пулеметы со стороны небольших групп белоречан, оставленных в засаде. После выполнения боевой задачи партизаны снялись со своих позиций и догнали полк. От белых вновь удалось оторваться [2]. Но враг многочисленен и напорист, его конные части обладают большой маневренностью.

Белогвардейцев на активные действия все время подогревал выговорами, предупреждениями, строгими приказами генерал Ханжин. 6 августа Ханжин часть сил, преследовавших партизан (6-й Оренбургский полк и отряд Анненкова) приказал отвести в другой район. Выполнение задачи по борьбе с партизанами было возложено на 3-ю Оренбургскую дивизию, в которую были включены и части 2-й дивизии. От начальника дивизии генерала Ончокова Ханжин потребовал: «Преследовать большевиков приказываю самым энергичным образом, стараясь не только догнать хвост колонны, но и перерезать ей путь, дабы скорее их ликвидировать и очистить от них край» [3].

С новым рвением Ончоков пытался выполнить приказ командира корпуса. Он посылал окольными путями вперед хорошо вооруженные отряды с тем, чтобы они выходили во фланг партизанской колонны, по возможности опередили ее, перерезали дорогу, устраивали засады. Иногда выходы во фланг колонне белогвардейцам удавались. Они были неожиданными и опасными. Но огромная выдержка бойцов и командиров, суровая закалка в многотрудных боях являлась той гранитной стеной, о которую разбивались все яростные наскоки врага. Не выдерживали сравнения на деле, в бою полки и дивизии белых с частями Сводного Уральского отряда.

Бесконечно проигрывал прошедший многолетнюю выучку генерал-лейтенант Ханжин со всей своей сворой генералов и высших офицеров в сравнении с военным талантом подлинных самородков из революционного русско-

[1] *Сызранкин Ф.* Рабочие — солдаты революции, с. 165—166.
[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, д. 194.
[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 439.

го народа В. К. Блюхером, Н. Д. Томиным, а также бывшими офицерами, до конца преданными Советской власти, братьями Кашириными, И. С. Павлищевым и другими. Впоследствии Блюхер отмечал, что у Ханжина лучше выходило с мыловареньем, к которому он прибегнул за границей после разгрома белогвардейцев и интервентов, чем с руководством войсками [1]. Так и не удалось командованию Уральского белогвардейского корпуса нанести поражение партизанам. Они то настигали партизан, то вновь, получив жестокую трепку, отставали. Труден был переход. Коварен и жесток враг. Но блюхеровцы не теряли бодрости духа, давая белогвардейцам один бой за другим. Не обошлось и без курьезов.

В районе Кагинского завода молодежная Белорецкая сотня Г. Д. Штырляева получила задание «встать заслоном на берегу Белой». Стоял исключительно знойный день. Молодежь отдыхала. Был зарезан скот, варился обед. Учитывая то, что в этот день противника поблизости не обнаруживалось, а позади шли еще верхнеуральские кавалеристы, Штырляев разрешил бойцам искупаться. Ребята расседлали коней и весело проводили время, ожидая обеда. Одни купались, другие, раздетые и полураздетые, нежились на берегу. Образовались группы вокруг гармонистов. Лишь часть кавалеристов была наготове на всякий случай.

Близ старой переправы через Белую разместилась застава с пулеметом. Г. Штырляев с двумя бойцами, в ожидании появления замыкающей партизанский арьергард кавалерийской сотни, направились вдоль берега. Стали выезжать на горку. В это время они услышали выстрелы. Стреляла медсестра Галя Локацкова, находившаяся недалеко от купающихся и первой заметившая врага. Она быстро укрылась за огромным камнем, взяла на мушку одного белоказака, выстрелила, тот упал, следующим выстрелом сбила с коня и второго [2]. Поднявшийся на горку Штырляев увидел, что поблизости развертывается кавалерийский отряд силой до дивизиона.

Группа Штырляева была встречена выстрелами. Командир сотни немедленно поднял тревогу. Бойцы мгновенно, кто в чем был, включая и совершенно раздетых купальщиков, схватились за оружие, вскочили на коней и помчались на врага. Застрочили пулеметы, затрещали винтовочные залпы. То здесь, тот там зазвенели клинки. Красные конники дрались как львы. Нападение обеску-

---

[1] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 53.
[2] *Сызранкин Ф.* Рабочие — солдаты революции, с. 167.

раженного врага было отбито. Белоказаки, опережая друг друга, бросились наутек, на Теплую гору. Штырлявцы на протяжении пяти-шести километров лихо преследовали беляков.

Возвращались на берег реки вместе. Бойцы разглядывали друг друга и нет-нет да и раздавался взрыв гомерического хохота. День клонился к вечеру. Сотня привела себя в порядок и направилась в Кагу.

Выстрелы, шум боя донеслись до Белорецкого пехотного полка. Он стал развертываться в цепь по другую сторону Каги. Вступившую в поселок свою сотню белоречане чуть было не приняли за врага[1]. Долго еще потом, во время похода белоречане да и все бойцы партизанской армии неизменно со смехом вспоминали об этом бое незадачливых молодых кавалеристов.

7 августа белые попытались разгромить белоречан, которыми с этого момента стал командовать А. В. Пирожников. В одном из боевых эпизодов Пирожников отбил под Узяном наступление ряда вражеских подразделений с горсткой бойцов, обрушив на врага меткий пулеметный огонь[2]. В этот день для отпора белогвардейцев, усиливавших натиск, в бой пришлось вступить всему партизанскому арьергарду, занимавшему высоту перед Кагинским заводом. В разгар боя Ончоков доносил в штаб корпуса: «Наши части ведут бой с противником за высоту перед Кагинским заводом, противник отбивается пулеметами, артиллерией, но его главные силы уходят»[3].

Вражеские части были измотаны до предела. Они несли большие потери. Бой за Кагинский завод, в котором партизанский арьергард держался столько и так, как ему было приказано главкомом, был тем пределом, до которого 3-я Оренбургская дивизия могла проявлять настойчивость, желание выполнить поставленную перед ней задачу. 7 августа начальник белогвардейской дивизии вынужден был расписаться в бессилии. В телеграмме командиру корпуса он сообщал: «Вследствии измученности конского состава перехватить дорогу противнику не удается. Хотя известны его передвижение и стоянки, обойти не удастся вследствие бездорожья по горам»[4].

Ханжин 8 августа вынужден был дать разрешение на отдых частям 3-й дивизии в районе Авзяно-Петровско-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 16—18; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 187.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 207, л. 1, 3 и об.; д. 246, л. 442; д. 299, л. 48—50; д. 303, л. 1 об.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 461.

[4] Там же, л. 448.

го и Кагинского заводов. Но он одновременно приказал преследование продолжать отрядам «из наиболее сохранившихся частей конницы и пехоты... преследование вести с полной энергией, чтобы окончательно расстроить красных и лишить их боевых припасов»[1]. Преследование партизан продолжалось, но малыми силами. Работы партизанскому арьергарду поубавилось.

Через несколько суток похода и боев одна часть партизан за другой стали подходить к каменным утесам. Горные тропы, нескончаемые перевалы остались позади. Горы шли на спад, а там — впереди была обширная равнина. Немало бойцов полегло среди гор и ущелий. Прибавилось работы врачам, фельдшерам и всему медицинскому персоналу. Но тем не менее ряды партизан не уменьшались, а значительно возросли. Уже в Серменево в армию Блюхера вливается отряд башкир, численностью в несколько десятков человек[2]. К партизанским отрядам присоединились большие группы рабочих Узянского, Кагинского и Авзяно-Петровского заводов.

Выход в долину реки Белой позволил партизанам лучше маневрировать, оказывать своевременную помощь частям на угрожаемых участках. Создалась возможность преодолевать излишнюю и крайне опасную растянутость армии. В целом же положение отрядов продолжало оставаться сложным. Передовые части все чаще сталкивались с разъездами противника, предстояли новые бои. В то же время враг по-прежнему наседал и на арьергард. Однако впереди были не только враги, но и друзья — партизаны Богоявленско-Архангельского района. В ближайшей перспективе было усиление партизанской армии за счет новых отрядов, вооружения и боеприпасов.

Блюхеровцы рвались вперед на соединение с местными партизанскими отрядами.

2. Красноусольская республика сражается

Выход соединения В. К. Блюхера из предгорий Урала с нетерпением ждали партизаны и население своеобразной Советской «республики» на правобережье реки Белой в тылу врага. Как и в районе Белорецка, здесь на протяжении двух месяцев Советская власть успешно защища-

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 450.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 9, 16; Легендарный рейд, с. 89.

лась от контрреволюции. Центром этого — после отхода блюхеровцев из Белорецка — уже единственного советского острова в море захваченных контрреволюцией районов Южного и Среднего Урала был пролетарский Богоявленск.

Поселок Богоявленский (в прошлом — Усольский)[1] был основан в 1752 г. До 1888 г. завод был медеплавильным, а с 1893 г. начинает производить стекло. На заводе до революции трудилось до двух тысяч рабочих. Труд их был крайне тяжел, но оплачивался низко. И хотя настоящих промышленных рабочих было не более четверти (на заработки прибывали окрестные крестьяне; часть из них оставалась сезонниками), в поселке сложилась крепкая большевистская организация. Она на протяжении многих лет успешно вовлекала рабочих и крестьян большого района в революционную борьбу.

В дни победы Октября партийная организация, возглавлявшаяся членом партии с 1904 г. Петром Ивановичем Зудовым, насчитывала более 120 коммунистов[2]. Она продолжала расти. В марте 1918 г. избирается окружной партийный комитет, который организует рабочих и крестьян на активную борьбу с местной контрреволюцией и дутовцами.

Богоявленские коммунисты и красногвардейцы, советски настроенные крестьяне все чаще именуют заводской поселок не Богоявленском, а Красной Усолкой, Красноусольском[3]. В дальнейшем, когда в районе Богоявленского завода, где сохранялась Советская власть и развернулась в тылу врага партизанская борьба, родилось название «Красноусольская республика». И завод этой «республики» продолжал действовать. Рабочие шли на него с винтовками.

Здесь, под Уфой, в районе Богоявленского и Архангельского (медеплавильный, к тому времени уже не действовавший) заводов с самого начала гражданской войны развернулась острая классовая борьба, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями между малочисленными местными советскими отрядами и кулацкими бандами.

В июне 1918 г., когда объединенный отряд М. В. Калмыкова действовал в районе Оренбурга, в нескольких десятках километров от Богоявленска, в Архангельском

---

[1] Поселок был переименован в Богоявленский в 19-ом веке в связи с основанием священнослужителями близ него места паломничества верующих.

[2] *Ушаков А. А.* Усолка остается Красной, с. 3, 20, 61.

[3] Богоявленск в дальнейшем по просьбе его жителей был официально переименован в Красноусольский.

заводе, Ирныкшах и других селах вспыхнуло кулацкое восстание. Небольшие красногвардейские отряды, находившиеся в этом районе, почти все были разоружены. Бойцы, не успевшие отступить или скрыться, кулаками были арестованы и заключены под стражу. Только Красноярский отряд, возглавляемый Слободиным и Горбуновым, выдержал напор восставших белобандитов и расчистил себе путь отхода на Богоявленск.

По получении известия о восстании кулацко-байских элементов в районе Архангельска Богоявленский Совет для его подавления направил хорошо вооруженный отряд в 120 бойцов под командованием Н. А. Белякова. При встрече на пути следования Красноярского отряда принимается решение влить его в отряд Н. Белякова и первый удар нанести по крупному отряду восставших в Зилиме-Караново. Бой был проведен успешно. Остатки разбитого кулацкого отряда бежали, не успев расправиться с арестованными красногвардейцами. Спасенные от расправы бойцы влились в отряд Н. А. Белякова, а на их место посадили попавших в плен местных баев — организаторов восстания.

Небольшими силами от белобандитов был освобожден и Зилим Русский. В Русском Зилиме были получены сведения о готовящемся кулацком наступлении. В рядах врага насчитывалось не менее 500 человек, тогда как в красногвардейском отряде было всего лишь 60 бойцов. Но красногвардейцы умело разместили с вечера свои пулеметы, заняли выгодные позиции на подступах к селу и в полной боевой готовности стали ждать подхода врага.

На рассвете со стороны Ирныкшей и Архангельского завода показались мятежники, которые надеялись застать красногвардейский отряд врасплох и, имея почти десятикратное численное превосходство, рассчитывали добиться быстрой и полной победы. Но враг просчитался. Отряд богоявленцев встретил его в полной боевой готовности. Бой был тяжелым. Большие потери от пулеметного и ружейного огня не обескуражили врага. Он рвался в село. Вдруг замолчал пулемет, прикрывавший подход со стороны Ирныкшей. Один из пулеметчиков оказался убитым, другой — тяжело раненым. Натиск белобандитов усилился. Им удалось сначала потеснить, а затем разрезать отряд на две части. Группа бойцов во главе со Смирновым была окружена. Но они не растерялись. Пулеметчик М. П. Дублистов, экономя патроны, подпускал наседавших белобандитов вплотную и кинжальным метким огнем уничтожил их.

В разгар неравного боя в тыл врага неожиданно ударил отряд Н. Белякова, прибывший из Зилим-Караново. Кулацкая банда была разбита. Ее остатки бросились в бегство к Архангельску. Но и там отрядом Белякова в неравном и горячем уличном бою была одержана победа. С кулацким восстанием было покончено. В селах восстанавливаются Советы.

В те дни подняло голову и местное духовенство, еще имевшее влияние в отсталых слоях населения. В один из июльских дней, в «святую пятницу», хранители «святыни» — иконы божьей матери, собрав огромную толпу, с участием кулаков, явных контрреволюционеров, с хоругвями и другими атрибутами двинулись из крупного села Табынское на «святое место» — Соленый ключ, близ Богоявленска. Партизанам во избежание контрреволюционного эксцесса пришлось организовать заслон и заставить «святых отцов» вместе с паствой убраться восвояси [1].

Рабочие и трудящиеся крестьяне после белогвардейского выступления в их районе острей почувствовали опасность утраты Советской власти, если не будут ими же самими предприняты решительные действия. Повсеместно стали возрождаться и вновь создаваться советские отряды. В начале июля Архангельск, Зилим, Красный Яр, Ахметка, Валентиновка и другие села представляли собой уже настоящий вооруженный лагерь [2].

Во главе крупного отряда зилимцев стоял член большевистской партии Л. В. Барышев. В отряде помимо русских было много башкир, татар и латышей. Всех их объединяло одно — желание отстоять власть трудящихся. Ахметкинский отряд возглавил М. Е. Лантух. В процессе его формирования 65 домов (семей) Ахметки дали 30 добровольцев, 140 домов Архангелки — 90 добровольцев. Из деревеньки Бурлы прибыло 13 добровольцев во главе с Якуповым [3].

Отряд архангельцев, являвшийся также интернациональным, в частности с большим количеством латышей и башкир, создавшийся несколько позднее, возглавил коммунист В. Г. Данберг. Он был послан в Архангельское богоявленской партийной организацией [4]. Имелись к северу, а также к югу от Богоявленска и другие более мелкие партизанские отряды.

---

[1] Гражданская война в Башкирии, с. 122.

[2] ПАБО, ф. 76, оп. 1, д. 82, л. 92—12; д. 89, л. 2—3; За власть Советов, Уфа, 1961 с. 174.

[3] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 2.

[4] Там же, л. 2, 56; За власть Советов, с. 174.

Отряды (штабы) ощущали острую нужду в оружии и боеприпасах. В частности, ахметкинцы практически целиком обеспечивались боепитанием за счет богоявленцев. Последние и сами нуждались в оружии и боеприпасах, но все же смогли выделить своим товарищам по борьбе один пулемет системы «кольт», винтовки и по 15—20 патронов на бойца[1]. Но и это немногое мужественным бойцам придавало уверенность и силу.

С прибытием в Богоявленск из-под Оренбурга отряда М. В. Калмыкова начинается новый этап в формировании и укреплении партизанских отрядов. В отряде Калмыкова богоявленских рабочих и крестьян ближайших сел было не более 250 человек. Остальную часть составляли рабочие Аша-Балашовского, Симского, Бакальского и других заводских поселков, а также городов Уфа, Златоуст и Стерлитамак.

Часть бойцов при выходе из-под Оренбурга стала высказывать намерение покинуть Сводный Уфимский отряд и вернуться на свои заводы. Остались дома и стерлитамакцы, после того, как отряд М. В. Калмыкова 3 июля прибыл в их город.

Во время пребывания в Стерлитамаке Калмыков связался с Уфой, но к аппарату подошел бывший офицер Харченко (оказавшийся предателем). В ответ на запрос Калмыкова найти П. И. Зудова или кого-либо другого из руководящих работников Уфимского губернского штаба, Харченко потребовал, чтобы отряд из Стерлитамака немедленно двигался на Уфу. Это распоряжение вызвало у калмыковцев сильное подозрение, так как они знали, что под Уфой были белогвардейцы. Решили идти в Богоявленск и там подробно выяснить обстановку в Уфе.

В Богоявленск отряд прибыл 5 июля[2]. Он был торжественно встречен местным населением и отрядом, сформированным за время отсутствия М. В. Калмыкова. На другой день богоявленцы узнали, что в ночь на 5 июля, не без помощи предателей, белогвардейцы заняли Уфу. Остатки советских отрядов, партийно-советские учреждения по реке Белой отошли к Каме. Но незадолго до эвакуации Уфы губревком направил вверх по течению Белой для Богоявленска 2 горных орудия и 96 снарядов к ним, 850 трехдюймовых снарядов к полевым орудиям, пулеметы, 200 тысяч патронов, 3 тысячи комплектов обмундирования, обуви, снаряжение и другое имущество[3].

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 2.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 223; На Южном Урале, с. 125—126; За власть Советов, с. 245—246.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 223; На Южном Урале, с. 101—102.

Погрузкой и доставкой оружия руководил коммунист М. К. Еломанов. Оружие, боеприпасы, обмундирование, мануфактура были погружены на две баржи, буксировавшиеся пароходом. В пути капитан получил грозное предписание из Уфы, где в штабе окопались предатели, о возвращении барж с их грузом. Капитан пытался выполнить этот приказ. Но Еломанов, пригрозив капитану судом и расстрелом, добился продолжения рейса. Груз был доставлен на Табынскую пристань, а оттуда на подводах — в Богоявленск [1].

Советские отряды в Богоявленске и в ближайших селах оказались во вражеском кольце. В этой обстановке трудно было решить вопрос о дальнейших действиях. Положение осложнялось и тем, что ашабалашовцы, симцы и другие мелкие отряды стали готовиться к возвращению на свои заводы «для их защиты на месте». Это было проявлением серьезного недопонимания сложности обстановки, неизбежности длительной борьбы с сильным врагом. Следовало действовать и не разрозненными, а объединенными силами советских войск.

В Богоявленске и Архангельске остались лишь Златоустовский отряд и отдельные бойцы с других заводов, а также уфимцы и полурота мадьяр, несколько поляков и чехов. Часть ашабалашовцев, симцев и др. была схвачена белыми еще по дороге и на своих заводах. Другие ушли в леса, перешли на партизанское положение. Оставшиеся на заводах коммунисты и беспартийные красногвардейцы скрывались и вели подпольную работу.

Заводы Симско-Миньярского района зимой и особенно летом 1919 г. представляли собой крупный очаг сопротивления колчаковщине. Здесь действовало несколько партизанских отрядов. Немало местных рабочих перешло линию фронта и влилось в регулярную Красную Армию. Некоторая часть бойцов (И. Т. Токарев и др.) еще в конце июля — начале августа 1918 г. вернулась в Богоявленск и вновь вступила в отряд Калмыкова [2].

Богоявленским районным штабом боевых дружин, который возглавил В. И. Зудов, местной партийной организацией, Советом было решено до выяснения дальнейшей обстановки и установления связи с уфимским руководством, отступившим в северо-западном направлении, оставаться на месте и перейти на партизанские методы борьбы.

---

[1] *Ушаков А. А.* Усолка остается красной, с. 77.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 169; д. 338, л. 157—158; На Южном Урале, с. 102.

Была усилена работа по расширению и укреплению Богоявленского и других отрядов. С этой целью в села и деревни направляются коммунисты. Они вовлекают в местные отряды новые группы добровольцев, содействуют укреплению дисциплины среди бойцов. В Богоявленске состоялось совещание партийного актива и командиров крупных отрядов. На нем присутствовали М. Калмыков, Н. Беляков, Л. Барышев, В. Данберг, В. Зудов и др. Обсуждали сложившееся положение. Решили создать районные штабы боевых дружин и усиливать борьбу против белогвардейщины.

Помимо Богоявленского создаются еще два крупных штаба — Архангельский и Ахметкинский. В Архангельский районный штаб вошли Архангельский, Березовский, Зиминский, Ирныкшинский и Красноярский отряды. Начальником штаба назначается В. Г. Данберг, его заместителем — Л. В. Барышев. В составе штаба была не только пехота, но и кавалерия. Ахметкинский штаб возглавлялся М. Е. Лантухом и находился в непосредственном подчинении Богоявленского штаба [1].

Архангельский штаб был более самостоятельным, хотя свои действия он постоянно координировал и согласовывал с богоявленскими руководителями. Оружием и боеприпасами он снабжался из Богоявленска. Во время совещания в Богоявленске по просьбе Данберга архангельцам было выделено 2 пулемета [2].

Положение партизан, действовавших в глубоком тылу врага, было весьма трудным, но оно облегчалось тем, что настроение подавляющей части местного населения было советским, революционным. Буржуазно-белогвардейской агитации противопоставлялась большевистская.

Коммунисты, все партизаны вели повседневную разъяснительную работу среди трудящихся. Рассказывали русским, башкирам, татарам, латышам о сущности, целях и задачах Советской власти, об аграрной и национальной политике Коммунистической партии, руководимой В. И. Лениным. Делали наглядные сопоставления этой политики с террором, экономическим и национальным гнетом, который несли в захваченные районы белогвардейцы и интервенты.

Трудящиеся хорошо, правильно все воспринимали и в подавляющей массе всемерно помогали партизанам. Не только в близлежащих крупных русских, но и в отдаленных башкирских и татарских селениях по первой просьбе

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 2; За власть Советов, с. 175—176.
[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 224; За власть Советов, с. 174.

снаряжали подводы, давали продовольствие. Крестьяне охотно давали лучших проводников, выводя партизан по малоизвестным тропам в тыл врага, собирали и сообщали ценные сведения, помогали выявлять контрреволюционные кулацкие элементы, действия и поползновения которых к предательству пресекались [1].

Это служит важным дополнительным доводом к тому, что правобережный район Белой не случайно получил в то время и в исторической литературе гордое наименование Красноусольской республики.

При всесторонней поддержке населения силы партизан не только не таяли, но и росли. И рост их был довольно быстрым. В Богоявленском заводе вся молодежь, мужчины средних лет вступили в отряд добровольцев. Была сформирована кавалерийская сотня, в задачу которой входили разведслужба, наблюдение за противником на противоположном западном берегу Белой и т. п. [2]. К партизанам присоединялись новые десятки и сотни башкир из Усманово, Саит-Бабы, Кулканово, Узьменево, Шамышево, татар из Курмантая, Ново-Заитово и других сел и деревень [3].

Многие из добровольцев впервые становились в строй и брались за оружие. Поэтому большое внимание уделялось обучению бойцов военному делу, военной технике. В частности, неустанное внимание командованием Богоявленского, Архангельского и других отрядов уделялось обучению пулеметчиков, знанию материальной части и умению вести меткий огонь.

Решение задачи облегчалось тем, что в отряде имелись бывшие солдаты-пулеметчики и инструкции по пулеметному делу: «Общие понятия о пулемете» и «Об обязанностях пулеметного расчета». Командиром пулеметчиков у богоявленцев, ставшим затем командиром пулеметного взвода Богоявленского полка, был М. П. Дублистов, опытный и испытанный мастер своего военного дела.

Инструкции были составлены инструктором Уфимского штаба Г. Ивановым, возможно, специально для данных отрядов. В первой из инструкций указывалось на основные случавшиеся неисправности, их признаки («узнавание») и методы устранения. Во второй — речь шла об общих обязанностях расчета и каждого из его номеров. Заканчивалась данная инструкция важным наставлением, чрезвычайно полезным для молодых пулеметчиков, — «на-

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 6—7, 12—13.
[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 223.
[3] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 283, л. 2 и об.

блюдать за товарищеской дисциплиной и вообще стремиться к тому, чтобы в кратчайшее время нанести противнику наибольшее поражение и к успешному достижению окончания боевой задачи» [1].

Отработка владения расчетами пулеметом велась в частых боях и мелких стычках с белогвардейцами. Осваивались горные пушки, винтовки, гранаты.

Руководители партизанского района все больше задумывались над вопросом о дальнейших действиях отрядов. И ограничиваться «ближней» разведкой было нельзя. С помощью коммунистки С. С. Гончарской была проведена удачная разведывательная операция. Вместе с А. И. Зудовой и Володей Колобаевым (женщины выдавали себя за богомолок, возвращавшихся со «святых» мест, из Табынска, юноша — за кучера) в начале июля Гончарская побывала в Стерлитамаке, Раевке, других местах, захваченных белогвардейцами, доставила ценные сведения. В середине июля С. С. Гончарская была отправлена в новую разведывательную поездку и в Екатеринбург для связи с уральскими партийными и советскими органами и за денежными средствами. С участием юноши Макса (оба владели английским языком и выдавали себя за иностранцев). Задание было выполнено и на сей раз, но вернулась Гончарская в Богоявленск уже после ухода оттуда партизан, в сентябре [2].

Посредством разведки руководителям партизанского района удалось выяснить, что командование чехословацких частей в ближайший период не намерено отрываться от Самаро-Златоустовской железной дороги и судоходного участка реки Белой. Можно было надеяться на относительную устойчивость партизанского фронта в ближайший период. Партизаны определенную информацию черпали и из белогвардейских документов, газет и телеграмм, так как на Архангельском заводе работал телеграф и туда поступали распоряжения Уфимской земской управы.

Большую радость партизанам доставили прибывшие в Богоявленск от Уфимского ревкома Ф. В. Ландграф, И. Кременчук, а позднее — К. З. Жеребов [3]. Они проинформировали о положении Советской республики и передали указание ревкома пробиваться в район Сарапула на соединение с Красной Армией. В связи с этим не лишним будет привести эпизод, свидетельствовавший об из-

---

[1] ЦГАСА, ф. 2490, оп. 1, д. 1, ч. II, л. 533—534, 560.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 79, л. 15—73.

[3] ЦГА БАССР, ф. Р—701, оп. 1, д. 189, л. 3, 4; На Южном Урале, с. 189—201; Легендарный рейд, с. 71.

лишней осторожности партизан относительно коммуниста Жеребова, не вызвавшего вначале доверия. В его сообщениях и передаваемых указаниях сомневались, к делам штаба и прочим близко не подпускали. Подозревали его в провокаторстве. Лишь тогда, когда во время белоказачьего налета К. З. Жеребов схватил винтовку, пошел в бой и отличился, подозрения отпали, штаб поверил его сообщениям. Самого же связного включили в пулеметную команду [1].

Указание Уфимского ревкома партизаны приняли как приказ. Но выполнить его при опоре лишь на собственные силы было вряд ли возможно, ибо в районе Уфы, Самаро-Златоустовской железной дороги и во фронтовой полосе белогвардейцы имели огромные силы. Вот почему свои надежды на выход из окружения и соединение с советскими войсками партизаны Богоявленско-Архангельского района стали связывать с действиями Сводного Уральского отряда.

О формировании и боевых действиях партизанской армии в районе Верхнеуральска — Белорецка богоявленцам стало известно от крестьян и военнопленных уже через несколько дней после прибытия отряда М. В. Калмыкова в Богоявленск. На специально созванном совещании под руководством М. В. Калмыкова принимается решение установить с партизанскими отрядами в Белорецке связь.

В Белорецк почти одновременно были направлены две небольшие группы. В одну из них входили А. Я. Горин, Н. С. Опарин, в другую — М. И. Озимин и А. Субботин. Обе группы имели задание во что бы то ни стало добраться до отрядов, проинформировать их о положении в районе Богоявленского и Архангельского заводов и их намерении идти на соединение с Красной Армией к Каме. В свою очередь, связным следовало получить сведения о положении партизан в районе Белорецка, их планах на будущее и просить денежной помощи.

Группы связных, взяв с собой проводников, направились к Белорецку разными дорогами: первая — через Архангельск, вторая — через местечко Соленое вверх по реке Усолке. Принимались большие меры предосторожности: разведчики выдавали себя, как правило, за белых, называли ложный маршрут следования. Для дезориентирования белых властей и враждебной части населения из сел после ночлега выезжали в противоположную сторону и лишь потом выбирались на нужную дорогу.

С этой же целью партизаны-связные выехали не на

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 189, л. 3.

кавалерийских, а на крестьянских конях. В дальнейшем их пришлось заменять свежими, купленными или обмененными у крестьян. Так, группа Горина, двигавшаяся северным путем, имела надежного проводника и по прибытии за пределы партизанской республики стала выдавать себя за белогвардейцев, будто бы догонявших «своих».

По пути от дер. Кызыл к Белорецкому тракту проводник предупредил, что в районе Казенного лесничества особенно опасно: там часто бывают белогвардейские отряды. К счастью, в момент въезда в поселок белых не оказалось. Выехали на тракт. После ночевки в одной из деревенек сменили коней и проводника и двигались через кочевки. Не доезжая до Инзерского завода, собрали сведения о положении в поселке. Оказалось, что там находится небольшой красногвардейский отряд. С его помощью в тарантасе, запряженным свежей и сильной парой лошадей, за один день добрались до Белорецка. В тот же день, 17 июля, туда прибыла и группа Зимина.

По прибытии богоявленцев в Главный штаб Н. Д. Каширин срочно пригласил В. К. Блюхера, И. Д. Каширина др. Состоялась беседа. М. И. Озиминым, А. Я. Гориным и другими, было сообщено о делах партизан в районе Богоявленска, о их численности, о большом количестве оружия, запасов патронов, снарядов, об обмундировании, запасах продовольствия. Они сообщили о настроении бойцов, трудностях борьбы с наседающими белогвардейцами.

Богоявленцы поделились известными им сведениями о положении советских войск, отступивших от Уфы к Каме. Связные посетовали на безденежье своих отрядов. Им были заданы вопросы, касающиеся занимаемых отрядами позиций, направлений действий противника и др. Озимину вручается записка от главкома с краткой информацией о положении и задачах Сводного Уральского отряда. Обещана была крупная сумма денег, но за ней следовало прислать небольшой специальный отряд.

Связным предложили на другой же день отправиться обратно, воодушевить боевиков, крепко держать занимаемые позиции и ждать новых известий. Связные незамедлительно, на следующее утро, вновь разными путями, отправились обратно и благополучно прибыли в свой отряд. По дороге в Богоявленск группа А. Я. Горина проинформировала о результатах поездки архангельцев, а затем — зилимцев и красноярцев.

По прибытии в Богоявленск данной, а несколькими часами ранее другой группой, обо всем подробно было доложено командованию отряда. Настроение боевиков, ра-

бочего населения и крестьянских масс окрестных сел резко поднялось [1]. К этому времени в Богоявленск с группой партизан прибыл из Белорецка И. Ф. Туманов, член партии с 1905 г. Отсюда он был направлен в Архангельск, где и включился в активную военно-политическую работу, став членом местного штаба [2].

Таким образом, отряды, действовавшие в районах Белорецка—Верхнеуральска и Богоявленска—Архангельска, в середине июля установили между собой связь. Это дало большой моральный выигрыш как для тех, так и для других отрядов, вселяло большую уверенность в возможность выхода из вражеского тыла на соединение с Красной Армией. Но дело осложнялось тем, что в этот момент Сводный Уральский отряд приступил к реализации плана Н. Д. Каширина прорыва к Екатеринбургу через Верхнеуральско-Троицкий район.

Богоявленцам в случае удачи операций следовало двинуться вслед за уральцами или осуществлять прорыв собственными силами к Каме. В Богоявленске и Архангельске с нетерпением ждали сообщений от Сводного Уральского отряда. Числа 21 июля в Белорецк из Архангельска прибыли новые связные с подробной информацией о положении на фронте. В приказе главкома от 21 июля говорится: «Получены новые сведения о силах противника в Уфе и операциях под Самарой по донесению, прилагаемому к настоящему приказу, доставленному нам из Архангельска» [3].

За новой информацией о положении дел Сводного Уральского отряда, и обещанной Н. Д. Кашириным суммой денег, под Верхнеуральск Богоявленский штаб в конце июля посылает кавалерийскую группу из четырех бойцов во главе с В. И. Зудовым [4]. Зудову был выдан документ, написанный на холсте и зашитый в одежду. Богоявленцы благополучно добрались до Главного штаба Сводного Уральского отряда. В это время он находился еще под Верхнеуральском и готовился к возвращению в Белорецк.

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 3, 4, 22—23.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 352, л. 41; ЦГА БАССР, ф. 701, оп. 1, д. 319, л. 6, 10.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 132. Имеются некоторые данные о том, что вслед за группами А. Я. Горина и М. И. Озимина специально своих связных в Белорецк послали В. Г. Данберг и Л. В. Барышев, что примерно в то же время в Белорецке побывали связные Ахметкинского штаба И. Хлесткин и еще один боец (ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 5—6).

[4] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 24; Легендарный рейд, с. 69.

Получив денежную сумму (по данным Л. В. Барышева, 175 тыс. руб.), окрыленные возможностью прибытия Сводного Уральского отряда в район Богоявленска, связные помчались обратно. По дороге ими была исправлена телефонно-телеграфная связь между Белорецком и Богоявленском.

В начале августа состоялся разговор между штабами Сводного Уральского отряда и Богоявленска. Из Белорецка адъютанты главкома Я. М. Суворов и М. Д. Голубых запрашивали о дальнейших планах богоявленцев. В. Д. Ковшов просил подождать ответ до возвращения М. В. Калмыкова, руководившего боевой операцией на левом берегу Белой. «По возвращении Михаила Васильевича, — писал Ковшов, — я немедленно сообщил ему о разговоре... Обменявшись мнениями, мы решили предложить В. К. Блюхеру и Н. Д. Каширину двигаться к нам в Богоявленск, так как здесь имеется порядочный запас боеприпасов, обмундирования, оружия и артиллерии» [1].

К началу августа положение отрядов в Богоявленско-Архангельском районе резко осложнилось. Весть о скором приходе к Богоявленску уральского партизанского соединения, быстро облетевшая все отряды, вдохновила и окрылила бойцов, обессилевших в неравной борьбе с многочисленными врагами. Местные партийные организации усилили политическую агитацию среди населения, особенно среди крестьянства, призывали их на защиту Советов. И в отряды охотно вступали рабочие и трудящиеся крестьяне [2].

Захватив Стерлитамак, белогвардейцы стали предпринимать меры по захвату Богоявленска и других населенных пунктов партизанской республики. Но первоначально они намерены были подготовить соответствующий плацдарм: на юге заняли село Петровское, задушили Советскую власть на левом берегу Белой. Богоявленские рабочие и партизаны лишились основной продовольственной базы. Для того, чтобы обеспечить доставку продовольствия с левого берега Белой, захваченного врагом, Богоявленский штаб силой одной роты и кавалерийского эскадрона занял село Петровское, выбив из него белогвардейцев.

Разрабатывается план операции разгрома врага на левобережье, в районе Русского Саскуля. Был выделен отряд в полсотни пехотинцев и десяток кавалеристов, отобранных из числа лучших бойцов М. В. Калмыковым. От-

---

[1] За власть Советов, с. 175, 248.
[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 82, л. 13.

ряд хорошо вооружился, взял пулемет. Вызванному командиру — пулеметчику М. П. Дублистову Калмыков сказал:

— Разговор будет строго секретный. Знаю, что молчать умеешь, но предупреждаю: не болтать! Подбери двух-трех самых смелых, толковых пулеметчиков. Пойдет с нами не более 50 человек. Больше брать не будем, чтобы не было на заводе паники. Ленты с патронами понесешь сам, а пулемет разбери по частям и раздай ребятам. Двинемся ночью через Белую вброд, в тыл к неприятелю. Пройдем по левому берегу реки до деревни Татарский Саскуль, а потом, когда минуем эту деревню и еще километров семь, доберемся до села Русский Саскуль. Там засел штаб белогвардейцев и белочехов. Наша задача — уничтожить этот штаб.

Богоявленскому штабу стало известно о появлении белогвардейцев в Саскуле, пленении ими группы боевиков, от избежавшего ареста и переправившегося через Белую Д. Медведева [1].

Отряд возглавил сам Михаил Васильевич. Помимо упомянутого М. П. Дублистова, в отряде находились А. Я. Горин, М. Чугунов, В. Комлев и др. [2] По его указанию напротив Саскуля ночью под командованием Н. А. Белякова сосредоточились 2 роты, выдвинуты орудия и два пулемета. Отряд Белякова должен был по сигналу с противоположного берега отвлечь внимание противника, демонстрируя попытку переправы через Белую, и вместе с тем подавить огневые точки врага. В это время в тыл белым должен был ударить отряд Калмыкова. Последний рано утром переправился на левый берег Белой у Табынска, на подводах проехал через башкирскую деревню.

Партизаны выдавали себя за белых. Все сошло благополучно. Впереди, до Русского Саскуля, была еще одна башкирская деревня — Новый Саскуль. «Здесь партизанам рассказали, — писал в воспоминаниях М. В. Калмыков, — что два дня назад был человек из Уфы и говорил, что скоро будут взяты Москва и Петроград, а потом и Усолка» [3].

Нам, конечно, и смешно стало, и польстило, что Усолку ставят чуть ли не выше Москвы и Петрограда. Тут же я спросил:

— А сколько в Усолке большевиков?

---

[1] Легендарный рейд, с. 81—82.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 6.

[3] Так местное население называло Богоявленск, расположенный на реке Усолке.

В ответ... показывают на лес и спрашивают, кто мы.
— Идем из Уфы, будем помогать нашим бороться с красными в Усолке, — говорю я. — А где наш брат, белый?
— Вон, в Саскуле...
— А много их там?
— Да всего человек 200 будет...
— А еще где есть?
— А вот около переправы, у реки Белой...
— А здесь сколько?
— Да человек сто!»[1]

Богоявленцы двинулись к переправе и, когда до нее осталось с километр, развернулись в цепь. Густым лесом подошли на близкое расстояние к позиции белых, залегли. Дозорному партизану на противоположном берегу подали условный знак о начале операции. Отряд Белякова открыл огонь из пулеметов и орудий. Пехотинцы бросились с криком «Ура!» к переправе.

Враг открыл ответный огонь. Все его внимание было приковано к правому берегу реки. А в это время калмыковцы, разделившись на две группы — основную во главе с командиром отряда для обхода врага с тыла и вспомогательную, с которой остались пулеметчики, ударили по белогвардейцам. Те не выдержали внезапного удара, заметались и, обгоняя друг друга, в панике бросились к деревне Саскуль. Отряд Калмыкова их неотступно преследовал.

Вражеский отряд потерял несколько десятков солдат и бежал в Стерлитамак. Партизанам достались большие трофеи — полсотни винтовок, пулемет «максим», 5 тыс. патронов, много продуктов, овса. В Саскуле было освобождено из-под ареста и спасено от расправы 7 партизан. Их радости не было границ[2].

Резонанс об успешных действиях партизан, о существовании в глубоком тылу противника «Красноусольской республики» был весьма большим. В захваченных белогвардейцами районах у трудящихся теплилась и разгоралась надежда на скорое восстановление Советской власти. Во второй половине июля это хорошо пронаблюдал К. З. Жеребов. «Миновав Уфу, — вспоминал он, — шел, ориентируясь по руслу реки Белой. Без осторожных расспросов и прислушивания к разговорам никак нельзя было узнать, где находятся партизаны. Очень помогло мне знание разговорного башкирского языка.

---

[1] Легендарный рейд, с. 73.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 5, 8—9; д. 82, л. 14; Легендарный рейд, с. 73—74, 82.

Южнее Уфы есть довольно большое торговое село Кармаскалы. Я пошел туда в базарный день, чтобы, затерявшись в толпе, узнать все, что мне было нужно. Базар в Кармаскалах. Представьте себе огромное сборище народа многих национальностей. На сей раз на базар съехались не только для того, чтобы купить или продать, но и подробнее узнать и обсудить создавшуюся политическую обстановку. Ведь на правом берегу Белой у власти Совет, а на левом уже орудуют белые, организуя свои органы управления и вооруженные силы. Куда подаваться народу, чью сторону поддерживать? Конечно, в душе каждого было свое решение, в зависимости от того, кем он был: бедняком или кулаком.

Народ на базаре разбился на большое количество отдельных групп, настоящих митингов, иногда переходивших в рукопашные бои.

Говорили, что Советской власти совсем уже нет, а многие указывали на Богоявленский стекольный завод, верстах в 20 за рекой Белой. Считали, что на этом заводе скопилось огромное количество красных войск, вооруженных винтовками, пушками, пулеметами» [1].

После полученного отпора от партизан правобережья Белой, их успешных боевых рейдов за пределы «республики», белогвардейское командование к операциям против партизан стало готовиться более тщательно. Стерлитамакский гарнизон в то время состоял из белогвардейских и белочешских частей силою около 700 штыков и 4-х казачьих сотен 4-го Левобережного полка Оренбургского войска. Гарнизон находился в подчинении командующего Поволжским белогвардейским фронтом. 9 августа распоряжением командующего части Стерлитамакского гарнизона в оперативном отношении были подчинены атаману Дутову [2].

В какой-то степени на этот гарнизон имел влияние и начальник Уфимского гарнизона генерал-майор Тимонов. Командир Уральского корпуса, добиваясь активизации частей Стерлитамакского гарнизона, действовал через дутовский и уфимский штабы одновременно. 7 августа части Стерлитамакского гарнизона приступили к активным и решительным действиям против партизан. Они развернули наступление с юга. Белым удалось сломить сопротивление отряда С. Петрова и овладеть дер. Буруновкой.

---

[1] На Южном Урале, с. 200.

[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 483—484.

Однако к партизанам подоспела помощь и Буруновку удалось очистить от белых [1].

Одновременно белогвардейцы повели наступление на Петровское. Они придавали захвату этого населенного пункта большое значение, так как знали, что сюда непременно должны выйти передовые части партизан. Об этом их известили еще в начале августа. Затем им удалось перехватить переговоры Главного штаба партизан с богоявленцами [2].

Белые крупными силами совершили нападение на партизанский отряд в Петровском и выбили его оттуда. М. В. Калмыков, оценивая важное положение этого села, и, зная, что сюда со дня на день ожидается приход армии Блюхера, направил в помощь отряду в Петровском роту и кавалерийскую сотню. В результате контрнаступления 10 августа Петровское вновь заняли богоявленские партизаны.

Все трудней отбиваться от наседавшего врага становилось партизанским отрядам, находившимся севернее Богоявленска. В соответствии с согласованным в Богоявленске планом главное внимание этих отрядов было обращено на предупреждение возможной переправы врага через Белую. Верхнее течение реки до села Табынское охраняли богоявленцы. На центральном участке — от Табынского до Курмантаево — охрану нес Ахметкинский, а севернее — Красноярско-Зилимский отряд [3].

На первых порах белые даже не подозревали, что в районе Архангельского завода сохранилась Советская власть. Из Уфы в Архангельск некоторое время направлялись газеты, почтовая корреспонденция, множество инструкций и распоряжений относительно организации белогвардейской власти и др. Это умело использовалось партизанами для сбора необходимых военно-политических сведений.

Небольшая группа партизан во главе с В. Г. Данбергом, переодевшись в форму белочехов, пробралась глухими местами и совершила внезапный налет на Охлебинино. Местный отряд белых и волостная только что сколоченная управа были разгромлены. Несколько белогвардейцев было зарублено. Это была изумительно смелая операция. В ней проявились типичные черты партизанских методов борьбы: переодевание во вражескую форму, дезориентирование противника и т. п.

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 82, л. 12; д. 83, л. 5—6.
[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 484—485.
[3] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 2.

В середине июля крупную разведывательную операцию на левом берегу Белой в районе Нагадака, Дмитриевки и Антоновки предпринял Ахметкинский отряд. Группа в 25 пехотинцев и столько же кавалеристов под руководством Е. В. Бусыгина, переправившаяся на противоположный берег Белой[1]. Переправился отряд через реку у дер. Михайловка. Оттуда необходимо было продвинуться к Нагадаку и разведать положение в этом и других ближайших селениях.

Отряд быстро преодолел около 5 километров и остановился у Нагадака. В деревню поехало 5 кавалеристов. Они лицом к лицу столкнулись с белоказаками, беспечно расположившимися на завтрак во дворах трех кулаков. Началась перестрелка. Услышав выстрелы, партизаны-кавалеристы, а вслед за ними и пехотинцы ринулись в деревню. Бой длился недолго. Через полчаса дутовцы в панике отступили, оставив двух убитых и одного смертельно раненого. У ахметкинцев потери составили лишь одного раненого.

Одержана была победа над казачьей сотней. Оставаться далее в Нагадаке и продолжать разведоперацию далее при наличии в окрестных местах превосходящих сил врага не имело смысла, особенно учитывая то, что у бойцов осталось по 5—7 патронов. Вечером партизаны переправились через Белую у той же Михайловки.

Когда начало темнеть, партизанская застава услышала голоса с противоположного берега.

— Давай лодка, наша казак тащит!

Партизаны рискнули, подали лодку. На ней переправили трех нагадакских татар — отцов партизан Ахметкинского отряда и плененного ими казака, который при бегстве своей сотни спрятался в бурьяне. От него была получена информация не только о белогвардейцах, но и о партизанском соединении Кашириных — Блюхера[2].

С наступлением августа, когда белые, не на шутку встревоженные за свой тыл, подтянули в район Охлебинино и на другие левобережные участки крупные силы, включая чешские части, положение партизан значительно ухудшилось. Стремясь внести перелом в свою пользу, Архангельский штаб организовал 4 августа наступление на Охлебинино. Операцией руководил В. Г. Данберг. Одновременно он командовал конницей. Пехотинцев возглавил Л. В. Барышев.

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 24; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 6; д. 89, л. 4—5.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 5—6; Легендарный рейд, с. 96.

Силы партизан составляли менее сотни кавалеристов и два отряда пехотинцев — Красноярский и Зилимский. Но белогвардейцы имели превосходство в силах. Только в Охлебинино, по данным разведки, находилось 3 стрелковых батальона. Белые к тому же выбрали удачные позиции. Наступление партизан было отбито. Введя дополнительные силы, белые начали контрнаступление. Партизанам пришлось отойти за реку Сим [1]. Под руководством И. Ф. Туманова архангельцы провели удачную операцию против белогвардейского отряда в дер. Михайловке, откуда он беспокоил партизан [2].

К этому времени врагу было известно, что в районе Архангельского завода имеются большие силы партизан. В сводке за 11—19 августа белогвардейцы указывали: «Разведкой обнаружено, что в районе дер. Ирныкши и Архангельского завода сосредоточено до 2-х тысяч штыков при пулеметах, кавалерии и 1 орудии, поджидающих подкрепления со стороны Каширина» [3].

Командиры и бойцы отрядов Богоявленско-Архангельского района, ведя непрерывные бои, были крайне утомлены. Численность вражеских войск возрастала. Держаться становилось все труднее и труднее. «Белые со всех сторон стали усиливать наступление, — писал боец Красноярского отряда Д. Ипатов. — Бойцы измучились, спали вместе с лошадьми; лошади не расседлывались, бойцы не снимали с себя винтовок» [4].

С затаенным волнением 10 августа ждали нового мощного наступления частей Стерлитамакского гарнизона на Петровское бойцы Богоявленского отряда. Они заведомо знали, что после понесенной неудачи белогвардейцы

---

[1] За власть Советов, с. 175—177. Описание боевых действий партизанских отрядов Архангельского штаба часто грешит вымыслом и большими преувеличениями. М. Д. Голубых (см.: Уральские партизаны, с. 50—53) пишет о трусливости белогвардейцев, о том, что переправившиеся на противоположный берег реки 80 кавалеристов и 60 пехотинцев отряда Данберга произвели панику в рядах многочисленных врагов, которые «не оказывая сопротивления, начали разбегаться в различные стороны. Они оставили налетевшим партизанам сто винтовок, один пулемет, небольшую партию воинского обмундирования и тысячу подвод с овсом, направлявшихся в Уфу». Как можно догадываться, речь идет об операции под Охлебинино в начале августа. Но воспоминания участников этого боя, только что описанного нами, свидетельствуют о другом: партизанам не только не удалось добиться такого ошеломляющего успеха, но и пришлось отступить. Об этом пишет не только один из руководителей операции — Л. Барышев, но и ряд других участников.

[2] ЦГА БАССР, ф. 701, оп. 1, д. 319, л. 10.

[3] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 31, л. 186.

[4] ПАБО, ф 1832, оп. 2, д. 321, л. 15.

введут в бой новые силы. Удастся ли удержаться на занимаемых позициях? — задавали себе вопросы и рядовые бойцы, и командиры. Все с нетерпением ждали прибытия Сводного Уральского отряда. И именно в этот день его авангард и Главный штаб прибыли в село Макарово.

Уральская армия выходила в Богоявленско-Архангельский партизанский район. Предстояли совместные действия. Самое трудное у местных отрядов осталось позади.

3. Доформирование армии

Первоочередной задачей партизан становится выработка плана совместных действий Сводного Уральского отряда и местных отрядов с конечной задачей их объединения. 10 августа в с. Макарово, по прибытии туда Главного штаба и группы командиров из Богоявленска во главе с М. В. Калмыковым произошла встреча. Завязалась беседа, во время которой Калмыков — давнишний соратник Василия Константиновича по борьбе с дутовщиной, сообщил об обстановке, в которой действуют отряды Богоявленско-Архангельского района. Не преминул Калмыков рассказать и о тревожном положении под Петровским.

В. К. Блюхер, сам хорошо оценивший значение этого пункта для развертывания дальнейших боевых действий партизанской армии, заверил, что наступление врага будет сорвано. В тот же день главком направил в Петровское головной Уральский отряд.

Отряд И. С. Павлищева выступил из Макарово, к вечеру 10 августа сосредоточился в Петровском[1]. Богоявленский отряд был отведен на отдых. Удержание села Петровского, из которого, запуганное белогвардейцами, скрылось все население, партизанами диктовалось тактическими соображениями. Это был исходный пункт для развития операции на Стерлитамак (в случае принятия этого решения). При движении отрядов на север — к Богоявленску партизаны имели надежный заслон от стерлитамакского белогвардейского гарнизона. Командующий Уральского отряда в этот же вечер выставил сторожевые заставы на тракте Петровское — Стерлитамак, в километре от села и на таком же расстоянии к северо-западу. Разведка с вечера противника не обнаружила. Ночь прошла спокойно.

---

[1] Легендарный рейд, с. 27—28, 74.

На рассвете 11 августа заставой по тракту был замечен вражеский разъезд в 10 всадников, направлявшийся в сторону Петровского. Вперед выехал офицер. Один из бывших бойцов 4-й роты полка — Г. Г. Мальцев вспоминал: «Утром перед нами развернулась желтая волнистая рожь, которая тянулась вплоть до опушки леса. С приходом первых лучей солнца мы заметили на опушке леса передвижение человеческих фигур; это передвижение заставило нас приготовиться. Прошло некоторое время, от опушки леса отделился всадник и рысью стал приближаться к селу. Не доезжая до заставы сажен 15, остановил лошадь. «Какая часть?» — спросил он. Убедившись в присутствии в селе красных партизан, повернув кругом лошадь, хотел ускакать. Верный «максим» не замедлил задержать лошадь и пуля, выпущенная стрелком, сбила офицера с лошади» [1].

Раненый офицер-прапорщик был захвачен в плен. В результате допроса выяснилось, что главные силы белых — две конных сотни и около 400 человек пехоты находятся в 5—6 километрах от Петровского. Они имели задачу любой ценой занять село. Можно было предполагать, что это не единственный отряд белых, направленный к Петровскому. Пленный сообщил, что численность белогвардейцев (включая белочехов), сосредоточенных в Стерлитамаке, достигала двух тысяч человек [2].

И. С. Павлищев послал к главкому в Макарово ординарца с донесением. Блюхер прислал приказ о принятии боя, требуя от командующего Уральским отрядом «держаться крепко» [3]. Отряд Павлищева приготовился к «встрече» противника. 3 батальона 1-го Уральского полка были выдвинуты на участок к западу от Петровского, туда, где размещался 1-й разъезд. Оренбургская сотня Д. П. Михайлюка заняла хутор в двух-трех километрах южнее села.

В 11 часов утра белогвардейцы начали наступление на Петровское, но получили отпор. Через некоторое время они предприняли две новые атаки на позиции 1-го Уральского полка, но с большими потерями вновь отступили. Получив подкрепление до 200 белочешских солдат, после полудня враг возобновил наступление. Скрываясь в густой ржи, белочехи вплотную подошли к позициям 5-й роты уральцев. Неожиданное появление словно из-под земли выросших вражеских солдат в нескольких десятках шагов

---

[1] ГАСО, ф. Р—1200, оп. 3, д. 56—М, л. 13—14.
[2] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 8; Легендарный рейд, с. 29.
[3] На Южном Урале, с. 122.

с винтовками наперевес, бегущих в атаку, внесло замешательство в ряды бойцов роты. Она стала отходить, обнажая брешь в позициях 1-го Уральского полка. Белочехи стали занимать первые крестьянские дома.

Создалось опасное положение. Но в этот момент И. С. Павлищев, воскликнув: «Революция в опасности, за мной!», поднял резерв и лично повел его в стремительную контратаку. Мощное «ура» подхватила вся партизанская цепь. Полк ринулся вперед. Враг был опрокинут и отступил, оставив на поле боя десятки трупов. В числе боевых трофеев партизанам досталось 4 совершенно исправных пулемета.

Попытки врага перегруппироваться и начать новую атаку были сорваны конной сотней Михайлюка. Она зашла на правый фланг противника и ударила по нему. Белогвардейцы отошли в лес, западнее и юго-западнее Петровского и далее к дер. Ахмерово, являвшейся накануне их пунктом сосредоточения. В бою отважно действовали пулеметчики. Один из командиров взвода — коммунист К. Н. Нечунаев был четырежды ранен в бою, но продолжал строчить из пулемета, пока не была отбита последняя атака врага. Потерявшего после этого сознание пулеметчика на носилках отнесли в тыл. В связи с выполнием задачи Уральский отряд вернулся в Петровское, оставив на тракте лишь заставу [1].

Белогвардейцам ничего не оставалось, как сообщить по инстанциям: «Противник из Петровского не выбит, несмотря на наше дружное наступление. В Петровском силы красных около 2 тысяч при 2 орудиях и 10 пулеметах. Наш отряд чехословаков бешеной атакой занял линии окопов противника, но, будучи обойден конницей красных с правого фланга, вынужден был отойти на исходные позиции» [2].

На другой день бой в районе Петровского возобновился. Были увеличены силы врага, но и на помощь, на смену к уральцам стали прибывать сотни кавалерийского полка Степана Разина и части отряда И. Каширина [3]. Бой и на этот раз партизаны выиграли. Мужество и героизм вновь проявили многие уральцы. Так, в одной из атак белогвардейцев отличился пулеметчик Иосиф Тихвинский. Когда противник очередной атакой вынудил 1-ю роту

---

[1] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 8; ГАСО, ф. Р—1200, оп. 2, д. 56—М, л. 14; д. 73—Н, л. 5; Легендарный рейд, с. 28—29; В боях и походах, с. 202; На Южном Урале, с. 123.

[2] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 57.

[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 156; д. 708, л. 135—139; ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 8.

полка уральцев отойти, Тихвинский остался на поле боя и в упор расстреливал наступающие цепи врага. Атака захлебнулась, бойцы, ободренные действиями пулеметчика, вернулись на свои позиции. Не меньшее мужество в бою проявили рядовые роты Т. С. Курочкин и Т. О. Миронов, которые будучи тяжело ранеными, не покинули боевых позиций и продолжали сражаться [1].

Отряд И. С. Павлищева, после прибытия к Петровскому верхнеуральцев, в первой половине дня стал перемещаться в дер. Янгизкаиново [2] Борьба в районе Петровского продолжалась и 13 августа. В этом селе оставались разинцы, как прикрытие партизанских войск, уходящих через Петровское и, минуя его, через Янурусово в Богоявленск. Так, в одном из документов Сводного Уральского отряда от 13 августа отмечается, что 4-я сотня разинцев, находящаяся в Петровском, отбила наступление сотни противника, которая в конном строю повела наступление из Ахмерово на Петровское. Враг бежал в сторону Екатериновки по лесу. Перестрелка под Петровским продолжалась и после этого боевого эпизода [3].

На активные действия враг уже не отваживался, но угроза нападения на партизанские отряды со стороны Стерлитамака не исчезла. Многократный опрос пленных позволял заключить, что в этом городе дислоцируются значительные силы врага, которые продолжают быстро возрастать за счет отрядов, прибывающих из Уфы. Так оно было и в действительности. Так, 12 августа «для обеспечения левого фланга стерлитамакских отрядов» из Уфы прибыла рота 13 Уфимского стрелкового полка [4]. В Стерлитамак белогвардейцы стали стягивать мелкие отряды из других населенных пунктов, полагая, что партизанская армия будет брать этот город. Но белогвардейцы впали в ошибку. Партизаны пошли в ином направлении.

Село Петровское находилось на развилке дорог к Стерлитамаку и Богоявленску. В момент выхода Сводного Уральского отряда в район сел Макарово — Петровское следовало окончательно решить вопрос о маршруте движения партизанских войск. Куда идти: на север в район Бирска — Красноуфимска или, может быть, взяв с ходу Стерлитамак, на Шафраново и далее к фронту?

При Главном штабе 12 августа созывается совещание командиров. Оно должно было окончательно решить воп-

---

[1] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 57—58.
[2] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 8.
[3] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 139.
[4] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-б, л. 541.

рос: какому из этих двух направлений отдать предпочтение. Главком и в данный момент и прежде стоял за первый вариант. Но в отрядах, в связи с близостью Стерлитамака и тем, что под Верхнеуральском и официально в приказе главкома от 2 августа говорилось о движении к фронту через этот город и Шафраново, поднимались голоса и за это — второе направление. За поход через Стерлитамак прежде всего высказывались стерлитамакцы.

Блюхер на совещании доказывал, как пишет в воспоминаниях В. С. Русяев, преимущество движения на север. «Вопрос, товарищи, серьезный,—говорил он, обращаясь к собравшимся. — Если мы сейчас ошибемся и выберем неверное направление, то впоследствии можем за это жестоко поплатиться. Давайте же всесторонне обсудим предстоящий нам путь. Возьмем второй вариант, на котором, как я слышал, настаивают некоторые наши командиры. Откровенно говоря, он мне не улыбается. Дело в том, что путь на Бугуруслан и Бугульму менее выгоден для нас в смысле природных условий. Мы пойдем по совершенно открытой равнине, где нет ни больших рек, ни гор, ни лесов, которые могли бы служить нам естественной защитой от внезапных налетов врага.

У нас растянутость, мало боеприпасов, и белые могут разбить нас по частям. 1-й вариант — идти через Усолку. Мы получим дополнительные боеприпасы, к нам, по всей вероятности, присоединятся местные отряды. Мы будем представлять более серьезную силу. В отношении же природных условий лучшего нельзя и желать. Все время мы будем двигаться вдоль реки Белой, а это, как вы знаете, довольно солидная защита от неожиданных белогвардейских наскоков. Наш правый фланг будут прикрывать малонаселенные отроги Уральских гор и бездорожные дремучие леса» [1].

При обсуждении ряд командиров — Гарбуз и др. отстаивали второй вариант. Они требовали непреклонного освобождения Стерлитамака. В их выступлениях чувствовались местнические устремления. Как ни горячо призывали они идти на Стерлитамак, сторонников среди собравшихся найти не смогли. Опираясь на данные разведки южноуральских отрядов и богоявленцев, командиры, возражающие стерлитамакцам, указывали, что брать Стерлитамак как самоцель дело неоправданное, ибо там сосредоточились крупные силы белых. Большинством голосов

[1] *Русяев В. С.* Последний прорыв. На Южном Урале, с. 118—120.

совещание оказало поддержку главкому. Решили идти на север через Богоявленск[1].

Командование Сводного Уральского отряда в целях экономии времени, боеприпасов, сохранения живой силы не сочло целесообразным развивать наступление на Стерлитамак и брать его. Чтобы дезориентировать противника о намерениях партизанской армии, дать ей возможность продвинуться дальше на север, в районе Петровского были оставлены лишь некоторые кавалерийские сотни. Они умело демонстрировали подготовку наступления на Стерлитамак и все время держали белых в напряжении. Полагая, что вот-вот партизаны начнут наступление на Стерлитамак и в Петровском сосредоточены крупные силы, белогвардейцы несколько дней топтались на месте[2].

Как свидетельствуют документы, командование белых всерьез поверило тому, что партизаны будут прорываться к Поволжью через Стерлитамак. «Уфимский штаб, — говорится в одном из документов, составленных в декабре 1918 г., — в начале августа выслал в Стерлитамакский район разные дружины и войска.., которые не исполнили своей задачи из-за своей количественной слабости и воинской бесценности.

Большевики группировались и приготовились к проведению в жизнь своего плана, т. е. пробиться между Уфой и Тавтимановом на север в то время, когда Уфимский штаб не сомневался в том, что большевики пойдут на Стерлитамак. Уфимский штаб узнал это августа 17-го и сообщил подчиненным ему частям, что большевики наступают на Иглино». В штабах Уральского корпуса в начале августа всерьез верили в тот же план действий партизан (пробиваться через Стерлитамак), «по слухам красные,— говорится в одной из сводок штаба, — собираются бежать на подводах в Стерлитамак»[3].

В. К. Блюхер успешно и максимально использовал ситуацию в районе Стерлитамака и растерянность частей 3-й Оренбургской дивизии, которые оказались бессильными не только разбить партизан, но и серьезно помешать им двигаться по намеченному пути.

Ханжиным была предпринята новая попытка окружения партизан. 11 августа он вновь приказал Ончокову: «Развить самое энергичное преследование, дабы скорее

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 4; *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 59; На Южном Урале, с. 120.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 136, 139; ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 553—554; Легендарный рейд, с. 29—30.

[3] ЦГАСА, ф. 39624, оп. 1, д. 165, л. 9 об.

уничтожить деморализованных красных». И «дабы» выполнить эту непосильную для белогвардейских частей задачу, так как именно они были деморализованы под воздействием непрерывных поражений в боях с партизанами, Ханжин потребовал из Авзяно-Петровского завода на дер. Саитово и Богоявленск двинуть два кавалерийских полка с орудием. В этом же направлении еще накануне, преследуя партизан, вышли две казачьи сотни.

Из Белорецка и Серменево в район Богоявленска через Зигазинский завод, наперерез партизанам, направлялись Башкирский кавалерийский полк, батальон Башкирского пехотного полка, сотни Кундравинского казачьего полка и одно орудие. Готовились к выступлению 2 полка, находившиеся в районе Авзяно-Петровского и Кагинского заводов. В этот район подтягивались и другие части дивизии, дислоцировавшиеся в Тирляне и восточнее Белорецка [1].

Уже 12 и 13 августа части белых, двинувшиеся по Стерлитамакскому тракту на Саитово, увязли в боях с незначительными силами партизанских заслонов, будучи не в состоянии сломить их сопротивление. Части белых, вышедшие из Белорецка и Серменево на Зигазинский завод, в районе Богоявленского завода появились через несколько дней и до поры до времени партизан не беспокоили.

Правильно оценив сложившуюся обстановку, В. К. Блюхер повернул партизанские части со Стерлитамакского направления резко вправо, на север, к Богоявленску. Этот фланговый марш вдоль реки Белой позволил основными силами оторваться от противника, вывести в район Богоявленска партизанские части, дать передышку бойцам, раненым, беженцам, а также коням, делившим вместе с людьми огромные тяготы боев и походов. За эти несколько дней из местных партизанских отрядов были сформированы полки.

12 августа части Сводного Уральского отряда в основном были развернуты по реке Зиган — в сторону Стерлитамака. Уральский отряд перешел из Петровского в дер. Янгизкаиново, Троицкий к вечеру сосредоточился в Янурусово — Екатериновке, частично в Петровском. Верхнеуральцы находились под Петровским, в дер. Васильевке и др. Из этого района отряды быстро двинулись к Бого-

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 503—509. В дивизию на 11 августа входило до 7 полков и отдельные отряды.

явленску[1]. 14 августа партизанские части уже сосредоточились в Богоявленске, в Табынском (Троицкий отряд) и других ближайших населенных пунктах, а Уральский отряд, шедший по-прежнему в авангарде, к вечеру указанного числа выдвинулся в Архангельский завод[2].

Блюхеровцев восторженно встретили жители Богоявленска и окружающих сел. Боец Ахметкинского отряда Н. Ф. Грозенок вспоминал: «Сколько было радости, когда мы из Ахметки увидели, как на Табынское поле высыпали первые кавалерийские эскадроны Каширинского отряда. На всю жизнь остались в моей памяти те счастливые минуты, когда стройные сотни каширинцев проезжали мимо нашего отряда. Первой в Ахметку въехала конница. Сотни километров прошла она, в схватках с белыми пробивая себе путь. Но на лицах бойцов не было видно усталости. Веселые, бодрые, сидя на конях, они дружно и слаженно пели: «Ревела буря, дождь шумел». За конницей двигались большие обозы. На подводах ехали красноармейцы. Там были русские и мадьяры, латыши и татары— люди разных национальностей и возрастов. Все они были проникнуты одной идеей, как и мы: бороться до победы»[3].

Местные партизаны и жители не скрывали своей радости, торжествовали по поводу прибытия блюхеровцев, живо расспрашивали их о походе и боях и в свою очередь делились своими новостями, работой и борьбой против белогвардейщины.

Бойцов местные жители — русские, башкиры и татары — приглашали к себе в дома, юрты, угощали лучшей пищей, как самых дорогих гостей, топили бани. Женщины брали в стирку и починку белье. Население партизанской республики, переносившее вместе со своими отрядами огромные трудности борьбы с белогвардейщиной, отлично знало, насколько тяжелой была боевая жизнь уральских партизан. Бойцы отрядов использовали кратковременную передышку не только для отдыха, но и для приведения в порядок оружия и снаряжения.

Большую радость партизанам доставило пополнение запасов снарядов и патронов. В отдел снабжения Главного штаба поступило 850 трехдюймовых снарядов, несколько пулеметов, гранаты, обмундирование, снаряжение. Но радужные надежды блюхеровцев на большой запас

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 156—157, 553—554. *В. С. Русяев* (см.: Последний прорыв. — На Южном Урале, с. 124) данную расстановку сил относит к 11 августа. Судя по приказам и распоряжениям главкома, указанную дислокацию следует относить к 12 августа.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 135—136, 139; д. 14-а, л. 156.

[3] Легендарный рейд, с. 96—97.

необычайно дефицитных патронов не оправдались: Сводному Уральскому отряду богоявленцы смогли выделить всего лишь около 100 тысяч патронов[1]. При распределении на бойцов многотысячной армии в преддверии новых жестоких битв с врагом это была капля в море. По-прежнему партизаны испытывали крайне острую нужду в боеприпасах, особенно в патронах.

14 августа в Богоявленске состоялось новое совещание командиров Сводного Уральского отряда и представителей командного состава отрядов Богоявленско-Архангельского района. В их числе на совещании были М. В. Калмыков, В. Д. Ковшов, Н. А. Беляков и др. Собравшиеся заслушали информацию М. В. Калмыкова о положении на фронте. Он остановился также на характеристике местных отрядов, их численности, вооружении и т. д.

В основном обсуждалось два вопроса — о слиянии местных отрядов с партизанской армией и уточнении ее дальнейшего маршрута. М. В. Калмыков и другие богоявленские командиры определенно высказались за объединение с блюхеровцами. По этому вопросу совещание было единодушным. Иного решения от командования местными отрядами, прекрасно понимающего, что вокруг их района стягивается железное вражеское кольцо, прорвать которое и выполнить распоряжение Уфимского ревкома о выходе в район Камы собственными силами не удастся, — ждать было нельзя. Но без согласования с бойцами, рабочим населением Богоявленска предрешать этот вопрос было нецелесообразно. Вот почему для окончательного решения его совещание наметило созвать митинг рабочих завода и бойцов отряда.

При обсуждении вопроса о маршруте, как это случалось уже неоднократно, выявились разногласия. В главном — идти на прорыв в северном направлении — расхождений не было. О принятии этого маршрута Сводным Уральским отрядом Богоявленскому штабу было известно до совещания. Такой план как нельзя лучше отвечал задачам богоявленцев и архангельцев. Споры развернулись вокруг вопроса—брать Уфу или пройти восточнее ее.

— Мы с Калмыковым, — вспоминал В. Д. Ковшов, — предлагали идти на Уфу и взять ее[2]. Калмыков доказывал:

— Сил у нас много. Бойцы обстреляны. Надо ударить на Уфу.

---

[1] Легендарный рейд, с. 57, 75.
[2] За власть Советов, с. 249.

Его горячо поддержал И. Д. Каширин:

— Правильно! Прошу отправить меня с конницей в авангарде, красные казаки рвутся в бой. Мы устроим белякам баню и Уфу возьмем.

Эти выступления не были простой бравадой. Возможность взятия партизанами Уфы не была исключена, так как ее гарнизон был сравнительно небольшим и состоял в значительной степени из только что сколоченных частей. В них были включены насильно мобилизованные молодые крестьяне башкирских, татарских и русских сел.

Во время проведения мобилизации представителям белой власти крестьяне говорили в лицо, что теперь правят буржуа, они отнимают землю, которую дала Советская власть, и загоняют трудящихся в свою армию, используя ее в корыстных интересах. Один из белогвардейцев, объехавший села Байкинской и др. волостей Бирского уезда, в составленном отчете указывал: «И вот в этой обстановке приходится работать... Однако каково?» [1]. Среди мобилизованных в Уфе велась усиленная большевистская агитация. Так, солдаты 9 роты 14 полка А. Лесин и И. Планда в августе агитировали солдат не подчиняться офицерам, не выходить на занятия, а по прибытии на фронт перейти к красным. Многие солдаты с ними соглашались [2].

В городе среди рабочих все активней действовали подпольные группы коммунистов, объединившиеся позднее в единую организацию и взявшие курс на подготовку вооруженного восстания [3]. Ненависть к белогвардейцам среди уфимских рабочих возрастала с каждым днем.

В. К. Блюхер не исключал возможности удачной операции против белого уфимского гарнизона. Но, трезво оценивая обстановку, он видел, что освобождение Уфы при отсутствии связи с командованием Красной Армии и огромном удалении фронта — не имеет смысла ни в военном, ни в политическом отношении. Кроме того, по данным разведки Архангельского и Богоявленского отрядов, в Уфе не было сколько-нибудь солидных запасов боеприпасов, ради которых можно было бы пойти на риск.

Операция в Уфимском направлении привела бы к истощению боеприпасов Сводного Уральского отряда и большим людским потерям. Враг, несомненно, бросил бы в район Уфы крупные войсковые соединения, и партизаны могли бы надолго «увязнуть» в этом районе, поставив под

---

[1] ЦГАОР, ф. 673, оп. 1, д. 7, л. 94, 97, 123.

[2] Там же, ф. 209, оп. 1, д. 8, л. 5.

[3] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16; За власть Советов, с. 287—289.

угрозу главную цель — выход на соединение с Красной Армией.

Вот почему В. К. Блюхер, Н. Д. Каширин и другие участники совещания решительно выступили против предложения М. В. Калмыкова и И. Д. Каширина, доказывая его несостоятельность. Возражая своему брату, Николай Дмитриевич, спокойный и рассудительный и этим во многом похожий на Блюхера, говорил:

— Уфу ты, скажем, займешь. А что дальше? На поддержку регулярных частей трудно рассчитывать. Где возьмем боеприпасы? Трезво, Иван, нужно подходить к вопросу и взвешивать все [1].

Доводы Н. Д. Каширина и главкома В. К. Блюхера были весьма убедительными. Всем стало ясно, что следует идти к линии фронта более прямым путем и ускоренным маршем. Принимается предложение главкома: демонстрируя движение на Уфу, идти к Иглино, пересечь Самаро-Златоустовскую железную дорогу, форсировать Уфимку близ Красной Горки и выходить в район реки Таныпа или Красноуфимска [2].

Совещание приняло решение выступить 16 августа. Вечером в саду бывшего управляющего Богоявленским стекольным заводом состоялся многолюдный митинг. Собрались боевики и их семьи, мужчины и женщины, многие старики и дети. Всех необычайно волновал вопрос — что же будет решено относительно Богоявленского отряда, его дальнейших действий. С нетерпением ждали богоявленцы появления главкома и командующих отрядами Уральской партизанской армии. Дверь помещения, где обосновался Главный штаб, открылась, и на пороге появился В. К. Блюхер в сопровождении Калмыкова, Томина, Кашириных и других боевых командиров. Богоявленские рабочие много слышали о главкоме Блюхере, его предшественнике раненом Николае Каширине, но почти никто не знал их в лицо. В толпе слышались слова:

— Который же главком-то?

— А Каширин где?

---

[1] Уральский следопыт, 1963, № 8, с. 29. Содержание выступлений Кашириных мы передаем по воспоминаниям М. Д. Голубых. Следует только поставить под сомнение версию о полной уверенности и Ивана, и Николая Кашириных, как можно догадываться, и В. К. Блюхера, в успехе освобождения Уфы, причем силами одних кавалеристов. Сам В. К. Блюхер впоследствии отмечал, что командование Сводного Уральского отряда, отказываясь от плана движения через Уфу, учитывало, «что в районе Уфы сосредоточены большие силы белых» (см.: *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 53).

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 73; На Южном Урале, с. 128.

7 Заказ 684

— Не это ли Блюхер, что стоит на верхней ступеньке?

— Нет, это какой-то другой командир. А главком, говорят, небольшого роста и в кожанке.

— А... Ну так вон он, вижу я...

Сотни глаз, горящих любопытством, с нескрываемым восхищением уставились из сумерек на Блюхера.

Митинг открыл М. В. Калмыков. Слово для выступления он предоставил Блюхеру. Василий Константинович изложил общую обстановку, рассказал о походе отряда, его решении продолжать борьбу против белогвардейцев и во что бы то ни стало прорваться на соединение с регулярными войсками Советской республики. Он призывал бойцов Богоявленского отряда присоединиться к партизанскому соединению. Блюхер говорил горячо, убедительно. Слушателей увлекали, вызывая большое доверие, его цельность, необыкновенная решительность.

Вслед за Блюхером с яркой речью выступил рабочий К. С. Калашников. Он высказался за немедленное присоединение богоявленцев к блюхеровскому отряду. Другие бойцы, рабочие поддержали его. Решено было митинг прервать на полчаса, чтобы каждый боец мог посоветоваться со своей семьей, присутствовавшей здесь же в саду [1]. «Картина была чрезвычайно трогательная, — вспоминал М. В. Калмыков. — Теплая лунная ночь. Под деревьями сидят наши бойцы, каждый со своей семьей, тихо шепчутся или беседуют вполголоса. Чаще всего слышится: «Другого выхода-то нет, иди с отрядом... Быстрей разбейте белых да скорей возвращайтесь домой...» Значительно реже были разговоры, выражавшие опасения относительно расправы белогвардейцев с оставшимися семьями» [2].

После перерыва митинг возобновился. В ответ на вопрос: будем ли продолжать обсуждение, пойдем с Блюхером или останемся на заводе? — «Все партизаны в один голос кричали: нужно объединяться и двигаться вместе...» [3]. Голосование показало единодушие участников митинга: вместе со Сводным Уральским отрядом идти на соединение с Красной Армией, вместе с нею отстаивать Советскую власть, бить контрреволюцию. С полным пониманием отнеслись богоявленские партизаны и к призыву М. В. Калмыкова: семьи с собой не брать, иначе отряды потеряют маневренность и боеспособность. Беженцев ре-

---

[1] На Южном Урале, с. 109 (воспоминания М. В. Калмыкова). В ряде других воспоминаний отмечается, что после выступления В. К. Блюхера было лишь одно выступление.

[2] На Южном Урале, с. 109.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 169.

шили не брать, в состав отряда включить лишь женщин — членов партии, смерть которых, останься они в поселке, была бы неминуемой.

Бойцам был отдан приказ подготовиться к походу 16 августа. Весь следующий день — 15 августа прошел в подготовке к длительному боевому походу. Шла запись добровольцев. Молодые и средних лет мужчины — все встали под ружье. Под напором горячих просьб в отряд было принято немало подростков, стариков, женщин. В числе патриотов были В. Пухов, В. Тюрин и другие рабочие в возрасте 60—65 лет, медсестра А. Г. Кулагина, вскоре раненная.

В отряд вступило большинство комсомольцев, в том числе Н. Пушкарская, Н. Ландграф, впоследствии погибшие. В партизаны богоявленцы шли целыми семьями, среди которых была семья Вороновых в составе 8 человек — отец, шесть сыновей и жена старшего сына [1].

Продолжалась реорганизация отрядов в Богоявленский стрелковый полк, начатая еще до прибытия Сводного Уральского отряда в Богоявленск, вскоре после встречи М. В. Калмыкова с В. К. Блюхером в селе Макарово. В состав полка решено было включить Богоявленский, Златоустовский, действовавший вместе с Богоявленским, с полуротой мадьяр, чехов и поляков, Ахметкинский и Красноярский отряды [2].

Еще 12 августа, когда части Сводного Уральского отряда стали приближаться к Богоявленску, в Ахметкинский отряд прибыл представитель Богоявленского штаба А. Я. Горин, сообщивший эту долгожданную и радостную весть. Из Ахметкинского отряда была создана рота и кавалерийская группа. Оповещены о прибытии армии Блюхера были и красноярцы. У них также началось формирование рот и кавалерийской сотни.

Формирование подразделений будущего полка проходило в боевой обстановке. Ахметкинскому и Красноярскому отрядам было дано строгое указание — занимаемые на правом берегу Белой участки удерживать во что бы то ни стало и не допустить переправу белогвардейцев.

Спустя несколько дней, когда все три отряда (Богоявленский, Ахметкинский и Красноярский) собрались в Зилиме, формирование полка завершилось [3]. Всего было

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 24; ф. 7655, оп. 1, д. 82, л. 16; д. 342, л. 2; На Южном Урале, с. 196.
[2] Там же, ф. 7655, оп. 1, д. 141, л. 7.
[3] Там же, д. 83, л. 7; д. 89, л. 3—6; Легендарный рейд, с. 77.

сформировано 7 стрелковых рот [1]. Из первых четырех рот был составлен 1-й, а из остальных — 2-й батальоны. Первым батальоном командовал Н. А. Беляков, вторым (в него вошли зилимцы и красноярцы) — М. Е. Лантух. Роты состояли из 2-х взводов каждая, а взвод — из 4-х отделений. В полку имелись две кавалерийские сотни: Богоявленская (командир В. Комлев) и Красноярская (командир Ф. С. Булатов). Командиром 2-орудийной батареи назначается К. С. Калашников. Имелись также пулеметная команда (командир Д. Савельев), команда связи, разведывательная команда (начальник К. Матуз), хозяйственная и санитарная части, обозы 1-го и 2-го разрядов [2].

Командиром Богоявленского полка, нередко именовавшегося и отрядом, избирается Михаил Васильевич Калмыков (1888—1939), член партии с июля 1917 г.

В. Д. Ковшов — один из сподвижников Калмыкова — вспоминал: «Он был выше среднего роста, в солдатской фуражке, расстегнутой солдатской шинели с поднятым воротником ...Большие черные с бронзовым отливом усы, продолговатое лицо, темно-карие глаза, тонкие черные брови, прямой нос, нежный цвет кожи — таким запечатлелся в моей памяти образ этого замечательного человека. В решении деловых вопросов М. В. Калмыков был очень серьезен, а в житейском общении мягок, остроумен, любил легкие насмешливые шутки, носившие всегда безобидный характер. В отношениях с подчиненными избегал начальствующего тона, но слушались его беспрекословно» [3].

Местный рабочий-стеклодув Калмыков прошел большую революционную и жизненную школу. Был смелым и находчивым командиром. Многолетний военный опыт (он был участником первой империалистической войны, унтер-офицером, за храбрость получил 3 георгиевских креста и 2 медали) Калмыков успешно использовал в боях против белогвардейцев.

М. Э. Шойхет отмечала, что М. В. Калмыков был прирожденным боевым командиром. Его чертами были отвага, храбрость, исключительное самообладание. При самой сложной, казалось бы безнадежной, обстановке — никакой растерянности и паники. Находчивость, умение выходить из любого трудного положения — всегда были для него

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 64.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 64; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 7, 8; д. 89, л. 3, 4; д. 141, л. 7; За власть Советов, с. 250—251; Легендарный рейд, с. 77.

[3] За власть Советов, с. 245.

характерны. Все это снискало ему любовь, уважение и непререкаемый авторитет у бойцов [1].

М. В. Калмыкова, замечательного партизанского командира, ждала и последующая большая военная служба. С должности командира 269-го стрелкового полка 30-й дивизии он назначается комбригом-2 той же дивизии. Затем, в декабре 1920 г., Калмыков назначается начальником 42-й стрелковой дивизии. С 1924 г. он — начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, с 1927 г. — командир 1-го стрелкового корпуса, затем — начальник командного управления РККА. С 30 г. — командир корпуса и помощник командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Был членом ВЦИК, депутатом Верховного Совета СССР, награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Ленина.

Сильным был и состав штаба полка Калмыкова. Помощником командира полка становится коммунист с 1917 г. Федор Вячеславович Ландграф, начальником штаба Венедикт Дмитриевич Ковшов, адъютантом — Михаил Иванович Озимин [2], казначеем — Г. Лучников, комиссаром продовольствия — Е. Кленов, зав. оружием — А. Г. Первухин, начальником обоза — А. Я. Горин, полковым врачом — фельдшер А. И. Ламкин. В полку оформилась партийная организация. Председателем партбюро являлась М. Э. Шойхет. Численность полка достигала 1600 человек [3].

---

[1] На Южном Урале, с. 197.

[2] В. Д. Ковшов и М. И. Озимин были друзьями детства, выросли на ст. Улу-Теляк. Первый из них весной 1917 г. был председателем Уфимского социалистического Союза рабочей молодежи, участвовал в борьбе за установление Советской власти, в борьбе с дутовцами. После выхода из вражеского тыла был комиссаром 269-го Богоявленского полка, затем — на ответственной партийной и хозяйственной работе. М. И. Озимин стал профессиональным военным, генерал-лейтенантом, Героем Советского Союза.

[3] Численность этого полка, как нам кажется, рядом авторов преувеличивается. Например, В. Д. Ковшов (см.: На Южном Урале, с. 215) пишет, что в полку было 1.800 бойцов. П. С. Лучевников (см.: Гражданская война на Южном Урале, с. 67) называет даже цифру «до 3 тысяч человек». В таком официальном документе, как информационная сводка штаба III Армии Восточного фронта, составленном в 20-х числах сентября 1918 г., говорится, что в этом полку было «пехоты — 800, конницы — 2 сотни (см.: Легендарный рейд, с. 181). Нужно учесть, что к тому времени полк понес значительные потери. В ряде источников (см.: ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 7—8) численность полка определяется примерно в 1.300 человек. Осенью 1918 г., когда полк находился в составе 3-й армии, в нем было не 7, а 8 рот, поступило пополнение, правда, незначительное, в его батальонах и других подразделениях насчитывалось 1.644 человека (ЦГАСА, ф. 3576, оп. 1, д. 84,

Полк имел два горных орудия и до двух десятков пулеметов[1].

Во время пребывания Сводного Уральского отряда в районе Богоявленска—Архангельска происходила реорганизация и северной группы отрядов в полк, названный Архангельским. Для встречи с В. К. Блюхером в Богоявленск приезжал В. Г. Данберг. Была достигнута договоренность о присоединении архангельцев к Сводному Уральскому отряду. В Архангельский полк, который в дальнейшем часто именовался и «отрядом», вошли Зилимский, собственно Архангельский и другие, более мелкие отряды.

Полк по выходе из окружения имел свыше 700 штыков, около 300 кавалеристов[2], различные команды и службы. В полку насчитывалось 2 артиллерийских орудия и несколько пулеметов. 19 августа отряд Томина передал Архангельскому полку 3 пулемета. Командиром полка становится Владимир Григорьевич Данберг, молодой коммунист, бывший член Уфимского Совета, латыш, его помощником — Лаврентий Васильевич Барышев, начальником штаба — Иван Федорович Туманов — оба также члены большевистской партии. В. Г. Данберг, как и многие другие командиры полка, был участником борьбы с Дутовым. Он возглавлял под Оренбургом латышский конный отряд примерно в 40 бойцов, входивший в Уфимский сводный отряд[3].

Формирование Архангельского полка, как и Богоявленского, которые, особенно первый из них, часто назывались и отрядами, протекало в процессе боевых действий. Вплоть до момента прибытия в район Архангельска 18 августа частей Сводного Уральского отряда, полк находился на

л. 9—32). В списках подразделений сделаны пометки, судя по которым, из указанного количества только несколько десятков человек вступило в полк после 16 августа — даты его формирования. Думается, что указанная нами цифра — 1.600 человек — является наиболее близкой к истине.

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 64; ПАБО, д. 7655, оп. 1, д. 83, л. 7—8; д. 89, л. 3—4; д. 141, л. 7; За власть Советов, с. 250—251; Легендарный рейд, с. 77.

[2] Первоначально в полку были две кавалерийские сотни, а 7 сентября из «разведывательной команды Симского округа» и «юрюзанцев» была создана 3-я сотня (см.: ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 141) и с этого времени кавалерийские сотни именуются «Уфимским кавалерийским полком».

[3] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 141 и об.; ЦГА БАССР, ф. 701, оп. 1, д. 319, л. 6, 10; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 28; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 338, л. 157; Легендарный рейд, с. 182. Отдельные авторы преувеличивают численность полка, очевидно, не превышавшего 1.200 человек. Например, М. Д. Голубых (см.: Уральские партизаны, с. 52) писал, будто бы к середине августа в Архангельском полку было 1.800 человек. Встречаются случаи и преуменьшения численности Архангельского полка. Например, Д. Г. Алексеев (см.: Большое сердце, с. 84)

боевых позициях по левому берегу реки Сим [1]. Таким образом, в результате присоединения к партизанской армии Богоявленского и Архангельского полков завершилось становление Сводного Уральского отряда [2].

Формирование партизанской армии не было простым, механическим слиянием отрядов. На всем протяжении боевого пути партизан шла реорганизация отрядов в части по типу регулярных войск Красной Армии. В итоге сложилось соединение, по своей структуре и численности напоминавшее дивизию.

Сводный Уральский отряд состоял из 3-х отрядов и 2-х самостоятельных полков, находившихся в непосредственном подчинении главкома. Всего в отряде было 6 стрелковых и 2 кавалерийских полка. Имелись также батареи, отдельные кавалерийские сотни (входившие в

пишет: «Во второй половине августа отряды вступили в Архангельский завод (заметим, что все отряды сюда не вступали) и приняли в свои ряды еще 300 рабочих-красногвардейцев» (основную часть полка составляли крестьяне, а не рабочие). Подобная же неточность допущена в кн. Н. К. Лисовского «Разгром дутовщины» (с. 77). К тому же там утверждается, что будто командиром Архангельского отряда был не В. Г. Данберг, а И. Ф. Туманов.

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 4; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 49; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 424, л. 29.

[2] К Сводному Уральскому отряду в дальнейшем эпизодически присоединялись лишь небольшие отряды и группы. Часто в исторической литературе образование партизанского соединения В. К. Блюхера дается упрощенно. Можно сослаться на такой пример. В 3-м томе «Истории гражданской войны в СССР» (с. 196) говорится: «Южноуральские рабочие отряды, действовавшие в районе Оренбурга, вынуждены были отойти к Белорецку. После падения Уфы они оказались отрезанными от основных советских сил. Отряды, насчитывавшие более 10 тысяч человек, переформировавшись в полки, двинулись на север».

Не будем говорить о том, что с направлением действий партизан дело было гораздо сложнее (сначала пошли на восток, потом на юго-запад и лишь затем на север). Скажем о неточностях в освещении процесса формирования соединения. От Оренбурга к Белорецку отошла лишь незначительная часть будущего Сводного Уральского отряда. Упускается факт прибытия в Белорецк отрядов из Троицка, Верхнеуральска, Стерлитамака, Баймака, Тирляна, Юрюзани и целого ряда других заводов. Ничего не говорится о присоединении к армии Блюхера отрядов во время похода и, в частности, в районе Богоявленска и Архангельска. Неточно положение о переформировании отрядов в полки. Во-первых, ряд полков существовал уже до прихода отрядов в Белорецк, во-вторых, отряды не исчезли и после встречи в Белорецке: остались отряды, состоящие из полков и отдельных подразделений.

Реорганизация партизанской армии выражалась не только и не столько в переформировании отрядов в полки, как, во-первых, в укрупнении частей, во-вторых, в совершенствовании внутренней структуры уже имевшихся полков по типу регулярных частей Красной Армии. Одним словом, процесс формирования Сводного Уральского отряда был длительным и сложным. Неверно утверждение и о том, что это

стрелковые полки или не входившие в них) и различные команды и службы. На вопросе о численности партизанского соединения следует остановиться подробнее и внести определенные коррективы и в ранее приводившиеся нами данные.

В литературе численность Сводного Уральского отряда указывается самая различная. Ряд авторов, в том числе Д. Г. Алексеев [1], считает, что всего в отрядах было до 15 тыс. бойцов. П. С. Лучевников, Н. К. Лисовский и другие называют цифру в 12—13 тысяч бойцов [2]. А. Сашенков называет цифру «16. 800 бойцов» и далее добавляет: «при этом нельзя забывать, что отряд все время вел бои и нес значительные потери» [3]. Наиболее распространенные цифры — это «10 с половиной» или «более 10 тысяч, которые взяты из воспоминаний В. К. Блюхера [4].

Имеют место 2—3 случая, когда авторы называют цифру менее 10 тысяч. В. В. Душенькин называет «около 9 тысяч штыков и сабель» [5]. А. А. Спасский считает, что в отряде Блюхера было 7. 850 штыков и 1. 890 сабель, т. е. 9.740 бойцов [6]. З. Ш. Янгузов и Л. Г. Юдкевич указывают, что в соединении было 8. 960 человек [7]. В воспоминаниях, включая неопубликованные, также называются различные цифры — от 10 до 15 и даже — 30 тысяч человек [8].

Какова же была численность Сводного Уральского отряда в действительности? Имеется несколько официальных

были отряды рабочих, причем только южноуральских. В составе армии были рабочие со Среднего, Северного Урала, Башкирии (Уфимской губернии), а также Сибири, Кустаная, Центральных районов страны (17-й Уральский полк), иностранцы. В Сводном Уральском отряде треть, а то и половину бойцов составляли казаки и крестьяне различных районов Урала, в том числе особенно Уфимской губернии, Сибири, центра России.

[1] См.: *Алексеев Д. Г.* Дорогой легендарного рейда. Большое сердце, с. 84.

[2] См.: *Лучевников П.* Гражданская война на Южном Урале, с. 56—60 и *Лисовский Н. К.* Разгром дутовщины, с. 84.

[3] См.: *Сашенков Л. А.* Из истории создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства в первый период гражданской войны на Южном Урале. — Ученые записки Челябинского политехнического института. Кафедра марксизма-ленинизма. Выпуск 1. с. 62.

[4] См.: *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 54 и Легендарный рейд, с. 30.

[5] См.: *Душенькин В.* От солдата до маршала, с. 43.

[6] См: *Спасский А.* Третья Армия, с. 66.

[7] *Янгузов З., Юдкевич Л.* Сквозь огненное кольцо, с. 44.

[8] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 8; д. 89, л. 7—8; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 144—145; В боях и походах, с. 84.

документов, в которых дается численность отрядов. Но дело осложняется тем, что эти приближенные данные противоречивы. Между цифрами одного документа и другого разница подчас очень велика. Сразу же обращает на себя внимание то, что все официальные данные намного меньше тех цифр, которые приводятся в воспоминаниях и в литературе. Это объясняется тем, что, во-первых, авторы значительно преувеличивают численность партизанских отрядов, во-вторых, в документах обычно речь идет о бойцах в строю — количестве реальных «штыков и сабель», тогда как имелась еще артиллерия, штабы, различные команды, отделы, хозяйственники, раненые и больные лазаретов и т. д.

Впервые численность Сводного Уральского отряда была отражена в протоколе собрания делегатов отрядов в Белорецке 16 июля 1918 г. в Троицком, Верхнеуральском, Уральском и Баймакском отрядах было 5 тыс. бойцов (пехоты — 3. 400 и кавалерии — 1. 600). Здесь же указывается, что к Белорецку подходит сборный отряд в 700 человек. Под сборным отрядом имеется в виду или один сводный отряд Оренбургского уезда С. И. Синельникова, или также и Стерлитамакский отряд. В общей сложности в них насчитывалось до 850 человек. Следовательно, численность всех сил, прибывших в Белорецк в середине июля, исчислялась почти в шесть тысяч штыков и сабель. По поводу численности отрядов, указанной в протоколе собрания командиров от 16 июля, следует непременно заметить, что там были учтены только бойцы в строю, без учета нестроевых, штабников, артиллеристов (указывается лишь количество орудий, без численности их прислуги), раненых, больных и т. д. При проверке указанных цифр с привлечением других данных, общая численность отрядов и полков получается всегда более значительной. Подробнее об этом будем говорить далее, в данном случае лишь отметим, что общая численность отрядов в середине июля в районе Белорецка достигала примерно 8 тыс.

Спустя несколько дней — 20 июля вновь, на этот раз в приказе главкома Н. Д. Каширина, дается численный состав партизанских отрядов — примерно в 6.200 бойцов (указанный в Уральском отряде «эскадрон» мы считаем за 200 человек, так как помимо эскадрона Гергенса в отряде к этому времени была и сотня Михайлюка).

Во время похода на Верхнеуральск убитыми и уведенными предателями в плен было потеряно примерно 300 человек (мы здесь учитываем и дезертирство нескольких десятков бойцов при выходе из Белорецка на Стерлитамак). Число раненых составляло до 350 человек. В

районе Богоявленска и Архангельска к Сводному Уральскому отряду присоединилось до 2.200 штыков и сабель. Перед этим к отряду примкнуло несколько групп крестьян и рабочих в районе Тирляна, на участке Серменево-Макарово. После выхода из района Архангельского завода к Сводному Уральскому отряду примкнуло до 300 человек местных рабочих, крестьян и взятых в районе Быково и вступивших в Белорецкий полк солдат.

Следовательно, с большей или меньшей уверенностью можно утверждать, что Сводный Уральский отряд имел до 9 тыс. штыков и сабель, не более. Между прочим белогвардейцы, опираясь на различные источники (агентурные сведения, полученные от предателя Каюкова, взятых в плен партизан и т. п.), определяли численность партизанских войск, примерно от 6 до 7,4 тысячи штыков и сабель (до выхода в район Богоявленского завода), в 8—9 тысяч (после соединения партизанского соединения с отрядами М. В. Калмыкова и В. Г. Данберга) [1].

Как уже отмечалось, силы партизан в районе Верхнеуральска — Белорецка, на основе показаний перебежчиков, белогвардейцы определяли в 6. 310 штыков и сабель. В другом документе эти силы определены в 7. 400 штыков и сабель (при 14 орудиях и уже не 46, а 74 пулеметах), а в районе Богоявленска — в 2000 человек, т. е. всего примерно в 9. 400 [2]. В начале сентября силы партизан белогвардейцы исчисляли в 8—9 тыс. человек [3].

В период завершения похода и выхода к линии фронта многие партизаны, в т. ч. и В. К. Блюхер, считали, что в их рядах насчитывается около 12 тысяч человек. Эту цифру они называли представителям советского командования, в том числе и 3-й армии, как официальную [4]. В белогвардейских сводках того периода называется эта же цифра. При этом указывалось, что она была получена от населения, а последним — от партизан [5].

При разговоре с Ф. И. Голощекиным В. К. Блюхер именует свое соединение «корпусом» и просит приготовить обмундирования «не меньше 12 тысяч» комплектов [6]. Но, разумеется, эта цифра была приблизительной, не прове-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 31, л. 105; д. 1437, оп. 2, д. 15, л. 33; оп. 4, д. 27, л. 44; Гражданская война на Южном Урале. Сб. док., с. 133—134.

[2] См.: Там же, оп. 4, д. 27, л. 1.

[3] Там же, л. 44.

[4] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 90, л. 318; д. 92, л. 67; ф. 3464, оп. 1, д. 10, л. 11.

[5] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 37, л. 320.

[6] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 73.

ренной в должной мере. Для получения более точных сведений о численности отрядов В. К. Блюхер именно в это время, 12 сентября, потребовал от начальствующего состава «дать сведения Главному штабу о наличном числе людей» [1].

В приказе командующего 3-й армией от 20 сентября 1918 г. отмечается, что в отрядах В. К. Блюхера было 6.650 человек пехоты и кавалерии, не считая артиллеристов и др. [2] Несомненно, эти данные были получены от Главного штаба партизанской армии. Данные цифры несколько озадачивают, так как они значительно меньше всех других. Они явно преуменьшены, особенно по Троицкому, Уральскому и Богоявленскому отрядам. И все же следует иметь в виду, что цифра «6650», по всей видимости, была дана на основе уточненных сведений. Но если так, то выходит, что партизаны понесли очень большие потери убитыми и ранеными.

Однако судя по документам и воспоминаниям, потери партизан были не так велики. Например, Верхнеуральский пехотный полк с начала августа по момент выхода из окружения потерял убитыми, умершими от ран и без вести пропавшими 45 человек; число раненых составило 37 человек [3]. Число раненых, находившихся в лазаретах, к середине сентября составляло, как мы уже отмечали, около 450 человек [4]. Во всяком случае эта последняя документальная цифра «6.650» говорит об одном — в литературе и воспоминаниях численность бойцов Сводного Уральского отряда часто сильно преувеличивается.

Таким образом, документы говорят о том, что в партизанской армии имелось не более 9 тысяч штыков и сабель. По всей видимости, В. К. Блюхер допустил некоторое преувеличение, когда говорил, что «командование 3-й армии получило в нашем лице... подкрепление... общей численностью около 10 тысяч штыков и сабель» [5]. Аналогичное высказывание делалось им и в другом воспоминании [6] — «до десяти с половиной тысяч, не считая тылов и беженцев». Другие участники обычно повторяли эти цифры, а чаще увеличивали их до 12 и более тысяч.

Мы назвали цифру «9 тысяч». Но следует иметь в виду, что партизанские войска в целом имели гораздо большую численность. Сверх «штыков и сабель» были артил-

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 159 (и об.).
[2] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 57, л. 11.
[3] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 77—78.
[4] Там же, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 73.
[5] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 56.
[6] Легендарный рейд, с. 30.

лерийская прислуга нескольких батарей, многочисленные штабы с командами и службами, военнохозяйственным и медицинским персоналом, сотни раненых и т. д.

Приблизительный подсчет общей численности партизанских войск возможен. В воспоминаниях активных участников похода встречаются сведения о структуре и составе отдельных отрядов и полков в целом. Так, В. К. Блюхер об Уральском отряде по выходе из Оренбурга говорил, что в нем было пехоты 800, кавалерии 60, в батарее — 75 и нестроевых — 120 человек [1]. А. Я. Горин утверждал, что в Богоявленском полку вначале было в пехоте 974, кавалерии — 91, пулеметчиков — 36, артиллеристов — 63, хозяйственников — 100, а всего — 1264 чел. [2]. В списках этого полка за октябрь 1918 г. примерно на 1.300 бойцов в ротах и сотнях приходится до 350 человек в командах и службах [3].

Мы имеем возможность привести в подтверждение правильности в целом нашей методики подсчетов и более точные документальные данные по одному из отрядов партизанской армии — Верхнеуральскому.

На совещании 16 июля было отмечено, что в Верхнеуральском отряде было пехоты 800, кавалерии — 900, в Белорецком отряде, вскоре вошедшем в этот отряд, пехоты — 600 и кавалерии — 100, т. е. 1400 пехоты и 1000 кавалерии (всего 2400). В информационной сводке штаба 3-й армии в сентябре 1918 г. было указано (с оговоркой о приблизительной численности), что в Верхнеуральском отряде 1700 пехоты и 6 сотен кавалерии, т. е. всего 2.300 [4], на сто человек меньше, чем в середине июля. К 14—15 августа, т. е. после «чистки», очищения отряда от неустойчивых, недисциплинированных элементов, общая численность частей была следующей: 1) Верхнеуральский пехотный полк — 689, в т. ч. строевых — 607 и нестроевых — 82, не считая, как оговаривается в источнике, пулеметную команду. В ней же было 85 чел., т. е. всего 774 человека. 2) Белорецкий пехотный полк — 1.128 человек, в том числе 956 строевых, 115 — нестроевых, 57 возчиков. Белорецкая конная сотня вместе с 8 пулеметчиками — 154. 3) Верхнеуральский конный полк — 961, в том числе строевых 825, нестроевых — 71, спешенных — 45 [5].

---

[1] На Южном Урале, с. 82.

[2] См.: ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 7—8. А. Я. Горин дает явно преуменьшенные данные, в частности говорит о 91 кавалеристе, тогда как в полку было две кавалерийские сотни.

[3] ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 84, л. 9—32.

[4] Легендарный рейд, с. 154, 182.

[5] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 4—7.

Получается всего 3.017 чел. Здесь же в документах приводятся сводные данные по всему Верхнеуральскому отряду — 3.053 красноармейца, в том числе пехоты строевой — 1646, нестроевой — 254 (всего 1900); кавалерии строевой — 1006, нестроевой — 94, спешенных — 53 (всего 1.153). Следовательно, партизан в строю было 2652 и нестроевых (вместе со спешенными) — 401.

В примечаниях к одному из документов, во-первых, сказано, что артиллеристы указаны вместе со строевой пехотой, во-вторых, не учтена пулеметная команда [1]. Нам известно, что в ней насчитывалось 85 чел. Следовательно, всего в отряде было 3.138 человек. Учтена ли численность штаба отряда, его команд, артиллеристов отрядной батареи, возничих обозов и т. д. — неизвестно. Возможно, не учтена, ибо в общую цифру арифметически сведены цифры лишь по полкам.

Имеются данные о «наличном составе» отряда к 18 сентября. Они таковы. В штабе отряда было «красноармейцев нестроевых — 14, в команде связи штаба «строевых»— 40. В Верхнеуральском пехотном полку было 849 человек, в том числе строевых 651, нестроевых 198 [2]. В Белорецком пехотном полку насчитывалось 899 человек, в том числе строевых 696, нестроевых — 203. Белорецкая конная сотня имела 136 бойцов, в том числе строевых 118, нестроевых— 18. Верхнеуральский конный полк насчитывал 952 человека, в том числе строевых 757, нестроевых — 195. В Верхнеуральской батарее имелось 107 человек. Обоз 2 разряда насчитывал 46 нестроевых, отрядный лазарет — 16 нестроевых. Всего в отряде было 3.059 человек, в том числе строевых — 2369, нестроевых — 690. Документ содержит примечание о том, что в числе нестроевых следует считать 40 боевиков пехоты — добровольцев [3]. Если воспринимать этих боевиков как неучтенных не только в числе нестроевых, но и вообще, то конечные цифры должны быть такими: всего — 3.099, в том числе строевых — 2369, нестроевых — 730.

Обращает на себя внимание то, что в списках речь идет о «красноармейцах»; имеются ли в виду только рядовые или вместе с ними учтены и командиры — подчас сказать трудно. Мы видим, что в данной сводке речь кон-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 3.

[2] В данном полку 849 красноармейцев состояли: в батальонах 627, штабе полка — 34, слабосильной команде — 75, нестроевой роте — 12, команде разведчиков — 24, обозе полка — 13 (см.: ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 9).

[3] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 1.

кретно идет и о штабе, правда лишь — отрядном. Отражается ли в числе 14 «красноармейцев нестроевых» весь состав штаба или имеются в виду находившиеся при нем рядовые, — неясно. Еще в одном документе, относящемся к 10 сентября, в штабе отряда значится 20 человек, в том числе штабных работников 12, ординарцев и обозных — 8[1]. Из сопоставления приведенных данных несомненно и ясно главное: общая численность Верхнеуральского отряда, подсчитанная на основе специально составленных в августе и в сентябре списков, неизмеримо больше той, которая была указана в середине июля и в сентябре в сводке штаба 3-й армии. Особенно обращает на себя внимание приблизительное совпадение указанного в двух первых случаях количества пехоты и кавалерии с цифрами строевых бойцов в реальном списочном составе[2].

Нам важно учесть и то, что разница между числом строевых и нестроевых в отряде и полках у верхнеуральцев составляла от 14 проц. в начале похода до 30 проц. в конце. (В сводке штаба 3-й армии в Верхнеуральском отряде значится 2300 человек, а по отрядной документации общая численность достигала 3.100 человек).

При учете этого обстоятельства получается, что по выходе из вражеского тыла в 3-х отрядах и 2-х отдельных полках было не 6.650 человек, а до 9.000.

Как видно, во всех трех случаях (по Уральскому, Верхнеуральскому отрядам и Богоявленскому полку) численность артиллеристов, хозяйственников, штабов и пр. составляет в среднем 20—25 проц. от количества пехоты и кавалерии. Следует иметь в виду, что в целом по партизанскому соединению в связи с наличием общего штаба, отделов, команд, служб этот процент был выше.

Очевидно, с достаточным основанием можно заключить: в Уральской партизанской армии В. К. Блюхера было до 10,5—11 тыс. человек, не считая беженцев. Если В. К. Блюхер имел в виду общую численность партизан, то наш вывод не расходится с его данными. Хотя Блюхер употребляет выражение «10 тыс., не считая тылов» и т. п., но в конкретных случаях он давал общую численность

---

[1] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 40.

[2] Мы имеем прежде всего в виду данные по отряду в сводке штаба 3-й армии — «2300». Разница в количестве бойцов в строю на 16 июля (2850) и в сентябре в сводке 3-й армии (2300) по Верхнеуральскому отряду вполне объяснима: под Верхнеуральском из отряда выбыло несколько сот дезертиров. После выхода из Белорецка в полках была произведена «чистка», были потери убитыми и ранеными. В других же отрядах таких больших «перепадов» в личном составе среди строевых не было.

отрядов, включая и тылы [1]. Например, в одном из воспоминаний он отмечал: «В общей сложности в Белорецке собралось около 8 тыс. революционных войск» [2]. В этом же воспоминании, отметив, что в Богоявленске и Архангельске присоединилось к партизанам два отряда, он отмечает: «Наши общие силы возросли до десяти с половиной тысяч». По всем сведениям (официальным и неофициальным), общая численность Богоявленского и Архангельского полков составляла более двух с половиной тыс. человек.

Следовательно, в приведенном случае можно видеть, что В. К. Блюхер оперирует данными общей численности отрядов, включая и тылы. Таким образом, Сводный Уральский отряд насчитывал до 9 тысяч штыков и сабель. Личный же состав отряда в целом насчитывал около 10,5—11 тысяч человек. Количество беженцев сюда не включено.

Отряд Блюхера был неплохо оснащен огневыми средствами. Он располагал мощной артиллерией в 20 орудий, имел до 80—100 пулеметов [3]. Однако эффективность этого оружия была невысокой из-за острой и постоянной нехватки боеприпасов.

Все боевые силы партизанских «республик» на Южном Урале и в Башкирии сконцентрировались в единый кулак. Ручьи и реки породили море: партизанскую армию. Сводный Уральский отряд представлял собой грозную боевую единицу, способную решать сложные задачи, имел реальную возможность вырваться из вражеского окружения. Но и враг к этому времени стал уделять больше внимания борьбе с партизанами, сконцентрировал в районе их действий крупные силы. Белогвардейское командование ставило задачу окружения и полного разгрома Сводного Уральского отряда в Стерлитамакско-Уфимском районе.

Во второй половине августа блюхеровцы вступили в новый, наиболее сложный и решающий этап боевых действий: им предстояло перейти через железную дорогу, форсировать реку Уфу и, наконец, прорваться через линию фронта.

---

[1] Легендарный рейд, с. 20; *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 49—50.

[2] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 51.

[3] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 20—21 (и об).; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 38; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 784, л. 41; д. 424, л. 29; Легендарный рейд, с. 154, 181—182. Количество орудий и пулеметов, указанное нами, относится к завершающему этапу партизанского рейда. В рассматриваемый период — в середине августа — орудий было лишь 17. В бою на правом берегу реки Уфы у белогвардейцев было захвачено 3 артиллерийских орудия.

Глава пятая

МОГУЧИЙ НАРОДНЫЙ ПОТОК

1. Походные партизанские будни

Переход партизан из Белорецка в левобережную долину Белой и последующие сотни верст были чрезвычайно тяжелыми. Мало того, что приходилось почти каждодневно вести военные действия. Партизаны вынуждены были преодолевать огромные расстояния, сложные естественные рубежи: горы, болота, реки...

Суровыми были боевые походные будни партизанской армии, которая представляла собой сложный живой организм. Он на протяжении всего пути совершенствовался. Это относилось и к «тылам» армии, хотя применять это понятие относительно партизанской армии можно с определенными оговорками, довольно условно.

Под руководством В. К. Блюхера в сложнейших условиях, на ходу, проводится ряд важных организационных мер по совершенствованию структуры Главного и других штабов, создаются специальные службы и команды, претерпевает положительные изменения система снабжения отрядов и частей продовольствием, снаряжением и т. д.

Особое значение в реорганизации уральской партизанской армии имели приказ Блюхера от 7 августа и его реализация. В этом приказе, изданном в Верхнем Авзяне, особое внимание уделялось упорядочению «тыла» партизанских войск — транспорта, обозов, заготовительно-снабженческой службы, финансового дела. Вместе с тем в данном, а также в других приказах выдвигались конкретные задачи по укреплению в отрядах дисциплины и улучшению политической работы среди партизан, работы с беженцами и т. д. [1].

Прежде всего усилиями В. К. Блюхера, а также других командиров разрозненные партизанские отряды превратились в крепкое и высокоорганизованное воинское соединение, носившее на себе черты и регулярного, и, в то же время, партизанского соединения. Сводный Уральский

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 141 и об.

отряд наилучшим образом в тех условиях отвечал требованиям войскового соединения, которому предстояло вести тяжелую борьбу в глубоком тылу войск противника, причем строго в соответствии с намеченным планом продвижения к линии фронта.

Добровольческая партизанская армия Блюхера была действительно сложной по характеру и структуре. В ней были представлены широкие слои трудящегося населения Южного Урала и других районов — рабочие, крестьяне и казачья беднота, молодежь и старики, мужчины и женщины, опытные солдаты и необстрелянные подростки. Вместе с тем в ней, кроме русских, были представлены полтора десятка наций и народностей России и других стран. Много было бывших военнопленных — венгров, немцев, сербов, словаков и других.

В составе Троицкого отряда сражался, как уже отмечалось, отдельный интернациональный батальон, включенный затем в 17-й Уральский полк. Батальон (2-й) насчитывал около 300 человек, в большинстве своем это были венгры — рабочие Будапешта и других промышленных центров Венгрии. Командовал батальоном Сокач. Характеризуя действия бойцов героического интернационального батальона, В. К. Блюхер говорил: «Всем им были дороги судьбы русской революции, за которую они пошли добровольно в ряды Красной Армии. Это был очень спаянный, боевой и стойкий батальон, который в боях не раз проявлял чудеса храбрости и выдержки...» [1].

Немало бывших военнопленных находилось в Белорецке. Их возглавлял венгр Гис, которого именовали «комиссаром национальностей». После прихода в город отрядов И. Д. Каширина и Н. Д. Томина В. Ф. Гис открыл запись добровольцев. В партизанские войска записалось около ста венгров, чехов, словаков, австрийцев, немцев и представителей других национальностей. Их включили в состав Белорецкого полка. Впоследствии командир полка А. В. Пирожников вспоминал: «Это были люди особого порядка. Они были лучшими бойцами и много раз доказывали свою революционную преданность и боеспособность» [2].

В отряды входили китайцы и корейцы. В Богоявленском и особенно в Архангельском полках часть бойцов составляли латыши. Это были рабочие и крестьяне-пере-

---

[1] *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 50.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 1157, л. 155—158; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 371, л. 5.

селенцы[1]. В партизанские отряды вступали украинцы, татары, марийцы, чуваши, казахи. Но особенно много в них было башкир. Башкирская беднота шла в партизанские отряды с большой охотой. Вступали в партизанские отряды башкиры на всем протяжении рейда. Среди них преобладала молодежь. Но была прослойка и пожилых крестьян. Несколько десятков башкир, присоединившихся к партизанам в селе Серменево, возглавил старик Тирменев. Он стал прекрасным командиром взвода. Это подразделение было хорошо отмобилизовано, ибо было сформировано на базе имевшейся в Серменево боевой организации. Она поддерживала связь с главным штабом. Так, 27 июля на нужды организации ее представителю Агишеву было выдано 5 тыс. руб.[2]

Особого внимания заслуживали воины-башкиры. Это объяснялось и политической отсталостью части из них, в значительной мере из-за плохого знания русского языка, и тем, что через них в пределах Уфимской губернии можно было оказывать влияние на коренное местное население.

Воспитательной работе с башкирами большое внимание уделял В. К. Блюхер. Он не раз беседовал с бойцами-башкирами, интересовался их нуждами, разъяснял политику большевистской партии, задачи партизанской армии. В. К. Блюхер испытывал большую личную привязанность к своему старшему ординарцу, отважному воину башкиру Ягудину, делившему с ним все невзгоды боевой походной жизни.

Главкому приходилось учитывать наличие большого количества верующих среди башкир и татар. В начале сентября в одном из приказов Главкома указывалось: «Для отправления религиозных обрядностей среди т. т. красноармейцев-мусульман назначается с сего числа муллой т. Валиулла Гибайдуллин, его помощником — Калтубаев»[3]. 16 сентября главный штаб дал разрешение на проведение мусульманами байрама, для чего они освобождались на это время от несения караульной и прочей службы. На каждые 10 человек было выделено по одному барану для обильного угощения[4]. Все это, естественно, привлекало верующих к партизанской армии, сплачивало в единых рядах.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 64; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 141—142; На Южном Урале, с. 127.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 138; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 16.

[3] ЦГАСА, ф. 3576, оп. 1, д. 85, л. 102.

[4] Там же, д. 84, л. 5.

В. К. Блюхер требовал от командиров самого внимательного отношения как к башкирам, татарам, так и к бойцам других национальностей. Зная большую выдержку Н. Д. Томина, его умение работать с бойцами, воспитывать их, Блюхер включил Стерлитамакский и Баймакский отряды, имевшие в своем составе много башкир и татар, в Троицкий отряд. Направляя работу коммунистов, советских и военных работников, еще П. В. Точисский, Белорецкий ревком требовали вовлекать в добровольческие отряды «не только рабочих русской национальности, но и башкир из бедноты»[1]. Не случайно в Белорецком полку башкир также было много.

Бок о бок с русскими сражались башкиры в 17-м Уральском, Архангельском, Богоявленском и других полках. Это были стойкие бойцы, сообразительные и меткие стрелки. Но башкиры были и прекрасными кавалеристами. Одной из сотен красноказачьего полка им. Степана Разина, в котором было много башкир, командовал лихой наездник Баймухаметов[2]. Башкиры составляли значительную часть кавалерии Архангельского и других полков. Л. В. Барышев о группе отрядов, из которых формировался Архангельский полк, говорил, что из примерно 650 человек 55 проц. составляли русские и латыши, 35 проц. — башкиры и 10 проц. — татары[3]. В бою башкиры были смелыми и стойкими. Г. Д. Штырляев вспоминал: «Башкиры очень хороши в разведке, на заставах — зоркие, исполнительные, прямо-таки незаменимые»[4].

Всех партизан вне зависимости от национальности объединяла ненависть к эксплуататорам — общему и извечному врагу угнетенных и трудящихся. За поддержку партизанской армии местным населением, башкирскими селами, через которые проходили отряды, лучше всего агитировали ее многонациональный состав, чуткое отношение к трудящимся. Для партизан дружественное, или хотя бы благожелательное отношение местного населения имело исключительно важное значение.

Коммунисты и командный состав требовали от бойцов самого дружественного и внимательного отношения к трудящимся крестьянам. Если требовалась для армии помощь, то к крестьянам обращались за ней и издержки возмещались в обязательном порядке. И здесь командование отрядов проявляло большую щепетильность. Сохра-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 10.
[2] Там же, д. 374, л. 6.
[3] За Советскую власть, с. 174.
[4] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 16.

нился ряд любопытных документов, свидетельствующих об этом. Так, Н. Д. Томин 18 августа 1918 г. специальным распоряжением потребовал от командиров полков и батареи Троицкого отряда «собрать немедленно сведения... о числе людей продовольствовавшихся в каждом доме с указанием фамилии домовладельца... уплачивать за каждого продовольствовавшегося человека по 1 руб. 66 коп. в сутки»[1]. И такая по тому времени высокая оплата была произведена даже с учетом того, что хозяевам на приготовление пищи было передано мясо, полученное в хозяйственной части отряда.

Партизаны без крайней на то необходимости не заезжали на засеянные поля. Даже в походе они советовались с крестьянами той или иной деревни о сенокосных участках, которые можно было выкосить на нужды отрядов. В приказах командующих отрядами и полками часто выдвигалось требование проявлять к населению особый такт, «дабы не подорвать авторитета Советской власти»[2]. Партизаны не только расплачивались с крестьянской беднотой и середняками за их услуги, продукты, но, по возможности, стремились оказать им и безвозмездную помощь. В районе Иглино бедноте было роздано из захваченных у белых запасов 10 тыс. пудов муки, в с. Байки — тысячи пудов керосина и т. д.

Трудящееся крестьянство также не оставалось в долгу. Оно оказывало отрядам посильную и разностороннюю помощь. Отношение к партизанам основной массы сельского населения в общем было очень хорошим. Исключение составляли лишь отдельные села на правобережье р. Уфы, жители которых были запуганы белыми, якобы идущей с юга какой-то армией бандитов, уничтожающей все на своем пути. Многие деревни встречали партизан хлебом и солью. При одном приближении войск Блюхера купечество и кулаки разбегались, а беднота шла в штабы, к главкому и командующим отрядами со своими жалобами и нуждами[3].

Не составляли исключения башкирские и татарские деревни. Их трудовое население оказывало партизанской армии также очень большую поддержку. «Крестьяне — середняки и бедняки, — вспоминал участник похода А. Я. Горин, — помогали с большой преданностью, их помощь выражалась в следующем. Первое — снабжали нас по первому к ним обращению, продавали все излишки,

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 290.
[2] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 39, 152.
[3] Уральский рабочий, 1918, 4 окт.

кто что имел: мясо, масло, муку, словом, как продовольствие, так и фураж для коней. Кроме сказанного — со всех сторон переходили к нам через фронтовую полосу и приносили ценные сведения, а именно: передавали... военные секреты: в какой деревне и какие стоят части, сколько их и какое белые имеют вооружение (и даже часто передавали, что в такой-то день белые начнут наступать на нас)... Было много охотников-проводников, которые очень строго и аккуратно проводили партизан более короткими и малоизвестными дорогами и тропами. Поэтому партизаны наносили белым бандам сокрушительные удары»[1].

Без такой активной и бескорыстной поддержки со стороны трудящегося населения, особенно крестьянства, партизанское соединение было бы не в состоянии так успешно совершить переход с Южного Урала к Кунгуру.

Армия уральских партизан была подлинно народной не только по составу бойцов, но и потому, что она отстаивала интересы трудящихся и опиралась на их поддержку. Трудящиеся видели в ней свою опору и защитницу от контрреволюционных сил. С партизанской армией следовала огромная масса беженцев — жены, родители, дети коммунистов, советских работников, красноармейцев и бойцов Сводного Уральского отряда. Среди беженцев преобладали верхнеуральцы. В их числе был умиравший от туберкулеза талантливый организатор, бывший руководитель верхнеуральских коммунистов Н. И. Иванов, отец братьев Кашириных Дмитрий Иванович, как и Иванов, скончавшийся во время похода. Несмотря на то, что силы Д. И. Каширина были на исходе, он помогал своему старшему раненому сыну Николаю, по существу возглавившему тыл армии, в наведении порядка среди беженцев. Авторитет этого замечательного человека среди верхнеуральских казаков, населения был высок. Один из видных коммунистов, являвшийся весной 1918 г. командиром Белорецкого отряда, боровшегося с Дутовым, вспоминал, как в сложной обстановке, когда в Верхнеуральск готов был прорваться враг, Каширин-отец быстро собрал казаков Форштадта (окраинный район города), и те, вооруженные наспех чем попало, вышли на линию огня. Это явилось не только военной, но и моральной помощью красногвардейцам и враг был от города отброшен[2].

Помимо верхнеуральцев в рядах беженцев были стерлитамакцы, белоречане, баймакцы, тирлянцы и др. Точ-

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 36.
[2] Там же, ф. 1832, оп. 3, д. 148, л. 6.

ных сведений о численности беженцев, которые шли с отрядами, нет. Судя по некоторым воспоминаниям, можно считать, что их было около 3 тысяч [1].

Беженцы командованию отрядов причиняли много хлопот. Приходилось снабжать их продовольствием, организовывать охрану и т. д. Но главное было не в этом. Наличие в армии огромного обоза с беженцами и стихийная тенденция к его дальнейшему увеличению могли резко снизить маневренность и боеспособность частей. На первых этапах партизанского рейда, в частности, во время боевых действий под Верхнеуральском беженцы двигались одновременно с отрядами, подчас нарушали их боевой порядок. Бойцы-родственники беженцев все время проявляли беспокойство за них, некоторые покидали части и шли в обоз.

Учитывая отрицательное влияние пребывания в партизанской армии обозов с беженцами в походе на Верхнеуральск, командование приняло меры по оставлению их на месте, в районе Белорецка. Вместе с тем было произведено упорядочение («чистка») обозов с беженцами. Наряду с женщинами, стариками и детьми в обозах верхнеуральских беженцев было много здоровых молодых мужчин, имевших оружие, но не вступавших в отряды. Это отрицательно сказывалось на состоянии дисциплины и морального духа бойцов.

О проведении «чистки» обозов просили и сами беженцы. После выхода из Белорецка на собрании представителей рот, сотен, батарей и штаба Верхнеуральского отряда было принято, утвержденное затем командующим И. Д. Кашириным, решение: «Все беженцы, а также красноармейцы, следующие со своими семействами, в дальнейшем пути следования должны оставить раз и навсегда колонны отряда. Имеющие оружие на руках и не желающие встать в ряды армии обязаны сдать оружие и боевые припасы...» [2]. Цель была достигнута. Все мужчины, годные к строевой службе, вступили в полки Верхнеуральского отряда.

В. К. Блюхер, став главнокомандующим партизанскими войсками, в начале похода в северо-западном направ-

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 38; сб. На Южном Урале, с. 117; *Голубых М.* Уральские партизаны, с. 37. А. В. Пирожников считал, что беженцев вместе с ранеными, лицами обозной службы, артиллеристами было «более 6000 человек» (см.: ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 56).

[2] Гражданская война на Южном Урале, с. 125. Попытки оградить партизанские отряды от обременительных обозов с беженцами И. Д. Каширин предпринимал и раньше (см.: ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 10).

лении стал добиваться максимального сокращения тылов. Громоздкие тылы, особенно обозы с беженцами, для партизанской армии, которой предстояло с боями совершить огромный и труднейший рейд по территории, занятой врагом, могли сковать ее, резко снизить маневренность и обречь на поражение.

Спасение партизанских отрядов, возможность их выхода на соединение с Красной Армией находились в прямой зависимости от способности быстро передвигаться, совершать один за другим броски в сотни километров. В начале движения на Стерлитамак вновь повторяется прежняя картина: беженцы двигались среди частей, загромождали трактовую дорогу и мешали маневрировать. Уже 7 августа, находясь в Верхнем Авзяне, В. К. Блюхер потребовал: «Беженцев, следующих за отрядами, командующим отрядами принять меры к оставлению их в заводах Верхнем и Нижнем Авзяно-Петровских, предупредив их, что при попытках к дальнейшему движению они будут возвращаться с дороги силой» [1].

В дальнейшем вопрос с беженцами был решен таким образом. Они могли идти с партизанскими войсками, но только не вместе с отрядами, а параллельными, боковыми проселочными дорогами. В приказах Главкома стал особо указываться маршрут движения беженцев. Но идя на эти жесткие, вынужденные обстановкой войны, меры, Блюхер, как и другие виднейшие командиры, глубоко сочувствовал беженцам, понимал их горячее стремление покинуть занимаемые белогвардейцами районы.

Блюхер бывал у беженцев, беседовал с ними. Он не снимал с отдела снабжения заботы о продовольственном положении беженцев. Предпринимались большие усилия для организации самоохраны беженцев, ибо выделять для них крупные специальные отряды в разгар жарких боев не представлялось возможным. Обоз с беженцами был разбит на группы по сотне подвод в каждой во главе со старшим. Старший отвечал за порядок обоза в движении и безопасность как в пути, так и на остановке. Из подростков, стариков и женщин назначалось охранение [2].

Стойко держались беженцы в походе, проделав весь путь от Верхнеуральска до Белорецка и от Белорецка до Кунгура. Много трудностей пришлось им испытать. Чаще ехать приходилось лесными и степными дорогами или просто по бездорожью. Иногда с разрешения командования выезжали на тракт. Телеги ломались, погибали ло-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 40.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 43; На Южном Урале, с. 121.

шади, не выдерживая тяжести похода, рвалась сбруя... Нужно было немедленно находить выход из создавшегося положения — отставать никто не хотел. Пострадавшим приходили на помощь товарищи, складывали их скудные пожитки на свои телеги, делились запасенными на всякий случай ремнями, веревками, помогали в ближайшей деревне купить коня.

Но наиболее трудными были минуты, когда на обозы совершались налеты белоказаков. Они не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Беженцы брали оставленные им винтовки, отбивали вражеский налет и вновь, как будто ничего особенного не случилось, продолжали путь. Беженцам оказывали помощь партизаны. Но помощь армии оказывали и беженцы. Многие женщины большую часть времени находились при лазаретах, оказывая помощь медицинскому персоналу в лечении и уходе за ранеными и больными.

Бойцам запомнились многие отважные женщины. Как настоящие герои вели себя Анна Куликова и Паша Волкова — кагинские работницы, белоречанки Клава Перчаткина, Калерия Локацкова. Они не только ухаживали за ранеными, но и стремились заразительной веселостью поднять моральный дух бойцов, с оружием в руках наряду с мужчинами бесстрашно отбивали не один налет белогвардейской конницы [1]. Таких смелых и отважных женщин, бесстрашных подростков и детей среди беженцев было много.

Огромные обозы имелись и в составе самой партизанской армии. Обозы отдела снабжения, отрядов и отдельных полков для переброски партизанской пехоты в экстренных случаях, лазареты и др., каждый в отдельности насчитывали многие сотни [2]. Для более рационального использования подвод в военных и хозяйственных целях они предельно высвобождались от грузов, в том числе достаточно ценных, но не имеющих значения для боевой жизни. Командующий Верхнеуральским отрядом уже 9 августа, когда удалось преодолеть кручи Ала-Тау, приказал «выбросить» из обозов «все вещи, не нужные для походной боевой жизни» [3]. Так поступали и в других от-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2053, л. 2; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 20; оп. 3, д. 246, л. 440.

[2] В. С. Русяев (см.: На Южном Урале, с. 117) отмечал, что не менее полутора тысяч повозок было занято беженцами, столько же — лазаретами, походными складами. Немало подвод было и для перевозки бойцов при ускоренных переходах. Отсюда можно предполагать, что всего в армии было более 3-х тысяч повозок.

[3] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 22 об.

рядах. Тем не менее обозы все же были перегружены.

Конная тяга была практически единственной. В соединении было всего несколько автомобилей, но из-за крайнего недостатка бензина они едва транспортировали сами себя. Скудные запасы бензина шофера смешивали с нефтью, керосином, заправляли лишь один автомобиль и тянули на буксире остальные [1]. Часть их пришлось сжечь.

Предмет особой заботы командования представляли собой госпитали на колесах. Лечение и обслуживание раненых и больных было сосредоточено в санитарной части при Главном штабе. Ее основу составил медицинский персонал ряда отрядов и Белорецкой больницы.

В период боев под Верхнеуральском и Тирляном раненые обслуживались, главным образом, персоналом этой больницы. Но когда партизанские отряды двинулись на Стерлитамак, почти все врачи и фельдшера отказались покидать Белорецк. Пришлось прибегнуть к необычной мере — принудительно мобилизовать несколько врачей и фельдшеров. В санитарную часть были включены медицинские работники Уральского и бывшего Южного отрядов и добровольно вступившие в армию медицинские сестры. Коллектив работников санитарной части был сравнительно небольшой, но работоспособный, самоотверженный. Под воздействием энтузиазма своих коллег в походе хорошо зарекомендовали себя и белорецкие врачи [2].

По мере увеличения числа раненых нужда во врачах, фельдшерах (лекпомах) резко возросла. В санитарную часть армии Блюхера привлекались работники больниц по пути следования. В большинстве случаев это были добровольцы, стремившиеся оказать посильную помощь героической партизанской армии. Так, на ст. Иглино к партизанам присоединился местный врач. Вместе с ним, не взирая на невзгоды военной походной жизни, отправилась и его семья.

Первоначально все руководство санитарной частью находилось в руках начальника части. До начала августа начальником санитарной части был Тараненко, затем его заменил М. Е. Федосеев [3].

Чтобы лучше приспособить санитарную часть к условиям непрерывного похода, 20 августа она была реорганизована в «подвижной фронтовой лазарет». Для оказания первоначальной помощи раненым на поле боя были организованы отрядные перевязочные пункты. Отсюда ра-

---

[1] *Голубых М.* Уральские партизаны, с. 71.
[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 48—49.
[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 42; Легендарный рейд, с. 164.

неные переправлялись уже в подвижной фронтовой лазарет. До этого небольшие лазареты имелись при каждом отряде. Их руководители назывались по-разному: старший врач, заведующий и т. д.

В Уральском отряде, где лазаретом руководил врач, как «старший врач», Федоров, в Верхнеуральском заведующим был сначала Курнакин, смещенный 15 августа за непорядки, плохое обращение медперсонала с ранеными и замененный Ф. Шеметовым [1]. Медицинские пункты (околотки) имелись и в некоторых полках. В Верхнеуральском конном полку состояло 6 медицинских работников, в т. ч. 2 ветеринарных фельдшера [2]. В Богоявленском полку полевой госпиталь возглавлял фельдшер Ломакин [3]. Отрядные перевязочные пункты и после 20 августа обычно продолжали именоваться лазаретами.

Поскольку отряды постоянно находились в боях, число раненых было велико и их после перевязки из-за сложности условий нередко длительное время не удавалось переправить в подвижной фронтовой лазарет, перевязочные пункты и на деле играли роль небольших лазаретов. Например, 24 августа в лазарете Троицкого отряда на излечении находилось 16 чел. [4]

Старшим врачом фронтового лазарета был назначен врач Краснов. В его ведении находился весь медицинский персонал, вся организация лечебного дела. Бывшему начальнику санитарного отдела, который стал именоваться «смотрителем» лазарета, были переданы все административные и хозяйственные функции.

Для охраны фронтового лазарета была выделена специальная кавалерийская сотня [5]. Охранялись и отрядные лазареты (пункты). Организованы были в своего рода команды и сами раненые и больные. В случае нападения белых на походный лазарет легкораненые вместе с охраной обоза и медперсоналом отбивали атаку врага. Еще в конце июля из выздоравливающих больных и раненых красноармейцев и лиц, признанных неспособными к строевой службе, была сформирована слабосильная команда, начальником которой был назначен М. Е. Федосеев [6]. Позднее из выздоравливающих раненых и больных прика-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 31 и об; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 136; ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 273.

[2] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 79.

[3] На Южном Урале, с. 215.

[4] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 224.

[5] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 57; ф. 1346, оп. 2, д. 14-А, л. 224; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 49.

[6] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 33 (и об.).

зом В. К. Блюхера были созданы слабосильные команды под наблюдением врача или фельдшера при обозах каждого отряда [1]. Командиром одной из таких команд (рот) стал М. Халидов [2].

Командование партизанской армии прилагало все силы для того, чтобы обозы не отнимали крупных сил и функции охраны они могли частично брать на себя. В бою была дорога каждая сотня и рота. За недостатком санитаров и обозных раненые бойцы в большинстве случаев обслуживали себя сами. Легкораненые и выздоравливающие размещались на телегах вместе с тяжелоранеными. Они были у них кучерами, приносили им воду, помогали менять положение в телеге. В этом смысле большой интерес представляет воспоминание Мустафы Халидова. Часть раненых и больных его роты выполняла порой боевые функции или с помощью женщин, портных, сапожников на привалах шила одежду, обувь для раненых [3]. Но, естественно, раненые не в состоянии были сами полностью решить вопрос о самоохране. При передвижении и на стоянках армейские обозы и фронтовой лазарет всегда передавались под опеку одного из отрядов.

Исключительно трудно было обеспечить лазареты медикаментами и перевязочным материалом. Значительная часть медикаментов была получена в белорецкой больнице, а затем и в ряде других. За все эти медикаменты партизаны платили по всей нарицательной стоимости. Так, за медикаменты серменевской лечебнице было выплачено 3.845 руб. [4]. Иногда удавалось захватить медикаменты и с обозами, отбитыми у врага. Однажды к партизанам на повозке примчался шестидесятишестилетний старик А. М. Пилясов, забравший все медикаменты медицинского пункта белогвардейской части [5]. Для бинтов использовалась ткань, не исключая и цветную, простыни, рубашки, все, что можно было достать [6].

Нелегко решалась и задача снабжения лазаретов продуктами питания. Партизаны отдавали раненым лучшее, что имели, даже неизменную и драгоценную махорку. В период горячих боев под Уфой, когда в лазареты стали поступать раненые десятками, В. К. Блюхер приказал «весь имеющийся в отрядах запас табаку передать в под-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 57.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 379, л. 75.
[3] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 109, л. 75.
[4] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 34 об.
[5] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 388, лл. 2, 3.
[6] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 50; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 388, л. 2.

вижной фронтовой лазарет для раненых и больных боевиков»[1].

Раненым передавали редко появлявшиеся у партизан деликатесные продукты, в частности, целебный и вкусный башкирский мед. В отрядах в числе не так уж редко случавшихся покушений несознательных бойцов на имущество жителей были ограбления пчелиных ульев. При расследовании этих прецедентов и наказании виновных, невыявлений из-за ухода из той или иной местности отрядов хозяев, конфискуемый мед передавался в госпитали, раненым[2]. Но тем не менее раненым, как и бойцам в строю, нередко приходилось голодать по целым дням[3].

Централизованное снабжение продовольствием не было регулярным, поэтому начальнику санитарной части (смотрителю лазарета) в такие дни приходилось заготавливать хлеб, мясо и другие продукты питания самостоятельно, на ходу у местного населения[4]. Представление о таких критических ситуациях дает жалоба группы раненых — верхнеуральцев «Центрального санитарного отдела» (очевидно, подвижного фронтового лазарета) от 7 сентября. В ней отмечалось: «Довольствие как тяжело, так и легкораненым доставляется весьма плохое — один черный хлеб и жидкий чай, иногда даже одна горячая вода без молока, меда и т. п. Горячая пища варится в день раз, а иногда через два дня на третий»[5].

Раненые, больные, медицинский и обслуживающий персонал жили не менее трудной и тревожной жизнью, нежели бойцы на фронте. Лазареты все время были в движении. Тяжелораненых везли на телегах по двое, а легкораненых — по трое-четверо. Трудно приходилось горстке медицинских работников. Раненых и больных было много, их число к концу похода все время возрастало. При выходе из Белорецка их было около 150, а в момент соединения с Красной Армией — более 450[6].

Остановки в пути делались на очень короткое время — всего на несколько часов, редко на ночь. А дел у медперсонала было много. Следовало перевязать раненых, приготовить для них из немудреных продуктов обед, напоить, накормить, облегчить страдания, наконец, бороться с вшами, особо опасными для раненых...

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 61.
[2] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 273.
[3] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 109, л. 75.
[4] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 57.
[5] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 14, л. 17.
[6] Там же, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 73; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 49.

Почти всем раненым медицинская помощь оказывалась в полевых условиях. Только в ряде случаев наиболее сложные операции производились в изредка попадавшихся сельских больницах. Тяжелораненых после операции иногда приходилось оставлять в сельских больницах, снабдив их всем необходимым и уплатив медработникам за уход и расходы на содержание больных крупные денежные суммы.

По сведениям М. Федосеева, всего таким образом было оставлено около 70 человек, в том числе 8 раненых, которым был жизненно необходим постельный режим, — в Белорецке. Оставленные вместе с ними и распропагандированные раненые белые солдаты дали слово приложить все усилия для спасения этих партизан. Свое слово они сдержали. Но подавляющая часть тяжелораненых следовала в партизанских лазаретах. За их жизнь врачи вели настоящую борьбу. Без устали работал главный врач Краснов. «Все время и силы лечению и успокоению раненых отдавали, — пишет К. Е. Демишев, находившийся на излечении в подвижном фронтовом лазарете, — медицинские работники Воскресенский, Ивлева и другие, да еще успевали оказывать помощь крестьянам»[1]. Вместе с врачами трудилась сестра со специальной подготовкой Нина Петрова[2]. В любое время ночи будили врачей, когда трудно было раненым, и они без тени недовольства вставали, оказывали срочную помощь, спасали партизанам жизнь.

Наряду со взрослыми, за жизнь бойцов в Уральском отряде боролась юная семнадцатилетняя медсестра К. Г. Неводчикова. Там же трудилась вступившая в отряд вместе с фельдшером И. Стерлиговым 1 июля медсестра Вильгельмина Стаховская[3].

Много сделали для раненых санитары и санитарки. Коммунист и стойкий боец М. Э. Шойхет (Дуня), находившаяся при лазарете, рассказывает: «Мы старались, как могли, облегчить их (раненых — *Авт.*) мучения: почти беспрерывно ходили вдоль обоза, давали раненым пить, делали перевязки, поправляли сбившиеся бинты... Особенно запомнился мне санитар дядя Миша. Ему было лет 35—38. Похож он был на медвежонка: невысокий, коренастый крепыш, смуглый: не то от природы, не то от загара, с густыми бровями. Неутомимый работник, он

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 49; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 103, л. 15.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 126 об.

[3] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 13 об.

спал, наверное, не более часа в сутки. Чего он только не делал. Рубил дрова, варил пищу, таскал на себе раненых и выполнял много другой работы [1].

Во время движения тряска на телегах причиняла раненым невыносимую боль и страдания. Для того, чтобы вылечить тяжелораненых в таких условиях мало было самоотверженности и подлинного героизма медперсонала. Нужна была стоическая воля к жизни у самих раненых. У них эта воля была. Она поддерживалась неутомимой жаждой быстрейшего возвращения в строй, в ряды своих товарищей по оружию, мужественно пробивающих путь к Красной Армии.

Стойкость бойцов была безграничной. Она не иссякала, а наоборот, становилась наиболее явственной, когда с поля боя они попадали в лазарет. Примером мужества для всех раненых был Николай Каширин. Он не только стойко переносил страдания, но и принимал деятельное участие в руководстве партизанской армией, особенно ее «тылами», а при случае брался и за оружие. Часто раненых навещали Блюхер, Томин, Павлищев и другие командиры. Они ободряли раненых, расспрашивали их о самочувствии. «Подойдешь, бывало, к подводам, — вспоминал в 30-е годы Василий Константинович, — спросишь: «Тяжело, ребята?». Они ответят: «Ничего, только не бросайте».

Сложная была организация медицинской помощи и обслуживания раненых, но еще более трудным делом было снабжение отрядов, лазаретов и беженцев всем необходимым. После руководства операциями на фронте это была практически наиболее сложная и ответственная задача.

О том, насколько большое внимание материальным вопросам уделял В. К. Блюхер, как он их решал, говорили данные, которые приводил бывший казначей Стерлитамакского отряда (батальона) Г. Г. Азельгареев. Доставлены были в Белорецк отрядом 100 тыс. аршин мануфактуры, 150 мешков сахара, 48 ящиков чая, много одежды, включая шубы, тулупы, меха и прочее, более 150 тыс. рублей денег. Все это Блюхером в начале августа было предложено сдать в главный штаб. Одежду, не пригодную для обмундирования бойцов, Блюхер приказал продать местному населению и вырученные деньги также сдать в штаб. Возражения тогдашнего командира отряда Гарбуза, его требования одеть сначала стерлитамакцев главком отклонил, заявив, что «вы теперь наши товари-

---

[1] На Южном Урале, с. 191—192.

щи, все, что есть, будет расходоваться, использоваться для общих целей» [1].

В Сводном Уральском отряде имелся отдел снабжения, который возглавлял хороший организатор Пономарь [2]. Главной задачей отдела было обеспечить армию продовольствием, а также фуражом. Сначала бойцы отрядов обеспечивались продовольствием довольно хорошо. В Верхнеуральском и Троицком отрядах до июля на довольствование каждого бойца выдавалось по 5 рублей в сутки. Хлеба выдавалось по 800 и более граммов. Затем норма довольствия значительно снижается [3].

После прибытия в Белорецк отрядов из-под Оренбурга и др. районов продовольственное положение партизан еще более ухудшилось. Так, в одном из приказов по временно существовавшему Белорецкому отряду говорилось, что на питание одного человека должно отводиться «на военное время» по 3 руб. 42 коп. [4]. Но партизаны были постоянно «на военном положении», а названные раскладки оставались лишь желаемыми.

В момент возвращения отрядов из-под Верхнеуральска в Белорецк и выступления в западном направлении норма выдачи хлеба сокращается до 1—1/2 фунта на человека в сутки. Это мотивировалось тем, что «в полосе нашего движения нет запасов хлеба, кроме того необходимо образовать некоторый запас» [5]. Но и эта норма продержалась недолго. Она сокращалась еще неоднократно.

В силу трудностей заготовки продуктов в условиях военных действий отрядов и вражеского окружения вводятся также жесткие нормы выдачи фуража. Например, в Троицком отряде одно время на каждую лошадь выдавалось по 12 фунтов овса и 12 фунтов сена [6]. Но большую часть времени достать овса не удавалось, и кони получали скудные охапки сена и травы.

Во время пребывания партизан в Белорецком районе заготовка продовольствия и фуража производилась через сельские Советы. С момента выступления отрядов все осложнилось. Главкомом разрабатывается специальная система действий отдела снабжения на походе. Для пла

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 335, л. 11 и об.

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 41. До Пономаря отдел последовательно возглавляли Новиков, дезертировавший в период отхода войск от Верхнеуральска, и Соколов, временно исполнявший должность начальника отдела.

[3] Там же, л. 7, 30 об.

[4] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 19.

[5] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 39.

[6] Там же, л. 147.

номерной и более продуктивной заготовительной работы в отдел снабжения от каждого отряда выделяется по два представителя с необходимым числом людей. Эти заготовители от отрядов совместно с представителями отдела снабжения Главного штаба следовали «на переход впереди армии, где к приходу отрядов заготовляли все необходимое, выдавая продукты по мере подхода отрядов»[1]. В одном из распоряжений главкома о заготовке с помощью местных советских органов овса начальнику снабжения было выделено 30 тыс. руб. из расчета выплаты за 1 пуд не более 8 руб.[2].

Работа снабженцев, вынужденных опережать партизанскую армию и действовать в районах, чаще всего занятых врагом, была всегда связана с риском. Их на каждом шагу подстерегала опасность: немало было случаев, когда снабженцы попадали под обстрел, несли потери, а то и захватывались белыми в плен. Значительные жертвы были в районе Архангельского. Стерлитамаковец Саидгалеев, переведенный из 17-го Уральского полка в качестве одного из заготовителей в штаб Троицкого отряда, во время заготовки скота в районе Иглино лицом к лицу встретился с конными белогвардейцами, но не растерялся и сумел ускакать на проворном коне[3].

Иного выхода не было. Отряды должны были двигаться без задержки и на стоянках и местах ночлега своевременно получать необходимое питание и фураж. Мало было найти к приходу отрядов муку. Следовало испечь хлеб. Мука, как это делалось в Белорецке, раздавалась крестьянам одновременно в нескольких селах. Свежевыпеченный хлеб и другие продукты, заготовленный скот на указанных пунктах назначения ждали прибытия отрядов[4]. Так как выпекать хлеб удавалось далеко не всегда, бойцам приходилось выдавать муку. Во время остановок партизаны разжигали костры и на горячих углях пекли пресные лепешки[5].

По мере продвижения к Уфе и обострения борьбы между партизанскими и белогвардейскими частями проблема снабжения отрядов становилась все более сложной. Перед выходом к Самаро-Златоустовской железной дороге с продовольствием в партизанских отрядах обстояло крайне неблагополучно. Во многих полках бойцы по не-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 40—41.
[2] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 136 об.
[3] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 25, 43, 47.
[4] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 39.
[5] Там же, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 2.

скольку дней не видели хлеба, питались от случая к случаю.

Перспективы на улучшение положения, казалось, никакой, ибо после разгрома врага на железной дороге предстоял бросок всех отрядов на север, к реке Уфе, и новый бой. Но продовольственное положение неожиданно улучшилось в связи с захватом на ст. Иглино больших запасов муки.

Партизаны все время остро нуждались в одежде. Во внешнем виде общее у них было лишь одно: наличие ярко-красных лент на груди или левом рукаве. Одеты же были они пестро — в шинели, пальто, пиджаки, некоторые шагали полураздетыми. Большинство же было одето легко и чаще всего плохо: в старые простиранные до потери своего натурального цвета рубашки, имели головные уборы самых различных фасонов. У некоторых рубашки и брюки от ветхости совсем расползались, на одну заплату приходилось пришивать другую.

Осебенно плохо было с обувью. Счастливых обладателей крепких сапог или ботинок было очень немного. У многих обувь разваливалась, другие обували лапти. Приходилось беречь не только сапоги, но и лапти, запас которых на всю армию составлял всего несколько возов. В хорошую погоду многие бойцы пылили по дороге босыми ногами, вскинув за плечи свою обувь — будь то сапоги или лапти.

После поступления в распоряжение партизанского соединения мануфактуры из обозов Уральского и Стерлитамакского отрядов отдел снабжения мобилизовал женщин из числа беженок и крестьянок на пошив одежды для партизан. Женщины шили рубашки, брюки. Особенно много одежды удалось сшить в районе с. Макарово[1]. Шили одежду и в швальных походных мастерских. Кое-что предпринималось с шитьем и ремонтом обуви. Но запасы кожи и возможности изготовления из нее обуви в походе были крайне незначительны. Ремонт кожаной обуви в ограниченных масштабах осуществлялся в отрядах различными хозяйственными подразделениями: сапожными мастерскими, группами при хозчастях и обозах, бойцами нестроевых рот.

Если в начале нестроевые роты имелись лишь в отдельных полках, то в дальнейшем они были организованы при всех частях. В них по возможности включались люди мало пригодные из-за болезни или физических не-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 18, 49; ПАБО, ф. 7655, оп. 1. д. 89, л. 10.

достатков для участия в боях, но умеющие сапожничать и т. д. Однако приходилось в эти роты включать при острой необходимости и умельцев-строевиков. В таких ротах сосредоточивались сапожники, портные, шорники, кузнецы, слесари, столяры, плотники и другие специалисты, нужда в которых была постоянной.

Следует при этом отметить, что все бойцы нестроевых рот, способные сражаться, были вооружены, не раз прибегали к мерам самообороны, выступали в роли боевых единиц по защите от набегов вражеской кавалерии обозов [1].

В жизни партизанского соединения, не имевшего специально налаженного материального обеспечения, проявлявшего, как и должно было быть, щепетильность по отношению к населению, большую роль играли имевшийся денежный фонд и правильная его организация. С приходом к руководству партизанской армией В. К. Блюхера были постепенно осуществлены упорядочение и централизация финансового дела.

В руках Главного штаба, комиссара финансов К. Г. Сандырева, были сосредоточены практически все денежные и валютные (драгоценные металлы) запасы. Их фонд был составлен за счет запасов отрядов и частей, сохранившихся местных органов Советской власти.

Наиболее значительными были поступления от Уральского, Верхнеуральского, бывших Стерлитамакского, Баймакского отрядов, Белорецкого ревкома. В распоряжение Белорецкого ревкома около 1 млн. 200 тыс. рублей сдал И. Ф. Туманов, бывший командующий Уфа — Златоустовским фронтом. Не меньшей суммой располагал и сам ревком. Уральский отряд имел не менее 5 млн. руб. У верхнеуральцев оставалась еще большая часть денег из суммы в 5 млн. руб., полученных от Советского правительства после того, как в мае 1918 г. побывали на приеме у В. И. Ленина коммунисты В. А. Константинов и П. Е. Федосеев [2], деньги Белорецкого ревкома — до 3—5 млн.

Большой золотой запас был вывезен из Верхнеуральска и Баймака. Верхнеуральцы доставили 12 пудов золота, которое в момент контрреволюционного выступления белочехов, захвата ими Челябинска и Златоуста едва не было утрачено. На крытой повозке с вооруженной охра-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 12 об., л. 31 и об.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 35—36; В боях и походах, с. 79—80. П. Е. Федосеев в дальнейшем отмечал, что Верхнеуральский отряд, будучи в Белорецке, имел более 3 млн. руб. (см.: ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 357, л. 59).

ной из Верхнеуральска золото было отправлено в Екатеринбург для обмена на бумажные деньги. Проехав примерно до 80 верст, близ г. Миасс, группа подверглась нападению со стороны белочехов и заняла круговую оборону. Но повозку и охрану выручил и доставил обратно в Верхнеуральск кавалерийский отряд под командованием В. А. Константинова, брошенный в погоню, как только верхнеуральцам стало известно о захвате белочехами Златоуста и его района. Баймакцы вывезли золота 7 пудов и 38 фунтов[1]. Небольшие партии золота были получены Главным штабом и от других отрядов. Были заприходованы хранившиеся у комиссара финансов облигации государственного $5^1/_2$-процентного займа на сумму 288. 050 руб.[2].

На почве централизации денежных средств между Главным штабом, отрядными штабами и командирами различных рангов случались конфликты. Крупнейший из них произошел с командиром Архангельского полка В. Г. Данбергом, проявившим анархистские склонности. Отрядом в начале сентября в с. Ново-Троицкое было конфисковано около 27 тыс. руб. Главный штаб и лично В. К. Блюхер потребовали сдать их комиссару финансов. Данберг отказался подчиниться распоряжению.

Блюхер вынужден был отметить это в приказе № 51 от 12 сентября и объявить Данбергу «выговор»[3]. В. Г. Данберг «встал в позу», выступил со своим приказом, в котором заявлял, что приказ Главкома является дезорганизующим и т. д. 15 сентября В. Г. Данбергу направил, как старший товарищ и коммунист, письмо М. В. Калмыков, увещевая и вместе с тем сурово осуждая того за беспрецедентное поведение, недостойное командира и коммуниста. Калмыков отметил тенденцию к обособлению Архангельского полка, который Данберг стал постоянно именовать отрядом. Калмыков указал на факт отказа Данберга комиссии главного штаба в возможности проверить состояние полкового обоза. «Если командующий отрядом или полком, — писал М. В. Калмыков, — не подчиняется Главкому, то боевики, видя такие приказы, как отданные Вами по отряду, не будут подчиняться Вам, благодаря чему мы будем не защитники Советов, а анархисты». Калмыков отмечал, что Данберг недобросовестно опирается «на малосознательность масс из побуждений

---

[1] В боях и походах, с. 81—82; За власть Советов, с. 205.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 282.

[3] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 91, л. 159; ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 64; ф. 3577, оп. 1, д. 88, л. 19.

быть может честолюбия и выгоды, создавая конфликт, разлагает общую работу армии, а это в настоящий момент и является изменой революции» [1].

Конфликт этот в момент соединения партизанской армии с Красной Армией исчерпан не был. В. К. Блюхер оставил это без последствий, но пути его с В. Г. Данбергом лично и с Архангельским полком разошлись.

В штабах отрядов, как и в Главном штабе, хранились, особенно в первые недели рейда, значительные подотчетные денежные суммы.

В пути следования, главным образом на завершающем этапе, для получения дополнительных средств партизанами в отдельных случаях применялись реквизиции у контрреволюционных, буржуазных элементов. Реквизиции строго контролировались Главным штабом и осуществлялись специально созданными в августе — сентябре в полках и отрядах реквизиционными комиссиями. Так, 12 сентября была создана Реквизиционная комиссия в Верхнеуральском пехотном полку [2]. В комиссию Верхнеуральского отряда входили старый белорецкий коммунист И. К. Портсман (председатель), С. Земцов, Н. Епифанов, М. Колышкин, В. Чертов и другие, всего 9 членов и 11 их помощников [3].

В Иглино Верхнеуральским отрядом у торговца Т. Хлестакова «за спекуляцию» было взыскано 4 тыс. руб. Там же было конфисковано 23 руб. серебром и 13 руб. медью. Взыскано было 5.054 руб. с начальника станции Курминского, «замеченного в преступных действиях против Советской власти». Все эти суммы были сданы [4]. 13 сентября в Аскино были конфискованы и приняты казначеем Верхнеуральского отряда золотые изделия: кольцо, брошка, браслет, 24 монеты, а также 69 серебряных монет, 2-е серебряных часов [5]. Ранее уже отмечалось, что Архангельским полком в с. Ново-Троицкое было конфисковано около 27 тыс. руб.

Деньги шли на удовлетворение самых различных нужд партизан, красноармейцев, а также беженцев, остающихся в тылу врага коммунистов, семей уходящих с армией бойцов и командиров.

Основной статьей денежных расходов являлись, по-видимому, выплаты жалованья бойцам и командирам. Судя

---

[1] ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 88, л. 19—20.
[2] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 59 об.
[3] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 9, л. 20—21; д. 14, л. 6.
[4] Там же, ф. 3478, оп. 1, д. 4, л. 49 об.
[5] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 14, л. 9.

по одному из документов, суточные на каждого из них в августе составляли 7 руб. (вне зависимости от должности) [1]. В воспоминаниях, как правило, отмечается, что месячное жалованье каждого партизана составляло 150 руб.

О характере этих и некоторых других расходов можно судить до некоторой степени по данным Верхнеуральского отряда, относящихся к августу. Так, 8 августа Верхнеуральский отряд от комиссара финансов Верхнеуральского и Троицкого отрядов «на содержание и хозяйственные расходы» получил 300 тыс. руб. В тот же день был выдан аванс в сумме 128. 250 руб. на раздачу жалованья бойцам Верхнеуральского пехотного полка и отдельных подразделений других частей. Остаток 9 августа составил 158. 750 руб. [2]

10 августа от Главного штаба было получено так же 300 тыс. руб. С 10 по 14 августа на выдачу жалованья за август было израсходовано 168. 195 руб., включая 945 руб., выданных 6 бойцам еще за июнь. Выдано было возчикам обоза 1360 руб.

Аванс частям отряда на хозяйственные нужды и расходы выразился в 57. 245 руб. 43 коп., т. е. значительно меньше сумм служебных окладов. Всего к 15 августа в отряде было израсходовано 368. 450 руб. 43 коп. В наличии в кассе оставалось 231. 549 руб. 47 коп. [3]

В партизанской армии было налажено, так сказать, и социальное обеспечение семей, вдов убитых и без вести пропавших воинов. Им выдавались денежные пособия. Так, в Верхнеуральском отряде 10—14 августа сумма таких пособий составила 400 рублей [4].

Хозяйственные денежные расходы были самыми разнообразными, но их главную статью составляли выплаты населению за продовольствие и фураж, о чем речь уже шла. Следует отметить, что в качестве валюты широко использовалась мануфактура, нужда в которой у населения была огромной. Мануфактура часто служила единственным эквивалентом за лошадей, так необходимых партизанской армии. Что же касается запасов золота и других драгоценных металлов, то несмотря на постоянную и острую нужду в средствах их запасы партизаны не расходовали, всячески оберегали и по выходе из-за линии вражеского фронта целиком сдали.

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 31 об.
[2] Там же, л. 23 и об.
[3] Там же, л. 31 об.
[4] Там же.

В отдельных случаях, когда по каким-либо причинам не представлялось возможным приобрести продовольствие за деньги, отдел снабжения прибегал к реквизиции и конфискации. Но действия снабженцев в этом отношении подвергались особо тщательному контролю. Как правило, только с санкций реквизиционных комиссий штабов производились те или иные реквизиции и конфискации. К тому же эти крайние меры применялись только по отношению к кулачеству, купечеству, выступавшим против Советской власти. Отклонение от этих требований, неуплата за продовольствие беднякам и середнякам, причинение им какого-либо ущерба или самовольные реквизиции расценивались командованием отрядов как мародерство и нещадно наказывались [1]. Подобный же подход был и при разрешении вопроса привлечения к обслуживанию нужд партизанских войск подвод.

Большое число повозок требовалось отделу снабжения, подвижному фронтовому лазарету, отрядам и отдельным полкам. Для успешного решения всех этих вопросов при Главном штабе была создана транспортная группа (отдел). Заведующим транспортом 7 августа был назначен В. А. Константинов, а его помощником — Тюрин. На них возлагались обязанности «по наряду подвод, распределению их по отрядам, наблюдению за распределением грузов на подводах, за правильностью движения обозов» [2].

В связи с тем, что дополнительные подводы — лошадей, повозки — по пути следования доставать становилось все труднее и труднее, создается комиссия из представителей всех отрядов. Она пересмотрела загрузку обозов и груз на каждую подводу довела до 10—15 пудов. Высвободившиеся подводы были переданы в резерв начальника снабжения, откуда по заявкам направлялись в отряды [3].

Отделы снабжения и транспорта были в состоянии перевезти на повозках значительную часть партизан-пехотинцев. Обозы отрядов, лазареты, обозы беженцев, тысячи повозок были характерным признаком уральской партизанской армии.

Уровень обозной службы в годы гражданской войны (да и, естественно, боевой, особенно кавалерийских частей) в огромной степени зависел от постоянного решения жгучей и повседневной конской проблемы. И она в целом

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 388, л. 1; ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 28; Гражданская война на Южном Урале, с. 125.

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 40—41.

[3] Там же, л. 39—40.

решалась успешно посредством максимально возможного в условиях похода, боев ухода за лошадьми, изыскания корма для них, выпаса в часы короткого отдыха, захвата коней у противника, приобретения их за плату у населения и обмена уставших на «свежих». В Архангельске, например, удалось приобрести для артиллерии мощных породистых коней, заменив ими в упряжке низкорослых, сравнительно слабосильных башкирских лошадок [1].

Как и принято было в регулярных войсках, в отрядах и при Главном штабе имелся конский запас. Например, в Верхнеуральском отряде он все время поддерживался на уровне 100—120 лошадей, в том числе минимум верховых — 60, артиллерийских — 10, обозных — 30 [2].

В целом же в этом отряде, по данным на 15 августа, имелось всего 1.327 лошадей, в том числе строевых — 1001, нестроевых — 308, артиллерийских — 18. К 18 сентября количество лошадей увеличилось уже до 1.702 (строевых — 1133, обозных — 569). Большая часть лошадей приходилась на кавалерийский полк. Но и в пехотных полках их имелось немало, например, в Верхнеуральском к 8 сентября насчитывалось 66 верховых и 163 обозных [3].

Общее количество коней в Сводном Уральском отряде достигало многих тысяч, очевидно, не менее 6—7 тыс. Несколько тысяч лошадей шли в упряжке у беженцев. Коней, как ни трудно это было делать, партизаны берегли. Плохо относившиеся к ним кавалеристы спешивались и наказывались [4].

Решалась в войсках и проблема с повозками, телегами. Налажено было их ремонтирование.

От движения огромных обозов конных полков и сотен на большое расстояние разносились топот, ржание, шум, стук, грохот и многоголосый тележный скрип. Дегтя для смазки колес не хватало. На это шло все, вплоть до коровьего масла и помета. Колеса и оси от непрерывного движения перегревались, нередко начиная дымиться. В сухую погоду над перемещающейся армией нависала многоверстная серая туча пыли.

В большинстве случаев партизанские отряды и обозы следовали параллельными дорогами компактно, не слишком растягиваясь. Сводный Уральский отряд, несмотря на многочисленность его рядов, наличие массы беженцев, громоздких обозов, был хорошо управляемым партизан-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 445.
[2] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 62.
[3] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 15, л. 1, 3.
[4] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 114.

ским соединением. В боях под Верхнеуральском, Белорецком и Стерлитамаком был накоплен первый опыт взаимодействия между отрядами и частями. Этот опыт обогатился и достиг высокой степени совершенства в последующих сражениях.

2. Воспитание мужества

В частях Сводного Уральского отряда на протяжении всего рейда, во время переходов, особенно на привалах, во время кратковременных передышек, как это было в районе Богоявленска, проводилась интенсивная политическая работа.

В этой работе первостепенное внимание уделялось укреплению дисциплины и дальнейшему сплочению рядов партизан. Подвергались анализу действия подразделений и бойцов в последних боях и в походе. Сурово осуждались и наказывались те, кто проявил нестойкость в бою, забыл помочь своему товарищу и т. д. Вся работа была направлена на подтягивание отстающих, укрепление морально-политического единства бойцов, повышение боеспособности частей и обеспечение высокой готовности к предстоящим боям.

Соединение Уральского, Верхнеуральского и Троицкого отрядов с богоявленцами и архангельцами в середине августа в общем совпало с завершением организации дисциплинарных, судебно-следственных органов, сплочением коммунистов и их активизацией. Повышение роли партийных организаций и отдельных членов партии, усиление всей воспитательной работы и борьбы за крепкую дисциплину в партизанских частях находилось в прямой зависимости от прихода к руководству всеми войсками В. К. Блюхера, стойкого коммуниста, всегда выдвигавшего воспитательную работу среди бойцов и командиров на первый план.

Важным средством внедрения в частях партизанской армии революционной дисциплины, коммунистической нравственности, товарищеской взаимопомощи являлись следственно-судебные дисциплинарные органы. При их создании и совершенствовании использовался опыт, накопленный некоторыми отрядами и полками до слияния в Белорецке. Еще в июне—июле следственные комиссии (они именовались и «чрезвычайными») и Военно-революционные суды были образованы в Троицком и Верхне-

уральском отрядах [1]. В следственную комиссию Троицкого отряда с 18 июля входили Урванцев, Ефремов и Артецкий, а в Военно-революционный суд — Ф. Пурусов (председатель), С. Артецкий (секретарь), Г. Захаров и Н. Захаров (члены) [2].

В следственную комиссию Верхнеуральского отряда, образованную 9 августа, входили Н. Мирошин (председатель), Ф. Н. Сызранкин (член), секретарями последовательно были — Ф. Скобцов, С. Немов и Чернышов [3]. Ф. Н. Сызранкин одновременно возглавлял следственную комиссию Белорецкого полка, будучи избранным на эту должность на партийном собрании части. Комиссия работала в тесном контакте с партийным комитетом и всей организацией коммунистов [4]. В следственную комиссию Уральского отряда, по данным на 10 сентября, входили: Мараков (председатель), Соловов (секретарь), Богатов, Чеменов, Лебедев, Плеханов, Поносов, Голубинов, Кунчиков, Шахаев, Свободин и Малов [5].

Следственные комиссии рассматривали крупные преступления и проступки. Их постановления подлежали утверждению командующих отрядами. Для рассмотрения мелких проступков (случаи неподчинения командирам или небрежное исполнение обязанностей, грубое обращение с товарищами, с жителями и т. п.) в ротах, сотнях, батарее, обозе Верхнеуральского отряда создаются товарищеские суды. Как Военно-революционные, так и товарищеские суды избирались бойцами и командирами.

При Уральском отряде еще в начале июня в Оренбурге был создан «Контрольный Совет» [6]. Непосредственной причиной создания этого органа явилось то обстоятельство, что у многих бойцов появилось недоверие к командирам — бывшим офицерам. Противоречия между командирами и бойцами достигли большой остроты. Необходимо было по существу разобраться в создавшейся обстановке, сплотить бойцов и командиров, оказав последним помощь по устранению недостатков в организации снабжения бойцов и т. д.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 266—268; Гражданская война на Южном Урале, с. 125. В Троицком отряде комиссия называлась «следственной», а в Верхнеуральском — «контрольно-следственной».

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 144; ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 4.

[3] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 34 и об.

[5] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 272—273.

[6] Там же, ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 87—88; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 136 Официально считалось, что это Совет I Уральского полка; фактически в нем были представители и других частей: батареи, кавалерийской сотни и эскадрона и он являлся отрядным.

Совет взял на себя право контроля над действиями командного состава. С самого начала акцент делался на необходимость контроля политической жизни части. Организаторами Контрольного Совета явились депутаты Екатеринбургского Совета из числа бойцов 1-го Уральского полка, видные коммунисты, в числе всего около 20 человек[1].

В одной из принятых резолюций депутаты, «всецело стоящие на платформе Российской Рабочей Партии (большевиков) коммунистов», — как они подчеркивали сами, записали: «Решили: осветить стороны жизни полка, волнующие красноармейцев, для чего и объединиться в Контрольный Совет, целью которого является объединение всех частей полка в политическом отношении, знакомство со всеми отраслями жизни полка и попутное ознакомление с ними всех членов полка»[2].

В числе руководителей Контрольного Совета были А. Ильин, Перепелкин, Шабалин, Березин, Тарасов и А. Потапов. Председателями Совета последовательно были — Перепелкин, Шабалин и А. Ильин, секретарем — на протяжении всего времени — А. Потапов[3].

Совет, состоящий преимущественно из коммунистов, своими функциями и характером деятельности во многом напоминал политотдел; он был своего рода коллективным политкомиссаром. В инструкции функции членов Контрольного Совета определялись следующим образом: «а) На обязанности членов Совета лежит осведомительная роль о всем, что происходит в полку; по всем вопросам, волнующим солдат, члены Совета делают доклад президиуму, от которого получают разъяснения и проверяют все сведения, касающиеся внутренней и внешней политической и хозяйственной жизни; б) В случае волнения части по вопросам строевой части член Совета обязан обратиться за разъяснением к своему непосредственному строевому начальнику; в) При остановках в селениях на обязанности членов Совета лежит принимать меры и следить за тем, чтобы в частях не было никаких самостоятельных действий; г) Каждый представитель ответственен перед Советом за настроение части»[4].

Контрольный Совет не только боролся за крепкую

---

[1] Судя по протоколам заседаний, в Совет входило от 19 до 23 человек (см.: ЦГАСА, ф. 2490, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 43; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 136.

[2] ЦГАСА, ф. 28148, оп. 1, д. 4, л. 87.

[3] Там же, ф. 3576, оп. 1, д. 44, л. 43; ф. 28158, оп. 1, д. 4, л. 87—88; ф. 2490, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 43.

[4] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 136.

дисциплину в частях, пресекал преступления, распространение панических и провокационных слухов, но и осуществлял повседневное политическое воспитание бойцов и командиров, поднимал их моральный дух. Это был выборный орган, и в нем были представлены все части, подразделения и команды Уральского отряда.

Контрольный Совет периодически собирался и обсуждал различные вопросы, связанные с борьбой за высокое политическое сознание и железную дисциплину в частях отряда. 12 августа состоялось общее собрание Контрольного Совета в присутствии 22 членов. Обсуждались вопросы: 1) Настроение в полку и борьба с провокацией; 2) Борьба с дезертирством и мародерством; 3) Доклад врача Федорова; 4) О роли членов Совета на местах.

Из докладов членов Совета выяснилось, что общее настроение бойцов «устойчивое», бойцы не верят в то, что пишут белогвардейцы в листовках, специально оставлявшихся на пути движения партизанской армии. Но отдельные бойцы вели разговоры о неустойчивом положении Советской власти в центрах, высказывали опасения, что удержать ее не удастся. Контрольный Совет осудил поведение этих партизан и заявил, что «слухи и сведения, почерпнутые из белогвардейских источников, не только не имеют под собой никаких оснований, но и явно направлены к тому, чтобы поколебать нашу уверенность в победе над контрреволюционерами и внести замешательство в наши ряды. Совет полка призывает товарищей проверять через своих представителей те сведения, которые к ним поступают, и теснее объединиться для борьбы с нашим общим врагом».

Совет, отметив отдельные, хотя и редкие случаи дезертирства и мародерства, в частности, ограбление ульев, решительно осудил их и обратился «ко всем сознательным товарищам отряда... С призывом удерживать несознательных от подобного рода преступлений, наносящих ущерб общему делу революции. Всех совершивших преступления предписывалось «препровождать в части» и наказывать «всей строгостью военно-революционных законов» [1].

Важные решения были приняты собранием и по другим вопросам. Они содействовали дальнейшему укреплению в Уральском отряде революционной воинской дисциплины, повышению морального духа бойцов.

В некоторых отношениях следственные (контрольно-следственные) комиссии отрядов, проводившие большую

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 136.

политико-воспитательную работу среди личного состава частей, по роду деятельности перекликались с Контрольным Советом Уральского отряда. После создания следственной комиссии и в Уральском отряде произошло определенное разграничение функций ее и Совета, продолжавшего действовать. Комиссия, в отличие от таковых в других отрядах, практически ограничивалась выполнением своих непосредственных следственно-судебных обязанностей.

Для проведения решительной борьбы с нарушителями воинской дисциплины, фактами мародерства, хищений, дезертирства и т. п. пагубными явлениями, как и с партизанщиной в ее отрицательном смысле вообще, В. К. Блюхер по выходе из Белорецка принимает ряд важнейших решений. В специальных приказах, широко доводившихся до бойцов и командиров, он строго предупреждает о недопустимости нарушений дисциплины, мародерства, насилий над населением и др. преступлений и призывает ко всеобщей и решительной борьбе с малейшими проявлениями этих чуждых революционной природе явлений в партизанских частях.

7 августа в Верхнем Авзяне главком создает следственную комиссию при Главном штабе. Ее председатель коммунист С. П. Попов был назначен приказом главкома, а члены — по одному-два от каждого отряда избираются бойцами и командирами [1]. Затем при Главном штабе создается полевой революционный суд [2]. В этот суд кроме председателя и секретаря, находившихся при Главном штабе, входили представители отрядов по 2 от каждого. В обычное время они находились в частях и исполняли свои прямые служебные обязанности.

Небезынтересно привести воспоминания С. П. Попова: «В нашем отряде были нарушители дисциплины. Помню случай в Богоявленском заводе. Три бойца Верхнеуральского отряда в одной из квартир похитили карманные часы и сапоги. Потерпевший явился к нам в штаб с жалобой.

Иван Каширин спросил его: «Вы узнаете воров?» Потерпевший указал дом, в который вошли воры. Часы и сапоги вернули пришедшему, а бойца, укравшего часы,

---

[1] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 14, л. 8; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 41. Позднее, 9 сентября, при доформировании следственной комиссии ее председателем вместо С. П. Попова был утвержден С. Артецкий (см.: ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 159).

[2] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 132. Данный суд и отрядные суды в документах называются по-разному, чаще — «военно-полевыми» (см.: Там же, л. 42).

Иван приказал расстрелять. Его повели за село, а другим двоим всыпали по 25 казачьих нагаек. Командир подразделения просил И. Каширина помиловать его бойца. «Посмотрите, — говорил защитник, — ведь боец-то почти босый, в рваной рубашке и заплатанных штанах». Иван Каширин буквально взревел: «А ты что думаешь, часами одеться и обуться можно?!», а потом крикнул: «Вернуть бойца!». Бойца выпороли, а командира подразделения перевели в рядовые. Подобные случаи были и в других отрядах. В отряде работала следственная комиссия.

Однажды на привале к нашему В-Уральскому отряду подъехал Блюхер. Побеседовав с бойцами, он посетил полевой штаб; мы пили чай, ели печеную картошку. Пригласили Блюхера, он не отказался. После общего разговора мы рассказали Василию Константиновичу случай с кражей часов и сапог. Главком улыбался и задавал вопросы: «А как, до крови?», «Сильно кричали?», «Сколько дней болели?», «Лечили ли их?». «Да нет, тов. главком, — отвечали ему, — так, до синяков, до волдырей, свои ведь пороли-то». «Да, — сказал Блюхер, — нагайка казака — это сила, многие помнят ее по 1905 году». И, обращаясь к Ивану Каширину, предложил: «Вы бы попытались создать комиссию человек из трех, пусть она выработает правила для наказания за нарушение дисциплины, нельзя же только расстреливать и пороть». В. К. Блюхер при этом указал, что должны учитываться и отличаться преступления, за которые следовало отдавать под суд, и проступки [1].

В те же дни последовал приказ Блюхера: «В каждом отряде образовать следственную комиссию и военно-полевой суд из выборных представителей от частей отряда» [2].

Следственным комиссиям данный приказ и разработанная позднее специальная инструкция — «Руководство для следственных комиссий при отрядах» вменяли в обязанность «производить следствия по всем проступкам и преступлениям, после чего следственный материал передавать в военно-полевой суд, который определяет наказание... Утверждение приговоров военно-полевых судов принадлежит власти командующего отрядом. В случае несогласия командующего с постановлением суда весь следственный материал с мнением командующего передается в

---

[1] ВКМ. Воспоминания С. П. Попова, л. 7—8.
[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 42.

следственную комиссию при Главном штабе на заключение, какое окончательно утверждается Главкомом»[1].

Следственные комиссии в отрядах не только вели следствие по поводу тех или иных преступлений, но и наказывали тех лиц, дела которых не считали нужным передавать в военно-полевой суд. Специальная инструкция предусматривала различные меры наказания за «самовольную замену лошадей», «быструю езду без особенной к тому надобности», «грубое обращение с жителями», «стрельбу на стоянках», «самовольный уход из части и укрывательство в обозе» и т. д.

В числе других мер наказания в отрядах применялись удары плетью (от 10 до 100, в зависимости от характера проступка или преступления), изгнание из рядов партизанской армии, передача дела в военно-полевой суд, который мог приговорить преступника и к смертной казни. Телесные наказания применялись в редких случаях и были введены по настоянию самих бойцов, решительно боровшихся за искоренение позорных явлений в своих рядах[2].

Но, пожалуй, не ведение следствия и определение меры наказания или передача дела в военно-полевой суд было главным в деятельности следственных комиссий. Они вели широкую и постоянную работу по предупреждению проступков и преступлений, вместе с командирами и коммунистами, всеми высокосознательными бойцами оказывали на морально неустойчивых товарищеское воздействие.

Следственно-контрольные комиссии заботились о предупреждении нарушений установленных порядков, злоупотреблений властью со стороны должностных лиц. С этой целью производились контрольные проверки деятельности начальствующего состава, штабов отрядов, полков, хозяйственных частей, обозов, госпиталей и других подразделений[3].

Эти комиссии проводили собрания; митинги, на которые приглашались командиры, коммунисты, лица, сведущие в обсуждавшихся вопросах. Пропагандистская, разъяснительная работа комиссий, особенно в тех полках, в которых не функционировали партийные организации, была важным звеном в деле воспитания рядового и командного состава партизанской армии.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 708, л. 42.

[2] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 159 и об. Инструкция 12 сентября была включена, как составная, в приказ Главкома (см.: Там же, ф. 4, оп. 3, д. 91, л. 159 и об.).

[3] Там же, ф. 1348, оп. 1, д. 14, л. 1.

Следственно-контрольные и судебные органы партизанской армии как правило состояли из наиболее авторитетных и стойких коммунистов. Они сыграли в укреплении военно-революционной дисциплины в отрядах, наряду с партийными комитетами и группами, выдающуюся роль. Не случайно газета «Уральский рабочий» писала: «Войска Блюхера — это пример организованности и порядка. Во всех полках и частях имеются полковые комитеты, партийные комитеты. Организованы полковые и ротные суды» [1].

Контрольно-следственные комиссии вели как индивидуальную работу среди партизан через своих членов, так и воздействовали на нерадивых общественным мнением всей части. Например, в Белорецком полку проступки бойцов выносились на обсуждение общих собраний личного состава. Оценка действий того или иного нарушителя, данная своими товарищами в присутствии сотен людей, была необычайно действенной. Она заставляла бойца, нарушавшего революционную дисциплину, посмотреть на свое поведение взглядом своих товарищей, понять, что он позорит не только себя, но и огромную массу честных людей, всю партизанскую армию. Так, с гневом и возмущением обсуждал коллектив Верхнеуральского стрелкового полка поведение двух бойцов, которые между Серменево и Узяном залили водой улей и забрали мед у крестьянина. Это был настоящий революционный массовый суд в присутствии пострадавшего крестьянина и его односельчан. Выступавшие говорили:

— В нашей среде не должно быть мародеров и грабителей. Позор! Некоторые требовали расстрела грабителей, опозоривших высокое звание советского бойца-партизана. Крестьяне сами стали просить за жизнь провинившихся. Преступники были сурово наказаны. Собравшимся бойцам и населению было разъяснено, что грабеж или хотя бы мелкая обида, причиненная населению, особенно трудящимся — это тягчайшее преступление перед революцией. Крестьяне поняли, что имеют дело с отрядами, которые строго стоят на принципах революции и ре-

---

[1] Уральский рабочий, 1918, 29 сент. Конкретные сведения относительно комитетов и т. д. газета дает не совсем точно. В частности, партийные комитеты существовали не в каждом полку. Полковых комитетов как таковых не было вообще. Здесь, по-видимому, имеются в виду контрольно-следственные комиссии и т. п. органы (например, «комитет военного контроля» в Верхнеуральском стрелковом полку, существовавший, однако, «в одном лице» с полковой «контрольной комиссией». См.: ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 11—12).

шительно защищают трудящихся от всяких несправедливых действий со стороны кого бы то ни было [1].

В полках и отрядах наказывались не только партизаны за мародерство, но и комсостав, хозяйственники за неправильно проводимые заготовки продуктов, скота, за ущерб, причиненный трудящимся. 20 августа следственная комиссия Верхнеуральского отряда заставила заведующего хозяйством конного полка Андреева выплатить из своего жалованья по рыночной цене стоимость конфискованного и зарезанного им быка у жителя дер. Текельда Стерлитамакского уезда [2].

В полках данного и других отрядов на протяжении всего боевого похода имела место полезная практика собраний представителей рот и команд, общие собрания бойцов в подразделениях. На них также обсуждались животрепещущие вопросы дисциплины и проступки бойцов и командиров [3]. Однако, иногда такие собрания в частях Верхнеуральского отряда выливались в стихийные митинги, на которых переизбирались голосованием командиры, проявлялись отрыжки «партизанщины» в дурном, уже не принятом в соединении, смысле. Они командным составом и партийными организациями были сурово искоренены [4].

В Верхнеуральском отряде, в котором под воздействием предательства под Верхнеуральском группы бывших офицеров и бойцов, провокационных слухов дисциплина была расшатана, наблюдались чаще, чем в других частях случаи мародерства, была проведена «чистка». С помощью самих бойцов были выявлены малодушные, недисциплинированные, небрежно относившиеся к порученному делу пехотинцы, кавалеристы и с позором изгнаны из полков [5]. Столь же решительно с недисциплинированностью, мародерством боролись и в других отрядах, в Троицком, Уральском и Богоявленском [6].

Партизанская армия, как и всякий большой общественный коллектив, не была лишена отрицательных проявлений со стороны отдельных групп и лиц. В исторических работах, а также в очерках и воспоминаниях вопросы борьбы за крепкие, дисциплинированные отряды, нещадного искоренения преступности и всякой расхлябанности обходятся.

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 109, л. 70.
[2] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 34.
[3] Там же, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 5—19.
[4] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 32.
[5] Гражданская война на Южном Урале, с. 124, 130.
[6] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 52, 222; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 134.

Авторы отмечают, что партизанские отряды были дисциплинированными, обладали высокой стойкостью и т. д. У читателя создается впечатление, будто отряды с самого начала были такими и были лишены недостатков. Такое представление не только принижает огромную и упорную партийно-политическую работу среди бойцов, но и не дает возможности по настоящему объяснить причины удивительного подвига уральских отрядов, разнородных по составу и формировавшихся буквально на ходу в необычных условиях.

Постановке политической работы среди партизан, беженцев и населения много помогала имевшаяся в отрядах литература, основная часть которой была взята в Белорецке. Участник рейда П. И. Рябов вспоминал: «Еще в Белорецке нас снабдили литературой. Это были статьи из газет «Правда», «Вперед», декреты Советской власти о земле и мире, «Декларация прав трудящихся России»[1].

Отдельные отряды и полки, например Белорецкий, издавали небольшими тиражами напечатанные на машинках листовки. Они обычно составлялись на привалах, бывало и на ходу. В Белорецком полку много работали в этом плане А. В. Обухов, В. Клубоков[2].

Мужество в критических ситуациях, в боевой обстановке воспитывалось и крутыми мерами командиров и наиболее сознательных и стойких бойцов. Например, пулеметчик кавалерийского полка им. Степана Разина И. Бахарев, когда в одном из боев часть бойцов третьей сотни проявила малодушие, стала отходить, повернул «максим» против отступающих и крикнул: «Вернитесь, иначе пристрелю!». Все как один вернулись в цепь. Бахарева знали как исключительно смелого и рассудительного бойца, и его слова сами по себе вносили успокоение и уверенность в ряды партизан. Уважение к И. Бахареву после этого случая еще больше возросло[3].

Решающую роль во всей политико-воспитательной работе играли коммунисты. Они были душой партизанской армии, ее цементирующей силой. Прослойка коммунистов в отрядах была весьма высокой. Это можно утверждать со всей определенностью.

Однако на вопрос о том, сколько было коммунистов в том или ином полку и в целом в Сводном Уральском отряде, — ответить трудно. Во время похода строгого учета членов большевистской партии не велось. Встречают-

---

[1] *Лисовский Н. К.* Разгром дутовщины, с. 70.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 459.

[3] Там же, д. 388, л. 14 об.

ся только отдельные отрывочные и часто противоречивые сведения в воспоминаниях. Так, М. Е. Федосеев отмечал, что в Верхнеуральском отряде до присоединения к нему белоречан и части Южного отряда было 80—90 коммунистов. Другие считали (например, И. Филатов), что в организации было 112 членов [1]. А. В. Обухов считает, что в 17 Уральском полку до присоединения к нему Стерлитамакского и Баймакского отрядов было около 40 членов большевистской партии [2]. Число коммунистов в дальнейшем в полку, вероятно, составляло до сотни человек. В. Е. Морозов и А. Б. Вдовин отмечали, что в полку им. Ст. Разина было не более двух десятков коммунистов [3]. Но по сведениям последнего, во время рейда, после выхода из Белорецка в западном направлении, фактически стал осуществляться прием в ячейку коммунистов новых членов (всего около 30), официально оформленный по выходе из вражеского тыла [4].

Встречаются сведения о численности коммунистов в Богоявленском полку — от 30 до 60 человек. Многочисленную и многонациональную партийную организацию Архангельского полка с 14 сентября возглавил комитет «временного состава» из 7 человек, причем каждый из них представлял какую-либо группу (Архангельскую, Зилимскую, Златоустовскую и др.) [5]. В воспоминаниях говорится, что наиболее организационно крепкими и многочисленными были партийные организации в Белорецком и 1-м Уральском полках. По всей вероятности, каждая из них насчитывала не менее 200 человек.

Значительный интерес представляют официальные сведения о количестве коммунистов в полках к началу ноября 1918 г., т. е. тогда, когда они действовали уже в составе регулярных войск Красной Армии. Так, в Белорецком полку было 600 членов Коммунистической партии, в 1-м Уральском — 500, в 17-м Уральском — 160, Богоявленском — 120, Верхнеуральском кавалерийском — 200 и т. д. [6].

Относительно некоторых полковых партийных организаций, в частности 1-го Уральского, в документах говорится, что в списки коммунистов внесены «только старые члены партии» [7].

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 79; д. 357, л. 56.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1982, л. 6.

[3] Там же, д. 699, л. 87; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 25; СОКМ, фонд воспоминаний, д. 15, л. 103.

[4] СОКМ, фонд воспоминаний, д. 15, л. 102.

[5] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 142.

[6] Там же, ф. 4082, оп. 1, д. 2, л. 13; Коммунисты Урала в годы гражданской войны, с. 208.

[7] ЦГАСА, ф. 4082, оп. 1, д. 2, л. 10.

Вероятно, эти утверждения не следует абсолютизировать: какое-то количество красноармейцев к тому времени вступило в партию, но тем не менее в одних полках — основная, в других — значительная часть указанного количества коммунистов вступила в партию до присоединения блюхеровцев к 3-й армии. Относительно 1-го Уральского полка, например, это подтверждается данными воспоминаний ветеранов, которые отмечали, что «большинство красноармейцев полка были членами партии» [1].

В Богоявленском (возможно и некоторых иных частях) полку коммунисты из числа башкир и татар имели свою подорганизацию. Они избрали своим «политическим представителем» Шайхизаде Якупова [2]. После выхода партизанской армии из вражеского тыла число коммунистов стало резко возрастать. Партийные организации оформляются во всех частях. Приведенные сведения нельзя относить к периоду партизанского рейда, но тем не менее они примечательны. Во время рейда по районам Урала и Башкирии в полках коммунистов было меньше. Но и тогда их численность, как можно судить по воспоминаниям, достигала многих сотен человек.

Партийными органами и командованием 30-й дивизии осенью 1918 г. отмечалось, что «в бывших партизанских частях» с численностью коммунистов и состоянием партийной работы обстоит «намного лучше, чем в других, даже им. Малышева полку» [3].

В партизанской армии в целом объединенной партийной организации не было. Но, как мы отмечали, в ряде отрядов и полков функционировали партийные организации, комитеты и бюро [4]. Во главе партийных организаций Белорецкого полка стоял член партии с 1905 г. И. П. Козлов, Богоявленского — член партии с 1911 г. М. Э. Шойхет. Верхнеуральских коммунистов, находившихся в основном в пехотном полку, возглавлял М. Е. Федосеев, архангельских — партийный комитет в составе Г. Стрыжева, Е. Юрина, П. Лепина, И. Ф. Туманова, Яна Узара, П. Недрита [5], группой коммунистов Кавалерийского полка им. Степана Разина руководил А. Б. Вдовин [6]. В июле руководителем коммунистов 1-го Уральского полка были А. Ильин, А. Потапов, Тарасов. Судя по некоторым до-

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 43.

[2] ЦГАСА, ф. 3576, оп. 1, д. 85, л. 21.

[3] Там же, ф. 4082, оп. 1, д. 2, л. 9—10.

[4] ПА КФИМЛ, ф. 811, оп. 1, д. 95, л. 13.

[5] ПАСО, ф. 81, оп. 1, д. 2339, л. 4; ЦГАСА, д. 7141, оп. 1, д. 1, л. 142.

[6] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 699, л. 87.

кументам, первый из них был председателем партбюро (таковым он значится в протоколах партсобрания за октябрь 1918 г.) [1].

В некоторых полках партийные организации не были оформлены, но коммунисты выполняли свой партийный долг и вели политическую работу среди беспартийных. Особенно активно действовала Белорецкая полковая большевистская организация. Во время похода не раз состоялись заседания парткома и собрания членов партии. В частности, мы указывали на факт проведения партийного собрания в районе Узянского завода. Партийный комитет полка воспользовался остановкой части в районе Богоявленска и провел здесь общее собрание коммунистов. Рассмотрены были вопросы о внутренней жизни полка во время похода, о ведении военных действий части, о степени соответствия командного состава своему назначению, о материальном обеспечении и др. Были приняты решения, определены важнейшие направления дальнейшей работы по укреплению и повышению боеспособности полка, усилению среди бойцов и командиров влияния коммунистов [2].

Партийная организация белоречан была надежным помощником и опорой командира полка члена партии с 1917 г. А. В. Пирожникова [3]. Отмечая высокую ответственность коммунистов полка за состояние политической атмосферы в нем, один из руководителей организации — П. И. Феоктистов — приводил пример, как они на живых примерах героизма партизан и поражений врага разоблачали его фальшивки [4]. Боевыми помощниками коммунистов этого полка являлись члены Социалистического союза рабочей молодежи М. Заворуев, А. В. Обухов и десятки других.

Повседневной и целенаправленной была работа партийного бюро и всей организации коммунистов Богоявленского полка. Ее, помимо М. Э. Шойхет, умело проводили коммунисты В. Колобаев, А. Г. Первухин, Н. Баранов, Л. И. Вейншток, командиры, которые в подавляющей массе были коммунистами [5].

В 17-м Уральском полку массово-политическая работа проводилась наиболее активно и плодотворно также коммунистами. Одним из наиболее стойких подразделений была 2-я рота кустанайцев, которой командовал и кото-

---

[1] ЦГАСА, ф. 4082, оп. 1, д. 2, л. 1—2, 6.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 49—50.

[3] Там же, д. 246, л. 442—443; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 409, л. 25. д. 409, л. 25.

[4] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 6.

[5] На Южном Урале, с. 216.

рую во многом воспитывал неустрашимый командир Мищенко. Но ему помогали в этом коммунисты, в частности К. С. Вахрушев.

Так, когда измена части верхнеуральских командиров вызвала определенное волнение и во 2-ой роте, Вахрушев провел беседу с бойцами, бичуя трусов и предателей. Он говорил, что каждый из партизан «должен запомнить, что наша задача победить или погибнуть» и об этом все должны думать, а не о перебежке и перебежчиках.

К. С. Вахрушев сам показывал пример стойкости и героизма: первым вызывался идти в разведку, первым бросался в бой [1]. Среди стерлитамакцев успешно и настойчиво работали коммунисты В. Г. Барлебен, Висков, Шепелюк и др. [2].

В кавалерийском полку им. Степана Разина активно в массах партизан, кроме А. Б. Вдовина, работали В. Е. Морозов и И. П. Золотухин. Наиболее важные вопросы, с которыми следовало «выходить» к бойцам и командирам, как и вопросы о работе вообще, обсуждались на собраниях коммунистов полка. Одно из таких собраний состоялось перед выходом полка в Стерлитамакском направлении [3].

Происходили эпизодические встречи, на которых имел место обмен мнениями, информацией, опытом работы между коммунистами, партийными активистами различных частей и отрядов соединения [4].

В частях партизанской армии особенно большую роль в проведении политико-воспитательной работы играли командиры. Это объяснялось тем, что в отрядах и полках не было военно-политических комиссаров, не во всех частях функционировали партийные организации. Один из активных участников похода — М. Баландин, затрагивая характер взаимоотношений бойцов и командиров, вспоминал: «Несмотря на плохие условия, в отряде существовал устойчивый твердый порядок, была железная товарищеская дисциплина. Красноармейцы между собой жили очень дружно. Никаких ссор, перебранок, недовольств друг другом не было. Между рядовыми бойцами и командным сос-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1982, л. 7—8.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 422, л. 47.

[3] СОКМ, фонд воспоминаний, д. 15, л. 92—108. Используя в данном случае воспоминания А. Б. Вдовина, оговоримся, что сведения в них, в том числе о состоянии партийной работы в полку, противоречивы, требуют критического отношения.

[4] Там же, л. 103.

тавом не было натянутых взаимоотношений. Вне строя все были товарищи, делились друг с другом переживаниями, вместе строили планы наступления.

В строю всё было иначе. Красноармейцы безоговорочно выполняли приказания начальников. Не было обособленности командиров как в личной жизни, так и в бою; командир всегда был в цепи, показывая пример храбрости и находчивости; всё это тесно связывало красноармейцев со своими начальниками. Не было и материального неравенства между командирами и красноармейцами; все одинаково были оборваны, все одинаково получали жалованье, от красноармейца до главкома — все получали по 150 рублей, но после, когда соединились с регулярной Красной Армией, при получке было внесено разграничение. Командиры долго не мирились с этим и восставали против неравенства в жалованьи больше, чем красноармейцы; были случаи отказа получать лишние деньги» [1].

Командиры-коммунисты и беспартийные большевики в походе и в бою неустанно поднимали моральный дух бойцов, воспитывали у них глубокую преданность Коммунистической партии и Советской власти. В. К. Блюхер, командующие отрядами и командиры полков требовали от младшего командного состава повседневной работы с бойцами. М. В. Калмыков в первом же приказе по Богоявленскому полку указывал: «Всем начальствующим лицам от ротного до отделенного командира постановить своей святой обязанностью во все свободное время поднимать воинский дух среди рядовых товарищей...» [2]

Командир Верхнеуральского кавалерийского полка С. П. Галунов требовал «беседовать с боевиками как в военном, а также и политическом отношении, разъяснять, к чему мы стремимся и как можно достичь цели» [3]. И коллективные беседы, вся политическая работа проводились, как правило, на привалах, за чаем, за обедом, но и на ходу [4].

Особое внимание при этом, как уже отмечалось, уделялось беседам среди башкир и татар. Как вспоминал З. З. Ибрагимов, «Блюхер был очень внимательным к бойцам, он с нами беседовал на ходу и рассказывал, что скоро мы соединимся с регулярной армией» [5].

---

[1] Пролетарская революция, 1926, № 8, с. 200—201.
[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 52.
[3] Гражданская война на Южном Урале, с. 130—131.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 784, л. 42.
[5] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 335, л. 6.

В походе в основном проводилась индивидуальная работа. Лучшим воспитателем бойцов были стойкость и смелость коммунистов и командиров в бою. Усилия командиров и коммунистов по воспитанию бойцов дополняли друг друга и достигали одной и той же цели: воспитывать бойцов в духе любви и преданности делу коммунизма, уверенности в победе Советской власти.

Примером политической стойкости и политической целеустремленности для каждого беспартийного командира были коммунисты В. К. Блюхер, Н. Д. Каширин, М. В. Калмыков, С. И. Синельников и др.

Вот одно из таких обращений [1], написанных Н. Д. Кашириным в связи с распространением белогвардейцами воззвания, в котором казаки призывались к борьбе против Советской власти и «защите своей свободы, ...испокон веков свободного и вольного казачества».

«Товарищи красноармейцы, — писал Каширин. — Вы сами видите, сколько в этом воззвании красивой лжи, чтобы отуманить темные головы трудового казачества, чтобы это казачество опять было в сетях тех же пауков, которые сосали из него соки.

Они упрекают Советскую власть в насилиях и потоках крови, а для чего же сами они взялись за оружие, не для того ли [2], чтобы увеличить эти потоки крови, они упрекают нас в разорении станиц, а не от их ли «ласкового» прихода опустел Тирлян. Мы не хотим потоков крови. Мы хотим мирной созидательной работы на благо всего народа, а они хотят благ земных для тех немногих, кто ими пользовался за счет многих обездоленных трудящихся сотни лет. Они хотят вернуть казачество к прежним «вольностям». Мы зададим вопрос: не при царском ли режиме казачество было «вольным» и свободным, не к тем ли вольностям хотят их вожди вернуть казачество. Мы отвечаем: «вольностей» царского самодержавия мы не хотим. Мы хорошо знакомы с этими вольностями» [3].

Под влиянием командиров-коммунистов шло политическое формирование беспартийных командиров И. Д. Каширина, Н. Д. Томина, И. С. Павлищева и др. Все они отличались преданностью революции и сами вели среди бойцов своих отрядов повседневную политическую работу. Большую популярность как оратор снискал среди трудящегося казачества и бойцов Верхнеуральского отряда

---

[1] Это обращение составляет часть приказа Главкома от 19 июля 1918 г.

[2] В документе: «не для ли того...»

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 126 об.

Иван Каширин. Его самобытные выступления и обращения к бойцам и населению, два из которых мы ранее уже приводили, были насыщены революционным пафосом, звали к самоотверженной борьбе против эксплуататоров за власть Советов.

Братьям Кашириным, а также другим командирам постоянно приходилось вести разъяснительную работу по различным политическим вопросам и на завершающем этапе похода, так как антисоветские листовки появлялись не только в районе Верхнеуральска, Белорецка, но и близ Стерлитамака и под Уфой [1].

Особенно велики в повышении роли коммунистов и идейно-политической работы в отрядах заслуги В. К. Блюхера. Он был закаленным, выдержанным и опытным как в чисто военном, так и в политическом отношении коммунистом, являл собою пример для бойцов и командиров. Талант Блюхера-военачальника быстро стал очевидным каждому, кто его прежде не знал. Не занимать ему было и личного мужества и храбрости. Он не подчеркивал, не демонстрировал ее нарочито, в отличие он некоторых других действительно смелых, но не могущих удержаться от рисовки, командиров. Но Блюхер многократно водил в атаку цепи партизан, появлялся в сложной ситуации в самых необходимых и угрожаемых местах. Все это он делал, «когда надо».

Но случалось это и, «когда не надо», в результате внутреннего коммунистического порыва. Бойцы долго с чувством и восхищения, и некоторого осуждения вспоминали, как он в дер. Сосновке, являвшейся важным пунктом на пути соединения, взобрался на церковную колокольню и лично сам, один повел меткий пулеметный огонь по наступающим густым цепям противника. Но подразделения бойцов не выдержали натиска противника и покинули деревню.

Василий Константинович не дрогнул, не покинул колокольни, хотя белогвардейцы вплотную приближались к ней, и продолжал вести прицельный огонь. Устыженные своим малодушием и вдохновленные поразительным мужеством Блюхера бойцы во главе с И. Мамыкиным ринулись обратно, вновь заняли деревню и спасли своего легендарного главкома [2].

Нечто сходное произошло с Блюхером и на левобережье Сима. В чрезвычайно ответственный момент борь-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 4.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 52.

бы за переправу у Бердиной Поляны он с колокольни церкви наблюдал за боем и руководил им, несмотря на бешеный обстрел и ранение в голову, к счастью, легкое[1].

В. К. Блюхер был и закаленным в борьбе коммунистом, имеющим большой опыт организационно-политической работы. Он обладал огромным личным обаянием. По общему признанию коммунистов, избрание В. К. Блюхера главнокомандующим привело к резкому оживлению всей партийно-политической деятельности в отрядах. Одной из его сильнейших сторон была опора на коммунистов, умение сочетать решение оперативных задач с политико-массовой работой. Прежде всего его усилиями, усилиями других несгибаемых большевиков было достигнуто поразительное сплочение вокруг единой идеи для достижения одной цели огромной массы людей разных классов, социальных групп и национальностей.

По мере продвижения отрядов к фронту трудности нарастали. Не раз партизаны находились в отчаянном положении. Однако их воля к победе не ослаблялась ни на минуту. Они были до конца преисполнены решимости преодолеть любые преграды, но непременно добиться победы, только победы и соединиться с Красной Армией.

Победоносный поход уральских партизан был яркой демонстрацией их огромного морального превосходства над белогвардейскими войсками. Политико-воспитательная работа, проводившаяся в партизанских частях, всегда лучшим образом мобилизовала бойцов и командиров на беззаветно смелую борьбу с белогвардейцами. Она содействовала совершенствованию военного тактического мастерства каждого командира и рядового бойца.

Смелость и мужество, находчивость и правильный расчет, так необходимые в борьбе с сильным и коварным врагом, закрепились, стали традицией, боевым почерком блюхеровцев. Эти традиции быстро переходили из одной части в другую. Революционные традиции и ценный опыт борьбы с дутовщиной 1-й и 17-й Уральские полки передали только что сформировавшимся в июне—июле Верхнеуральскому, Белорецкому стрелковым и красно-казачьим кавалерийским полкам. Эти традиции, закрепленные в огне сражений под Верхнеуральском и Тирляном, Белорецком и Петровским, быстро вобрали в себя полки, сформированные на территории Красноусольской «республики».

Кратковременный отдых, полученный партизанскими частями в районе Богоявленска, активная и разносто-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2053, л. 2.

ронняя воспитательная работа среди бойцов дали свои результаты. Партизаны были готовы к новым стремительным переходам и жестоким боям. Они трезво оценивали всю сложность положения партизанских войск, но с высоким сознанием долга революционных солдат стремились в бой с вражескими полчищами, чтобы вырвать новые победы, опрокинуть белогвардейцев, прорвать их линию фронта и плечом к плечу встать рядом с героической Красной Армией.

Глава шестая

НА ПРОРЫВ

1. Сражение в трехречье

Части Сводного Уральского отряда, занимавшие правый берег реки Белой от района Богоявленска вплоть до реки Сим, 16 августа пришли в движение. Наступление на север, настойчиво готовившееся в течение нескольких дней, началось. Главком направил Троицкий отряд в Зилим, Верхнеуральский — в Таишево и Каварды, а Уральский — в Красный Яр и Кысынды [1]. Таким образом, основные силы Сводного Уральского отряда уже 16 августа были переброшены через реку Зилим и стали концентрироваться в своеобразном треугольнике, образуемом слиянием трех рек: Белой (запад), Сим (север) и Зилим (юг). С востока от этого района грядой стоят Уральские горы.

Для решения оборонительных задач позиции внутри этого треугольника были удобны. С какой бы стороны ни повел наступление противник, он встречал естественную преграду. Правда, в случае его удачи обороняющиеся попадали в тяжелое положение: им предстояло не просто вырваться из окружения, но и преодолеть водные преграды, которые из средств защиты превращались в сложные препятствия. Уральцам предстояло сдержать наступательные действия белогвардейцев с юга и запада и, переправившись через Сим, прорваться в район Иглино. Наличие водных рубежей во многом содействовало выполнению этой задачи. Белые, в свою очередь, всячески стремились вырвать победу.

К середине августа вплотную к Богоявленскому району подтянулись полки 3-й Оренбургской дивизии, начальником которой вместо Ончокова был назначен генерал-майор Печёнкин. Вдоль реки Белой выдвинулись на север стерлитамакские части. В борьбу против партизан были брошены крупные силы из Уфы. Они сомкнулись с частями стерлитамакского гарнизона и главными силами

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 14; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 44 и об.

размещались в районе впадения р. Сим в Белую и вверх по ее течению.

Белогвардейское командование имело сведения, что партизаны намерены пересечь Самаро-Златоустовскую железную дорогу. Однако точное направление выхода к железной дороге по плану Главного штаба им не было известно и они называли участок между станциями Аша — Балаша и Усть-Катав[1]. Вместе с тем белогвардейцев беспокоили поступавшие к ним сведения о попытках партизан переправиться через Белую северо-западнее Богоявленска. Через несколько дней в штаб Уральского корпуса из Уфы поступило сообщение, что «красные, видимо, хотят пройти восточнее Уфы»[2]. Белогвардейцы полагали, что стянутых к трехречью многотысячных сил пехоты и кавалерии достаточно не только для того, чтобы закрыть партизанам выход на север, но и для полной победы над ними.

Таким образом, белогвардейцы ставили целью закрыть партизан в трехречье, взять их отряды в железное кольцо и уничтожить.

Командование Сводного Уральского отряда правильно оценило обстановку и разгадало замыслы врага. Этому содействовала активная разведывательная работа во всех направлениях, включая район правобережья р. Сим. Особенно ценные сведения были добыты во время пребывания Главного штаба в Архангельском заводе.

Партизаны, все время находившиеся в движении, в окружении врага, не имели никаких возможностей получения разведывательных сведений от командования Красной Армии. Сведения о положении на фронте и во вражеском тылу приходилось извлекать из белогвардейских газет. Их отнимали у пленных, захватывали при разгроме белогвардейских штабов и получали от местного населения. За газетами, как за ценными источниками информации, партизаны буквально охотились. В приказе главкома от 20 августа давалось категорическое указание всем командирам и бойцам: «При занятии населенных пунктов, бывших в руках противника, приступать специально назначенным боевикам к розыску оставленных газет и других документов, препровождая найденное в главный штаб»[3].

В крайне тенденциозной, злобно антисоветской, хвастливой вражеской печати трудно было почерпнуть что-ли-

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-б, л. 761.
[2] Там же, д. 1-г, л. 1048.
[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 147 и об.

бо, свидетельствующее о действительном положении в Советской части страны, на фронте. Но партизаны читали, что называется, между строк, выясняли, на каких участках, близ каких городов ведется вооруженная борьба, как, насколько быстро передвигается линия фронта. Иногда встречались сведения, позволяющие судить о местонахождении белогвардейских штабов и частей, их передислокации.

Использовались и другие источники информации: беседы с населением, сведения, доставлявшиеся перебежчиками и разведчиками, допрос военнопленных и т. д. Показания военнопленных не были вполне надежными, но представляли все же исключительную ценность. Блюхер категорически запрещал уничтожать пленных, требовал доставлять в Главный штаб. Важные сведения могли «дать» и мертвые белогвардейцы. «Трупы убитых противников, — требовал В. К. Блюхер, — должны обыскиваться и отобранные документы должны также препровождаться в Главный штаб» [1].

Используя различные каналы для сбора информации, удалось определить группировки вражеских войск в ряде районов, через которые предстояло пройти Сводному Уральскому отряду. Особую ценность представляли сведения о местонахождении советских войск к северу от Уфы. Из номеров газеты «Народное дело» за 17—18 августа 1918 г., попавших в руки партизан, стало известно, что регулярные части Красной Армии на линии Бирск—Кунгур «потеснили» белых и выдвинулись от дер. Алмаз в дер. Гордино, что находится в двух десятках километров севернее села Аскино [2].

Это были первые достоверные сведения с точным указанием на район расположения частей Красной Армии в северном направлении.

Осуществляя план прорыва на север, главком обращал большое внимание отражению наступления врага с юга. В качестве прикрытия на этом наиболее угрожаемом направлении был выделен Богоявленский полк. 16 августа подразделения полка, формирование которого еще не было завершено, оставались на прежних местах [3]. Богоявленскому полку была придана часть Верхнеуральского кавалерийского полка. Три сотни этого полка находились на подступах к Богоявленску, в дер. Инзилга, Утяково, Янгискаиново и прикрывали Сводный Уральский отряд

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 147.
[2] Там же, ф. 7141, оп. 1, д, 1, л. 48 об.
[3] Там же, л. 44.

от нападения противника с юга, со стороны Русского Саскуля и Петровского. Две сотни поступали в распоряжение командира Богоявленского полка, а третья — вернулась в состав Верхнеуральского отряда [1].

Верхнеуральские кавалеристы еще до 16 августа находились в постоянном соприкосновении с противником и сдерживали его авангардные части. Так утром 15 августа противник силою около трех сотен повел наступление на дер. Утяково и потеснил сотню верхнеуральцев, но развить успех ему не удалось [2]. Две верхнеуральских сотни, войдя в арьергард партизанского соединения, в течение нескольких дней действовали совместно с полком М. В. Калмыкова.

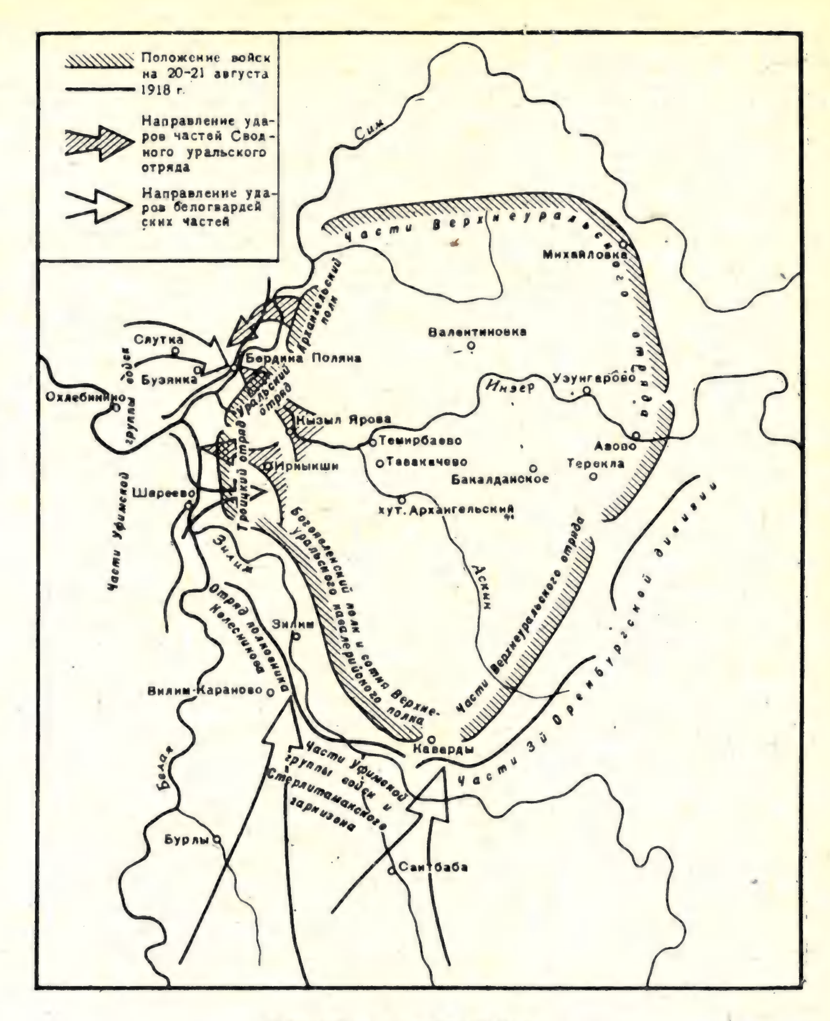
Основные силы этого полка 16 августа находились в Богоявленске. Подразделения выходили из поселка в дальний путь. Бойцов провожали жены, сестры, матери, дети, несли их вещевые мешки. В это время до сотни белоказаков внезапно ворвались в поселок и помчались по его улицам к центру. Партизаны, жители завода, не зная о численности прорвавшегося врага, заволновались. Появились явные признаки паники. Положением овладел М. В. Калмыков. Он с небольшой группой бойцов бросился через плотину навстречу белогвардейцам, а другой отряд направил в обход завода для удара в тыл врага. В результате противник был выбит из поселка и на некоторое время оставил богоявленцев в покое [3].

К полудню 17 августа [4] богоявленцы покинули завод, выступив через село Табынское в Зилим, где было завершено формирование полка. Полк по-прежнему выполнял роль арьергарда партизанской армии, которая продолжала продвижение на север к реке Сим. В. К. Блюхер расположил партизанскую армию кольцом. Богоявленский полк находился в Зилиме. В Ирныкшах, близ Белой, против Шареева занял боевые позиции Троицкий отряд.

Большой участок (до 15 километров) между Богоявленским полком и Троицким отрядом защищался кавалерийскими группами. Основные силы верхнеуральцев находились в районе дер. Тереклы, Азово, Валентиновка и других. В районе Архангельска размещались только что сформированный полк В. Данберга, отряд И. Павлищева,

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 3; ф. 7141. оп. 1, д. 1, л. 44.
[2] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 14.
[3] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 49; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 271, л. 13; Легендарный рейд, с. 76—77.
[4] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 271, л. 13—14.

СРАЖЕНИЕ В ТРЕХРЕЧЬЕ

Белорецкий полк, Главный штаб, обозы, лазареты, беженцы [1].

Главные силы, сосредоточенные в районе Архангельска, Блюхер готовил к решающему броску к реке Сим для захвата плацдарма на ее берегах и организации переправы. Этому предшествовали разведывательные операции партизан в трех важнейших направлениях, откуда ожидался противник.

[1] ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 80-а, л. 6.

И на всех направлениях: на южном — в сторону Богоявленска, на северо-восточном, в районе деревни Валентиновка и на севере — в направлении хутора Белорусско-Александровского были обнаружены белогвардейские войска. Наиболее крупные силы двигались с юга. Это были все те же части 3-й Оренбургской дивизии, а также войска Стерлитамакского гарнизона [1].

Активность белогвардейцев в значительной степени объяснялась тем, что партизанские отряды с 9 августа замедлили движение, а затем, в течение двух дней [2] отдыхали в районе Богоявленского завода и не продвигались в избранном направлении. Если быстрым маршем от Белорецка войскам Блюхера удалось оторваться от основных преследующих сил врага, а затем, после победоносного сражения, и от стерлитамакской группировки, то теперь положение изменилось. Враг хорошо использовал приостановку рейда партизан, подтянул свои резервы и произвел перегруппировку.

Еще до полного выяснения местонахождения частей противника главком принимает важные меры для организации переправы через реку Сим. Место переправы до уточнения было определено на участке Малая Бердянка и Бердина Поляна. Для отвлечения внимания противника от предполагаемого места переправы В. К. Блюхер приказал командующему Троицким отрядам Н. Д. Томину произвести рекогносцировку и демонстрировать переправу через реку Белую в районе Шареево, а затем, в случае удачи, захватить это село и вести разведку в сторону Уфы.

Демонстрация подготовки к переправе через Белую оказалась настолько удачной, что офицеры из штаба Уральского корпуса генералу Ончокову сообщали: «В дер. Ирныкши красные строят понтонный мост через р. Белую запятая около дер. Березовка роют окопы» [3].

Отдельные подразделения троичан действительно были выдвинуты в район Березовских хуторов, «рыли окопы»,

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 4—8; Легендарный рейд, с. 166—167; *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 67.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, ,д. 708, л. 135, 136, 139, 144; д. 14-а л. 4—6. *В. С. Русяев* (см.: Последний прорыв. На Южном Урале, с. 135) и другие допускают неточность, утверждая, будто партизанская армия около недели (с 13 по 18 августа) отдыхала в районе Богоявленского завода и не передвигалась. В действительности такой опрометчивости Блюхер допустить не мог, ибо он понимал, насколько важную роль в решении задачи выхода партизан из окружения играл фактор времени. В районе Богоявленска южноуральские отряды находились не более двух дней и уже 16 августа были двинуты на север.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-а, л. 516.

но ни здесь, ни в Ирныкшах понтонов у них не было. Завязалась перестрелка через реку. Н. Д. Томин стал готовиться к продвижению частей отряда к Белой в район Шареево. Но враг утром 19-го августа [1] начал наступление и тем самым предупредил действия партизан.

С юга выдвинулись части отряда полковника Колесникова — основной ударной силы 3-й Оренбургской дивизии. В его составе были кавалерийские и стрелковые части и подразделения. Впереди отряда шли белоказаки. До 3-х сотен белоказаков отряда Колесникова утром стремительно ворвались в дер. Кулканово, которую занимала 4-я сотня верхнеуральцев, приданная Богоявленскому полку. Командир сотни, как отмечалось в приказе главкома, «небрежно отнессся к выдвижению... боевого охранения». Сотня была застигнута врасплох и, бросив пулемет, отступила [2].

Враг развернул активные действия и против Богоявленского полка в районе Андреевки и Зилима. Под давлением противника из дер. Зилим-Караново в Андреевку отступила кавалерийская сотня, где соединилась с бойцами бывшего Красноярского отряда, включенного в состав Богоявленского полка. Но и в Андреевке партизанам удержаться не удалось, ибо силы наступавшего врага здесь достигали 500—600 штыков и сабель при многих пулеметах, бомбометах и артиллерийском орудии.

Партизанам пришлось отступать в Зилим, где полк М. В. Калмыкова занимал позиции по западной окраине села, по берегу реки [3]. Полк не успел еще полностью развернуться, когда наступавшие белоказаки с ходу попытались переправиться на правый берег Зилима. Но боевое охранение богоявленцев заставило врага ретироваться [4].

Перед общим наступлением на Зилим противник провел артиллерийскую подготовку, используя 2 полевых и

---

[1] Во многих публикациях и воспоминаниях (см.: *Голубых М.* Уральские партизаны, с. 89—90; *Лисовский Н.* Разгром дутовщины, с. 78; *Русяев В. С.* Последний прорыв. На Южном Урале, с. 132 и др.) бой под Зилимом, а также Ирныкшами датируется 18-м августа. Содержание приказов главкома от 19 августа (см.: ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 51), 20 августа (см.: ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 6, 7), 22 августа (см.: ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 59 и об.), оперативная сводка штаба Уральского корпуса (см.: ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 911) свидетельствуют, что эти события развернулись именно 19 августа.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 7.

[3] Там же, ф. 35, оп. 1, д. 80-а, л. 6; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 51—52; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 88, л. 28—29.

[4] Там же, ф. 3577, оп. 1, д. 80, л. 9.

4 траншейных орудия и стремясь деморализовать, подавить богоявленцев. По этому селу было выпущено из бомбометов и орудия более 200 снарядов, включая большое число зажигательных. Село загорелось [1].

Густые столбы сизого дыма высоко поднялись над угрюмыми лесами. Страшная картина предстала перед взором видавших виды бойцов Богоявленского полка: крестьяне, включая стариков и детей, бросали имущество и, спасаясь от осколков снарядов, пуль и пожара, метались по селу; всюду раздавались вопли ужаса. Деревня из нескольких сот домов сгорела за каких-нибудь 2—3 часа. Так своеобразной и жестокой карой отомстил враг всему населению революционного, поголовно поддерживавшего партизан Зилима. Его жители остались без имущества и крова. Враг рвался на правый берег. Но бойцов Богоявленского полка не обескуражили артиллерийский огонь противника и его бешеный натиск.

По приказу командира полка М. В. Калмыкова богоявленцы оставили пылающее село и окопались в одном-двух километрах от него, на опушке соснового бора. Продвижение противника было приостановлено. Используя выгодную позицию, с которой просматривалось и оставленное село, и река Зилим, богоявленцы метким прицельным огнем отбивали одну атаку противника за другой. Все попытки белогвардейцев форсировать реку были безуспешны. Не удалось врагу добиться успеха и в районе дер. Бородино [2].

Исчерпав основной запас снарядов, потерпев неудачи в нескольких атаках позиций Богоявленского полка под Зилимом, белогвардейцы сами попали в весьма невыгодное положение. Они не только потеряли надежду на форсирование реки, разгром богоявленцев и нанесение удара в тыл главным силам партизанской армии в районе реки Сим, но и сами все время находились под угрозой контрудара. Потери белых были исключительно велики. В первые же часы боя из строя выбыли 3 офицера, включая одного полковника [3].

Бой продолжался до самой ночи. Под покровом ночи все утихло, богоявленцы ночью же окопались, произвели смену рот. Заменили первый батальон, который весь день был на передовых позициях. Враг на ночь отошел на исходные позиции.

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 7—8.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 424, л. 29—30; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 8.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 940.

Партизанский полк стоял прочно, успешно выполняя поставленную перед ним задачу. К исходу дня М. В. Калмыков получил приказ главкома: «Богоявленскому полку с приданными сотнями, оставаясь на занятой позиции, упорно задерживать дальнейшее продвижение противника»[1]. Приказ этот богоявленцами успешно выполнялся и в последующие три дня — 20—22 августа[2]. К полковнику Колесникову присоединился для совместных действий один из отрядов Уфимского гарнизона. Но и этих сил врагу показалось недостаточно. На помощь им из Табынска были присланы 2 роты пехоты, 2 казачьи сотни и чехословацкий отряд[3].

Правее отряда Колесникова, в районе дер. Саитбаба уже 19 августа развернулся другой крупный отряд 3-й Оренбургской дивизии. Между отрядами установилась связь. Против партизанского арьергарда белые бросили крупные силы. Они полагали, что имеют дело не с одним полком, а с несколькими. В дни, когда выявилась бездарность Колесникова, генерал Печенкин сообщил командиру корпуса о «доблести» этого полковника.

Мужество и стойкость богоявленцев, выдерживавших напор таких сил противника, выше всяких похвал. Поскольку можно было ожидать, что после неудачи штурма позиций партизанского арьергарда в лоб противник попытается переправиться через Зилим выше по течению реки и ударить богоявленцам во фланг, М. В. Калмыков выдвинул на угрожаемый участок 2-й батальон. Эта мера предосторожности оказалась совершенно своевременной и необходимой.

Рано утром 21 августа вражеская кавалерия и пехота вдруг появились на правом берегу реки и повели наступление на левый фланг партизанского полка. Но их наступление было успешно отбито брошенным против них резервным батальоном М. Е. Лантуха. Опасаясь контрнаступления и окружения, противник поспешил покинуть правый берег Зилима. Не удалось белым переправиться через Зилим и в его нижнем течении. Там надежно держал оборону кавалерийский заслон[4].

Четыре дня пытались сокрушить оборону богоявленцев белогвардейские полки. Но от своей цели 22 августа они были далеки так же, как и 19 августа. Выяснив к

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 51.

[2] Там же; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 424, л. 30; Легендарный рейд, с. 166—167.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 939—940, 962, 964, 981, 1010.

[4] ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 80, л. 10, 11; д. 80-а, л. 6.

22 августа, что главные силы партизан находятся на берегах р. Сим, белогвардейское командование признало, что их южные части «слабо теснят красных»[1]. Так мужественно выдержал молодой Богоявленский партизанский полк натиск превосходящих сил врага в первом же бою и, как арьергард, блестяще оправдал надежды командования Сводного Уральского отряда.

В четырехдневном бою особенно отличились пом. командира полка Ф. В. Ландграф, командир 1-го батальона Н. А. Беляков, командир батареи К. С. Калашников, артиллеристы Гаматов, Комаров, Маркелов, Мокшанцев, пулеметчики Мельников, Чушкин, Шеин во главе со своим командиром М. П. Дублистовым и многие пехотинцы. Успешно действовали в районе Кысынды богоявленская кавалерия и 4-я сотня Верхнеуральского полка.

Получив приказ об отходе на север, Богоявленский полк коротким стремительным ударом отбросил противника и в ночь на 23 августа благополучно отошел к р. Инзер, в район дер. Темирбаево, Тавакачево и занял новую линию обороны[2]. Ночной маневр был проделан настолько удачно, что противник не заметил отхода партизан и долго продолжал обстреливать оставленные ими позиции[3].

Почти одновременно с нападением на Богоявленский полк 19 августа белые развернули наступление и в районе села Ирныкши, которое занимали части отряда Н. Д. Томина. Получив приказ Блюхера, командующий Троицким отрядом начал спешно демонстрировать подготовку средств переправы на левый берег реки Белой. По сведениям, полученным 18 августа, правый берег был свободен от противника. Но в этом нельзя было быть уверенными. И это беспокоило как командование отряда Н. Д. Томина, так и главкома.

Утром 19 августа В. К. Блюхер провел совещание командного состава в Архангельске. Состоялся обмен свежей информацией о положении на различных участках партизанского фронта. Были уточнены отдельные вопросы плана боевых действий в районе трехречья. Командиры лишний раз убедились, что план действий, предложенный В. К. Блюхером и принятый в Богоявленске, является совершенно правильным.

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 1048.

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 59; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 271, л. 14—15; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 424, л. 29, 30; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 30; Легендарный рейд, с. 167.

[3] ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 80-а, л. 6.

Принимается решение произвести основательную разведку по берегу Белой на участке Троицкого отряда. Хотя В. К. Блюхера отговаривал Н. Д. Каширин, он решил принять участие в разведке, посетить части Троицкого отряда. В. К. Блюхер в сопровождении одного из командиров Архангельского отряда Е. В. Барышева, хорошо знавшего местность, старшего ординарца Ягудина, других сопровождающих лиц выехал в Ирныкши. Там его встретил Н. Д. Томин, вернувшийся из Архангельского завода ранее [1].

В. К. Блюхер и Н. Д. Томин в сопровождении небольшой группы кавалеристов, оживленно разговаривая, выехали из Ирныкшей. Так перелесками проехали километра два до плетеной изгороди. Вдруг, совершенно неожиданно, по группе был открыт сильный пулеметно-ружейный огонь. Под Блюхером был убит долго служивший ему боевой конь. Сопровождавший главкома Е. В. Барышев подскакал к В. К. Блюхеру и отдал ему своего коня.

Конная группа помчалась к Ирныкшам и быстро вышла из зоны прицельного огня. Барышев бежал позади кавалеристов, но вскоре был ранен в ногу. Скрываясь за складками местности и кустарником, к нему пробрались два бойца, посланные Блюхером. Они сделали Барышеву перевязку и помогли добраться до Ирныкшей, откуда он был отправлен в Архангельск, в лазарет [2].

Оказалось, что утром часть Уфимского отряда переправилась через Белую, соединилась с отрядом, двигающимся с юга. Белые скрытно подошли почти к окраине Ирныкшей. Силы врага, занявшего позицию под Ирныкшами, достигали батальона при двух орудиях [3]. Он имел большие резервы.

Неожиданный удар белых по Ирныкшам с юга панически подействовал на обозников и часть пехотинцев и артиллеристов [4]. Артиллерийская батарея, которой с момента выхода из Белорецка стал командовать М. А. Сухов, разместилась на церковной площади и большинство ее бойцов расположилось в селе на отдых.

С началом боевых действий белогвардейского отряда снаряды его батареи стали ложиться на площади, где стояли орудия троичан. Одновременно послышались пуле-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 28—30.
[2] Там же, л. 30.
[3] ЦГАСА, ф. 39624, оп. 1, д. 165, л. 9об.; ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 50, л. 108.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1982, л. 8; ЦГАСА, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3.

метная и ружейная стрельба вблизи села со стороны Белой. Все это застало партизан врасплох.

Артиллеристы, видя, что снаряды противника ложатся около орудий, спешно стали впрягать лошадей, но многие из них были крайне испуганы. Удалось полной упряжкой вывезти только одно орудие, другое — всего двумя лошадьми. Ездовые же остальных расчетов предпочли сами спасаться верхом и оставили другие орудия на площади.

Многие пехотинцы, повыскакивав из домов, выбегали на улицу, метались, не зная куда идти. Некоторые обозники стали выезжать из села на восток, нахлестывая и без того испуганных лошадей [1]. Но подавляющая часть бойцов 3-го батальона 17-го Уральского полка и интернационалисты наступление врага встретили спокойно, они группировались вокруг командиров и коммунистов. Особенно стойкими и умелыми организаторами проявили себя командир пехотного полка А. П. Кононов, командир интернационалистов Сокач и командир 2-й роты Ещенко, боец роты К. С. Вахрушев. Так, коммунист Вахрушев быстро остановил большую группу в панике бегущих бойцов и, заражая их своим хладнокровием, повел в наступление [2].

В нескольких сотнях шагов от цепи троичан противник, неся большие потери от меткого огня партизан, остановился и залег. А к южной околице села, на выстрелы, продолжали бежать бойцы 17-го Уральского полка. Некоторые из них были в белье: часть взводов ночью дежурила и днем спала, иные мылись в бане. Так, 5 бойцов 7-й роты находились в бане и парились, испытывая блаженство, ни о чем не ведая. Вдруг раздались орудийные выстрелы, начали рваться снаряды. Один из них разорвался в предбаннике. Крепкие стены и двери спасли бойцов от смерти. Едва натянув на себя нижнее белье, бойцы бросились в расположение роты, схватили винтовки и заняли места в контратакующих рядах [3].

Партизанские цепи, в которых находились А. П. Кононов и Н. П. Гвоздиковский, становились все плотнее. Действия стрелков поддерживали пулеметчики и приведшие в порядок батарею артиллеристы. За селом был подготовлен к бою кавалерийский полк им. Ст. Разина. Н. Д. Томин проявил исключительную распорядительность и вместе с другими командирами быстро организовал надежную оборону. Взор В. Блюхера, сурово осудив-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3.
[2] ПАСО, д. 41, оп. 1, д. 1982, л. 8.
[3] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 137, л. 5.

шего командование отряда за явную беспечность, потеплел. Будучи уверенным, что наступление врага будет отбито, он уехал в Главный штаб, в Архангельский завод.

Белогвардейцы не отказались от намерения захватить Ирныкши и потеснить, а может быть и разгромить Троицкий отряд. Они поодиночке и группами, короткими перебежками, выявив хорошую боевую выучку, все ближе подходили к деревне. Расстояние между противниками местами сокращалось до 150 шагов. Белогвардейцы неоднократно с возгласами «Ура!» бросались в штыковую атаку. Но всякий раз их атака разбивалась о контратаку партизан.

Особенно жарким, кровопролитным был бой близ участка, где был обстрелян В. К. Блюхер, Н. Д. Томин и другие. В начале боя группа интернационалистов и несколько стерлитамакцев, человек 20, с пулеметом бросились вперед и заняли позицию в канаве, в каких-нибудь 40 шагах от белых. Группа героев билась до поздней ночи, без воды, без хлеба. Назад пути не было: к селу распростерся чистый луг, место открытое и, в случае отхода, партизаны были бы скошены пулеметным огнем. Впереди — тот же луг, кустарники.

Партизаны огнем из пулемета и винтовок прижали врага к земле и пресекали малейшие его попытки подняться в атаку. Приходилось экономить патроны, так как попытки доставить им в «канаву смерти» боеприпасы не увенчались успехом. Пулемет скупо и расчетливо продолжал работать до наступления темноты. Из трех пулеметчиков остался лишь один, но раскаленный ствол пулемета продолжал сеять среди врага страх и смерть. Большинство бойцов группы погибло. Живых становилось все меньше и меньше. Так и лежали в канаве до окончания боя горстка живых в окружении мертвых [1].

Всего троичане потеряли убитыми полтора десятка человек и до 30 ранеными, включая командира 1-го батальона 17-го Уральского полка Короленко [2]. Противник понес еще более значительные потери. В результате вражеского артиллерийского обстрела Ирныкши, подобно Зилиму, запылали. Сгорело более 50 домов. С наступлением темноты зарево пожара было видно на многие километры.

Под вечер троичане стали постепенно загибать фланги своей цепи, стремясь взять противника в клещи, но из-за

---

[1] ЦГАСА, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3; *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 73.

[2] ЦГАСА, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3.

заболоченности местности и наступившей темноты от реализации намеченного плана действий пришлось отказаться. Огонь с обеих сторон прекратился. Противник, обескураженный отпором ему, опасаясь окружения и полного разгрома, ночью в беспорядке покинул занятые позиции и отступил на левый берег Белой, в Сарт-Наурузово[1]. Белые побросали вещевые мешки, телефонный кабель, оставили трупы солдат и офицеров.

По поводу боя под Ирныкшами белогвардейцы составили такую реляцию: «19 августа утром отряды подполковника Курушкина (через несколько дней он был произведен в полковники. — *Авт.)* направились через реку Белую, подошли к дер. Ирныкши. Наши цепи были встречены сильнейшим пулеметным и ружейным огнем красных. При поддержке своей артиллерии солдаты три раза переходили в контратаку, но каждый раз отбивались. Ввиду громадной численности превосходящего противника (по документу, найденному у красноармейцев — 1700 человек и, по словам местных жителей, 5—6 тыс. при 15 пулеметах и 5 орудиях), и опасаясь за переправу через Белую, отряд в полном порядке отошел к последней и переправился в Сарт-Наурузово. Наши потери — трое убито, девять ранено и контужено»[2].

Потери, нанесенные белогвардейцам, были, по данным партизан, много большими. В Ирныкшах находился не весь Троицкий отряд, и сведения о 5—6 тысячах, даже о 1700 партизанах на данном участке были сильно преувеличены и включены в сводку для оправдания неудачи всей операции.

Победа под Ирныкшами была не менее важной, чем успешные действия богоявленцев. В случае успеха белогвардейцев и захвата ими Ирныкшей Сводный Уральский отряд был бы поставлен в тяжелое положение. Белые могли бы рассечь его на две части, разрезать богоявленцев, окружить и уничтожить их. Вместе с тем была бы поставлена под угрозу срыва и операция по организации переправы партизан через Сим и т. д. Но белогвардейцы действовали неуверенно; они не смогли развить первый успех и использовать внезапность нападения на Троицкий отряд.

Вечером 19 августа главком приказал Троицкому отряду: «20 сего августа отбросить противника на левый берег реки Белая и занять переправу, ведя разведку на д. Князева Поляна, Кызыл Ярова, Березовский и Малы-

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 910; ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3.
[2] Там же, д. 1-б, л. 910—911.

шевский»[1]. Но наутро 20 августа оказалось, что основная задача приказа Блюхера была выполнена еще в результате боя 19 августа. Подступы к берегу Белой были очищены от противника.

На следующий день Троицкий отряд вел разведывательные поиски к реке Белой, а также к дер. Кумырли и Липовской колонии[2]. Но противник не оставил надежды на захват Ирныкшей и разгром отряда Томина. В приказе главкома 22 августа отмечалось, что на правом берегу Белой вновь «появились разведочные партии противника»[3]. На рассвете Троицкий отряд начал обстрел дер. Шареево, откуда в беспорядке вверх по течению реки потянулся обоз в количестве до 150 повозок, пехота и кавалерия противника в количестве примерно 250 человек.

В те дни отличились не только троичане — пехотинцы, артиллеристы, но и кавалеристы разинцы, в том числе сотня под командованием Баймухаметова, состоявшая в основном из башкир и татар. Находясь в Березовском, она успешно прикрывала главные силы Троицкого отряда, вела разведку, следила за поведением противника на противоположном берегу Белой[4].

В дни жарких боев под Зилимом и Ирныкшами, в восточной части трехречья действовал Верхнеуральский отряд И. Д. Каширина. Его главные силы первоначально размещались в дер. Тереклы и др. Кавалерийские сотни занимали дер. Михайловку, Азово, Узунларово, Валентиновку. Верхнеуральцы, действуя правее Уральского отряда, продвигались на север, к реке Сим. 20 августа И. Каширину было приказано — Белорецкий полк отправить в Архангельский завод, остальным частям, поддерживая связь с Архангельским полком, выполнять прежнюю задачу, т. е. по-прежнему продвигаться к Симу[5]. К 22 августа, продолжая занимать главными силами Тереклы и неся охрану обозов и лазаретов Сводного Уральского отряда, верхнеуральцы подошли к Симу.

Три роты белоречан занимали район дер. Н. Федоровка, Александровская колония и ряд хуторов. 4-я рота Белорецкого полка оставалась в Архангельске, кавалерийские сотни полка Галунова занимали Михайловку, Азово и Валентиновку. Крупных боев в этот период верхнеуральцы не вели. Они одновременно оказывали поддержку пе-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 51.
[2] Легендарный рейд, с. 167.
[3] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 59.
[4] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 5; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 374, л. 6.
[5] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 51, 59.

редовым и замыкающим частям Сводного Уральского отряда. Верхнеуральский отряд был своеобразным резервом главкома. В случае необходимости он мог оказать столь же быструю помощь и авангарду (Уральскому отряду), и арьергарду (Богоявленскому полку) партизанской армии.

Учитывая активность действий врага под Ирныкшами и Зилимом, большую концентрацию его сил в тылу партизанской армии, В. К. Блюхер немедленно принимает решение — максимально ускорить создание переправы на реке Сим. Медлить с прорывом вражеского кольца и продвижением вперед было крайне опасно. Оно сжималось с каждым днем и становилось все более плотным.

Наладить переправу через быстрый горный Сим, довольно полноводный в своем устье, было нелегко. Но главная сложность решения задачи заключалась в завоевании и удержании на необходимое время участка, на котором предстояло построить переправу. Выполнение этой задачи было возложено на Уральский отряд И. С. Павлищева и временно приданный ему Архангельский полк [1].

В разгар сражения под Зилимом и Ирныкшами 19 августа главком издал приказ, в котором говорилось: «Уральскому отряду в составе одного пехотного полка, $1^1/_2$ сотен и батареи с мерами охранения и разведки к вечеру 20 августа сосредоточиться в хуторе Белорусско-Александровском... На рассвете 21 сего августа начать переправу на правый берег р. Сим... Архангельский полк временно придается к Уральскому отряду, для чего: к вечеру 20 сего августа полку сосредоточиться в хут. Куликовско-Михайловском... По переходе на правый берег реки [2] Сим, занять дер. Бердина Поляна и Бузянки» [3]. Все подразделения Архангельского полка на занимаемых ими позициях (Кысынды, Заитово, Ливановская колония, Валентиновка, Красный Яр, хут. Малышевский и др.) были заменены бойцами других частей и сконцентрированы на правом фланге Уральского отряда.

Перед началом операции Главный штаб располагал довольно скудными сведениями о силах противника в районе Бердиной Поляны. Было известно, что у этой деревни на протяжении 3—4 километров были вырыты окопы; одиночные окопы на протяжении километра имелись и западнее Бердиной Поляны, в лесу. Предполагалось, что

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 9; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 51; Легендарный рейд, с. 167.

[2] В тексте приказа допущена, очевидно, описка — «на левый берег».

[3] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 51.

в этом районе враг имел «не менее 150 человек, возможно, с пулеметом»[1]. 19 августа противник силою до 150 штыков захватил хутора Куликовско-Михайловский и Белорусско-Александровский, расположенные на левом берегу Сима. Этот отряд белых располагал пулеметами, один из которых был установлен на колокольне в Куликовско-Михайловском. Это резко осложняло решение задачи выхода к реке Сим и наведения переправы.

21 августа стало известно, что в районе Бердиной Поляны враг имел до 500 человек пехоты и кавалерии, т. е. в несколько раз больше, чем предполагалось первоначально. Среди других подразделений он располагал и ротой белополяков. Юго-западнее Бердиной Поляны, у дер. Асканыш, напротив которой имелся брод, также находился отряд противника. Значительные силы враг имел и в Охлебинино[2]. Все эти войска могли быть переброшены в район Бердиной Поляны.

Опасения были ненапрасными. Хотя противник склонялся к мнению, что местом переправы, намеченной партизанами, является участок р. Белой близ Ирныкшей — Шареево, он еще 14 августа проявлял озабоченность возможностью их прорыва через р. Сим. Еще 14 августа командованием было дано распоряжение быть «на правом берегу Сима» «в полной готовности для быстрого передвижения на восток с целью перехвата красных при движении их к железной дороге»[3]. Партизанам нужно было действовать быстро и решительно.

Таким образом, предстояла сложная операция. Противник был многочисленным и занимал выгодные и укрепленные позиции.

20 августа Уральский отряд сосредоточился близ Белорусско-Александровского хутора. Кавалеристы отряда лихим налетом с ходу овладели хутором и принудили врага к бегству. И. С. Павлищев сразу же предпринял шаги по выявлению наиболее подходящего места переправы, проверяя сведения архангельцев, после чего направил главкому донесение: «Брод в районе Бердиной Поляны удобен, но довольно глубок — примерно такой же глубины, как через речку Инзер у Лозинской. Почва дна реки — песок и глина. Считаю, что весь отряд и артиллерия перейдет этим бродом через Сим. Есть еще несколько бро-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 49, 51.

[2] Там же, л. 49, 51, 58; ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-б, л. 1048.
д. 1-б, л. 1048.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-б, л. 783.

дов, но они менее удобны. Подступы же к этому броду удобны и скрытны»[1].

Получив донесение, В. К. Блюхер послал Павлищеву распоряжение о незамедлительном форсировании уральцами вместе с архангельцами Сима, о необходимости принятия «к этому всех мер»[2].

От немедленных действий по форсированию Сима уральцам до подхода полка В. Данберга пришлось отказаться. Этот полк вышел из Архангельска к реке Сим вечером 20 августа. К утру следующего дня вся группа И. С. Павлищева была готова к решающим действиям. Левый берег от белых был очищен целиком. Предстояло отбросить их от Бердиной Поляны.

В штаб Ивана Павлищева поступило распоряжение главкома, написанное в 5 часов утра 21 августа. В нем излагался план дальнейших действий. Павлищеву указывалось на целесообразность скрытой переправы архангельцев бродом, который находился несколькими километрами выше по р. Симу от Белорусско-Александровского и развертыванию боевых действий против белых одновременно с обоих берегов реки. «Архангельский полк, — писал Василий Константинович, — пользуется указанным мною бродом, перейдя р. Сим, выходит во фланг противнику. Вы же после артиллерийской подготовки начинаете переправу на Бердину Поляну»[3].

Настойчивые требования В. К. Блюхера о немедленном проведении операции по очищению от белых района Бердиной Поляны объяснялись не только ожесточенным натиском врага с юга. У Бердиной Поляны глубина реки не превышала одного-двух метров; благоприятными были подъезды к реке и дно. Именно здесь следовало захватить плацдарм и навести переправу.

В Уральском отряде и Архангельском полку командирами и коммунистами была проведена большая организационно-политическая работа. Бойцам разъяснялась важность стоящей перед ними задачи. После тщательной подготовки и короткого отдыха днем партизаны приступили к решительным действиям.

И. С. Павлищев для отвлечения внимания противника от переправы в районе Белорусско-Александровского хутора Архангельского полка и разведки боем направил часть бойцов Уральского отряда в наступление у места будущей переправы и начал артиллерийский обстрел по-

---

[1] На Южном Урале, с. 136.
[2] Там же, с. 136—137.
[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 563.

зиций белых. На глазах врага и под его непрерывным огнем партизаны ринулись в бурный водяной поток, надеясь прорваться на противоположный берег и закрепиться на нем. Но огонь белогвардейцев заставил их после гибели нескольких бойцов отойти обратно.

Становилось ясно, что лобовая атака через широкую и быструю реку была действительно неприемлемой. Нельзя было быть уверенным в успехе даже при больших потерях бойцов. Уральцам следовало ждать удара по врагу с тыла со стороны архангельцев, все время поддерживая огонь и отвлекая внимание белых на себя.

Между тем В. Г. Данбергом было выяснено, что напротив переправы у Белорусско-Александровского хутора противник имел лишь небольшое сторожевое охранение. Через Сим переправилась кавалерийская группа и с ходу неожиданно ударила по врагу. Он был отброшен от берега. Удерживая правый берег, конники помогли переправиться всему Архангельскому полку [1]. Полк развернулся и повел наступление на Бердину Поляну с северо-востока. Белогвардейцам пришлось перестраивать свой боевой порядок для того, чтобы отразить атаку архангельцев.

В ходе продвижения полка ряд его подразделений подвергся артиллерийскому обстрелу. Пулеметчики И. X. Тараканов (начальник пулеметной команды) и А. И. Азин, уложив на спину один треногу, другой — тело пулемета, подобрались оврагом на близкое расстояние к батарее, обстреляли ее прислугу, нанесли урон, вызвали замешательство в рядах белогвардейцев. Этим воспользовался полк и продолжил успешное наступление [2].

В результате успешных действий архангельцев внимание противника к переправе у Бердиной Поляны было ослаблено. Ослаблен был и огонь по левому берегу Сима. Именно на это и рассчитывал И. С. Павлищев. И здесь важнейшую роль сыграла пулеметная команда Найденова. А. Вахмин, В. Гузовский, А. Кондруков, Березин, пулеметы которых были хорошо замаскированы, по команде ударили внезапным прицельным огнем по выявленным огневым точкам врага и подавали их. Вперед через Сим стремительно ринулась рота З. А. Михайлюка и закрепилась на противоположном берегу. Вслед за ней, пользуясь растерянностью противника, переправились два батальона 1-го Уральского полка, расширили плацдарм и с боем заняли позицию к северо-западу от Бердиной Поля-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 59; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 342, л. 38.

[2] ГАСО, ф. 1200—Р., оп. 1, д. 32, л. 4, 7.

ны, прикрывая переправу других подразделений на правый берег[1]. В этом бою погиб отважный пулеметчик, товарищ председателя Контрольного Совета полка Березин[2].

Но переправлять на узкий плацдарм в районе Бердиной Поляны весь Уральский отряд, особенно артиллерийскую батарею И. С. Павлищев не решался и продолжал борьбу за расширение завоеванного плацдарма. Получен был приказ главкома о немедленном развертывании строительства надежного моста, чтобы в первую очередь переправить артиллерию, расширить плацдарм и прочно его удерживать до подхода других отрядов и обозов.

Нелегкой была эта задача. Противник, наконец, ясно понявший что действительным местом переправы блюхеровцы избрали Бердину Поляну, стали подтягивать сюда все новые и новые силы, в том числе и те, которые были присланы из Уфы и со станции Иглино. Так, в ночь на 22 августа на правый берег Сима было направлено 3 роты при 2-х скорострельных пушках из дер. Сарт Наурузово. Уфимский штаб белых, непосредственно руководивший войсками на этом участке, считал, что они при поддержке белочехов, находившихся в районе железной дороги, «смогут предотвратить прорыв красных на север»[3].

Все стянутые севернее Сима силы противника навалились на уральцев и архангельцев. Разгорелся новый особенно горячий бой на этом боевом участке. Меньше суток понадобилось для того, чтобы во время неравной борьбы Уральского отряда и Архангельского полка на правом берегу Сима был наведен мост.

К месту переправы были направлены подразделения ряда частей, а также хозяйственники. Возглавляла это ответственное строительство саперная команда. Она была создана по приказу главкома от 14 августа во время остановки отрядов в районе Богоявленска. Начальником саперной команды при Главном штабе являлся Смолин, его помощником Н. Е. Иванов-Царев. В соответствии с приказом главкома от 7 августа были сформированы или формировались саперные команды и при штабах отрядов[4].

Участие в создании саперной команды при Главном штабе и руководстве ее работой принимали работники

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 59; *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 77.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2053, л. 2.

[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 1048.

[4] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 141 об.

Главного штаба Я. М. Суворов, М. Д. Голубых и др. На саперов возлагались задачи разрушения телефонно-телеграфной линии, железнодорожного полотна, а также наведение переправ через реки. Коммунист Смолин, ставший впоследствии комиссаром 1-го Уральского полка, имел техническое образование. Он сыграл, как командир саперов, выдающуюся роль в партизанском рейде. Уже на Симе он фактически стал начальником сборной саперной команды, руководителем большой и ответственной работы [1].

Саперы под командой Смолина и все бойцы, направленные на строительство моста у Бердиной Поляны, горячо взялись за порученное дело. Они валили лес, сколачивали козлы, устанавливали их в реке, застилали бревнами, досками, крепили это молниеносно растущее сооружение гвоздями и веревками. Не раз непокорная река уносила приготовленные козлы и бревна, но люди были упрямей бушующей воды. Они продолжали делать свое дело. Это был тоже своеобразный, не менее ответственный бой. И тот, кто самоотверженно вел его — саперы, выделенные им в помощь стрелки, хозяйственники, старики-обозники — выиграли бой.

Мост был построен за полсуток, и началась переправа. 22 августа В. К. Блюхер издает приказ о перемещении частей на север и постепенном переходе Сводного Уральского отряда на правый берег Сима [2].

В помощь группе И. С. Павлищева на правый берег направляется Верхнеуральский пехотный полк, кавалерийская сотня и батарея. Всем этим частям было приказано развивать достигнутый успех, обеспечивая переправу на участке Бердина-Александровка [3]. Слева действовали уральцы, справа верхнеуральцы, а в центре архангельцы. Таким образом, в борьбу за расширение плацдарма на правобережье Сима с 23 августа включилось более 3 партизанских полков, кавалерийские подразделения и 2 артиллерийские батареи.

На всех участках противника удалось оттеснить и место переправы обезопасить. Следовательно, переправа получила уже более надежное прикрытие как с запада, так

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 42; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 144; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 5. Следует еще раз подчеркнуть важную роль саперной команды, ее командира коммуниста Смолина во время рейда партизанской армии, имя которого было незаслуженно забыто.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 9, 10; Уральский рабочий, 1918, 4 окт.

[3] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 59.

и с севера и северо-востока. Тем временем по мосту через Сим непрерывным потоком переправлялись многочисленные повозки с боеприпасами, продовольствием, снаряжением, с ранеными. С нетерпением ждали своей очереди на переправу беженцы.

Место переправы превращалось в центр боевого порядка партизанской армии. Главный штаб сначала обосновался в Белорусско-Александровском хуторе, а затем перешел в Бердину Поляну. 22 августа Белорецкий полк и другие части Верхнеуральского отряда сосредоточились в районе Валентиновки, прикрывая переправу с востока и юго-востока. При передвижении верхнеуральцы поддерживали тесное взаимодействие с Богоявленским полком, который в ночь на 23 августа из Зилима отошел на линию реки Инзер и занял дер. Темирбаево, Тавакачево, прикрывая партизанскую армию с юга.

При отходе арьергарда с берега Белой все значительные переправочные средства были уничтожены подрывниками под руководством Н. Е. Иванова-Царева [1]. Троицкий отряд, согласуя свои действия с богоявленцами, вышел к реке Сим, стал вести обследование переправы у дер. Аскани, одновременно обеспечивая безопасность партизанских войск с юга и юго-запада [2].

Сводный Уральский отряд сосредоточился на необычайно узком пятачке, расположенном по обе стороны Сима. Со всех участков доносилась не только артиллерийская канонада, но и ружейно-пулеметная стрельба. Бой не затихал ни днем, ни ночью. В те дни перед бойцами в ночное время представало тягостное зрелище: за многие километры был виден пожар в Зилиме и Ирныкшах, а спустя два дня — в Бердиной Поляне.

Оторвавшиеся было от противника Богоявленский полк и Троицкий отряд 23 августа вновь были втянуты в упорную борьбу в районе дер. Темирбаево — Унзенская и др. Трудно приходилось этим частям. Враг по-прежнему был многочисленен, а партизанских войск на левом берегу становилось все меньше. Но вдруг положение изменилось к лучшему.

3-я Оренбургская дивизия состояла преимущественно из казачьих частей. За эти части между Ханжиным и Дутовым велась и скрытая, и явная борьба. Под предлогом переформирования казачьих частей и увольнения из их состава старших возрастов в 20-х числах августа из 3-й

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 6—7.

[2] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 59 (и об.); ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 10.

дивизии отзываются один за другим полки, включая и те, которые были непосредственно на фронте. Так, из состава отряда Колесникова 24 августа выбыл Уйский казачий полк. Попытка перехватить ехавших на пополнение этого полка 200 казаков к успеху не привела.

Практически единственной частью, оставшейся в составе 3-й дивизии, оказался отряд полковника Колесникова. Но в нем после 24 августа имелись только Петропавловский казачий полк, батальон и эскадрон башкир. Петропавловский полк, имевший в конце июля более 720 сабель, теперь насчитывал только до 500 человек. Силы отряда в целом исчислялись примерно в 1000 штыков и сабель. Правда, в подчинение Колесникова вскоре были переданы Стерлитамакская рота, сформированные в прибрежье Белой кулацкие дружины.

Отряд был в таком состоянии, что его командир и начальник дивизии сразу же после ухода Уйского полка, 24 августа, стали настойчиво просить генерала Ханжина об отводе частей на отдых [1]. Генерал Печенкин отмечал, что «Колесников доведен до того, что не может не только энергично преследовать противника, но даже сомневаюсь — может ли он бороться» [2].

В те дни была предпринята попытка вновь бросить против партизан головорезов Анненкова, но тот заявил, что из-за больших потерь под Верхнеуральском и Белорецком его отряд «не боеспособен» [3]. Примечательное признание, особенно, если учесть прежние хвастливые рапорты Анненкова, указания на свои мизерные потери и большие потери, якобы причинявшиеся партизанам в каждом из боев.

В то время, как напряженная обстановка на юге несколько разрядилась, а на севере она продолжала быть тревожной, В. К. Блюхер решил перебросить на правобережье Сима дополнительные силы. Это решение было продиктовано и тем, что часть артиллерии, основная масса обозов, раненые были уже переправлены.

Блюхер торопил командующих отрядами с переводом частей на правый берег. Он указывал на недопустимость промедления в этом деле, так как намеченная операция может быть поставлена под угрозу. Партизаны шли по шаткому настилу цепочкой. Орудия и зарядные ящики они вынуждены были подчас со всеми предосторожностя-

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 1107—1129; ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 328; д. 37, л. 98.

[2] Там же, ф. 307, оп. 1, д. 1-г, л. 1197.

[3] Там же, д. 1-б, л. 1067.

ми перетаскивать на руках, а затем выкатывать их на крутой косогор правого берега.

Следует отметить, что если для обычных обозов переправа не представляла особого труда, то для госпиталей — представляла. Мост был шатким, качался из стороны в сторону. Тряска причиняла нестерпимую боль раненым. Чтобы облегчить их страдания, пришлось использовать носилки для тяжелораненых, остальные шли пешком, опираясь на санитарок и беженцев.

Часть войск, главным образом кавалеристы, переправлялись через Сим в других местах, в частности, у дер. Малая Бердянка, находящейся выше Бердиной Поляны[1]. 24 августа на правый берег переправился весь Троицкий отряд. С этого момента положение блюхеровцев на правобережье Сима становится более прочным. Инициатива безраздельно переходит в их руки.

Троицкий отряд подключается к борьбе уральцев за оттеснение белогвардейцев на запад. Рядом с ними, несколько севернее, дрались бойцы Архангельского полка, пытаясь овладеть деревнями Родники и Слутка и ведя разведку на хутора Малеевский и Никольский[2]. Однако в этот день решающего успеха в западном и северо-западном направлении достигнуть не удалось.

Противник оказывал партизанам упорное сопротивление, но к исходу дня все же отошел на значительное расстояние. Действовавший на правом фланге правобережной партизанской группы войск Верхнеуральский стрелковый полк совместно с бойцами 7-й сотни полка С. П. Галунова и артиллеристами продвинулся далеко на северо-восток и овладел рядом населенных пунктов, в том числе Озерками, Мамаевским и Балажу[3].

В эти дни И. Д. Каширин сообщил в Главный штаб, что его отряд движется по деревням, население которых в огромной своей массе сочувствует Советской власти и вооружается, чтобы вместе с партизанами действовать против белогвардейцев[4]. Такое положение дел в значительной мере благоприятствовало действиям всего соединения.

25 августа явилось знаменательным в период боев на берегах быстрого Сима. В этот день белогвардейцам был дан решающий бой, выиграв который, партизаны обеспечили себе возможность выхода к железной дороге.

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 36; ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 161, 224.

[2] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 36.

[3] Там же.

[4] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 78—79.

Решающая роль в общем наступлении на главные силы врага отводилась отрядам И. С. Павлищева и Н. Д. Томина. Большую помощь им должен был оказать Архангельский отряд, развернутый на север, северо-запад. Отряды должны были овладеть дер. Родники, Слутки, Асканыш, взять под свой контроль трактовую дорогу из Охлебинино на Уфу. На правом фланге по-прежнему действовал Верхнеуральский отряд, точнее часть его. Перед ним ставилась задача занять дер. Крыницы, Кольтовка и др., в дальнейшем развивая движение на север и северо-восток [1].

Основная масса сил противника, сосредоточенных для борьбы с партизанами, в это время находилась на линии Слутка—Родники—Асканыш—Охлебинино. По данным разведки, только в Слутке белые имели около 1000 солдат при 3 орудиях, 9 пулеметах и автоорудиях с обозом в 15 подвод с патронами и снарядами. 25 августа к ним на помощь прибыл отряд в 130 пехотинцев из Стерлитамака. Большие силы враг имел на других участках. По данным разведки, всего белые имели на участке Слутки—Асканыш 10 артиллерийских орудий [2].

Имея в виду в дальнейшем весь Сводный Уральский отряд направить на север, к железной дороге, В. К. Блюхер стремился обезопасить его тыл и левый фланг. Центр борьбы оказался в тот момент именно здесь, северо-западнее Бердиной Поляны. С наступлением раннего утра 25 августа на многокилометровом фронте разгорелась жаркая битва. Блюхер лично руководил боем и в рядах 1-го Уральского полка принимал участие в атаке позиций противника.

Вначале враг держался стойко. Накануне ночью он отвел свои части и занял наиболее выгодные позиции — высоты, опоясал их окопами. Отбивая наступление партизан, белогвардейцы не жалели ни пуль, ни снарядов, засыпая ими атакующих.

К этому времени в отряде Блюхера боеприпасы вновь подходили к концу, а впереди предстояли новые сражения и невозможно было с точностью предвидеть — когда именно они кончатся. Еще до выхода на правобережье Сима 20 августа В. К. Блюхер издал приказ: «Приказываю командному составу следить за экономным расходованием патронов и снарядов, обстреливая лишь ясно видимые цели, представляющие группы или цепи противни-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 14—15; Легендарный рейд, с. 167—169.

[2] Легендарный рейд, с. 167—169.

ка, отнюдь не допуская стрельбы по одиночным людям» [1].

Еще острей встал вопрос об экономии боеприпасов к 25 августа... Идя на сближение с противником, бойцы партизанских полков на огонь врага почти не отвечали: дорог был каждый патрон. Партизаны, вдохновляемые личным участием в наступлении Блюхера, Павлищева, Томина, Кононова и других прославленных командиров [2], подходили все ближе и ближе к позициям белых. Они сознательно делали главную ставку в этом бою на рукопашную схватку. Но белогвардейцы, имевшие строгий приказ о разгроме партизан, не только не хотели отступать, но и сами намерены были неоднократно повторявшимися контратаками отбросить партизан назад, прижать к реке и уничтожить.

Партизаны хладнокровно отражали контратаки противника и продолжали продвигаться вперед, используя малейшую возможность для штыкового удара. Они были полны решимости бороться до полного разгрома ощетинившегося врага изрыгающего из пушек, пулеметов и винтовок тысячи килограммов расплавленного металла. Враг все больше нервничал; началась его деморализация. Тесня противника, уральские полки подошли вплотную к деревням Слутки, Родники и Асканыш. Оставалось последним приступом взять высоту, на которой окопались главные силы врага. Почти 10 километров прошел в атаке 17-й Уральский полк. Долгим и трудным был путь наступления и других полков.

Навсегда запомнилась атака 25 августа 1918 г. бойцам, командирам Троицкого отряда. Противник держался цепко. Но партизаны атаковали все настойчивей, все быстрее и быстрее шли вперед. Вот уже под яростным огнем противника пройдена половина высоты. Впереди, совсем близко, перед деревнями была видна линия обороны врага. Его фланги оказались охваченными наступающими цепями. Мощное «Ура!» прокатилось по окрестностям. Это пехотные полки уральцев совершали последний, завершающий бросок на врага. Страшен был их удар. Не выдержали его и отборные, вышколенные белочешские отряды, начали отступать, бросаясь в бегство.

Наступил благоприятный момент для нанесения по врагу завершающего удара кавалерийским полком им. Степана Разина, находившимся в резерве. Со сверкающими клинками и раскатистым «Ура!» разинцы ринулись из-за укрытия на теснимого партизанской пехотой врага.

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 147.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2053, л. 2.

«Все перепуталось и перемешалось, — пишет в воспоминаниях один из участников этого боя В. С. Русяев, — отчаянный вой, крики, свист, выстрелы, захлебывающийся треск пулеметов, цоканье копыт и короткие удары стали о сталь» [1].

Не спасли от разгрома белогвардейцев и введенные в бой свежие резервы. Не более пятнадцати минут потребовалось атакующим в кульминационный момент, чтобы смять, раздавить, обратить в позорное бегство чванливого врага. Обгоняя друг друга, бросая оружие, бежали белые от Слутки, Родников и Асканыша на юго-запад, к реке Белой. Бегущего врага преследовали красные кавалеристы. В Охлебинино, на переправе разыгрались дикие сцены паники. Все скопом, давя друг друга, белогвардейцы рвались на противоположный берег реки. Только темнота, остановившая преследование белых разинцами, спасла тех от полного истребления. Партизанам достались большие трофеи и среди них несколько пулеметов, двуколки с патронами, много пленных [2].

В тот день успешно действовали партизаны и на северо-востоке. Верхнеуральцы и архангельцы, ломая сопротивление мелких белогвардейских отрядов, далеко продвинулись вперед. В частности, упорный бой разгорелся за дер. Кольтовка, в районе которой противник сосредоточил до 430 человек пехоты и конницы. Борьба здесь шла с переменным успехом еще накануне, 23—24 августа. 1-й батальон Верхнеуральского стрелкового полка, занявший Кольтовку, упорно отстаивал ее. Он вел редкий, прицельный огонь по белогвардейским цепям, пока не кончились патроны. В это время белогвардейцы перебежками приблизились на 30—40 метров.

Партизанам пришлось, отбиваясь от наседавшего противника, отойти и занять позицию на сопке в сторону Бердино, в полутора верстах от Кольтовки. Белые, потеряв только убитыми до 30 человек, от дальнейшего наступления отказались. В разговоре по телеграфу 25 августа представитель штаба Тимонова в штаб Уральского корпуса сообщал, что в этот день чешский отряд, прибывший со станции Тавтиманово, занял Кольтовку, «к вечеру в районе Кольтовки будет сосредоточен весь второй батальон 2-го Чешского полка с одной трехдюймовой пушкой и одной скорострельной Маклена» [3]. Но удержаться белогвар-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3—4; На Южном Урале, с. 141.
[2] *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 76.
[3] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-г, л. 1228; д. 13, л. 180; ф. 1437, оп. 2, д. 15, л. 86.

дейцам (в деревне были не только чехи, но и белогвардейцы) в Кольтовке не удалось. После прибытия Верхнеуральской батареи, партизаны выбили противника с занимаемых позиций и вновь заняли Кольтовку [1].

Продолжая наступление, 2-й батальон Верхнеуральского пехотного полка выбил белогвардейцев из Латышских колоний. На другой день верхнеуральцам довелось драться с польскими легионерами, которые были вынуждены отступить. Полк И. В. Погорельского занял дер. Березовку [2].

В одном из боев в те дни боец 2-й роты Белорецкого полка Тюрин, видя, что группа белых в шесть человек скрылась в бане, не растерялся, подбежал, подпер дверь и бросил в окно гранату. Баня сгорела вместе с убитыми и ранеными белогвардейцами [3].

В борьбе за Кольтовку приняли участие и архангельцы, которые, после ухода верхнеуральцев на север, оставались здесь некоторое время. Победа в этом районе осталась за партизанами. Белые отступили по двум направлениям: одна часть направилась на Иглино, другая отошла к дер. Вознесенско-Куликовской [4].

Развивая успех, 26 и 27 августа части Сводного Уральского отряда продолжали с боями продвигаться в северном и северо-восточном направлении. В авангарде шли Верхнеуральский отряд (включая полки С. П. Галунова и А. В. Пирожникова) и Архангельский полк, переместившийся на правый фланг. Архангельский полк к вечеру 27 августа занял хут. Петровский-4 и Вознесенско-Куликовский, а Верхнеуральский отряд вышел на линию дер. Н. Березова—Тауш—Балтийская колония — хут. Михайловский и Исаковский. Левее отряда И. Д. Каширина, несколько отставая, на север спешили томинцы. Кавалеристы разинского полка с боем заняли дер. Баранцево, а также Озерки, Семеновку, хут. Надеждинский и выдвинули разведку на дер. Николаевскую и Новый Юрмаш [5].

Таким образом, передовые части партизан находились уже в непосредственной близости от железной дороги. Вслед за ними двинулся Уральский отряд, занимавший еще 26 августа позицию под селом Охлебинино. К вечеру 27-го отряд расположился в дер. Кольтовке, хут. Надеж-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 5; ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 1167.

[2] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 5.

[3] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 370, л. 3.

[4] Легендарный рейд, с. 167—168; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 42; ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 161.

[5] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 148—149.

динском и Леонтьевском. Тыл боевого порядка партизанской армии, как и прежде, прикрывал Богоявленский полк. До окончания переправы, к 26 августа он продолжал прикрывать мост с юга. 24—25 августа полк с приданными к нему сотнями верхнеуральцев находился в районе Благовещенского, Куликовско-Михайловского и Белорусско—Александровского хуторов. Частью своих сил он отбивал атаки противника со стороны дер. Тавакачево и Темирбаево.

В эти дни переправа была в самом разгаре. К исходу 25 августа переправа обозов и беженцев заканчивалась и Блюхер приказал Богоявленскому полку перейти в Бердину Поляну и составить резерв главкома. В качестве прикрытия переправы в хуторах Белорусско-Александровском и Куликовско-Михайловском были оставлены кавалерийские сотни.

Богоявленская пехота, часть кавалерии перешли в Бердину Поляну. М. В. Калмыков прибыл в Главный штаб и доложил Блюхеру обстановку в тылу. Главком, в свою очередь, информировал Калмыкова о действиях партизанских частей на правобережье Сима. В этой обстановке важно было задержать как можно дольше южную группу врага на левом берегу и оторваться от нее.

Богоявленцы держали врага в напряжении, не только отбивались от него, но и сами неожиданно нападали, отбрасывали от переправы, причем не ограничивались действиями кавалеристов. Так, когда уже вся пехота полка находилась на правобережье Сима, ранним утром на вражеские позиции у Белорусско-Александровского хутора была брошена 4-я рота. Пройдя несколько километров лесом и используя в качестве прикрытия от огня противника высокие стебли подсолнечника и кукурузы, рота Е. В. Бусыгина с криком «Ура!» бросилась на врага и отбросила его, затем, к вечеру, вернулась в Бердину Поляну [1].

Задача отрыва партизан от врага богоявленцами выполнялась вплоть до 26 августа. Однако враг не был обескуражен, продолжал рваться к переправе. Вечером 26 августа у переправы разыгрались события, которые чуть было не закончились ее захватом белогвардейцами.

На хутора Белорусско-Александровский и Куликовско-Михайловский, где находились соответственно Красноярская и Богоявленская кавалерийские сотни Богоявленского полка, белогвардейцы отряда полковника Колесникова повели наступление. На помощь своим кавалеристам Кал-

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 6.

мыков выслал 4-ю сотню Верхнеуральского кавалерийского полка и 3-ю и 5-ю роты богоявленцев. Но до подхода подкрепления богоявленские кавалеристы не выдержали натиска врага, бросившего эскадрон и сотню кавалерии, роту пехоты при 2 пулеметах и одном орудии[1], поддались панике и бросились в бегство к переправе. Они увлекли за собой по дороге верхнеуральских кавалеристов и пехотинцев, спешивших на помощь.

1-й взвод Богоявленской сотни, «опережая» всех, успел уже переправиться в Бердину Поляну. За ним в беспорядке и давке спешили остальные. Шаткий мост был под угрозой разрушения, а сами бойцы могли стать легкой добычей наступающего врага. Белогвардейцы могли захватить переправу и ударить в тыл Сводному Уральскому отряду. Создалось критическое положение.

По приказанию главкома М. В. Калмыков, взяв находившиеся в Бердиной Поляне резервные роты полка, спешно направился к мосту, чтоб восстановить положение. Размахивая маузером, Калмыков, без шинели, один ус опущен вниз, другой торчит вверх, кричал: «Стой, не место панике!.. Перестреляю собственноручно... Трусы... Назад... В цепь, развертывайся в цепь!».

Увидев своего испытанного командира, его необычное разгневанное лицо, бойцы остановились и, подсмеиваясь над собой, успокоившиеся, стали развертываться в цепь и затем перешли в наступление. Прошло несколько минут, и бесформенная толпа приняла вид боевой части. Противник опешил, растерялся, утратил инициативу. Теперь уже он был обращен в бегство. Теряя убитых и раненых, белоказаки скрылись в ближайшем лесу[2].

Наступление богоявленцы продолжили. Силы врага в хуторах Белорусско-Александровском и Благовещенском достигали одного батальона пехоты и полутора сотен кавалерии при одном орудии. Утром 27 августа партизаны, не страшась сильного огня, ринулись в атаку на отряд Колесникова и выбили его из Белорусско-Александровского. Белые отступили в Архангельское, потеряв не менее 2-х десятков убитыми, включая 4 офицеров, ранеными 29, без вести пропавшим 11, из которых 7 человек, включая офицера, попали в плен. Богоявленцы под командованием Федора Ландграфа преследовали белых до хут.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 148.

[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 14, 64; ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 149—150; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 31—32; На Южном Урале, с. 111—112; Пролетарская революция, 1926, № 8, с. 199.

Благовещенского[1]. Наряду с другими бойцами в бою отличились молодые пулеметчики Н. Ковешников, И. Д. Пухов, Е. Чушкин, Шеин[2].

Еще вечером 26 августа главком приказал Богоявленскому полку «отойти на правый берег реки Сим и сосредоточиться в дер. Кольтовка... При отходе обязательно сжечь и уничтожить мост и другие средства переправы...»[3]. Этот приказ надлежало выполнить после того, как удастся отбросить противника от Белорусско-Александровского и Куликовско-Михайловского. И приказ успешно выполнялся. В 8 часов 30 минут утра 27 августа М. В. Калмыков доносил главкому, что пехота и артиллерия преследовали противника, имевшего батальон пехоты и полторы сотни кавалерии, до хут. Благовещенского и он отступил далее. Враг потерял не менее 20 человек, партизаны же — убитым одного бойца. Семь человек было ранено. Около этого хутора была оставлена конная разведка, а основные силы были оттянуты к Бердиной Поляне, подготовлены к продвижению на Кольтовку[4].

К 20 часам богоявленцы начали продвижение на Кольтовку. Тыл прикрывали кавалеристы. На другой день весь Богоявленский полк сосредоточился в Кольтовке и на хут. Блохинском. Кавалерийские сотни верхнеуральцев, приданные полку, были отправлены в свой отряд. При занятии Кольтовки с боем богоявленцы захватили пленных, в числе которых были 2 ашабалашовских рабочих, насильно мобилизованных и ждавших случая для перехода к партизанам. Они были зачислены в 4-ю роту полка. Один из них — Ф. Шохов в дальнейшем стал командиром бомбометной команды и пал смертью героя в одном из боев[5].

Прежде чем покинуть левый берег Сима, заслон Богоявленского полка сжег мост и уничтожил другие средства переправы. Враг был задержан на длительное время. Двигаясь на северо-восток, богоявленцы продолжали вести наблюдение за обоими берегами Сима.

Белогвардейцы предпринимали слабые попытки достать уходящие части партизан. Но переправиться в районе Бердиной Поляны, где некоторое время находился кавалерийский заслон, они не решились и стали продвигаться по левому берегу вверх по течению. Их попытка

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 148 и об; ф. 3577, оп. 1, д. 80, л. 11, 12; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 31, 32.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 271, л. 16.

[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 14—15.

[4] Троицкий краеведческий музей (ТКМ). Подборка донесений командиров отрядов и частей главкому В. К. Блюхеру, л. 33 и об.

[5] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 7—8.

внести замешательство в ряды партизанского арьергарда, открыв из-за реки артиллерийский огонь, успеха не имела [1].

Таким образом, несмотря на вражеское окружение и превосходство сил противника в численности, огневых средствах, партизаны сумели в районе трехречья вырвать очередную блестящую победу и прорваться на север. Они по-прежнему сохраняли инициативу. Не противник, а командование партизанского отряда направляло военные события в нужное русло. На этом новом этапе партизанской эпопеи еще более явственно, чем прежде, проявился выдающийся военный талант главкома В. К. Блюхера, как и других командиров, их повседневно растущее тактическое мастерство. Блюхер своевременно разгадывал планы врага, умело и быстро производил перегруппировку сил, создавал сильный боевой кулак в наиболее важном направлении. В. К. Блюхер сочетал мощные лобовые атаки с расчетливыми обходными маневрами. Он прекрасно использовал недостаточную согласованность действий белогвардейцев и наносил поражение то одной, то другой их части.

От сражения к сражению росли популярность и авторитет Блюхера. Под его руководством части Сводного Уральского отряда с боями проделали путь в несколько сот километров и были ближе, чем когда-либо к реализации плана выхода из окружения.

2. Штурм железнодорожной магистрали

Командованию партизанского соединения, лично В. К. Блюхеру после победы над белогвардейцами близ устья реки Сим и возникновением новой обстановки предстояло решить ряд сложных оперативно-тактических задач, чтобы обеспечить новый успех оружию уральцев. В сущности, с этого момента наступил самый ответственный переломный этап всего партизанского рейда уральцев. Впереди была долгожданная Самаро-Златоустовская железная дорога. А после перехода через нее следовало форсировать широкую, полноводную реку Уфу.

Предстояло действовать в непосредственной близости от крупного центра — города Уфы, опасаясь за безопасность которой, враг, можно было быть уверенным в этом,

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 148—150; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 89, л. 9; д. 83, л. 31, 32.

бросит против партизан дополнительные силы, попытается здесь их уничтожить. Оправившись от неудач в трехречье, белогвардейцы возобновили, активизировали свои действия против партизан. «Белые понимали, — отмечал В. К. Блюхер, — что продвижение партизан угрожает их коммуникациям с Самарским фронтом, понимали, что в случае захвата железной дороги мы перерезали основную магистраль, связывавшую Челябинск, штаб чехословаков, с фронтовыми частями, действовавшими в районе Самара — Симбирск — Казань. Поэтому они стягивали значительные силы» [1].

В процессе боевых действий уральских партизан в районе Уфы и Бирска с середины августа до середины сентября на Восточном фронте развертывались волнующие события. Не окрепшие части Красной Армии Восточного фронта в июле и августе 1918 г. вынуждены были отступать. Положение усугублялось изменой бывших офицеров — ставленников командующего войсками Восточного фронта бывшего подполковника левого эсера Муравьева под Уфой и в ряде других мест. 10 июля сделал попытку развернуть борьбу против Советской власти и сам Муравьев. Но это контрреволюционное выступление в самом начале было обезврежено симбирскими коммунистами, а сам Муравьев, оказавший сопротивление, был убит.

Обстановка на Восточном фронте была осложнена также рядом кулацко-эсеровских восстаний, в частности, ижевским и воткинским. После захвата важнейших районов Урала, включая Уфу, интервенты и белогвардейцы главный удар нацелили на Среднее Поволжье. Они намеревались полностью овладеть этим районом, чтобы создать здесь основной плацдарм для наступления на Москву.

Обладая хорошей выучкой и несравненно лучшим вооружением, нежели Красная Армия, белые бешено рвались к Волге. Им удалось добиться значительного успеха: захватить 22 июля Симбирск, а 7 августа Казань. На Среднем и Северном Урале после захвата Екатеринбурга белые продолжали теснить советские войска и к концу августа подошли к Нижнему Тагилу и Красноуфимску. В их руках оказался и район Ижевска и Воткинска. Тяжелым было положение Советской республики и на других фронтах.

Коммунистическая партия и Советское правительство прилагали огромные усилия для разгрома многочисленных врагов, в том числе и в районах Поволжья и Урала. В конце июля 1918 г. Центральный Комитет партии спе-

---

[1] Легендарный рейд, с. 30.

циально обсудил вопрос о Восточном фронте. В постановлении ЦК подчеркивалось, что «вопрос о судьбе революции решается ныне на Волге и Урале»[1]. Центральный Комитет партии признал необходимым «отдавать лучшие, наиболее стойкие части для отражения опасности на Востоке, оставляя на местах лишь минимальное количество вооруженных сил». Решено было провести массовую мобилизацию коммунистов на Восточный фронт.

Решение ЦК о Восточном фронте всколыхнуло все партийные организации. Повсеместно прошли партийные собрания и митинги трудящихся. Состоялись партийные конференции, в том числе и на Урале. На фронт направляются новые тысячи коммунистов. В 1918 г. на фронте сражалось 20 тысяч коммунистов-уральцев. Тысячи коммунистов дало Поволжье. На Восточный фронт были направлены новые части Красной Армии. В. И. Ленин пристально следил за проведением решений ЦК в жизнь. В письме работникам Восточного фронта он предупреждал, что «сейчас **вся** судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого»[2].

Усилия Коммунистической партии во главе с Лениным по организации отпора врагу на Восточном фронте дали свои результаты к началу сентября 1918 г.

К концу августа советские войска на Поволжском участке Восточного фронта в основном готовили наступление. Попытка врага сорвать это наступление оказалась безуспешной. Белые захватили Свияжск, но были выбиты оттуда и понесли большие потери. Войска 5-й армии и Арская группа 2-й армии в начале сентября начали наступление на Казань. Пехотные полки имели поддержку со стороны моряков Волжской военной флотилии.

В дни напряженных боев на фронт пришло сообщение о злодейском покушении контрреволюционного отребья на Владимира Ильича Ленина и тяжелом его ранении. Эта весть вызвала гнев и возмущение солдат. Они клялись отомстить за своего вождя. 10 сентября части Красной Армии заняли Казань. Ленин с восторгом приветствовал эту победу. 12 сентября был освобожден Симбирск. Бойцы 1-й армии телеграфировали В. И. Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара»[3].

[1] Коммунист, 1956, № 12, с. 56.

[2] *Ленин В. И.* Военная переписка (1917—1920). М., 1956, с. 57.

[3] Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1960, т. 1, с. 374.

В. И. Ленин в ответной телеграмме в адрес РВС 1-й армии писал: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы» [1].

Обещание, данное бойцами Восточного фронта Ленину, было выполнено. В начале октября они освободили Самару, а также Сызрань и начали наступление в уфимском направлении. Но это произошло позднее. К моменту же выхода партизанских отрядов Блюхера в 20-х числах августа к Уфе враг в районе Среднего Поволжья еще имел успех, продвигался далеко вперед. Он лелеял мечту о скором разгроме Красной Армии и вступлении в Москву.

Уфа находилась в глубоком тылу и местные власти были спокойны за свой город. Но к концу августа с фронта стали поступать тревожные сигналы: наступление приостановилось, войска выдохлись, стойкость Красной Армии резко возросла и не исключено ее скорое наступление в направлении к Уфе. Беспокойство овладело не только местной буржуазией и командованием гарнизона, но и собирающимися сюда на государственное совещание многочисленными делегатами контрреволюционных правительств и организаций.

Конец августа и начало сентября были переломными на Восточном фронте. И вдруг именно в этот момент под Уфу нагрянули войска Блюхера, окрепшие, с явным намерением (как казалось многим в Уфе) взять город! В Уфе все упорнее шли слухи о приближении какой-то огромной армии красных, которую никакими усилиями не удается остановить. Белое командование было всерьез обеспокоено осложнением «на внутреннем фронте» и появлением первых признаков паники в Уфе. Преследуя цель полного уничтожения партизан, с одной стороны, с другой — сами белые не на шутку опасались за безопасность Уфы, которая в те дни стала местом сборища контрреволюционного охвостья, съезжавшегося на так называемое «Государственное совещание» [2].

Белогвардейцам теперь приходилось всерьез распла-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 95.

[2] На это совещание, намечавшееся на 1 сентября, из Сибири, с Урала, Поволжья съезжались лидеры организаций правых эсеров, меньшевиков, представители Самарского «Комуча», Сибирского, Уральского «правительств» и другие контрреволюционные элементы. Враги революции ставили целью совещания объединить все контрреволюционные группировки восточных районов России, образовать «единое всероссийское правительство» и усилить борьбу против Советской власти.

чиваться за свою лживую пропаганду и хвастливые реляции. Прежде они не раз без всякого зазрения совести сообщали о «полном уничтожении» партизан, «гибели» или даже «пленении» В. Блюхера и братьев Кашириных и т. д. [1]. Затем они вновь и вновь вынуждены были писать в официальной печати о продолжающихся боях все с теми же партизанами Блюхера. Вновь помещались объявления о выдаче огромных вознаграждений тем, кто доставит им партизанских командиров «живыми или мертвыми». Обстоятельства вынуждали белых признаваться в собственной лжи. Партизанская слава широко разносилась по Уралу народной молвой. Это поднимало моральный дух трудящихся, активизировало их на борьбу против контрреволюционных сил.

В Уфе была объявлена срочная мобилизация всех проживающих в ней офицеров, подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. Началась мобилизация юнкеров и гимназистов. Предпринимались другие лихорадочные меры.

После удачного выхода партизанского авангарда — Уральского отряда и Архангельского полка в район Бердиной Поляны и расширения завоеванного плацдарма командующие Поволжским и Оренбургским фронтами, «главнокомандующий и комкор» чехословацких войск и командир Уральского корпуса стали проявлять большую тревогу за положение в Уфимском районе.

Триумфальное победное шествие партизанского соединения от Богоявленска до правобережья Сима заставило генералов позаботиться не только об изыскании новых резервов, но и улучшении оперативного руководства боевыми действиями частей. Оно было возложено на генерал-майора Тимонова, нареченного «командующим войсками Уфимского района». Генерал Печенкин с 26 августа перешел в его подчинение [2]. Соответственно, в распоряжение Тимонова перешли и части отряда Колесникова.

Но главные силы составляли части Уфимского гарнизона в составе 13-го, 14-го уфимских пехотных полков и других частей. Они спешно пополнялись за счет мобилизованных и добровольцев. Помощь войскам Тимонова оказывали польский легион (командир поручик Курбский), батальон 2-го Чешского полка и кавалерийский эскадрон (командир подпоручик Пустка). К вступлению в борьбу с партизанами готовились роты и команда конных разведчиков 22-го Златоустовского полка и одна казачья сотня [3].

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 6.
[2] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-в, л. 1133; д. 1-г, л. 1301.
[3] Там же, д. 1-г, л. 1302, 1336, 1328, 1395.

Из Белорецка на фронт через Вязовую по узкоколейке под командой войскового старшины Старикова перемещались две сотни Кундравинского казачьего полка, рота башкир. Из Троицка спешили две сотни казаков, из Златоуста — сотня башкир.

Все эти войска должны были присоединиться к 22-му Златоустовскому пехотному полку и поступить в распоряжение его командира полковника Моисеева. Это соединение получило название «Отдельного Сибирского отряда». Его организацией занимался непосредственно штаб Уральского корпуса, выполняя приказ главнокомандующего и комкора белочехов генерал-майора Шокорова. 27 августа он потребовал «экстренно сообщить, имеются ли у Вас свободные пехотные части, могущие быть направлены в тот же район, чтобы окончательно ликвидировать тот отряд противника, которому удалось прорваться из Верхнеуральского района» [1].

Так на восток от участка железной дороги, на котором Сводный Уральский отряд намеревался совершить прорыв на север, создавался крупный отряд, по силам равнозначный двум полкам — кавалерийскому и пехотному (неполного состава). Но части из Троицка и Белорецка запаздывали и в момент решающей борьбы за железную дорогу только часть отряда Моисеева участвовала в бою.

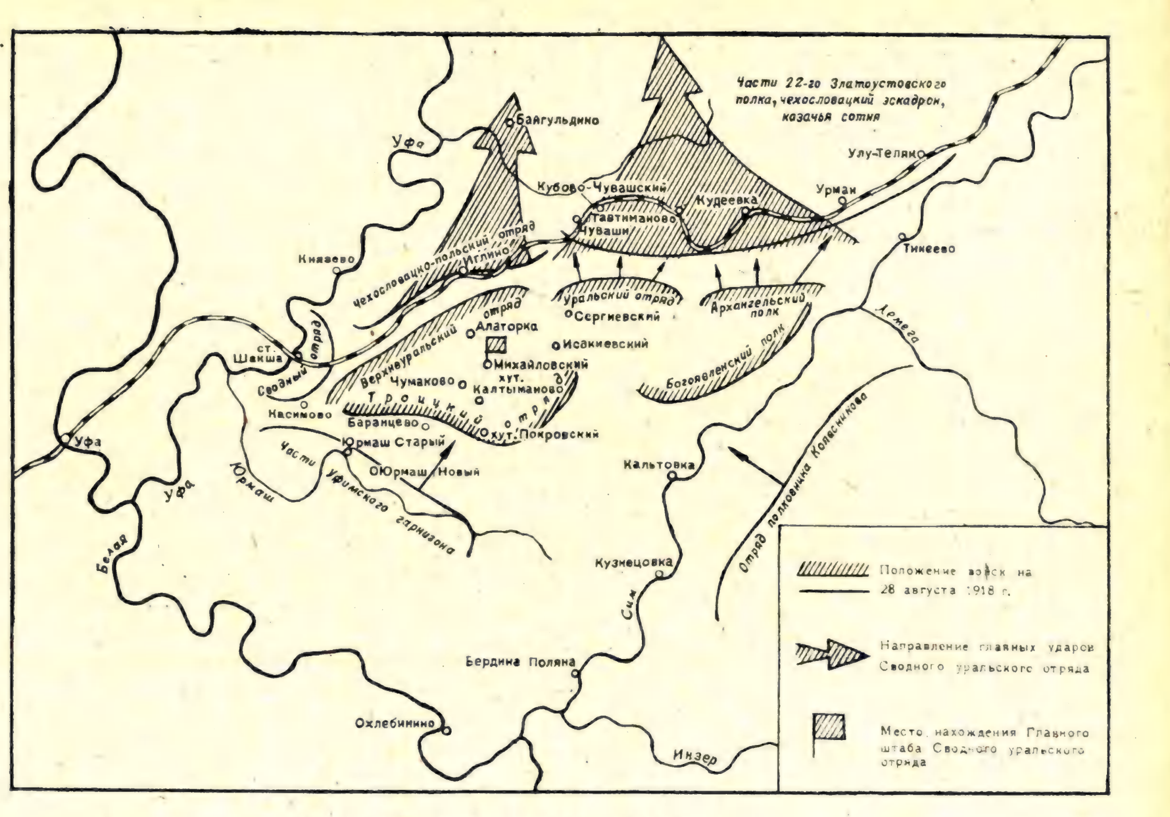
Начиная с 25 августа между штабами Тимонова и Ханжина велись переговоры о задержке в Уфе направляющегося по железной дороге в Екатеринбург Бугурусланского полка. Этот вопрос был решен, и полк принял участие в боях под Уфой. Общая численность войск, находившихся в Уфимском районе, в конце августа составляла не менее 6 тысяч штыков и сабель.

Уже к 28 августа, когда концентрация частей еще не была завершена, белыми было сколочено несколько отрядов. «Главные силы красных, — говорится в телеграмме начальника штаба войск Уфимского района в штаб Уральского корпуса, — окружены... Для ликвидации красных сосредоточено четыре отряда: северный... — ст. Иглино, около 800 штыков при 2 орудиях, западный [2] — с. Новый Юрмаш, около 800 штыков при 5 орудиях и 150 сабель, южный — около 500 штыков и 700 сабель при 3 орудиях и восточный — близ ст. Тавтиманово, около 600 штыков и 300 сабель» [3].

Так, «Отдельный Сибирский отряд» полковника Мои-

---

[1] ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-г, л. 1355.
[2] В документе «восточный», что является опиской.
[3] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 131—133.

СРАЖЕНИЕ У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

сеева к 30 августа после понесенных больших потерь, имел следующий состав: Средний отряд под командованием подпоручика Пустки — 3 роты чехословаков (180 штыков), 2 роты поляков (200 штыков), 1 чехословацкий эскадрон (140 сабель) при 2 пулеметах и 1 орудии; Южный отряд под командованием поручика Сыромолотова — 1 рота 3-го Башкирского полка (150 штыков), 1 рота 22-го Златоустовского полка (100 штыков) при 2-х пулеметах, 1 сотня Чебаркульского полка (100 сабель), Свято-Троицкая дружина (120 штыков); Северной отряд, командир капитан Иванов — 1 рота 22-го Златоустовского полка (100 штыков), 1 рота 5-го Башкирского полка (150 штыков), 1 сотня 1-го Оренбургского казачьего полка (100 сабель), 1 орудие, всего 1000 штыков и 340 сабель[1].

Белогвардейские генералы в эти дни все настойчивей выдвигали требование окружить партизан, сдавить вокруг них железное кольцо и уничтожить, не дав возможности соединиться с Красной Армией. Четырьмя крупными отрядами белые и надеялись, нанося по Сводному Уральскому отряду концентрические удары, решить эту задачу. Кроме этих отрядов белые имели в непосредственной близости другие резервные части. Часть из них была брошена на охрану железнодорожного моста через р. Уфу у ст. Шакша. Здесь занял позицию Сводный отряд в 700 штыков.

Враг еще в большей степени, чем прежде, имел преимущество в огневых средствах. Кроме указанных выше 10 орудий он имел и другие, в частности в отряде Моисеева. Он сочетал оборонительные действия с наступательными.

Таким образом, в новом треугольнике — между железной дорогой, реками Сим и Белая (точнее рекой Юрмаш) армия уральских партизан вновь оказалась в окружении и стояла на пороге нового грандиозного сражения. В. К. Блюхер после победы на правобережье Сима, не имея достоверных сведений о местонахождении вражеских войск, действовал довольно осторожно. Можно было ожидать активизации противника на самых различных направлениях.

До 27 августа размещение партизанских частей напоминало гигантское каре. Уральский отряд и Богоявленский полк оставались в районе реки Сим и защищали Сводный Уральский отряд с юга и юго-запада. Троицкий отряд продвигался на север, все время ведя разведку в Уфимском направлении, готовый отразить нападение про-

---

[1] ЦГАСА, ф. 39624, оп. 1, д. 165, л. 13—14.

тивника с запада. С севера и северо-востока партизанское соединение было прикрыто частями Верхнеуральского отряда и Архангельским полком. Но Верхнеуральский отряд уже в те дни стал заметно выдвигаться, нацеливаться на север. К полдню 27 августа его авангард выдвинулся в район дер. Калтыманово — хут. Михайловского и стал теснить разъезды и отряд противника в одну роту пехоты и взвод кавалерии при двух пулеметах и одном орудии и затем отбросил их [1]. Тем самым определялась авангардная, ударная роль этого отряда на последующие дни.

Партизанские отряды заняли позиции на огромном протяжении. Они далеко не всегда имели сплошную линию фронта. В этой обстановке, как и в последующем, Блюхер требовал внимательного отношения командующих отрядами к обеспечению флангов и оказанию своевременной помощи соседним участкам, на которых завязывался бой. Отряды должны были иметь свои собственные резервы для отражения врага на любом угрожающем участке. «Начальникам боевых участков, — предупреждал Блюхер, — иметь всегда резерв для парирования всяких случайностей, особенно в настоящей войне, когда мы не можем держать сплошного фронта, а разбиваемся на участки, разделенные незащищенными промежутками» [2].

Эти указания главкома имели принципиально важное значение для отрядов, действующих в тылу врага. Заняв частью войск оборонительную позицию, Блюхер не приостановил движения армии к железной дороге. Еще до исхода борьбы в районе Бердиной Поляны и окончания переправы Блюхер двинул верхнеуральцев и архангельцев к железной дороге. Подступы к ней были заняты, получены были значительные разведывательные данные о противнике.

Стало ясно, что со стороны Охлебинино нападения опасаться оснований нет, а южная группировка врага серьезно ослаблена и не сразу соберется с силами для активных действий, что враг намерен дать главный бой у железной дороги. При нарастании борьбы в этом районе большая растянутость партизанских частей становилась опасной. Следовало сконцентрировать все силы на решающем участке. Уральский отряд и Богоявленский полк быстрым броском подтягиваются к другим частям.

Относительная пассивность противника в течение нескольких дней дала возможность В. К. Блюхеру завершить перегруппировку частей для наступления на опорные пунк-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 39 об.
[2] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 61.

ты врага в районе железной дороги. Вечером 27 августа Блюхер ставит перед отрядами задачу о занятии ими к концу следующего дня исходного положения для общей атаки позиций врага в районе железной дороги.

Разъясняя сложность задачи, главком указывал: «Подходя к линии железной дороги, нам предстоит весьма серьезная задача прорыва необходимого участка железнодорожной линии дабы обеспечить себе свободный выход на намеченные пути. Задача прорыва усложняется наличием крупного пункта Уфы, где можно предполагать сосредоточение резервов противника, каковые при помощи железной дороги могут быстро перебрасываться к угрожаемым пунктам, а потому всем боевикам и командному составу приложить все усилия для выполнения поставленной задачи по прорыву, помня, что наша неудача поставит нас в безвыходное положение, успех же сулит нам выход и соединение со своими войсками, обеспеченный тыл и налаженное довольствие и базу снабжения огнестрельными припасами» [1].

Главком потребовал от командного состава разъяснить бойцам важность предстоящей операции. Василий Константинович откровенно, прямо посвящал партизан в свои сокровенные мысли, предупреждал, что операция предстоит чрезвычайно сложная, но выход только один — выиграть бой, иначе всему делу грозит гибель.

Главная роль в предстоящей операции отводилась Верхнеуральскому отряду, который ближе других продвинулся к железной дороге и бойцы которого практически меньше были утомлены в предшествовавших боях. К вечеру 27 августа отряд находился в районе дер. Калтыманово. К этому времени И. Д. Каширин, применив пехоту, артиллерию и кавалерию, разбил отряд противника, сгруппированный в дер. Новая Березовка.

Враг бросился отступать в начале в иглинском направлении, но увидев обходившую его справа партизанскую кавалерию, в панике бежал в Алаторку. Верхнеуральцами была захвачена часть обоза противника.

Взвод кавалерии верхнеуральцев совершил налет на белогвардейский обоз в районе дачи Кругловых, захватил 29 подвод, испортил телефонную линию связи с Иглино, а затем, атакованный крупными силами противника, отошел на высоту перед Исакиевским хутором. Затем полк С. П. Галунова силою двух сотен возобновил наступательные действия в районе хут. Кругловых. От подводчиков и одного жителя Иглино были получены данные о нали-

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 148 об.

чии в районе железнодорожной станции крупного белочешского отряда с артиллерией, о попытках врага провести срочную мобилизацию населения — русских, башкир, татар и о том, что она трудящимися срывается [1].

Перед Верхнеуральским отрядом далее выдвигалась задача овладеть дер. Алаторкой, находившейся в нескольких километрах от ст. Иглино, выйти к линии железной дороги западнее этой станции вплоть до железнодорожного моста через Уфу. Перед отрядом И. Д. Каширина ставилась задача: разрушить железнодорожное полотно на ряде участков и телефонно-телеграфную связь, взорвать железнодорожные мосты через реки Тауш и Уфу, а поезда подвергать артиллерийскому обстрелу.

Отряд должен был предпринимать разведывательные действия в западном направлении — Старая Березовка—Шакша — Федоровка, выделив для этого «сильные части конницы». Аналогичная задача ставилась перед Троицким отрядом, который должен был также производить разведывательные действия в западном направлении — на Юрмаш — Касимово, демонстрировать наступление на г. Уфу.

В плане Блюхера кавалерийский рейд в западном направлении, к Уфе, занимал большое место. Это было одним из тактических средств дезориентирования противника относительно направления основного удара и целей партизан. Рейд к окрестностям Уфы мог породить у врага «догадку», будто партизаны намерены овладеть этим городом. Блюхер неоднократно и успешно применял подобные тактические действия. На этот раз командование Сводного Уральского отряда возлагало на этот маневр особенно большие надежды.

Верхнеуральскому отряду предстояло действовать одновременно по фронту до 2—3-х десятков километров, вынести на своих плечах основную тяжесть борьбы. Для его усиления от Троицкого отряда временно передавались стрелковый батальон (интернационалистов) и 2 орудия, затем Верхнеуральскому отряду был передан и 3-й батальон 17-го Уральского полка. Уральский отряд должен был наступать правее — на Ново-Кубово, Башкирское и Чувашское Кубово, а также на разъезд Чуваши, оказывая тем самым реальную помощь верхнеуральцам. Архангельскому полку, действовавшему на правом фланге, надлежало овладеть участком железной дороги в районе разъезда Кудеев-

---

[1] ТКМ. Подборка донесений командиров отрядов и частей главкому В. К. Блюхеру, л. 29—32.

ка и в максимальной степени разрушить железнодорожное полотно, средства связи и мосты [1].

Как видно, большое внимание уделялось разрушению железнодорожного полотна и средств связи, главным образом на флангах боевого порядка партизанских частей. Для успешного выполнения этой задачи в распоряжение отрядов И. Каширина и В. Данберга была откомандирована разделенная на две группы саперно-подрывная команда с необходимыми подрывными материалами и инструментом.

Части Троицкого отряда главком рассматривал как ближайший резерв для усиления Верхнеуральского отряда и как группу прикрытия армии с юга и юго-запада. На отряд также возлагалась охрана обозов и Главного штаба, находившихся в районе Тауша, Михайловского, Блохинского и других деревень и хуторов. Забегая вперед, заметим, что ослабленный Троицкий отряд вскоре оказался в крайне тяжелом положении из-за неожиданно выдвинувшихся против него крупных вражеских сил и большой растянутости занимаемого участка.

Н. Д. Томин, получив задачу от главкома, согласно его приказа от 26 августа, занять позиции от дер. Покровская до Сергиевской колонии, сообщал, что из-за большого лесного массива и болота ряд пунктов вынужден был обеспечить лишь разведывательными конными отрядами, расположив 27 августа части по фронту Семеновка—Озерный—Баранцево (последнее пришлось взять с бою, выбив из него роту пехоты и сотню кавалерии противника [2].

Богоявленскому полку было приказано прикрывать с тыла все отряды, особенно центр и правый фланг боевого порядка [3]. Имея все основания считать, что на станции Иглино и других находятся крупные силы противника и укреплены позиции мощными огневыми средствами, В. Блюхер заведомо направлял в наступление подавляющую часть полков. Он шел на определенный риск осложнения положения в тылу. Но это был обоснованный, необходимый риск, так как, во-первых, партизанам броском на север от южной группировки врага удалось оторваться, во-вторых после взятия железной дороги все тылы немедленно должны были подтянуться к передовым частям и встать под их более надежную защиту.

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 148—149; ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 4.

[2] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 14; ТКМ. Подборка донесений командиров отрядов и полков главкому В. К. Блюхеру, л. 27.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 143—149.

Вечером 27 августа и в течение следующего дня Верхнеуральский, Уральский отряды и Архангельский полк с боями продвигались к железной дороге. Архангельский полк и отряд И. С. Павлищева находились в непосредственной близости от железной дороги. Уральцы к вечеру 28 августа сосредоточились в районе дер. Загорское и хут. Сергиевский.

Интенсивно стал продвигаться и Архангельский полк. Правда, в начале он испытывал трудности с выполнением поставленных перед ним задач. Полк 27 августа имел связь с верхнеуральцами под хут. братьев Кругловых, в частности с полком С. П. Галунова, но к вечеру ее утратил. У В. Г. Данберга возникла определенная неуверенность в понимании обстановки и определении плана дальнейших действий. Выведя пехоту в дер. Петровск-4, он дал ей возможность передохнуть и предпринимал разведывательные акции в ряде направлений.

Данберг запрашивал главкома о положении на участке Верхнеуральского отряда, о том, смог ли он занять дер. Сергиевку и хут. Кругловых. Двинув утром 28 августа полк на дер. Тихоновку, Данберг настоятельно просит Блюхера прислать ему одно артиллерийское орудие, без которого, добавлял он, «дальше идти не смогу» [1].

Орудие и дополнительные сведения о положении на соседних участках штаб Архангельского полка получил и часть стала действовать более смело и напористо. 28 августа полк с боем захватил дер. Тихоновку, Симскую и хут. Александровский. Попытка противника отбить Александровский в ночь на 29 августа, причем силами примерно всего лишь 60—80 солдат при одном пулемете, оказалась безуспешной [2].

К 29 августа разведка архангельцев, как и уральцев, вышла к железнодорожному полотну. Противник был обнаружен на станциях и многих разъездах. Но на участке этих отрядов произошли лишь небольшие стычки с противником.

Более острая борьба разгорелась на фронте Верхнеуральского отряда. Обнаружив противника в Алаторке, сотня верхнеуральских кавалеристов (командир — Кульдякин) лихим налетом 28 августа овладела этой деревней. В первой половине дня 28 августа верхнеуральцы заняли железнодорожное полотно от хут. Симбирского и Че-

---

[1] ТКМ. Подборка донесений командиров отрядов и полков главкому В. К. Блюхеру, л. 20, 26, 28.

[2] Там же, л. 21—24.

ренково, до ст. Шакша, в районе которой кавалеристами был завязан бой с противником. Многие участки железной дороги были заняты ротами Белорецкого полка. В направлении ст. Иглино велась усиленная разведка.

Остальные отряды занимали деревни и хутора — Богоявленский: Кольтовка, Блохинский и др.; Троицкий: Михайловский, Исакиевский, Малороссийский, Покровский и др., предпринимая разведывательные действия в западном и южном направлениях. Троицкими кавалеристами вражеская группировка была обнаружена в селе Юрмаш, что на тракте Уфа — Иглино [1]. Утром 28 августа Главный штаб, находившийся до того в хут. Блохинском, переехал в Михайловский. Исходное положение для решительного удара по позициям белых на железной дороге было занято.

В связи с предстоящим наступлением 29 августа на железную дорогу главком часов в 6 вечера отдал приказ об общем штурме позиций врага на Самаро-Златоустовской дороге. Верхнеуральскому отряду предлагалось «овладеть ст. Иглино, одновременно развивая действия по линии ж. д. к ст. Шакша, в случае успеха операции в направлении Шакша обеспечить переправу на р. Уфа у д. Князево, что к северу от ст. Шакша» [2].

Уральскому отряду следовало овладеть разъездами Чуваши и Чуваш-Кубовским, выдвинув разведку на дер. Миньазитарово и хут. Песчано-Лобовский. Полк В. Данберга получил задачу взять село Ново-Троицкое, разъезд Кудеевку, уничтожить мост на р. Теляк, вывести из строя железнодорожное полотно, связь и выдвинуть разведку к ст. Улу-Теляк. Богоявленский полк переводился на хут. Бр. Кругловых. Он должен был, как и Троицкий отряд, осуществлять широкие разведывательные операции, предупреждая нападение врага на партизанские отряды с тыла. В случае необходимости богоявленцы должны были оказать поддержку Архангельскому полку. Операцию приказано было начать в 3 часа утра 29 августа [3].

Итак, Сводный Уральский отряд начинал операцию по фронту в несколько десятков километров. Это было продиктовано необходимостью нанесения по врагу наиболее

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 150; ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 42.

[2] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 149—150 и об. Не исключено, что В. К. Блюхер имел в виду возможность переправы через р. Уфу в районе ст. Шакша. Один экземпляр этого приказа главкома попал в руки белогвардейцев. Опасаясь переправы партизанской армии у д. Князево, они принимали меры по укреплению позиций в районе ст. Шакша и д. Князево. (См.: ЦГАОР, ф. 307, оп. 1, д. 1-г, л. 1497).

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 150 об.

мощного удара с тем, чтобы он потом не в состоянии был серьезно помешать партизанам форсировать реки Уфы. Партизаны стремились также вывести из строя как можно больший участок важной стратегической артерии белых — Самаро-Златоустовской железной дороги.

Бойцы-партизаны ждали начала атаки с огромным нетерпением. Они уже давно ждали момента, когда будет преодолена железная дорога, полагая, что все трудности останутся позади и им уже ничто не помешает соединиться с регулярными советскими войсками. 27-го и особенно 28-го августа в отрядах шла деятельная подготовка к наступлению.

Наряду с перегруппировкой, приведением в порядок подвижного состава, коней, оружия, распределением скудных и драгоценных запасов патронов между бойцами, в отрядах проводилась огромная политико-воспитательная работа. В частях состоялись собрания коммунистов, проводились беседы с бойцами, посвященные предстоящему бою. Коммунисты, командиры зачитывали ту часть приказа главкома от 27 августа, в которой содержалось обращение к бойцам, разъяснялось значение победы в районе железной дороги. В выступлениях коммунистов и беспартийных партизан высказывались глубокая уверенность в победе, страстное желание соединиться с Красной Армией. На собраниях и в беседах вносились конкретные предложения о лучшей организации и проведении боя каждым подразделением.

Указания Блюхера на безвыходность партизанских войск в случае неудачи в районе железной дороги не угнетали бойцов, не расслабляли, а наоборот, концентрировали их волю. Партизаны еще острей чувствовали необходимость победы. С мыслью о победе, прорыве через железную дорогу боролись на своих участках бойцы и командиры 28 августа. Достигнув к исходу дня значительных успехов, отряды готовились к решающей схватке на следующее утро, 29 августа.

Несколько иные события сложились на фронте Верхнеуральского отряда, особенно под Иглино. Действия Верхнеуральского отряда под Иглино и взятие этого села и железнодорожной станции в исторической литературе до настоящего времени освещаются неправильно. В. С. Русяев пишет, что ст. Иглино была взята в результате упорного боя, начавшегося в 3 часа утра 29 августа и закончившегося в 10-м часу утра того же числа [1]. Аналогичной точки зрения придерживается и В. В. Душенькин, но в

---

[1] См.: На Южном Урале, с. 148—150.

его изложении бой был выигран за еще более короткое время. Он пишет, что Верхнеуральский отряд двинулся в наступление в 3 часа и «в 5 часов утра 29 августа станция Иглино была занята»[1]. В то же время данные авторы, в том числе и В. В. Душенькин, описывая этот бой, указывают, что партизаны вели наступление на глубину в несколько километров, приблизились к позиции врага, затем отступили и вновь, теперь уже успешно, атаковали врага и, пройдя около 5 километров, заняли Иглино.

Отдельными авторами бой изображается парадно. Например, П. С. Лучевников полагает, будто никакого отступления верхнеуральцев не было. С белыми расправились быстро, подпустив их на 100—120 шагов[2], открыв огонь, а затем атаковав.

Характерно, что авторы работ относят бой под Иглино и освобождение этой станции к одному дню, вернее нескольким часам одного дня. Правда, в датировке этого события они расходятся. Как было отмечено, В. С. Русяев и В. В. Душенькин называют утро 29 августа. Аналогичной точки зрения придерживаются З. Ш. Янгузов и Л. Г. Юдкевич[3]. Д. Г. Алексеев пишет, что бой имел место «под вечер 27 августа»[4].

На самом же деле это событие охватило вторую половину 28 и утро 29 августа. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и воспоминания активных участников боя. Судя по ним, Иглинский бой развертывался следующим образом. Еще утром 28 августа командующий отрядом И. Д. Каширин с группой командиров провел в иглинском направлении рекогносцировку местности. Перед командирами, поднявшимися на небольшую высоту между Алаторкой и Иглино, открылась железнодорожная линия и станция. Вот она, долгожданная железнодорожная магистраль! Вот он — рубеж, к которому так упорно и долго пробивались партизаны!

Осмотрев и бинокль местность, И. Д. Каширин отдает распоряжения командирам, указывает направление наступления частей и т. д. Перед Иглино раскинулась равнина без заметных укрытий для наступающих. Враг имел возможность на широком пространстве подвергать атакующих партизан губительному прицельному огню из винтовок, пулеметов и артиллерийских орудий. Перед решающим броском на железную дорогу на этом участке следо-

---

[1] См.: *Душенькин В. В.* От солдата до маршала, с. 49—51.

[2] См.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 68.

[3] *Янгузов З., Юдкевич Л.* Сквозь огненное кольцо, с. 144.

[4] См.: Большое сердце, с. 86.

вало разведать силы противника, выяснить его позиции и, выдвинув войска отряда вперед, занять выгодный рубеж. Открывшаяся перед каширинцами равнина была охвачена зловещей, будто предгрозовой, тишиной. Противник не был виден, но он, безусловно, наблюдал за группой партизанских командиров.

Одного осмотра местности визуально, в бинокль, без выявления расположения позиций противника было недостаточно. Командир Белорецкого полка А. В. Пирожников вызвался пойти в более глубокую разведку, чтобы выявить позиции и огневые точки врага. Сделать это на достаточно открытой равнинной местности было не просто. Пирожникова отговаривал от рискованных действий и И. Д. Каширин. Но Белорецкому полку предстояло действовать именно на этом участке, и Пирожников считал свои действия совершенно необходимыми.

Вскоре, когда до станции оставалось 2—3 километра, по командиру белоречан и находившейся позади, на возвышенности, группе командиров был открыт сильный ружейно-пулеметный огонь и брошен кавалерийский отряд. А. В. Пирожникову, который был пешим, из-за угрозы пленения пришлось стремглав ретироваться [1].

Командиры чуть было не оказались в ловушке: враг стрелял и в лоб, и с флангов. Один из командиров был убит, под другим ранена лошадь. Командиры, резко повернув коней, поскакали обратно.

Рекогносцировка местности была закончена, обнаружили себя и не дремавшие, готовившиеся к бою роты 2-го Чешского полка и польского легиона при двух орудиях. Их численность была сравнительно невелика — около 800 штыков, но солдаты обладали большим опытом, выучкой. Отряд имел большой запас боеприпасов.

В течение дня передовые группы и разъезды верхнеуральцев в ряде мест вышли на железную дорогу. Главные же силы отряда — большинство рот стрелковых полков и часть кавалеристов сосредоточились в районе Алаторки, выдвинули первую линию севернее этой деревни. Отряд нацелился на Иглино.

На главном направлении — иглинском — находился Белорецкий полк, левее него действовал полк И. В. Погорельского. На стыке между ними имелась кавалерийская сотня и взвод для связи Недопосова. Общий фронт наступления охватывал многие километры [2].

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 52.
[2] Там же, л. 53, ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, т. 40; д. 352, л. 110.

В качестве ближайшего резерва в районе Алаторки и в других местах оставались отдельные подразделения пехоты, в частности рота Белорецкого полка во главе с помощником командира полка Лахмостовым, а в лесу на правом фланге белоречан укрылись полусотня белорецкой кавалерии во главе с Г. Д. Штырляевым и сотни Верхнеуральского кавалерийского полка. В нужный момент конница неожиданной атакой должна была ворваться в Иглино, деморализовать врага и вместе с пехотой добить его и овладеть станцией.

Наступательный порыв бойцов был настолько велик, что командирам пришлось все время сдерживать их от необдуманных, несогласованных и преждевременных бросков на врага. Чем ближе подходили партизанские части к железной дороге, тем труднее было это делать. Без команды, раньше времени с возгласами «Ура!» ринулись в атаку бойцы первого батальона Белорецкого полка, замыкавшего правый фланг наступающих.

Станция была совсем рядом, казалось, еще одно усилие, один рывок и она будет в наших руках! 2-я рота В. В. Творогова бросилась вперед бегом с винтовками наперевес, за ней спешила 3-я рота, весь батальон. Над полем вновь прокатилось «Ура!» Коварный враг молчал. До окраин Иглино оставался километр... еще меньше... И вдруг, словно из-под земли выросли укрепленные и замаскированные позиции врага перед станцией. Он стал методично, как на учениях поливать атакующих почти из десятка пулеметов. Упали первые убитые, среди них командир взвода И. Нестерин, бойцы Шилкин, Цибров, Губанов. Многие, в том числе отважный командир Творогов, получили ранения (вместо него ротой командовать стал В. И. Моисеев) [1].

Во второй роте произошло замешательство, боевой порядок нарушился. Увлекая за собой весь батальон и часть бойцов соседнего Верхнеуральского полка, она начала беспорядочное отступление. Отступающих по пятам преследовал противник: со ст. Иглино в наступление двинулось до восьмисот солдат и офицеров, преимущественно белочешских [2]. В ряде мест группы отступающих партизан пытались задержать наступление противника. В числе таких стойких, имеющих большое самообладание партизан, был командир одной из рот Верхнеуральского пехотного полка Н. Уткин. Он упорно отстреливался от белых, но затем

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 367, д. 1; д. 325, л. 4; д. 384, л. 3; ф. 7655, оп. 5; д. 4, л. 9; Гражданская война в Башкирии, с. 115.
[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 110.

был ранен. Видя, что со всех сторон приближается враг и не желая сдаваться живым в плен, Уткин застрелился [1].

Развившему контрнаступление противнику удалось выйти на высоту и начать обстрел Алаторки, в районе которой находился резерв, обозы, лазареты. Там поднялась паника. Над этой группой партизанской армии нависла угроза разгрома. Под сомнение был поставлен весь план взятия железной дороги.

Благодаря самообладанию И. Д. Каширина и особенно А. В. Пирожникова — командира белоречан — положение было выправлено. Пирожников еще во время несвоевременного начала атаки первого батальона, оторвавшегося от других частей, через ординарца отдал приказ задержаться, сосредоточиться на занятом рубеже. Приказ командира полка, который, как и много раз прежде, шел в цепи атакующих, левее, был передан по цепи, но выполнить его комсоставу батальона не удалось. Пирожников — один из самых хладнокровных, выдержанных и бесстрашных партизанских командиров, возглавил резерв полка — роту Боброва и кавалеристов Штырляева, находившийся севернее окраины Алаторки на правом фланге боевого порядка, и ускоренным маршем повел его вперед. Потерявшие чувство самообладания и бегущие от врага бойцы столкнулись с резервными подразделениями своего полка.

— Ребята, стойте! — кричал А. В. Пирожников. — Не позорьте нас! Ай, испугались! Кого? Беляков! Поворачивайте обратно! Развернитесь по фронту, в цепь! Вперед, на Иглино! Ура!

Командиру полка приходилось бросаться в рядах отступающих из одной роты в другую, чтобы воодушевить партизан, сбить панику. В один из моментов он с группой бойцов был атакован белочехами, но все, что называется, обошлось.

Увидев подоспевшую помощь, слыша призыв комполка, отступавшие смутились, повернулись и, как бы заглаживая свой проступок, побежали вперед, обгоняя бойцов резервного батальона. Мощное «Ура!» разлилось уже по цепям наступающего Белорецкого полка.

Для поддержки наступления на участке верхнеуральцев И. Д. Кашириным и И. В. Погорельским в бой был двинут резервный батальон этого полка под командованием И. П. Куликова. Затем в наступление включились и все остальные резервы, включая многих нестроевиков [2]. В бой рвались и раненые. Например, из лазарета ушел

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 182; д. 350, л. 39.
[2] Там же, д. 329, л. 182.

в бой боец Верхнеуральского пехотного полка П. М. Решетников. Храбрый до беспредельности, он как лев дрался с врагом, пока не свалился вновь весь израненный. Девять ран получил он в бою под Иглино, в числе которых и крайне тяжелую — было разорвано горло [1]. Как и во многих других боях, геройски дрался с врагом в качестве рядового бойца коммунист Ф. Н. Сызранкин [2].

Немало героев породил этот бой под Иглино, начавшийся было так неудачно. Небывалую стойкость и массовый героизм проявили бойцы и командиры 3-го батальона Верхнеуральского стрелкового полка, занимавшего удобные позиции по оврагу. Впереди местность была ровной и наступавшего противника можно было хорошо обстреливать. Нанеся противнику большой урон и расстроив его цепи, командир батальона коммунист Н. К. Шкаев поднял бойцов в контратаку. Атака белых разбилась о цепь верхнеуральцев [3].

Увидев, что белоречане отступают, Шкаев принял решение усилить натиск на врага, опрокинуть его на своем участке и дать тем самым возможность своим соседям оправиться от неудачи, возобновить атаку. Но выполнить эту задачу, имея по 10 патронов на бойца, было необычайно трудно. Батальон напряженно ждал, когда приблизятся наступающие цепи противника. И вот враг уже подошел на расстояние 70—80 шагов... Наступил подходящий момент для сокрушительного удара. Вся надежда была на стремительность атаки, мужество партизан и на силу штыка. Шкаев с винтовкой наперевес с возгласом «Ура!» бросился на вражескую цепь. Мощное «Ура» подхватил весь батальон.

Это было полной неожиданностью для белочехов. Они оторопели, растерянно затоптались на месте и вслед за первыми беглецами дружно ударились в бегство, бросая винтовки, патроны. Шестой ротой был взят пулемет с пулеметными лентами. Его тут же использовали в борьбе против врага. Захвачены первые пленные, но отправлять их было некуда, ибо батальон оказался отрезанным от главных сил отряда. Правее противник заходил в тыл шкаевцам, продолжая наступать на Алаторку. Введенные в бой роты других батальонов Верхнеуральского полка находились далеко позади.

Белогвардейцы, видя, что их наступление на участке 3-го батальона Верхнеуральского полка захлебнулось,

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 234, л. 104.
[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 55.
[3] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 5.

усилили натиск на своем правом фланге. На шкаевцев двинулась вторая цепь. Противник шел в психическую атаку. Но и на этот раз бойцы 3-го батальона, состоявшие по преимуществу из молодежи, с честью выдержали натиск врага. Однако бой продолжался. Батальон отбил и третью атаку противника, продолжая находиться в тылу наступавшей на Алаторку группировки противника.

Батальон перемещался вправо и закрепился у леска — в одном километре от железной дороги. Этот маневр позволил зайти в тыл левого фланга противника, наносить по нему удары. Шкаевцы продолжали действовать в этом районе до вечера. Они удачно обстреляли поезд, который шел с востока и вынужден был повернуть обратно.

Впоследствии партизанам стало известно, что на нем ехали в Уфу на «государственное совещание» известные реакционеры, социал-предатели Брешко-Брешковская и др. В штабе полка и отряда считали, что батальона уже не существовало, а его командир убит. В бою отличились буквально все бойцы батальона, но особенно 6-я рота во главе с командиром Лаврентием Захаровым и почти в такой же степени 5-я рота (командир — Денисов), бойцы М. Волков, И. Чернов, Н. Рухмалев и др. [1].

Исключительная стойкость и мужество бойцов батальона Н. К. Шкаёва во многом содействовали ослаблению наступательного порыва врага, помогли командованию Верхнеуральского отряда выправить положение под Алаторкой. В то время, когда батальон Шкаева героически сражался в тылу врага, все увереннее развертывалась новая атака на участке Белорецкого и Верхнеуральского полков. Большую роль в бою сыграли красные казаки Семена Галунова.

Во время отступления белоречан верхнеуральские кавалеристы незаметно для врага лесом были выведены в поле. Отсюда две сотни в развернутом строю бросились в тыл наступающему противнику, а третья подготовилась к атаке с фланга. Часть конников еще раньше поскакала наперерез отступающим стрелкам Белорецкого и Верхнеуральского полков, чтоб остановить бойцов, развернуть их для нового наступления. В результате всех этих мер общее наступление под Иглино возобновилось с новой силой.

Белогвардейцы, столкнувшись с плотными цепями партизан, остановились, залегли и стали окапываться. Но закрепиться им не удалось. В ряде мест белые, не выдер-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 5; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 110—114.

жав яростного натиска партизан, особенно там, где начали действовать сотни С. П. Галунова, сразу же побежали назад. Выбиты были с занятых позиций и остальные. Бегство белых стало всеобщим. Картина на поле боя изменилась: лавина атакующих и отступающих накатывалась на Иглино, к железной дороге. Поздно вечером эти цепи наступающих слились со шкаевцами [1].

Белые при отступлении бросали винтовки и патроны, оставляли как убитых, так и раненых. Верхнеуральский пехотный полк захватил и тут же пустил в дело два пулемета.

Так из чрезвычайно сложного, казалось, безвыходного положения под Иглино, верхнеуральцами была вырвана убедительная победа. Они захватили, кроме пулеметов, много винтовок, патронов [2]. От полного разгрома белых спасло наступление ночи. Партизаны вынуждены были остановиться перед речкой, отложить ее форсирование и бой за станцию до утра [3]. Бой на этом участке затих.

Таким образом, к исходу 28 августа, после издания приказа главкома об общем штурме железной дороги на главном направлении борьбы за железную дорогу партизаны находились на грани выполнения задачи, намеченной на следующий день. Тревожная и неполная ночь прошла быстро. Всех волновал следующий день: чем же закончится общая атака? С этой же мыслью просыпались задолго до рассвета партизаны, которым выпала возможность немного отдохнуть. Еще раз проверяли оружие, снаряжение, кормили коней, наскоро ели сами. Приближалось время начала операции.

Ночью готовились к продолжению боя и окончательному разгрому Иглинской (северной) группировки противника каширинцы. Но враг не принял боя. В предрассветной дымке около 5 часов утра партизаны увидели, как белые, погрузившись, 5 эшелонами спешно бежали на Улу-Теляк [4]. Белочехи и белополяки бросили часть обоза. Верхнеуральцы утром 29 августа без боя заняли станцию и село Иглино.

В районе Иглино закрепился Белорецкий полк. Кавалерийские подразделения в течение дня продвигались на север и к вечеру вышли к дер. Карашиды [5]. Поддержива-

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 352, л. 112—114.

[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 151.

[3] Там же, ф. 3572, оп. 1, д. 55, л. 5; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 182; д. 352, л. 113; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 55; ф. 1832, оп. 2, д. 356, л. 11.

[4] ЦГАОР, ф. 1337, оп. 1, д. 31, л. 153; ф. 307, оп. 1, д. 1-г, л. 1471, 1479.

[5] Там же, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 154.

ли связь со сражавшимся справа Уральским отрядом.

Верхнеуральцам, без боя занявшим Иглино, а также троичанам, 29 августа пришлось выдержать жестокий бой на левом фланге, в районе ст. Шакша и железнодорожного моста через Уфу. Здесь кроме верхнеуральцев действовали и троичане. Мост оборонял сводный отряд белых из четырех рот с артиллерией [1]. Начатое утром партизанами наступление в направлении моста вначале сулило успех: передовые заставы врага были сбиты. Удалось захватить ряд хуторов. Партизаны занимали и село Касимово в непосредственной близости от моста. Но их неоднократные попытки взять мост при поддержке артиллерийской батареи успеха не имели. Бой затягивался.

В район Шакши противник направил новые подразделения. И, используя их, он сам перешел в контратаку, потеснил партизан под Касимово. Тревожное положение создалось и на этом участке. Стремясь к непременному захвату моста, который первоначально мыслилось разрушить, а затем сохранить и использовать как средство переправы через Уфу [2], В. К. Блюхер направил в этот район в помощь верхнеуральцам дополнительные подразделения томинцев. Положение было восстановлено, враг уже не пытался контратаковать, но за мост держался цепко. Все усилия верхнеуральцев и троичан, в том числе интернационалистов, выбить врага с его позиций успеха не принесли. Фактически это был единственный участок на всем фронте наступления партизан, где поставленную главкомом задачу на 29 августа выполнить не удалось.

На центральном и правофланговом направлениях, где действовали Уральский отряд И. Павлищева и Архангельский полк В. Данберга, успех был полный. Этим партизанским частям пришлось сражаться с не менее крупными силами противника, нежели верхнеуральцам на Иглинском направлении. В Тавтиманово, Кудеевке заняли оборону роты и команда конных разведчиков Златоустовского полка, сотня казаков, Чехословацкий кавалерийский эскадрон (175 сабель). В этом же районе остановился бежавший из Иглино чехословацко-польский отряд. Громя белогвардейцев, уральцы 29 августа выбили противника из дер. Ново-Кубово и других, со всех участков железнодорожной линии от раз. № 253 до раз. Чуваши включительно.

Полк В. Г. Данберга с боем занял с Ново-Троицкое и

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31. л. 154.
[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 148 об., 150 об.

железнодорожную линию вплоть до раз. Кудеевка [1]. Прекрасно проявили себя в этом бою бойцы 1-го батальона Богоявленского полка, приданного полку В. Г. Данберга 29 августа. Батальон Н. А. Белякова в результате 3-часового боя одержал над противником победу и обратил его в бегство [2]. Данберг доносил главкому: «Село Ново-Троицкое и разъезд Кудеевка взяты. К востоку от разъезда разрушено два моста. Подход вражеских эшелонов со стороны Златоуста невозможен» [3].

Полковник Моисеев, штаб которого размещался на ст. Улу-Теляк, еще и 30 августа, приведя в относительный порядок отряд, издал приказ, в котором ставил задачу начать наступление в направлении Иглино, отбросить партизан на юг с занятых ими позиций на железной дороге [4]. Но все усилия отряда были тщетными.

Партизаны удерживали железную дорогу на всем протяжении занимаемых ими позиций. Саперы и специальные группы бойцов партизанских отрядов приложили огромные усилия для разрушения железнодорожного полотна, мостов и телеграфно-телефонной линии.

29 августа упорная борьба велась не только по фронту, но и в тылу наступающих частей. Если на участке Богоявленского полка все было спокойно и противник не был обнаружен, предоставилась возможность часть сил передать В. Данбергу, то Троицкий отряд, отражая атаки врага, дрался до позднего вечера [5].

Отряд Н. Д. Томина после передачи 2-х орудий, батальона интернационалистов, кавалерийской сотни в распоряжение И. Каширина, выдвижения на северо-запад еще одного батальона, был значительно ослаблен [6]. Он имел 2 стрелковых батальона 17-го Уральского полка и 3 сотни кавалерии при 4 орудиях. Учитывая, что батальоны были неполного состава, то отряд располагал лишь не более чем 1000 бойцов. А между тем его позиции растянулись по фронту до 15 километров — от хут. Михайловского и дер. Калтыманово до хут. Малороссийского.

В связи с таким протяженным фронтом в селах, хуторах имелись лишь небольшие заставы. Под охраной под-

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 151; ф. 39624, оп. 1, д. 165, л. 13; ЦГА БАССР, ф. Р.—701, оп. 1, д. 7, л. 7.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 32, 37.

[3] *Алексеев Д., Голубых М., Калмыков В.* Главком Красноусольский, комбриг Чонгарский, с. 65.

[4] ЦГАОР, ф. 39624, оп. 1, д. 165, л. 13—14.

[5] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 151.

[6] Там же, л. 143 об.; ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 162.

разделений 1-го батальона стрелкового полка Троицкого отряда в районе Михайловского находились все тыловые учреждения, в том числе Главный штаб, обозы[1]. Одновременно отряд вел активные разведывательные операции в южном и западном направлении, что отнимало значительные силы. Так, 28 августа 1-й батальон с полусотней казаков совершил рейд в уфимском направлении, прошел несколько деревень и встретился с противником, не доходя до Уфы каких-то 17 верст. Дозорные заметили на опушке леса цепи белых. Между противниками находилась небольшая деревушка. Цепь партизан в деревню заходить не стала, а остановилась в полуверсте от нее. Казаки-разинцы же въехали в деревню. Спешились, незаметно вышли на ее другую окраину, вырыли окопчики, незаметно отошли, затем выехали и присоединились к пехоте.

Часа в два пополудни белые с опушки леса начали обстреливать деревню из траншейной пушки, затем перенесли огонь по окопчикам и двинулись в наступление. Противник решил, что в деревне находятся партизаны и часть их занимает позиции на ее окраине. С криком «ура!» белые приблизились к окопам и, убедившись, что там никого нет, вбежали в деревню. Бойцы же батальона лежали позади деревни и подготовились к встрече врага. Когда его цепи вышли из деревни, были встречены сильным пулеметным огнем. Он оказался настолько неожиданным и метким, что беляки, понеся потери, стремглав бросились назад, залегли на окраине деревеньки и стали вести огонь. Перестрелка продолжалась до наступления темноты. Под покровом ночи партизаны отошли, вернулись в Михайловский и расположились на отдых[2].

Но этим достаточно удачным эпизодом демонстрации наступления на Уфу боевая жизнь Троицкого отряда в дни защиты тыла партизанской армии, штурмующей позиции на Самаро-Златоустовской железной дороге, не закончилась.

На другой день, 29 августа, под Калтыманово, что в 3-х километрах к югу от Михайловского, развернулись боевые события, заставившие поволноваться командование и Троицкого, и всего Сводного Уральского отрядов. Против ослабленного Троицкого отряда белогвардейцы рассредоточили до 7 стрелковых рот, 2 сотни кавалерии при 2-х трехдюймовых, 5-ти полуторадюймовых орудиях и многих пулеметах[3].

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 150 об.
[2] Там же, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3 об.
[3] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 151.

Белогвардейцы, обнаружив утром исчезновение 1-го батальона 17-го Уральского полка, развернули наступление и вышли днем к дер. Калтыманово. Находившиеся там бойцы и командиры 4-го батальона появления противника не ожидали, проявили определенную беспечность, хотя некоторые меры предупреждения и были приняты. Саженях в 200 от деревни партизанами заблаговременно были вырыты окопы, но там находились лишь пулеметчики и наблюдатели, остальные бойцы и командиры размещались в деревне.

В полдень белогвардейцы подошли к Калтыманово незамеченными, под прикрытием леса. Солдаты полностью или частично были размещены на подводах. На глазах заставы, близ деревни остановились, стали разворачиваться. В то время, когда командир заставы намеревался подать команду об открытии огня, раздались голоса, что это свои— богоявленцы.

Решено было выяснить, верно ли, что это богоявленцы. Но не успел посланный вперед боец пройти и ста шагов, как солдаты спрыгнули с подвод и быстро развернулись в цепь для наступления. Белогвардейцев было около батальона. Теперь у бойцов заставы уже не было сомнений, что это враг. Пулеметчики открыли огонь и заставили белых остановиться. Пулеметчики и стрелки полагали, что командир батальона Т. С. Корнев и бойцы, услышав перестрелку, быстро придут на помощь. Но этого не произошло. Многие бойцы отдыхали, заслышав выстрелы, выскакивали из домов и стали выжидать команды, или бросались наутек. Не проявили себя должным образом и своевременно командиры. Группа бойцов в окопах оказалась, одним словом, оставленной на произвол судьбы и продолжала отчаянно обороняться.

Противник, видя, что сопротивление оказывается лишь из отдельных точек линии обороны, осмелел и стал быстро продвигаться вперед. Одновременно он открыл огонь из подтянутых к месту боя двух орудий. Артиллеристы врага начали бить по окопам и деревне. В Калтыманово загорелось несколько зданий. Среди бойцов поднялась настоящая паника, повальное бегство за деревню. Исчерпав возможности пресечь панику, к бегущим присоединился и комсостав батальона. Лишь часть бойцов и командиров пыталась пробраться в окопы, но под огнем противника вынуждена была залечь.

Горстка оборнявшихся, не получив поддержки и небезосновательно опасаясь потери пулеметов, вынуждена была практически на глазах противника снять их с позиций и отступить в деревню. Отход прикрывали пулеметчики Ефим

Кручинин и Леонтий Шестаков. Кручинин был опытным солдатом, пробывшим всю мировую войну на фронте.

— Я буду отстреливаться до последнего патрона, — сказал он своему молодому помощнику, — а ты можешь уйти, догоняй наших ребят...

— Нет, Ефим, я останусь с тобой. Я буду помогать тебе.

Началась борьба двух бойцов и пулемета с многими сотнями белых. Несколько раз пулеметчик поднимал белых под смертельный огонь, делая вид, что кончились боеприпасы. Но как только белые выскакивали из-за кустов и с озлобленными криками бросались к деревне, пулемет Кручинина неожиданным вихрем выкашивал их ряды. Пока у партизан были пулеметные ленты, белые не могли продвинуться ни на шаг. Но вот осталась последняя лента. Остался за пулеметом один Кручинин: Шестакова он отослал в тыл.

Из последней ленты Ефим расстрелял половину патронов, но затем случился перекос патрона. Пулемет замолчал. Враги, злорадствуя, бросились к пулемету. Они намеревались захватить его вместе с отважным пулеметчиком. Кручинин, отбежав в сторону, выхватил гранату и наблюдал за действиями набросившихся на пулемет белогвардейцев. Взмах руки, граната летит к пулемету, в гущу врага...

Далее наступила ночь, огненные круги сменила черная пелена... Враги, неистовствуя, в упор расстреливали партизана, терзали его труп [1].

Бойцы, отступившие в Калтыманово, погрузили пулеметы на двуколки и вывезли их за деревню. Из Михайловского примчался пом. командира полка Н. П. Гвоздиковский, являвшийся начальником боевого участка, но Калтыманово было уже потеряно. Белые продвинулись до речки Тауш и начали наступление на хут. Михайловский и его обстрел из орудий. В хуторе стали рваться снаряды. Сотни повозок, стоявших в Михайловском, ринулись лесными дорогами в разные стороны. Главный штаб, как и троицкий, оказался на линии огня [2].

Создалось весьма серьезное положение. Оно осложнялось тем, что в районе железной дороги все еще шло сражение. Не было известно и о результатах боя Уральского и Архангельского отрядов. Орудийная стрельба слышалась со стороны ст. Шакша, где наряду с верхнеуральцами сра-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 1160, л. 86; ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3 об.; Русяев В. С. Последний прорыв. — На Южном Урале, с. 152—153. Следует отметить, что В. С. Русяев бой под Калтыманово в воспоминаниях осветил весьма неточно, но тем не менее они воспроизводятся без проверки по документам всеми авторами.

[2] ЦГАОР, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 3 об., л. 4.

жались троичане. То и дело в Михайловское из района Иваново-Малороссийские хутора прибывали вестовые с просьбой выслать боеприпасы: белые ведут усиленные атаки. Интернациональный батальон нуждался в подкреплении. На соединение с ним было направлено 2 роты 3-го батальона 17-го Уральского полка.

Большую распорядительность проявил Гвоздиковский. Он вывел 1-й батальон из Михайловского, где после того, как подводчики покинули хутор, паника прекратилась, двинул его в контрнаступление. Через час он стоял цепью уже в километре от Калтыманово. В цепь стали вступать группы разбежавшихся бойцов батальона Корнева и вскоре он был в полном составе. Именно ему поручалось освободить Калтыманово и искупить свою вину [1].

Но решающая фаза боя еще не наступила. Она была подготовлена командующим отрядом Н. Д. Томиным, который после выезда Н. П. Гвоздиковского к Калтыманово пресек панику в Михайловском, отдал распоряжение о занятии обороны на окраине Михайловского, а сам с группой ординарцев помчался на запад, в район Зубовки, где находились 2 сотни разинцев, а вблизи от них — 3-й батальон стерлитамакцев. Командиров и бойцов этих подразделений давно уже волновал разгоревшийся в их тылу, в районе Калтыманово, бой. Поблизости от них, в районе Баранцево находилась другая часть вражеского отряда, которая стала поддерживать действия наступавшего на Михайловское вражеского отряда.

Вихрем ворвавшись на хутор и увидев коноводов, Томин зычно крикнул:

— Ребята, по коням! За мной! Сотни мгновенно развернулись в боевой порядок. Левее приготовились к атаке стерлитамакские роты. Разинцев лично возглавил Н. Томин. Он удачно выбрал направление и повел кавалеристов в атаку в тыл и на левый фланг группировки, наступавшей на Михайловское [2]. В тыл белым на Баранцево устремился 3-й батальон И. П. Маркелова.

Увидев угрозу с тыла, белые стали отступать. Напряженность момента и присутствие самого командующего отрядом, мчавшегося в атаку впереди других, придали жиденькой лаве разинцев необычную силу и уверенность в успехе атаки. Видя смело мчавшихся разинцев, наблюдая, как они врезались в ряды белогвардейской пехоты, ускорили свой бег и бойцы батальона Маркелова. Стремитель-

---

[1] ЦГАОР, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 4.
[2] Там же, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 155—156.

ная атака партизанской конницы обескуражила белогвардейцев.

Разинцы неудержимой лавой неслись вдоль вражеских цепей, врезались в них, крутились, вертелись, нанося острыми клинками удары направо и налево. Перешел в решительное фронтальное наступление батальон Корнева и под вечер ворвался в Калтыманово.

Белогвардейцы обратились в паническое бегство. Обстановка сразу изменилась. Солдаты противника убегали полем, прятались в перелесках, в суслонах сжатого хлеба, бросали оружие, патроны. В бегство бросились и не принявшие боя стерлитамакцев белые из Баранцево. Оставив на поле боя более 80 трупов, два с половиной десятка пленных, два пулемета с лентами, одну патронную и одну телефонную двуколки с аппаратами, часть обоза, много винтовок и обмундирования, белогвардейцы бежали на юго-запад и в сторону Уфы. От окончательного разгрома их спасла наступившая темнота, повозки и резвые ноги [1].

Следует заметить, что партизанский арьергард — Троицкий отряд, если не учитывать, только что описанные события 29 августа, в целом оказался в относительно благополучном положении. Богоявленский же полк на своем участке вообще не встретил врага потому, что Южный отряд белых (отряд полковника Колесникова) вследствие деморализации частей и даже волнения среди солдат, несмотря на требования со всех сторон двинуться к железной дороге, против партизан, так и не переправился на правый берег Сима. Измотав и обескровив отряд Колесникова под Зилимом и Тавакачево, Белорусско-Александровском и Куликовско-Михайловском, Богоявленский полк своими победами как бы создал «запас прочности». Он обезопасил свой тыл, так как наиболее вероятным участком нападения Южного отряда, в случае вступления его в бой, был участок богоявленцев.

В ночь на 28-е августа полк М. В. Калмыкова прибыл в дер. Кольтовка, выслав один батальон пехоты в починок Блохинский. Утром 29-го августа полк передвинулся в хут. Кругловых и выдвинул разведку на Блохинский и хутора Мелтиевский и Староумовский. В связи с нападением врага на соседний Троицкий отряд Богоявленский полк был перемещен в Блохинский [2].

На этом участке в тылу партизанской армии обстановка оставалась спокойной. Риск главкома, оставившего в тылу

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 151; ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 4; На Южном Урале, с. 153—155; *Недолин И.* Рейд Блюхера, с. 78—80.
[2] ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 80-а, л. 6.

соединения небольшие силы и бросившего подавляющую часть сил на штурм железной дороги, оказался обдуманным и совершенно оправданным. Он обеспечил победу.

Таким образом, подлинный героизм проявили не только наступающие партизанские части, но и отряды прикрытия, прежде всего троичане. В итоге в районе железной дороги уральскими партизанами была одержана новая выдающаяся победа.

Самаро-Златоустовская дорога была взята на протяжении 4-х десятков километров. Радость бойцов была необычайной. Они, точно дети, ложились на железнодорожное полотно и гладили, порой целовали чугунные, такие долгожданные рельсы. Некоторые плакали от большой радости и избытка чувств. В Иглино в Верхнеуральский отряд вступила часть местных рабочих и крестьян. Здесь к партизанам присоединился с трудом пробившийся через горы отряд Бухматова в составе 27 ашабалашовских рабочих. Помимо чисто военных трофеев партизаны взяли на ст. Иглино большие запасы белой муки, что было очень кстати, так как бойцы получали весьма скудную пищу. Особенно трудно было в последние дни с хлебом. Часть повозок была освобождена от малоценного имущества и загружена мукой. Практически впервые за несколько недель выхода из Белорецка 29—30 августа партизаны наелись досыта [1].

Бой под станцией Шакша, разведывательные операции под Уфой, в районе Юрмаша и Федоровки своей цели достигли. У белых властей в Уфе создалось впечатление, что наступление блюхеровских войск на город совершенно не исключено. Разгром отрядом Томина вечером 29 августа белых в районе Калтыманово, Баранцево, их бегство под Уфу, распространение панических слухов усилили это впечатление.

Паника в Уфе была огромной. Засуетились, заметались представители власти, местная буржуазия. Начали укладывать чемоданы. Предпринимаются меры по созданию оборонительных сооружений. Спешным формированием «надежных» частей под гребенку постригались буржуазно-мещанские слои населения: в мундиры одевали отлынивающих от службы белой власти офицеров, унтер-офицеров, цензовников (привилегированные слои населения), студентов и гимназистов. Об открытии совещания в городе перестали говорить.

Насколько сильно были перепуганы белые действиями партизан под Уфой свидетельствуют, между прочим, неко-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 109, л. 78; ГАСО, ф. 1200—Р, оп. 2, д. 238—Б, л. 3; Уральский рабочий, 1918, 4 окт.

торые выступления на этом государственном совещании, открывшемся позднее — 8 сентября. Представитель белочехов сказал: «Господа, члены высокого собрания! Одно предостережение получили мы и вы в Уфимской губернии, когда грозила опасность Уфе, второе дала нам Казань» (имеется в виду освобождение этого города советскими войсками 10 сентября 1918 г. — *Авт.)* [1].

Белые, готовясь к отражению ожидавшегося ими наступления партизан на Уфу, удержали некоторые части в городе, отказались бросить их в бой в район Шакша — Иглино. Враг не был уверен, что после взятия Иглино части партизанской армии определенно мощным броском устремились на север, к Красной Горке. А когда он понял свою ошибку и решил предотвратить переправу Сводного Уральского отряда через Уфу — было уже поздно.

Начав выводить из строя железнодорожную линию на отдельных участках еще вечером 28 августа, партизаны нанесли ей огромные повреждения на всем протяжении от ст. Шакша до раз. Кудеевки. Разбирали рельсы, взорвали несколько мостов, всюду снимали стрелки и аппараты, уничтожали все наиболее важные станционные сооружения, спиливали телеграфные столбы, разрушали связь [2]. На несколько суток было прервано железнодорожное сообщение по главной, практически единственной артерии, питавшей Волжский фронт белогвардейцев. Только к вечеру 2 сентября с большим трудом белогвардейцы сумели восстановить железнодорожное сообщение по одной колее и только позднее — по второй [3].

На несколько дней было прервано и телеграфное сообщение. Белогвардейцы с большим трудом поддерживали связь через Стерлитамак. Координация действий между западными и восточными отрядами была нарушена. Сводный Уральский отряд оказал советским войскам неоценимую помощь не только деморализацией белых в районе Уфы, но и тем, что была сорвана отправка на внешний фронт некоторых частей, подразделений, которые вместе с резервами были брошены против партизан, на время было нарушено железнодорожное сообщение, приостановился поток воинских эшелонов с востока, из Златоуста и Челябинска.

В сводках и приказах белогвардейского командования в период конца августа — начале сентября военным событиям под Уфой уделялось одно из центральных мест. Часто

---

[1] Утро Сибири, 1918, 18 сент.
[2] ЦАСО, ф. 41, оп. 1, д. 424, л. 30; На Южном Урале, с. 155.
[3] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 362.

характерной оценкой положения была короткая фраза — «без перемен». Особенно это характерно было для Поволжского фронта белогвардейцев.

Несомненно, в прямой связи с действиями партизанского соединения В. К. Блюхера близ Уфы находились начавшиеся успешные наступательные операции Красной Армии в Поволжье, увенчавшиеся освобождением Казани, Симбирска и других городов.

Большая часть пути и трудностей миновала: партизанская армия уральцев прорвала новое вражеское кольцо. Дорога к фронту вновь была проложена.

Глава седьмая

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ НА БЕРЕГАХ УФЫ

1. Враг разбит наголову

Партизанский главком В. К. Блюхер торопил командующих отрядами с подтягиванием тылов и завершением перегруппировки. Он предупреждал, что нужно как можно быстрее выступить на север и переправиться через Уфу, так как иначе враг опередит партизан и закрепится на правом берегу Уфы[1]. К вечеру 30 августа Сводный Уральский отряд был дислоцирован следующим образом. Верхнеуральцы располагались в основном в Иглино, частично на раз. Кирилловский. Две кавалерийские сотни находились в дер. Касимовской, близ ст. Шакша, три сотни выдвинулись на север в направлении дер. Сарт-Лобово. В район Иглино был передвинут Богоявленский полк, Троицкий отряд, в который в тот день вернулись 2 батальона 17-го Уральского полка из-под ст. Шакша, размещался в районе хут. Михайловского[2]. Уральский отряд и Архангельский полк находились по-прежнему на правом фланге боевого порядка партизанской армии.

Отряды были разделены на две группы, одна из которых — Уральский отряд и Архангельский полк из района Тавтиманово — Чуваши двинулась через дер. Сейт-Баево и Старокулево (Старо-Мечетлино) к Красной Горке (Красному Яру). В этот же район, но другой дорогой из района Иглино через дер. Немислярово направились Троицкий, Верхнеуральский отряды и Богоявленский полк[3]. Верхне-

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 41.

[2] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 48 и об.

[3] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 151 об.; ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 178—179. В. С. Русяев неправ, когда утверждает, что будто Богоявленский полк следовал с правой колонной вслед за Уральским и Архангельским отрядами (см: Легендарный рейд, с. 129). В приведенных нами источниках — приказах главкома и командующего Верхнеуральским отрядом многократно отмечается, что Богоявленский полк двигался в боевом порядке отряда И. Д. Каширина. Приказом В. К. Блюхера от 30 августа Богоявленский полк на время вообще был передан в распоряжение командующего Верхнеуральским отрядом.

уральский отряд вместе с полком М. В. Калмыкова прикрывал уходящие колонны с тыла.

Движение отрядов в северном направлении началось поздно вечером 30 августа. Во главе восточной колонны, впереди всех частей вообще двигался Уральский отряд. Ему предстояло в течение полутора суток совершить бросок в полсотни километров, выйти к Красной Горке и незамедлительно приступить к боевым действиям — «овладеть переправой через р. Уфу на дер. Бедеево, предварительно выбив противника с опушки леса, что в трех верстах северо-восточнее дер. Сатлык[1]. Для выполнения этой задачи и сохранения сил бойцов вся пехота 1-го Уральского полка (как, между прочим, и ряда других частей) была посажена на повозки.

Троицкий отряд выдвинулся в Иглино, а затем проследовал к дер. Немислярово и остановился в ней. Отряду предстояло выполнить в предстоящем сражении арьергардную роль, и, продвинувшись вперед, будучи прикрытым верхнеуральцами, он готовился к выполнению своей ответственной и сложной роли. Пропустив Троицкий отряд вперед, Верхнеуральский отряд с временно приданным ему полком богоявленцев выступил в Немислярово. Позади, в арьергарде шли три сотни верхнеуральцев под командованием Ф. А. Вандышева. Опережая другие части, впереди колонны двигались 3 сотни полка С. П. Галунова[2].

Прошло немного времени и Сводный Уральский отряд в полном составе, перевалив железную дорогу, стал быстро удаляться от нее на север. Отряды двигались сплошной лавиной, сохраняя небольшие интервалы. Обозы не отставали от частей. Нужно было воспользоваться поражением врага в районе железной дороги, максимально оторваться от него и выйти к реке в намеченном районе раньше, чем туда на противоположный берег прибудут части Уфимского и Бирского гарнизонов.

Если еще 30 августа белогвардейское командование питало большие надежды на выигрыш сражения в районе железной дороги, то с каждым последующим днем, каждым часом они становились в собственной оценке все более призрачными. 30 августа командующий Поволжским фронтом полковник Чечек телеграфировал в Оренбург Дутову: «Вчера красные заняли станцию Иглино и продвигаясь на север дошли к вечеру передовыми частями до д. Карашиды что в 8 верстах севернее Иглино точка Со стороны ст. Тавтиманово и Шакша а также с юга от Нов. Юрмаша ведет-

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 151 об.
[2] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 178—179.

ся наступление точка Отряд полковника Колесникова остался в районе Архангельского завода объясняя остановку крайней усталостью людей и лошадей точка Прошу направить Колесникова для действий в тылу противника так как остановка отряда в настоящих условиях невозможна так как вредно отражается на деле ликвидации красных точка»[1].

В тот же день Чечек, отметив захват партизанами железнодорожной линии, что прервало сообщение с Челябинском, потребовал от генерала Тимонова «сбросить противника с пути, но не выпускать его на север в местные дебри, откуда он может создать постоянную угрозу нашим сообщениям, а вновь его гнать на юг». Чечек требовал «беречь конницу до конца, чтобы иметь средства для окончательного разгрома красных»[2]. Ни много ни мало — «для окончательного разгрома»! Белые намеревались отбросить уральских партизан обратно на юг, полагая, что там против них легче будет действовать.

Для достижения поставленной цели Чечек поставил вопрос о полном подчинении Тимонову не только отряда Колесникова, но и чешско-польского отряда и отряда Моисеева, т. е. о полной централизации руководства войсками, борющимися с партизанской армией. В телеграмме генералам Шокорову и Ханжину Чечек 31 августа отмечал: «Осадное положение под Уфой требует полного объединения командования в одних руках над всеми действующими в этом районе отрядами»[3].

Генералы с доводами высокопоставленного полковника согласились и передали Отдельный Сибирский отряд Моисеева, формирование которого завершалось, и чешско-польские подразделения в оперативное подчинение Тимонова. Чешский батальон, кавалерийский эскадрон и польский легион были переданы в подчинение полковника Моисеева и включены в его отряд.

Но белое командование мало надеялось на успех борьбы против партизан. Переписка штабов была полна пессимизма. В ней признавались выдающиеся успехи партизанского соединения и проявлялось собственное фактическое бессилие что-либо сделать, чтобы остановить их победное шествие. Об этом, например, свидетельствует телеграмма того же Чечека от 31 августа 1918 года: «Группа красных, оперировавшая в районе ст. Иглино — дер. Зобова, продвигается на север, на дер. Красный Яр, что на

---

[1] ЦГАСА, ф. 39477, оп. 1, д. 19, л. 2.
[2] Там же, л. 4.
[3] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 123.

восточном берегу р. Уфы, и, видимо, уходит из-под наших ударов. Последнее противнику значительно облегчено бездействием отряда полковника Колесникова, находящегося до сего времени к востоку от реки Сим. По имеющимся сведениям, один из казачьих добровольческих полков этого отряда самовольно ушел в Верхнеуральск. Башкирская рота взбунтовалась и приведена под конвоем в Уфу. Под влиянием утомления среди частей отряда существует стремление прекратить боевые действия» [1].

Следовательно, упорная борьба партизан против белогвардейских войск, их успехи имели не только чисто военное, но и огромное политическое значение. Они выбивали у белых почву из-под ног: содействовали разложению их войск и нарастанию антивоенных выступлений. Внутренний фронт, события на котором развивались не в пользу белых, порождал у них страх, растерянность, панику.

Тревога, охватившая белых, передалась и международному империализму, интервентам. В телеграмме генерального консула США в Иркутске Гарриса государственному секретарю содержалось откровенное признание, что «положение на Волжском фронте критическое. Новые трудности возникают из-за каширинских большевистских войск, состоящих приблизительно из 6.000 пехоты и 3.000 кавалерии с 30 пулеметами. Войска эти хорошо организованы и способны прекрасно маневрировать. У нас нет надежных войск против этих сил» [2].

Таким образом, враг был в явной растерянности: что бы ни предпринималось в борьбе против партизан, какие бы силы и отборные части ни посылались против них — все было бесполезно. Растерянность белых партизанскими отрядами была использована наилучшим образом. Они спешили к Красной Горке.

Остановки и привалы сократились до минимума: только успеют бойцы наспех перекусить, покормить коней, как раздается команда:

— Снимайсь! Вперед ...

Сильный дождь размыл дороги. Повозки засасывались в грязь по самые оси. Лошади и люди, вынужденные часто слезать с повозок и толкать их, выбивались из сил. Немногим легче стало продвигаться и после наступления солнечной погоды, так как проселочные дороги подсыхали медленно.

Передовые части обеих колонн — Уральский отряд и

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, с. 369.

[2] Документы о международных отношениях Соединенных Штатов. Россия, 1918 г. Вашингтон, 1932, т. 2, с. 381.

2 сотни Верхнеуральского кавалерийского полка завершили бросок и вышли в район Красной Горки утром 1 сентября. К этому району спешно приближался и весь отряд И. Д. Каширина, достигший района Старокулево и Исаево. Поддерживая тесный контакт с Троицким отрядом и частью сил прикрывая его левый фланг, на север двигались и богоявленцы. С юго-востока партизанскую группировку прикрывал Архангельский полк, следовавший за уральцами. Обозы, отдел снабжения и фронтовой подвижной лазарет, двигавшиеся через Немислярово, прибыли в Старокулево, а затем разместились в районе Красного Яра. Там же 2 сентября обосновался Главный штаб. Туда стали прибывать и беженцы, которые двигались по боковым дорогам.

По разному выглядели башкирские и татарские деревни: Немислярово, Старо- и Новокулево были почти безлюдными. Белогвардейцы запугали их жителей, утверждая, будто идут огромные банды, которые всех и вся уничтожают на своем пути. Часть крестьян, поверив клевете на партизан, бежала в леса, другие попрятались на чердаках, сараях, некоторые позволили себя мобилизовать в «народную» белогвардейскую армию. В дер. Немислярово партизаны встретились с таким случаем, когда на чердаке дома муллы обнаружили 12 прятавшихся девушек. Разъяснительная работа сыграла свою роль, население стало проявлять радушие к партизанам [1].

Сразу же иным оказалось положение в Красной Горке. Вступление партизан в Красную Горку (Красный Яр), большую деревню, ряд других ближайших селений вызвало живейший интерес и сильнейшее удивление у местных жителей — башкир и татар: никогда прежде здесь не было такого огромного скопления людей, подвод, лошадей.

На улицы, к партизанам, их обозам высыпало, — как вспоминал В. С. Русяев,—практически все население. Удивления и определенного страха никто н смог сдержать.

— Ай-ай, сколько телег! Какой большой обоз! Далеко гулял? Зачем наш деревня гулял? — засыпали блюхеровцев вопросами.

— На тот берег хотим гулять, — смеясь, отвечали те.

— Давай, знаком, плоты, понтон. Вишь, сколько у нас народу-то.

— Нет плоты, есть мало, мало паром. Два паром есть... — услужливо отвечали красногоркинцы [2].

Узнав, что имеют дело с красными партизанами, о их миссии, они стали проявлять максимум приветливости и

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, л. 422, л. 44—45.

[2] На Южном Урале, с. 157.

предупредительности. А партизан все прибывало и прибывало ...

По пути следования частей на правом фланге пришлось выдерживать напор белых, бить их мелкие отряды и отбрасывать в сторону [1]. Особенно трудно приходилось Троицкому отряду, который после прибытия в Немислярово становится главной силой партизанского арьергарда. Прежде всего ему пришлось принять на себя удар отряда полковника Моисеева. После концентрации частей, подчиненных полковнику Моисееву, 31 августа был отдан приказ об общем наступлении на партизан с юга и юго-востока ранним утром 1 сентября. Общая задача частей определялась так: «энергично преследовать противника и разбить его, не давая ему возможности соединиться с красноуфимской группой» [2].

Из района железной дороги вслед за партизанами направлялись 3 сильных колонны войск. К этому времени отряд Моисеева был усилен за счет казачьих сотен войскового старшины Старикова. Левая и средняя колонны белых, соединившись в д. Миньазитарово, должны были наступать в направлении Байгильдино, Немислярово, Старокулево. Правая колонна с разъезда Чуваши направлялась вслед за двумя первыми. Кроме того с востока через дер. Ишмуратово на Красный Яр с задачей тревожить и задерживать отход партизан должен был двигаться казачий отряд войскового старшины Старикова. К исходу дня в него должна была влиться сотня Чебаркульского казачьего полка.

Начальникам колонн предписывалось: «В целях наиболее энергичного преследования противника ... мобилизовать все обывательские подводы и пехоту посадить на повозки, на которых следовать до предельного сближения с противником, когда уже начнется бой» [3]. Как будто бы все было предусмотрено для успеха намеченной операции. Утром 1 сентября началось ее осуществление. Полковник Моисеев спешит донести, что настроение в его отряде «отличное». Но таковым оно в действительности не было. Особенно у полковника. Выяснилось, что вместо трех колонн с юга будет двигаться лишь две.

Начальник «средней колонны», состоявшей из белочехов и белополяков, получивших основательную трепку от Верхнеуральского отряда, отказался выполнять приказ. Он ссылался на усталость отряда, отсутствие пищи и т. д. Несмотря на увещевательные телеграммы с разных сторон и суровый приказ командующего чеховойсками «войти в

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 31.
[2] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 283.
[3] Там же, л. 284.

полное подчинение полковника Моисеева», чешские роты и польский легион с места не тронулись [1].

Но и без «средней колонны» силы южной группы белогвардейцев были значительными. Нужно сказать, что они проявили большую настойчивость в выполнении поставленной задачи. Благодаря мобилизации крестьянских подвод, они быстро продвинулись на север. Уже вечером 1 сентября они настигли отряд Н. Д. Томина у дер. Немислярово и завязали с ним бой [2]. Но партизаны к этому времени уже заняли боевые позиции. Широким фронтом развернулся 17-й Уральский полк — от дороги, идущей на дер. Новокулево до дороги на ст. Иглино в сторону дер. Сатлык, Ахмедиево и Танькашево. Полторы сотни разинцев Н. Д. Томиным были выдвинуты в дер. Байгильдино, полусотня — в дер. Каргино.

Две сотни конного полка остановились в Немислярово. Из их состава была направлена разведка и заставы в целый ряд направлений. В сторону Сатлыка и Байгильдино была развернута батарея. К этому времени одно из шести орудий оказалось неисправным и было передано для прикрытия обоза [3].

К встрече противника отряд был готов. Обнаружив оборонительную линию партизан, белые в тот же вечер развернулись и начали атаку. Томин еще раз предупредил командиров и бойцов: во что бы то ни стало беречь боеприпасы, стрелять только наверняка, подпуская противника на близкое расстояние. До Немислярово остается полкилометра. Белые осмелели. Они ускорили шаг и вот уже подошли на 600... 500 шагов...

По команде, враз на врага обрушился шквал артиллерийского и пулеметно-ружейного огня. Враг не ожидал такой встречи. Не пытаясь закрепиться на достигнутом рубеже, он покатился назад. Две сотни полка А. Е. Карташова, следившие за развивающимися событиями, вскочили на коней и бросились преследовать белогвардейцев... Отброшенный на несколько километров к югу, враг о новом наступлении в тот день не помышлял: он тщательно готовился к атаке на следующее утро, подтягивая резервы. Но и следующий день не принес отряду полковника Моисеева успеха.

Троицкий отряд постепенно отходил на север, нанося удары противнику в ответ на его бешеные атаки. В течение 2 сентября томинцы отбили атаки белых у дер. Новокулево

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 168, 338, 367.
[2] Там же, л. 331.
[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 294.

севернее Немислярово. Арьергардные бои вел и Архангельский полк, прикрывавший с тыла правую колонну. Ему приходилось отбивать наскоки кавалерийских сотен войскового старшины Старикова. Так, белоказакам был дан бой под дер. Ишмуратово, было отбито их наступление со стороны Вознесенска, откуда наступала сотня кавалерии при двух пулеметах [1].

В этот период партизанский авангард — Уральский отряд, часть верхнеуральской кавалерии также приступил к активным действиям. По прибытии в Красную Горку уральцы получили дополнительные сведения о месте расположения линии фронта — севернее села Аскино и у Таныпа. Это делало более ясной цель продвижения партизан в северном направлении. Красная Армия была как никогда близко. До нее оставалось не более 200 километров в сравнительно удобном для продвижения районе.

В то же время перед партизанской армией раскинулась огромная преграда — широкая и полноводная река Уфа. И. С. Павлищев сразу же по выходе на берег воспользовался паромом, лодками и переправил свой отряд, включая батарею, на правый берег [2]. На правый берег переправились вплавь и две сотни Верхнеуральского кавалерийского полка.

Трудный и быстрый переход уральцев и кавалеристов полка С. П. Галунова, не щадивших своих сил для выполнения приказа главкома, был вознагражден: они успели прибыть к месту переправы раньше, чем белые. Речной самоходный паром, захваченный ими, лодки сыграли в битве на реке Уфе исключительно большую роль. Уральцы в тот же день заняли дер. Надеждино и Казанку. В этом районе 2 сентября партизаны вошли в соприкосновение с противником [3].

Плацдарм на правом берегу реки был создан. Теперь уже выдвигалась очередная задача: расширить его, закрепиться на правом берегу и навести через Уфу переправу. Уже 31-го августа и 1-го сентября белогвардейцы, следившие через разведчиков и свою агентуру среди местного кулачества за действиями партизан в глубине их боевого порядка, с огромным беспокойством доносили высшим военным властям, что в районе Красного Яра готовится переправа, а на правом берегу появилась партизанская разведка.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 176; *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 101.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 41.

[3] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 331, 362.

По распоряжению генерала Тимонова на правобережье р. Уфы стягивались большие силы. В районе Уржумово (юго-восточнее Бирска) сосредоточивался Сводный отряд из частей Бирского и Аскинского гарнизонов. Из Уфы в район Надеждино были двинуты «все свободные силы Уфимского гарнизона», включая отряд, боровшийся с партизанами в районе Юрмаша [1]. На правый берег реки спешили белогвардейцы. Туда же устремились и партизаны.

Переправить всю партизанскую армию, огромные обозы, артиллерию, беженцев паромом, и вдобавок под огнем противника и в короткое время было немыслимо. Партизаны нуждались в надежной переправе. Решено было построить деревянный мост. Но для этого не было лесоматериалов и свободных рабочих рук, ибо в разгар сражения каждый боец был на учете.

Партизаны обратились за помощью к местным жителям — татарам и башкирам. На этот призыв те откликнулись с энтузиазмом. Случай помог установлению тесного, дружественного контакта с жителями Красной Горки — татарами [2], привлечь их к наведению моста и доставке строительного материала. Комиссар финансов партизанской армии К. Г. Сандырев и начальник снабжения Пономарь обходили дома бежавших кулаков. Они конфисковали на нужды партизан продукты, фураж, упряжь. Осматривая лавку одного бежавшего торговца, они нашли кассу. В ней хранилось множество расписок бедняков из Красной Горки и других деревень на уплату денег, возврат муки и семян.

Созвали сход и через переводчика сообщили о найденных расписках, показали их. Крестьяне притихли: «Что же этот большевик сделает с нашими расписками?» — думали они. А Сандырев взял спички, лучину и по очереди, одну за другой стал сжигать пачки расписок. Они исчезали. Легкий ветерок разносил пепел. Крестьяне радостно засмеялись, стали подходить ближе, дружески благодарили Сандырева, похлопывая его по плечу. Когда были сожжены все расписки, Сандырев сказал:

— Мы, большевики, «рассчитались» за вас с кулаком. Вы ему больше ничего не должны. Можете расходиться по домам. А если есть желающие помочь нам строить мост, то пусть останутся. От имени штаба за работу обещано было расплатиться деньгами и ситцем. Поднялся лес рук: многие соглашались принять участие в работе. Прошло не-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 182, 253.

[2] В рассматриваемое время в Красной Горке жили не башкиры, как отмечается в литературе, а татары. Сейчас там проживают люди нескольких национальностей.

много времени, и крестьяне пришли на берег с топорами и пилами. Многие принесли с собой драгоценные в те годы гвозди, скобы [1].

Поблизости не было строительных лесов. Но выход также с помощью местных жителей был найден. Было установлено, что в 12 верстах выше по течению Уфы, на лесопристани Бурна, принадлежавшей пароходчику Хасабову, имеются бревна в плотах. Местные добровольцы с отрядом блюхеровцев выехали в Бурну. Они доставили несколько плотов из бревен [2].

Недостающий материал изыскали на месте. Красногоркинцы отдавали, не торгуясь, сараи, срубы, скудные запасы бревен и досок. Этим определялась высокая степень самопожертвования местного населения, их сочувствие Советской власти.

Коммунисты и беспартийные партизаны, как и прежде, проводили среди населения большую политическую работу не только в Красной Горке, но и в других деревнях. Например, белоречане, вступив в село Старое Кулево, провели митинг крестьян. На митинге выступили коммунисты И. Козлов, Ф. Алексеев, П. Феоктистов и др. Правдивые речи партизан открыли глаза башкирам на антинародную сущность белогвардейской власти, на справедливые, благородные цели Красной Армии, блюхеровского партизанского отряда. Митинг вызвал у трудящихся крестьян желание отстаивать завоевания социалистической революции. Несколько башкир вступили в ряды партизан [3].

Подобную работу в русском селе Никольское 3—4 сентября провели богоявленцы. Здесь к ним присоединилась значительная часть молодежи — 23 человека, в том числе К. Борода, В. Климов, И. Федоренко, А. Ф. Хоменко (оставленный затем на подпольной работе) и др.

Горячая поддержка местным трудящимся населением партизан свидетельствовала о том, что мало кто верил клеветнической белогвардейской пропаганде, развернутой в селах Башкирии при приближении к ним Сводного Уральского отряда, будто все уничтожающего на своем пути. Видя мощное, дисциплинированное, прекрасно относящееся к трудящимся воинское соединение, крестьяне оказывали ему посильную помощь. В момент ухода партизан они не скрывали чувство большого огорчения...

---

[1] Легендарный рейд, с. 114.

[2] Воспоминания А. Ф. Хоменко. Хранятся у автора данной книги.

[3] ПАБО, д. 1832, оп. 2, д. 139, л. 1; ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 31—32; д. 183, л. 20.

Для работы по возведению моста были направлены повозки, специально выделенные подразделения от ряда полков. В работе принимал участие 1-й взвод 3-й роты белоречан, во главе с его командиром А. Н. Елкиным, группа богоявленцев во главе с А. Я. Гориным[1]. Большой отряд строителей из числа бойцов, стариков и возчиков из обозов, местных жителей возглавила саперная команда, которая здесь вновь потрудилась геройски, на славу.

Строительство моста через Сим явилось своего рода серьезной репетицией к наведению ими огромного моста через Уфу. Река достигала 3-х метров в глубину. Ее ширина превышала 200 метров[2]. Кое-кому даже казалось безнадежным делом покорение партизанами такой реки.

Работа у переправы кипела безостановочно. Красногоркинцы, партизаны из обозов подвозили бревна, сваливали их на берегу. Бревна и доски тщательно осматриваются: нет ли на них столь нужных и ценных гвоздей, шпилей и скоб. Недостающие скобы ковали собравшиеся в Красной Горке кузнецы ряда окрестных селений. Люди с плотницкими топориками и пилами расчетливо и быстро делают козлы. Готова одна козлина, вторая... Но их все мало для того, чтобы перешагнуть реку, достичь противоположного берега. Тут же готовится настил из досок и горбылей. Работали днем и ночью. Ночью на берегах горели костры, освещавшие водную гладь и стройку.

Саперы на самых ответственных операциях. Прежде всего они, используя заготовки козел и настила, ведут наведение моста. Саперы привязывают к козлам веревки, раздеваются и лезут в холодную быструю воду для их установки. Это трудно и опасно. Но эта работа нужна, и она продолжается. Начало мосту положено, и он зашагал уже от левого берега на правый. При возведении каждой новой козлины, на воде и на берегу, раздавались радостные возгласы. Но дальше было все трудней и трудней. Становилось глубоко, мощное течение срывало бревна и доски, пыталось вырвать из десятков крепко вцепившихся в канаты рук возводимые козлы. Эхо боя, доносившееся с противоположного берега, не обескураживало строителей моста. Оно лишь подхлестывало их энтузиазм, удваивало силы. Им было трудно, но там еще трудней. Шла решительная борьба за существование партизанской армии и ее выход к родной Красной Армии.

Во время наведения моста, пытаясь помешать его строи-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 319, л. 1; ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 11.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2361, л. 4—5; Уральский рабочий, 1918, 4 окт.

тельству и переправе на правый берег паромом партизанских частей, противник открыл по реке артиллерийский огонь. Но все обошлось, попаданий в мост и в паром не было[1]. Ни огонь врага по Красному Яру, ни огромная усталость, ежеминутная опасность для жизни не могли приостановить строительства. Саперы Смолина работали день и ночь, практически без отдыха, без сна, выбиваясь из последних сил.

Очень трудной была ночь на 3 сентября. Мешала темнота, не хватало нужного материала, мускулы сковывала смертельная усталость. А в это время преодолевался самый трудный участок — середина реки. Короткие бревна приходилось наращивать. Козлы устанавливать и вбивать стало крайне трудно. Несколько раз возводимый мост находился под угрозой разрушения. Так, саперы неожиданно увидели, что на них плывет что-то большое, черное. Это показался большой плот. Сейчас он налетит на мост и все погибло. Но саперы в ночном полумраке смело бросаются на лодках к плоту, гребут изо всех сил, вовремя взбираются на него. Рубят веревки, рассыпают плот на бревна, перехватывают их веревками, притягивают к берегу, а остатки плота отводят и пропускают мимо моста. Опасность миновала.

Пока шло строительство моста, враг подтягивал свои силы на правом берегу реки. Вновь настигнув арьергард партизанской армии, он стал наседать на нее и на левом берегу. На правобережье в район переправы выдвигались все новые войска: 13-й и 14-й Уфимские полки, другие части Уфимского и Бирского гарнизонов, отряд из Аскино.

Переправившиеся на правый берег и закрепившиеся на небольшом пятачке партизаны вскоре попали в трудное положение. Только стойкость и смелость, понимание необычайной ответственности задания, которое было возложено на них, позволили удержать им важный плацдарм. Командующий Уральским отрядом И. С. Павлищев вынужден был обратиться к В. К. Блюхеру за срочной помощью. «Противник беспрерывно ведет атаки, бьет во фланги, пытается прижать к Уфе. С большим трудом сдерживаем напор. Опасаюсь за исход боя»[2]. Неясными казались положение и исход боя на этом участке и белогвардейскому командованию[3].

В резерве главком имел лишь отряд И. Д. Каширина,

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, л. 44.

[2] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 342, л. 44; *Душенькин В.* От солдата до маршала, с. 54.

[3] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 31, л. 1, 94.

ибо Троицкий отряд, Богоявленский и Архангельский полки вели бой с противником на юго-востоке и востоке от Красной Горки. 2 сентября первый из них располагался в районе дер. Исаево, а второй занимал дер. Большие, Малые и Башкирские Шиды [1]. Им приходилось отбивать атаки отряда войскового старшины Старикова.

Большая угроза вырисовывалась на южном участке правобережья. Не имея артиллерии, горстка верхнеуральских кавалеристов, разумеется, не в состоянии была дать отпор противнику. Белогвардейцам удалось вытеснить красных казаков из хут. Рождественского. Силы врага нарастали. И. Д. Каширин доносил: «Противник невыясненными силами ведет наступление на деревню Быково с южной стороны от деревни Рождественской. Наша разведка столкнулась с разведкой противника на хуторах Покровском и Вознесенском. Смените роты и сотни, что находятся на переправе и за переправой. Сообщите, что творится вообще» [2]. Каширин стал подтягивать силы. На правый берег уже подходили все новые части Уфимского гарнизона, основу которых составляли 13-й и 14-й Уфимские полки. К утру 3 сентября они заняли целый ряд хуторов вдоль р. Уса [3]. Белогвардейцы располагали кавалерией и артиллерией.

Уральский отряд И. С. Павлищева, как уже отмечалось, действовал значительно северней и сам находился в трудном положении. Над местом переправы по-прежнему висела угроза. Требовалось срочно укрепить правобережную партизанскую группу войск. Обнажать фронт с тыла или хотя бы ослаблять его было нельзя: строительство моста было еще в самом разгаре, вся масса обозов, тысячи повозок с ранеными, беженцами находились на левом берегу реки. Помимо того требовался хотя бы самый небольшой резерв главкома для охраны армейских тылов и самой переправы, ибо прорыв врага с тыла не был исключен. Правда Богоявленский и Архангельский полки не несли особенно большой боевой нагрузки. И в случае крайней необходимости они могли быть частично использованы как резерв для оказания помощи или Троицкому отряду, или частям на правом берегу реки.

В. К. Блюхер принимает решение о переправе в ночь со 2 на 3 сентября на противоположный берег в районе Красной Горки остальной части Верхнеуральского отряда. Он передал об этом распоряжении на правый берег и потре-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 180.
[2] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 101.
[3] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 307.

бовал от уральцев и верхнеуральцев держаться до последнего, т. к. от их стойкости зависит судьба отрядов.

Вечером 2 сентября началась переправа Верхнеуральского отряда. Пехота переправлялась на пароме, плотах и лодках, а кавалерия преимущественно вплавь. Действия верхнеуральцев на правом берегу возглавил И. Д. Каширин. В его приказе, отданном в 4 часа 20 минут утра 3 сентября, отмечалось, что весь Верхнеуральский отряд, за исключением двух кавалерийских сотен, в то время находился на переправе. Две кавалерийские сотни на правобережье Уфы занимали дер. Быково и хут. Анненский, ведя разведку в направлении — Архангельский, Рождественский, Спасский, Волковский и Гилевский.

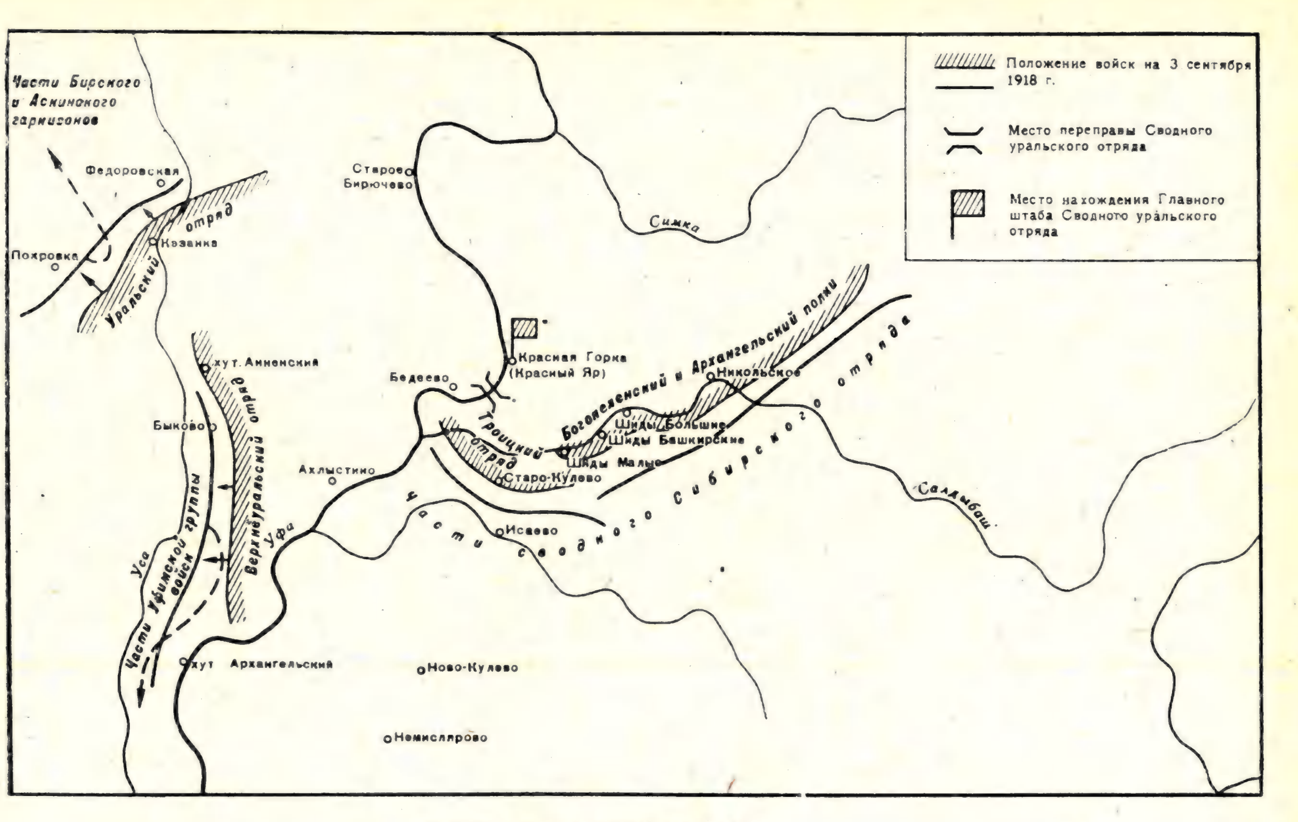
Перед Белорецким полком, включая кавалерийскую сотню, выдвигалась задача занять д. Быково и избрать позицию на случай боя по левому берегу р. Уса, заняв все имеющиеся через реку переправы на участке Быково, х. Дмитриевский. Верхнеуральский стрелковый полк с артиллерийской батареей после окончания переправы должен был сосредоточиться на х. Анненском и развернуться фронтом на х. Архангельский, к прибрежной полосе и хуторам Вознесенскому, Владимирскому и Верхне-Николаевскому. Кавалерийский полк С. П. Галунова, выдвинув одну сотню к хутору Архангельскому для занятия его, главными силами должен был разместиться в дер. Волково и выслать радведки по широкому фронту, в направлении хуторов: Пономаревского, Гилевского, Сергиевского, Ново-Надеждинского и др. [1]

3 сентября на участке Верхнеуральского отряда разыгрались знаменательные события. Разведчики-каширинцы установили, что главные силы белых продвигаются вдоль Уфимки и речки Уса. Они намерены были отрезать партизан от реки Уфа. Имея артиллерию, белые, в случае прорыва в район переправы, могли бы уничтожить мост до завершения его строительства, нанести тяжелый урон обозам и разделить Сводный Уральский отряд на две части. Враг был многочислен и силен.

Борьба, развернувшаяся по фронту, была упорной, и как будто не сулила партизанам победы. Противник, развернувшийся фронтом к реке, держался самоуверенно, не раз пытался прижать верхнеуральцев к берегу, чтобы сбросить их в воду. На отдельных участках он потеснил верхнеуральцев. Из рук в руки переходила дер. Быково. Однако в целом на участке Верхнеуральского кавалерийского полка борьба была позиционной. Это в определенной мере обус-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 180—181.

СРАЖЕНИЕ НА БЕРЕГАХ УФЫ

ловливалось тем, что не вдруг сложился общий для отряда план операции.

Командир полка С. П. Галунов в то время, как на левом фланге, близ переправы, усилился натиск белых, предложил свои сотни направить по берегу вниз по течению. Это привело бы к сковыванию действий конницы на узком участке фронта.

Штаб отряда Белорецкого полка, выяснивший характер береговой линии Уфы, ее изгибы, илистость дна речки Уса, вероятное направление атаки белогвардейцев, слабость их левого, не охраняемого фланга и тыла, принимает иной план.

Было решено бросить в обход противника две сотни кавалерии для удара по нему с тыла и одновременного общего наступления пехоты и остальных кавалерийских сотен. Через жителей Быково был выявлен и подходящий брод через Усу для обходной группы [1]. Но посылка группы несколько затянулась. Наконец она двинулась в обход левого фланга противника в районе хут. Анненского во главе с беспредельно смелым Федором Андриановичем Вандышевым, именно после этого боя прозванным «Обходным генералом».

Скрываясь за холмами и перелесками, красные казаки подобрались вплотную к противнику, не подозревавшему об опасности. Одновременно Верхнеуральский отряд приготовился к атаке с фронта. Партизанская пехота и спешенные сотни кавалеристов начали наступление, перебежками приближаясь к цепи врага. Белогвардейцы готовились к отражению атаки, подтягивали сюда все свои силы. Они открыли огонь из орудий и пулеметов. Верхнеуральцам пришлось залечь.

Но в это время, когда уже надвигался вечер, казачья лава Вандышева с мощным «Ура!», лихим гиканьем и свистом ринулась в атаку на белогвардейцев с тыла. Те растерялись. Офицеры, видя опасность с тыла, пытались построить солдат в каре. Однако было уже поздно. Красные конники ворвались в расположение белых и началась рубка.

Одновременно последовал стремительный удар пехоты и конницы по врагу с фронта. Артиллеристы даже не успели развернуть орудий против атакующих, как над их головами засверкали шашки конников сотни Г. Д. Штырляева. Противник был смят, отброшен к Уфимке, зажат в ее излучине. Лишь часть солдат сумела убежать в южном направлении и скрыться, пользуясь темнотой, в лесу. Спасаясь от партизан, прижатые к берегу, беляки бросались в воду.

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 57—59.

Но настигаемые пулями верхнеуральцев или просто не имея сил бороться с течением реки, белогвардейцы тонули. Для белогвардейцев Уфа стала действительно черной рекой (башкирское параллельное название ее «Караидель» — Черная река). Разгром врага был полный [1].

Кроме сотен Ф. А. Вандышева, Г. Д. Штырляева вновь особо отличилась рота И. Мамыкина. «После боя, — вспоминал А. В. Пирожников, — все бойцы находились в сильно приподнятом настроении. Больше всего их радовало то, что здесь они изрядно пополнились патронами, орудиями, пулеметами и некоторым обмундированием. Ни один из бойцов не заявил, что он устал, а устать было отчего: уже двое суток они находились в походе и в бою без пищи [2]. Каждый с энтузиазмом рассказывал, как он бросился в атаку и с восторгом говорил: «А посмотри-ка, сколько у меня патронов-то стало».

Трофеи были действительно велики.

Белые потеряли убитыми около 200 человек. Примерно столько же солдат было взято партизанами в плен [3]. В руки верхнеуральцев попало 2 исправных и 1 неисправное артиллерийское орудие, 8 пулеметов, 200 снарядов, винтовки, патроны, несколько строевых лошадей, три парных фургона, одна двуколка, 10 верст телеграфного кабеля с телефонным аппаратом, несколько возов овса [4]. Из двух захваченных орудий формируется батарея при Белорецком полке (командир И. Ф. Апрелков). Одно орудие было передано Верхне-Уральским кавалеристам, в полку которых 4 сентября был сформирован артиллерийский взвод [5]. Число орудий в Сводном Уральском отряде возросло до 20 [6].

Белогвардейские офицеры отчаянно лгали, послав в Уфимский штаб сообщение о том, что их отрядам «под давлением превосходных сил противника» пришлось «отступить на Уфу» [7]. Они не нашли в себе мужества признать-

---

[1] ПАБО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, л. 44; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 146; ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 18, л. 2.

[2] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 61.

[3] ЦГАОР, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 183; ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 53 и об.; ПАБО, ф. 1832, оп. 2, д. 388, л. 20; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, л. 44. Встречающиеся в литературе и воспоминаниях сведения о взятии в плен 300 солдат преувеличены.

[4] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 183; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, л. 44.

[5] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 53 об.; ПАБО, ф. 7655, оп. 5, д. 4, л. 23, 45.

[6] Данные в источниках относительно количества орудий противоречивы. Наши данные основываются на совокупности важнейших источников.

[7] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 379.

ся, что это было тяжелое поражение и позорное бегство, а не «отступление».

Взятые каширинцами и белоречанами пленные — насильно мобилизованные башкиры (многие были местными — из Старого и Нового Кулево) рассказали, что белочешские и добровольческие отряды послали их вперед, угрожая расправой, в случае отступления или отказа идти в наступление. Партизаны разъясняли пленным, что цель блюхеровцев разгромить врага, который двинулся на Советскую власть и намеревается отнять у трудящихся социалистические завоевания. Это подтвердили и земляки-добровольцы — партизаны. Пленным был предложен выбор: или вступить в Сводный Уральский отряд, или разойтись по домам.

В ответ на это многие пленные тут же заявили, что они понимают цели борьбы партизан, согласны с программой большевистской партии и просят принять их в свои ряды. Другие отправились домой, но вскоре часть из них догнала армию Блюхера и вступила в ее ряды. Только в Белорецкий полк их было зачислено 103 человека. В последующих боях они проявили себя хорошо [1].

Успешно действовал и Уральский отряд И. С. Павлищева. Он упорно расширял плацдарм на правом берегу и выдвинулся в район дер. Казанка. Противник концентрировался в дер. Покровской, Федоровской и хут. Полянском. 3 сентября в районе дер. Казанки, которую занимали уральцы, разгорелся решающий на этом участке бой. Противник, наступавший из Покровской, при поддержке пулеметного огня несколько раз атаковал уральцев.

Силы белогвардейцев не превышали по численности Уральского отряда. Но белогвардейцы действовали напористо, настойчиво, очевидно, во что бы то ни стало намереваясь выполнить поставленную перед ними задачу. Измотав, истощив противника, не щадившего боеприпасов, тогда как уральцы берегли буквально каждый патрон, под вечер отряд И. С. Павлищева перешел в стремительное наступление. Большую находчивость проявили бойцы 1-го батальона: А. Анфилатов, С. Грибовский, М. Лопатин, И. Смирнов и С. Утин. В разгар сражения они незаметно зашли во фланг противника и открыли пулеметный огонь. Белогвардейцы пришли в замешательство. Боясь окружения, они стали медленно отходить. Горстка храбрецов усилила огонь, а затем с возгласом «ура» бросилась в атаку и увлекла за собой роту. «За ротой пошли остальные ро-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 53; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, л. 44; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 299, л. 60—62.

ты, — доносил комбат В. А. Зубов. — Противник был выбит с позиций и бежал» [1].

Белогвардейцы были отброшены на северо-запад. На поле боя помимо трупов и винтовок они оставили около 50 тысяч патронов. Урон, нанесенный врагу, был большим. Но и сами уральцы в упорных фронтальных боях понесли значительные потери. Спустя 4 дня И. С. Павлищев просил главкома вернуть в полк 16 солдат, находящихся при центральном обозе в качестве караульных, так как «полк за последнее время понес большую убыль» убитыми, ранеными и больными [2]. Самоотверженная борьба уральцев привела к полному успеху. Противник был разбит и отброшен.

В оперативной сводке штаба командующего Уфимской группой войск от 4 сентября сообщалось: «Отряды, наступавшие на Казанку, под давлением громадных сил красных, насчитывавших более шести тысяч, отошли к Иликово, откуда переходят в Языково, что в 25 верстах к северо-востоку от Благовещенского завода, с целью соединения с уфимскими отрядами...» [3]. В действительности в Уральском отряде в строю было едва ли больше тысячи бойцов. И в данном случае белогвардейцы стыдливо умалчивали о паническом бегстве их войск из района Казанки.

Победа отрядов И. Д. Каширина и И. С. Павлищева 3 сентября была решающей. Она привела к резкому расширению плацдарма на правобережье Уфы, сделала место готовящейся переправы с запада практически совершенно безопасным. Однако последнее слово в деле обеспечения полного успеха переправы армии было за саперами, их многочисленными помощниками, стойкостью арьергарда и Главным штабом, распорядительностью его членов.

2. Переправа

Время решающих побед партизан на правобережье и, как будет показано далее, на левобережье Уфы счастливо совпало с завершением строительства моста, приступом к переправе. Это однако стало ясно к исходу дня 3 сентября. А до этого командование, все бойцы — здоровые и раненые, беженцы-старики, женщины и дети находились в состоянии высшего напряжения. Но и все думали о переправе, о завершении наведения моста и мерах по его безопасности.

---

[1] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 103.
[2] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 340.
[3] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 379.

Пока Уральский и Верхнеуральский отряды добывали партизанской армии победу на правом берегу, строительство моста вступило в завершающую фазу. Ходом строительства все время интересовался В. К. Блюхер. Общее руководство работами по возведению моста он возложил на своего помощника Н. В. Баранова и адъютантов Главного штаба М. Д. Голубых и Я. М. Суворова. То один, то другой из них, а то и все вместе находились у переправы. Они всемерно помогали строителям.

Видя, какой опасности подвергнется мост, если с верховьев реки вновь появится плот, Н. В. Баранов, утром 3 сентября, просил В. К. Блюхера о следующем: «В самом срочном порядке сделать распоряжение по деревням, кои стоят на берегу реки Уфимки вверх по течению, чтобы каждая деревня выставила людей с лодками для задержки плывущих по реке плотов, дабы этим обезопасить свой вновь строящийся мост. Желательно бы выслать в упомянутые деревни свои посты, ибо, не зная настроения деревень, мы можем стать снова в такое положение в смысле охраны моста. Если враждебно настроенная одна из деревень, зная о постройке нашего моста, ночью пустит плот, то этим может уничтожить мост. Одновременно сообщаю, что работа моста двигается, мною насчитано поставленных 12 быков, еще остается поставить пять» [1].

Саперы, работая из последних сил, час за часом приближались к правому берегу. Наконец, в полдень 3 сентября, через 36 часов после начала строительства, мост был готов [2]. Он перекинулся с одного берега на другой узкой лентой. С виду он был совсем неказист — с множеством горбин, высокий у берегов, чуть возвышался над водой на середине реки, но надежный, крепкий, даже с перилами.

В. К. Блюхер несколько медлил с отдачей распоряжения о начале переправы. Не было еще полной ясности о положении на правом берегу. Наконец, были получены первые весточки об успехе Уральского и Верхнеуральского отрядов. Плацдарм был отвоеван, район переправы на правобережье был в безопасности. Огромные обозы сосредоточились близ переправы. Беженцы и возчики с напряжением ждали сигнала о переправе. Волнение усиливалось отзвуками боя всего в 3—4-х километрах от Красного Яра, под деревней Новокулево. И когда белогвардейцы дали по Красному Яру несколько артиллерийских выстрелов и снаряды разорвались близ переправы, в обозах началась паника.

---

[1] Легендарный рейд, с. 132.

[2] Уральский рабочий, 1918, 4 окт.

— Даешь к переправе! Чего тут ждать — пока всех переколотят, что ли? — раздавались возбужденные крики.

Через минуту лавина подвод, словно полая река, прорвавшая плотину, двинулась к узенькому мосту. Передние подводы уже готовы были взойти на мост, но перед ними неожиданно выросла коренастая фигура главкома. Подняв сжатую в кулак руку, Блюхер зычно крикнул:

— Стой! Кто приказал начать переправу? Назад! [1]

Предотвратив панику, Блюхер съездил на правый берег, взял дополнительные сведения о действиях отрядов И. С. Павлищева и И. Д. Каширина. Вернувшись на левый берег, В. К. Блюхер отдал приказ о начале переправы и ее порядке. Переправа началась. Первыми вступили на мост лазареты, затем беженцы, интендантские повозки, повозки с боеприпасами... Переправа, которой все время лично руководил В. К. Блюхер, затянулась до глубокой ночи.

В то время, когда Уральский и Верхнеуральский отряды, громя противника, действовали на все более широком оперативном просторе правобережья Уфы, троичане продолжали вести кровопролитный бой на узком участке фронта.

Необычайно тяжелым выдался день 3 сентября — 3-й день боев партизанского арьергарда с превосходящими силами противника. Ранним утром 3 сентября у Новокулево разыгрался новый этап боя. Враг нес огромные потери, но любой ценой рвался на север, к переправе. Под давлением противника троичане вынуждены были оставить Новокулево и отошли к Старокулево, где заранее были вырыты окопы [2]. «Доношу, — писал Н. Д. Томин, — что деревню Новокулево занял противник. Приняты меры к задержанию противника. Прошу сообщить, в каком положении переправа и как вообще обстановка» [3].

Разрешая отход к дер. Старокулево (Старомечетлино), В. К. Блюхер предупредил командующего Троицким отрядом, что на этих позициях нужно стоять насмерть, ни на шаг не отступая до тех пор, пока не будет выведена на правый берег Уфы вся партизанская армия и ее тылы. Новый участок обороны раскинулся от Уфимки через Старокулево и далее — на северо-восток. Главком приказал Богоявленскому и Архангельскому полкам сомкнуться с Троицким отрядом и укрепиться на единой линии вдоль реки Салдыбаш на северо-восток, в районе деревень Шиды и Никольское [4].

---

[1] Легендарный рейд, с. 134.
[2] ЦГАСА, ф. 3573, оп. 1, д. 3, л. 4.
[3] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 101.
[4] ЦГАСА, ф. 3577, оп. 1, д. 80, л. 12.

Таким образом, 3 сентября в непосредственной близи от района переправы был создан не очень плотный, но надежный оборонительный заслон силами 3-х стрелковых и одного кавалерийского полков. Теперь уже исчезла постоянная угроза обхода Троицкого отряда с флангов, особенно с левого, который не имел тесного контакта и постоянного взаимодействия с богоявленцами, действовавшими в районе реки Салдыбаш.

Бой 3 сентября на участке Троицкого отряда был невероятно тяжелым. Тяжелым он был не только для партизан, но и для белых, которые, по их собственным признаниям, несли огромные потери. Умоляя о помощи, полковник Моисеев в телеграмме начальнику штаба Уральского корпуса белых сообщал: «Доношу, что в 8 час. утра 3 сентября с боя занята деревня Новокулево, после чего отряд немедленно начал продвигаться вперед, но у деревни Старокулево задержан арьергардом противника, состоящим из мадьяр и латышей общей численностью до 1.000 человек. Наши цепи залегли перед позициями противника на расстоянии 100—200 шагов, причем понесли большие потери, точное число которых установить не могу. В резерве у меня нет ничего. Прошу передать комкору мою просьбу о помощи. Может быть, будет приказано чехам, находящимся на станции Иглино, меня поддержать?» [1]

Но генерал Ханжин ничем помочь был не в состоянии. В бессильной ярости он жаловался на непокорность иглинского отряда чехословаков, но это ничего не изменило. Командир корпуса потребовал от начальника 6-й Уральской дивизии срочно послать Моисееву хоть какое-нибудь подкрепление. Но тот 4 сентября ответил, что попытается набрать лишь 100 штыков и отправить на следующий день [2].

Некоторые надежды белогвардейские генералы продолжали возлагать на отряд Колесникова, прежде всего его кавалерию. В ответ на новое категорическое требование двинуть отряд в район железной дороги начальник 3-й Оренбургской дивизии генералу Ханжину 31 августа телеграфировал о том, что «продвижение казачьих частей за железную дорогу может привести к нежелательным, отрицательным результатам» [3]. На другой день командир корпуса дал вынужденное согласие, чтобы казаки и башкиры из отряда полковника Колесникова были отведены на формирование. Спустя некоторое время Колесников с небольшим отрядом, состоявшим в основном из дружинников,

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 321, 338, 340.
[2] Там же, л. 338, 351.
[3] Там же, л. 236.

выступил на Иглино. Но туда он прибыл только 4 сентября [1], что было слишком поздно.

Так обстояло дело с попытками командования Уральского корпуса оказать помощь отряду полковника Моисеева, на которую он надеялся до последнего момента.

К вечеру 3 сентября, надеясь на прибытие подкрепления, Моисеев вновь двинул части отряда в наступление. В это время уже началась переправа походных лазаретов и многочисленных обозов. В случае отступления Троицкого отряда на переправе началась бы паника. Блюхер надеялся, что Томин и бойцы его отряда не подведут. Стойкости им действительно было не занимать, но на исходе были боеприпасы. Экономили снаряды и батарея вела редкий огонь в исключительных случаях.

Экономно расходовали патроны даже пулеметчики. Огонь вели только наиболее опытные и меткие из них. Одним из таких был А. А. Кинзерский, сильный и стойкий командир кольтовского расчета. Командир полка А. П. Кононов неоднократно использовал его бесстрашие и опыт в бою 3 сентября. Когда в сложном положении оказались бойцы правого фланга первого батальона, на них, почти не имевших патронов, двинулись вражеские цепи, Кононов приказал Александру Кинзерскому установить пулемет в кустах, дал ему команду «Огонь!» тогда, когда вражеские цепи подошли близко.

Кинжальный меткий огонь косил их беспощадно, вынудил сначала залечь, а затем броситься в бегство. На этом участке была оставлена изготовленная бойцами трещотка, имитировавшая работу пулемета, а Кинзерский с помощниками перемещался на другие угрожаемые позиции и вел с них в нужный момент скупыми очередями меткий огонь [2].

И все же, несмотря на экономию патронов, они кончались, а бой все разгорался. В начале боя на берегах Уфы партизанская армия имела по пять-десять патронов на бойца и весьма скудные запасы в отделе снабжения. К вечеру у бойцов Троицкого отряда патронов оказалось по нескольку штук, да и то не у всех, хотя патроны партизаны берегли постоянно и в тот горячий день. По признанию многих бойцов, они «дорожили патронами больше своей жизни» [3].

Систематически недоедая, ступая по земле ногами, обмотанными в тряпье, бойцы радовались отвоеванному или

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 285, 360.

[2] *Попов П., Буранов Ю., Шакинко И.* По приказу революции, с. 89—90.

[3] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 182.

найденному патрону больше, чем куску хлеба. В обстановке боя они брали друг у друга патроны в долг, обещая во что бы то ни стало «раздобыть у беляков» и непременно отдать.

Зная, как трудно приходится томинцам, В. К. Блюхер выдал им днем 1.500 патронов с наказом держаться крепко. Этого было слишком мало и об этом Василий Константинович знал, но он не мог поступить иначе. Запасов патронов почти не было, исход боя на правом берегу еще не выяснился, всюду положение тяжелое донельзя. Вечером, с возобновлением острых атак со стороны белых, в Троицком отряде вновь наступил острый кризис: патроны кончаются, стрелять нечем. Томинцы отвечали врагу все реже... Но бойцы не роптали. Они лишь еще острей чувствовали необходимость выстоять, не подвести другие отряды. Стреляли только на выбор: по офицерам и пулеметным расчетам. Продолжали действовать больше штыками.

В одной из контратак 17-го Уральского полка А. П. Кононов главный такой штыковой удар по противнику поручил нанести 2-й роте Ещенко. «Когда цепи белых приблизились к окопам троичан на 100—120 шагов, — вспоминал В. С. Русяев, — Ещенко стремительно повел свою роту в атаку. Крепко сжимая винтовки в руках, бойцы молча бросились навстречу врагу. В минутной тишине, наступившей после стрельбы, отчетливо слышались короткие тупые удары штыков, взрывы ручных гранат, вскрики и топот множества ног. Противник был смят и отброшен.

Бойцы возвращались в свои окопы. Многие из них добыли подсумки с патронами, хорошие шинели, одному достался вещевой мешок, в котором было 25 обойм патронов. На фронте наступила передышка. Теперь можно было накормить бойцов. Ещенко вынул полевую книжку и, положив ее на бруствер маленького окопчика, стал писать распоряжение каптенармусу. Голова его одиноко выделялась среди как будто пустынного поля с разбросанными на нем трупами и легко могла служить мишенью белякам.

— Ещенко, что ты делаешь! Спустись ниже, тебя могут убить, — крикнул Русяев в тревоге.

Ещенко обернулся и поглядел на него своими ясными глазами.

— Ничего, товарищ командир, я только записку напишу каптеру. Так мне удобнее.

Раздался глухой одинокий выстрел. Ещенко замолк и грузно осел в окоп. Пуля сразила его наповал. Видимо, какого-то снайпера привлекла его украинская смушковая папаха, с которой он не расставался все лето. Когда помначштаба отряда приблизился к нему, его холодеющие руки

крепко сжимали карандаш и полевую книжку. Потеря любимого, не знавшего страха командира подняла бойцов в новую яростную атаку...»[1]

Чувствуя, что огонь партизан становится все реже, белогвардейцы, при огневой поддержке своих пулеметов, стрелков, артиллерии, стали подвигаться все ближе и ближе. Расстояние между сражающимися местами сократилось до 100 шагов... И вдруг... Огромная радость, она быстро облетела цепи: главком прислал патроны, много патронов. И еще: на правом берегу одержана блестящая победа! Значительная партия патронов из многих десятков тысяч, захваченных отрядами И. Павлищева и И. Каширина, была направлена в Старокулево. На душе у бойцов повеселело. Их огонь стал плотнее. Потери врага все увеличивались.

Однако бой крепчал, противник не намерен был отступать. Слишком велик был соблазн прорваться в район переправы, к Красной Горке. Нельзя было отступать и допускать врага к переправе. Троицкий отряд должен был отходить последним. Отбросив отряд войскового старшины Старикова, полки М. В. Калмыкова и В. Г. Данберга снялись с позиций и с наступлением темноты двинулись к переправе. Успех завершения удачно развивающейся операции целиком зависел от действий отряда Н. Д. Томина. Его поражение было бы равносильно серьезному поражению всей партизанской армии.

В этой обстановке Н. Д. Томин принял до дерзости смелое и правильное решение: героическим усилием всего отряда отбросить наступающие части противника на юг, создать у него впечатление, что в Старокулево сосредоточены крупные партизанские силы, и что в обстановке надвигающейся ночи атаковать их рискованно. 17-му Уральскому полку Томин отдал распоряжение забросать подошедшего почти вплотную противника гранатами и отбросить его штыковым ударом. Быстро подготовились к контратаке бойцы полка Кононова.

Когда цепи белых приблизились к нашим окопам на минимальное расстояние, троичане пехотинцы и кавалеристы двинулись им навстречу. В минутной тишине, наступившей в обстановке ухающего разрыва гранат и ожесточенной пальбы, отчетливо слышались короткие тупые удары штыков, посвист сабель, болезненные вскрики и топот бесчисленных людских и конских ног. Вместе с другими отважно дрался в рукопашной со своими бойцами молодой помкомвзвода Михаил Карпов, пришедший в партизаны из с. Тимашевка, что близ Стерлитамака. Груда серых шинелей, как

[1] Легендарный рейд, с. 137—138.

пена разбившейся о берег волны, осталась лежать на сухой траве. Противник был разбит и отброшен.

Отряд полковника Моисеева за несколько дней боев был почти полностью истреблен. Особенно большие потери он понес 3 сентября. 4 сентября в штаб Уральского корпуса поступило сообщение: «После вчерашнего боя отряд полковника Моисеева насчитывает 300 человек» [1]. Белогвардейское командование после этого боя, оценивая действия замыкающих частей партизанской армии, вынуждено было признать: «Арьергарды красных проявили особое упорство в боях с нашими частями» [2].

На фронте, занимаемом партизанской армией, впервые за несколько дней наступила удивительная тишина. Это вызвало не случайное беспокойство в штабе главкома, ибо ему хорошо было известно о крайне трудном положении Троицкого отряда. Блюхер все время, руководя переправой, с неослабевающим вниманием прислушивался к артиллерийским выстрелам, взрывам гранат, пулеметно-ружейному огню в районе Старокулево. Судя по доносившимся звукам боя, можно было заключить, что троичане держатся. И вдруг тишина — полное отсутствие признаков продолжения боя!

Возникал вопрос: чем завершился бой на юге? Наконец, от Н. Томина прибыл долгожданный гонец с боевым донесением об успешно проведенной контратаке и отходе противника. В ночной темноте, принимая меры охранения, отряд спешил к переправе.

Вслед за Архангельским и Богоявленским полками, с рассветом 4 сентября Троицкий отряд перешел мост. На левом берегу некоторое время оставалось только две сотни — 1-я и 3-я полка Степана Разина. 1-я сотня, находившаяся близ Красной Горки, ночью снялась и переправилась по мосту, не предупредив другую сотню, стоявшую дальше, в долу. Наконец, уже ранним утром дозор донес, что 1-я сотня покинула левый берег. Спешно выехали вперед, проехали деревню, увидели яркий огонь. Помчались к переправе галопом, горела именно она. В боевой обстановке всякое бывало. В данном случае упущение было допущено командирами полка и его первой сотни.

К этому времени саперы облили мост керосином, набросали на него пропитанную горючим паклю, наложили соломы и только-только стали все это поджигать на левой стороне моста. Увидев едущих разинцев, они стали сбрасывать горящий материал в воду, что было уже не простым

---

[1] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 31, л. 344.
[2] Там же, ф. 1437, оп. 4, д. 27, л. 44.

делом — начало гореть и дерево. Кавалеристы цепочкой, успокаивая лошадей, проехали по горящему мосту на правый берег реки. У многих обгорели уши, волосы, брови. Пострадали гривы и хвосты лошадей. Ни в чем не повинным саперам Смолина и Иванова-Царева достались крепкие фронтовые слова [1].

Саперы принялись довершать свое дело. Вновь высоко взметнулось пламя. Мост сгорел. Те его части, которые еще держались, разрушались. Уничтожены были и другие средства переправы. Как отмечал М. Халидов, переправа протекала при стечении всего населения Красной Горки, сердечно, с сожалением провожавших партизан, несмотря на опасность попасть под обстрел белогвардейцев [2]. Отношение к партизанам не изменилось и после того, как командование отказало в удовлетворении просьбы о сохранении моста для использования его местными жителями. Этого нельзя было делать из соображений военного характера. Те поняли.

Река остановила преследующего врага. Его планы и все вожделения об уничтожении партизан окончательно рухнули, как и эти с шипением падающие в воду бревна догоравшего моста. 3 сентября — день решающих боев на берегах Уфы закончился блестящими успехами на том и другом берегу. Враг вновь и, как потом стало ясно, окончательно был посрамлен. Партизаны позволили себе 4 сентября отдохнуть. В этот день они располагались в следующих пунктах: Уральский, Богоявленский и Архангельский — в дер. Казанке и ее районе, Троицкий — в Надеждино, Верхнеуральский — в Быково и др. деревнях. Штаб В. К. Блюхера размещался в Надеждино, в здании местного училища [3].

В передвижке была острая необходимость и для нее создалась реальная возможность. С востока, со стороны р. Уфа, партизанские отряды появления противника могли не опасаться. Переправиться через эту реку было не просто. Это хорошо понимали и белогвардейцы.

Штаб Уральского корпуса 4 сентября решил отряд Моисеева, включая и казачьи сотни Старикова, на правый берег реки не переправлять и отозвать. По мнению этого штаба, преследование партизанских отрядов должно было «вестись войсками Уфы и переданными ей башкирскими частями» [4].

Уфимские же войска, как и бирские, после битвы 3 сен-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 388, л. 7.

[2] Там же, оп. 2, д. 109, л. 81.

[3] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 184; Легендарный рейд, с. 173—174. Воспоминания А. Ф. Хоменко.

[4] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 37, л. 98.

тября находились в плачевном состоянии, были предельно ослаблены и деморализованы. Пополнить и привести в порядок части уфимского гарнизона за короткое время штаб генерала Тимонова был не в состоянии. И он военные действия против войск Блюхера прекратил вообще. Бирский же и Аскинский отряды робко жались к городу Бирску, не решались вступать в активные боевые действия даже с отдельными подразделениями партизан. Одним словом, наступил такой момент, когда постоянно висевшая над партизанской армией серьезная, смертельная угроза разгрома рухнула, исчезла. Враз кончился поток грозных приказов высшего белого командования о непременном окружении и уничтожении партизанских войск и хвастливых реляций начальников многочисленных отрядов, пытавшихся добыть военную славу на внутреннем фронте. Высшие белогвардейские офицеры опростоволосились, о продолжении боевых действий против партизан не помышляли.

В этой связи следует отметить, что в стане врага, среди высшего комсостава, начались распри, появились взаимные обвинения в «бездействии» и т. д. Возник небывалый прецедент, когда военные власти предали суду трех русских полковников и чешского подпоручика, а именно — Колесникова, Моисеева, Курушкина и Пустку, которые, как нами было показано, были непосредственными командирами крупных войсковых групп по «уничтожению» партизан.

11 декабря 1918 г. Полевой суд Поволжской группы белочешских войск рассмотрел дело Пустки. Последний всячески оправдывался, обвинял в неправильных действиях в районе Иглино и левобережья Уфы полковника Моисеева. Судебное преследование этого незадачливого иноземного контрреволюционера было «приостановлено», затем и «прекращено» [1].

Дело же о полковниках 13 декабря было передано прокурору военно-окружного суда в Уфе и командующему «Западным фронтом». В составленном отношении было сказано: «...1) поручика Пустка Карла 2-го чешско-словацкого стрелкового полка «Юрия из Подебрад»; 2) полковника Колесникова, командующего казацкими отрядами, действующими в районе Стерлитамак — Уфа; 3) полковника Моисеева, командующего отрядом Златоустовским, заподозренных в том, что получивши как командующие войсками приказание воспрепятствовать большевикам, сгруппировавшимся в районе Верхне-Уральска и Стерлитамака под командой Блюхера, своей бездеятельностью и неисполнением отданных приказов не воспрепятствовали переходу их

[1] ЦГАОР, ф. 39624, оп. 1, д. 165, л. 5, 10 и об.

через железнодоржное полотно у ст. Иглино и дали им возможность перебраться к северу и соединиться с другими оперирующими там большевистскими отрядами» [1].

Далее в документе довольно подробно описан ход боевых действий белогвардейских войск против блюхеровцев, причины неудач этих войск, действительные и казавшиеся белогвардейским властям допущенные ошибки названными офицерами. В частности отмечалось, что «полковник Колесников в должности командира трех казачьих полков не подчинялся приказаниям начальствующего ему Уфимского штаба, не преследовал энергично со своим отрядом врага... во время вручения ему приказа от 28-го августа № 0343 вместо того, чтобы по приказанию начальствующего командира броситься на врага, дал своим войскам дневку», что «полковник Моисеев, командир Златоустовского отряда, посылал беспрерывно телеграммы о своих успехах, а в действительности сидел на большом расстоянии от фронта и кроме переписки о разных доносах на все возможные стороны ничего не сделал... и таким образом дал возможность большевикам пробраться на север» [2].

О более мелкой фигуре — полковнике Курушкине было сказано: «...обвиняется в том, что он не проявлял никакого стремления исполнять данные ему приказы, что в критический момент вместо того, чтобы вступить в бой, со своим отрядом всегда уклонялся от этого и отвел в конце концов свой отряд прямо в Уфу» [3].

В качестве краткого комментария по поводу выше приведенных белогвардейских оценок действий обвинявшихся полковников скажем, что в этом много было справедливого. Ими проявлялась и недостаточная военная компетентность, оперативность, возможно, и личная трусость. Но главная причина их неудач заключалась в другом — в исключительном героизме партизан, таланте их самородков — командиров, в понимании сущности, характера революционной войны и умении ее вести.

Следует по поводу судебного дела о полковниках добавить, что оно чрезвычайно затянулось. Почти год спустя, 8 ноября 1919 г., этим делом все еще занимались следственные органы, в частности военно-следственная часть при штабе «Московской группы войск», откатившихся в Восточную Сибирь» [4].

---

[1] ЦГАОР, ф. 39624, оп. 1, д. 165, л. 8—9 и об.

[2] Там же, л. 10 и об. Следует отметить, что документы составлены чехами и звучат в стилистическом отношении не совсем «по-русски».

[3] Там же, л. 10 об.

[4] Там же, л. 3—4.

Крепко запомнились и вошли в жизнь этих полковников впечатления от встреч с партизанами на дорогах войны. По существу суду белогвардейцам следовало бы предать за бездарность и генералов Печенкина, Шишкина, Тимонова, да и таких «столпов» контрреволюции, как Ханжин, Дутов, Шокоров и Чечек!

По мере того, как партизанская армия уходила на север от Уфы, в этом губернском центре и прилегающих к нему населенных пунктах паника угасала. Но в начале сентября, в связи с выходом партизанского соединения на правый берег Уфы, одержанными им блистательными победами, беспомощностью разбитых белогвардейских отрядов возникла и стремительно нарастала паника в старинном городке Бирске и на всем севере Уфимской губернии. Она охватила все буржуазные, кулацкие слои населения, военные круги. По распоряжению Уфимского штаба, способствовавшего своими действиями новой волне паники, из Бирска и крупных сел вывозилась телеграфная аппаратура, военное имущество.

Наблюдалось массовое бегство зажиточных горожан из Бирска. Были срочно направлены в Уфу 60 политзаключенных местной тюрьмы (среди них велась подпольная работа, через одного из надзирателей была налажена переписка, доставлялись газеты). Заключенные наблюдали, как буржуа — мужчины и женщины, молодые и старые, с детьми буквально убегали из Бирска на лошадях и пешком, прихватив с собой самое необходимое или совершенно без чемоданов и узлов. Это зрелище у наблюдавших его политзаключенных, трудящихся бирян вызывало колкие реплики вслед убегающим, чувство радости по поводу успехов партизан [1].

Систематическое запугивание населения, сопровождаемое невероятными клеветническими вымыслами о жестокости «банд Блюхера» приводило к противоположным от желаемых белогвардейскими властями результатам: смертельно напуганными оказались буржуа и сами гражданские и военные власти. Но партизаны не намеревались двигаться на Бирск и брать его. В этом не было никакой необходимости.

Непременной, непоколебимой целью был скорейший выход к Красной Армии и соединение с ней. Путь же к ней с этого момента, наконец, был открыт. Встреча была близка.

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 107, л. 4, 13—15.

Глава восьмая

ВСТРЕЧА С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

1. Ни с чем не сравнимая радость встречи

Последняя из крупнейших, полная и подлинно решающая победа партизанской армии над белогвардейскими полчищами на берегах Уфимки, очевидное плачевное состояние их остатков, признаки сильнейшей паники в стане врага вообще, близость фронта давали Главному штабу основание полагать, что все главные трудности позади. Думы и чаяния бойцов и командиров славных партизанских частей, как никогда прежде, были заняты предстоящей встречей с родной Красной Армией. Во время однодневного отдыха 4 сентября крайняя усталость от беспрерывных боев в предшествующие дни была снята.

Стараниями партизанских поваров и крестьянских семей бойцы были накормлены сытным горячим обедом. Сбросив усталость, партизаны стремились привести свою одежду в лучший, по возможности, вид, хотя это и было почти на грани невезможного: обносились все исключительно сильно. Многие успели помыться, попариться в бане. Приведено было в порядок оружие, военное снаряжение. Командованием суммировались полученные разнообразные, но во многом и противоречивые сведения о местонахождении линии фронта и положении на нем. Одно было ясно, что фронт пролегает севернее, в каком-нибудь недельном боевом переходе.

Утром 5 сентября партизанская армия вновь пришла в движение, снялась с правобережья Уфы, стала выходить на Бирский тракт и двинулась на север, к Мишкино[1]. Начался заключителный этап рейда.

Сводный Уральский отряд продвигался на север большими переходами — по 30—40 километров в сутки. Столкновения с противником происходили редко. Но отряды двигались, как и прежде, с максимальными мерами предупреждения внезапного удара врага. 7 сентября Блюхер довел до сведения командования отрядов, полков и отдельных под-

[1] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 424, л. 31; Легендарный рейд, с. 174—175.

разделений разработанную им систему боевого охранения в походе и на месте. «Вменяю в неукоснительную обязанность всех начальников, — писал он, — при походных движениях и в тылу своих войск, охранять себя со всех сторон» [1].

В числе других важных заповедей для партизанских командиров были даны и такие: «При походном движении роты или сотни высылаются только дозоры, при движении целого отряда высылаются авангарды, выделяющие от себя походные заставы, а от них дозоры. Походное охранение держится от походной колонны на таком расстоянии, чтобы походная колонна при появлении противника успела развернуть боевой порядок. Походное охранение не должно терять связи с походной колонной, поддерживая таковую с помощью цепочки» [2]. Далее Блюхером давались указания о необходимых мерах при приближении отрядов к населенным пунктам и выяснения — нет ли в них противника, о сторожевом охранении на месте, стоянке, назначении дежурной части, о переходе от сторожевого охранения к походному и т. д.

Отряды на протяжении всего отрезка пути от Надеждино до района Кунгура строго руководствовались этими правилами, в результате чего им удалось избежать досадных ошибок, которые имели место в районе трехречья. Порядок движения партизанской армии был следующий. В авангарде шел Троицкий отряд. За ним следовали Уральский отряд, полки В. Данберга и М. Калмыкова. Арьергард составляли части Верхнеуральского отряда. Богоявленский и Архангельский полки часто двигались проселочными дорогами и обязаны были организовать боковое охранение всего партизанского соединения [3]. В центре двигались обозы, лазареты, Главный штаб. Беженцы передвигались по особо указанным дорогам, чаще по боковым и проселочным.

Сначала у командования партизанским соединением не было твердого мнения — какое же именно направление выхода к линии фронта избрать теперь, когда он уже близко. Два дня двигались по тракту к Бирску. В это время Главный штаб усиленно собирал дополнительные сведения о положении на различных участках фронта. 7 сентября движение отрядов было частично приостановлено «до выяснения группировки сил противника и получения точных сведений о наших войсках, оперирующих в районе р. Танып

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 75.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 75—89; д. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 71—74.

и других точно невыясненных пунктах Бирского уезда»[1]. Более обстоятельная информация была получена о действиях советских войск в районе Таныпа.

В этот день вечером в дер. Емашево, где находился Главный штаб, состоялось совещание командующих отрядами, которое избрало направление к Таныпу[2]. В приказе главкома указывалось, что части пойдут на «сближение с группой войск Красной Армии, действующих в районе р. Танып»[3]. Путь в этот район был значительно короче и первоначально представлялся более выгодным. 8 сентября партизанский авангард — Верхнеуральский отряд заняли дер. Мишкино, Сосновка, Верхне-Сорокино, Чебыково, выдвинув разведку на Ново-Троицкое, Ново-Азаматово, Старо-Акбулатово и далее по тракту на дер. Уржумовку, в сторону Таныпа[4]. Но к этому времени выяснилось, что избранным путем дойти до фронта будет крайне трудно из-за бездорожья.

В. К. Блюхер принимает решение двинуть Сводный Уральский отряд на северо-восток, к Аскино. «Сегодняшний переход в указанный район, — отмечал он, — показал, что избранное нами направление к реке Танып имеет мало дорог; дороги в плохом состоянии и можно предвидеть еще большее их ухудшение вследствие наступающего осеннего времени»[5].

Но изменение направления выхода к фронту объяснялось и другими причинами. В новом направлении — на Аскино — Красноуфимск имелась не только неплохая трактовая дорога, но и телеграфно-телефонная линия, которой можно было пользоваться для связи между отрядами. Главный штаб располагал сведениями, что в районе Аскино силы белых невелики. В. К. Блюхер надеялся, что в Красноуфимске (о захвате его в те дни белыми он не знал), расположенном на железной дороге, можно будет быстро получить все необходимое для продолжения борьбы. 9 сентября части Сводного Уральского отряда двинулись на Явгильдино. Дневные переходы вновь увеличились.

На протяжении двухсоткилометрового пути крупных боев не было. Происходили, как правило, лишь мелкие стычки, «вылавливание» и пленение «зазевавшихся», не успевших бежать с партизанского пути отдельных небольших подразделений врага. Вскоре после выхода партизан

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 75.
[2] Там же, ф. 1346, оп. 2, д. 14-а, л. 72.
[3] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 81.
[4] Там же, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 52 об.
[5] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 81.

из района Надеждино одним из полков было получено сообщение, что недалеко находится полевой штаб отряда противника. Его удалось в полном составе захватить. Партизанская группа после допроса пленных выяснила, что поблизости находится большой обоз с патронами. По требованию партизан начальником штаба был вызван обоз, и он по прибытии без боя был захвачен [1].

В районе дер. Осиновый Ключ, Языково и Суслово, на берегу реки Бирь между партизанскими разъездами и отрядами белых завязалась перестрелка. По данным разведки и местных жителей, высоты в районе дер. Круткино и Осиновка занимал противник силами не менее полка пехоты и двух сотен кавалерии. Но этими силами предпринять какие-то активные действия против партизан белогвардейцы не решались. Произошла лишь кратковременная перестрелка. Однако трусливое поведение белогвардейцам не помешало при удалении их из поля зрения партизанских разъездов, отправившихся догонять свои колонны, донести, что будто они, «войдя красным во фланг у дер. Осиновка, отбросили их и заняли дер. Емашево» [2].

Впереди других стал продвигаться Троицкий отряд. Части Верхнеуральского отряда, двигавшиеся ранее впереди, вступили в башкирское село Явгильдино, сменили здесь главные силы соединения и стали арьергардными. Село находилось на развилке трактовых дорог. От Бирско-Кунгурской дороги на север, к Аскино, отпочковывался тракт на восток, к Уфимке. По прибытии в Явгильдино бойцами Белорецкого полка стала исправляться телефонная линия в аскинском направлении, куда уже двинулись Троицкий и Уральский отряды и Главный штаб [3]. В одном из пунктов приказа командующего Верхнеуральским отрядом, изданного в Явгильдино, было объявлено о зачислении в Белорецкий пехотный полк 50 добровольцев-башкир [4]. Вероятно, это были явгильдинцы и жители близлежащих деревень. Верхнеуральцам и именно в этом районе довелось провести последний значительный бой. И. Д. Каширин и С. П. Галунов из Явгильдино выслали 3 сотни верхнеуральцев (вместо 2-х, предусматривавшихся вначале) во главе с Ф. А. Вандышевым на Шафеев перевоз, к реке Уфе. По пути туда, в с. Байки, кавалеристы должны были осмотреть

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 379, л. 81—82.
[2] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 31, л. 166; ф. 1447, оп. 1, д. 37, л. 153.
[3] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 58 об.
[4] Там же, л. 59.

почтово-телеграфную станцию, корреспонденцию забрать, а аппаратуру уничтожить [1].

В Байках был обнаружен отряд белых около 200 человек [2]. Красные казаки, несколько дней не сталкивавшиеся с противником, частью сил дружно ударили по отряду белых. Те бросились в бегство к Шафеевскому перевозу, яростно нахлестывая лошадей. Вандышевцы их преследовали, нанося большой урон. В районе дер. Усть-Багазы (у Шафеева перевоза) партизаны уничтожили все переправочные средства, в том числе и захваченный ими паром. Сотни Верхнеуральского кавалерийского полка вели разведку вдоль правого берега Уфы, вплоть до деревень Сулейманово, Айдос и Бердяш (Бердяшевский перевоз). Специально выделенные конные группы в течение нескольких суток наблюдали за районами возможной переправы противника с левого берега. У Шафеева перевоза 12 сентября имела место перестрелка. Враг нигде не был в состоянии переправиться.

Штаб Верхнеуральского отряда 10—14 сентября значительные, преимущественно кавалерийские силы размещал близ Уфы с разъездами на ее берегах. Лишь 14 сентября утром по приказу главкома Верхнеуральский отряд, прикрываемый Белорецкой кавалерийской сотней, двинулся на север и к вечеру разместился главными силами в Королево и частично (кавалерия) — в Аскино [3].

10-го же сентября, когда Верхнеуральский отряд занял Явгильдино и его район, а авангард партизанской армии двинулся к Аскино, но еще не достиг его, важную роль в определении плана последующих действий сыграли совершенно точные данные о расположении советских войск, линии фронта, полученные кавалеристами Вандышева в Байках и срочно переданные в Главный штаб. Телеграфные ленты свидетельствовали о только что состоявшихся переговорах белых о том, что в Казанчинской и Тюинской волос-

---

[1] ЦГАСА, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 58, 60 и об.; ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 77—78, 81, 83, Данные о том — две или три сотни было послано в Байки — в источниках разноречивы.

[2] Численность этого отряда авторами исторических работ и воспоминаний преувеличивается. Например, С. П. Галунов (см.: В борьбе за власть Советов, с. 186), называет цифру «400». Кроме того, он ошибочно относит эти события к 6 сентября, тогда как в это время Верхнеуральский отряд был еще далеко на юге — в Нолинском и Изяке (см.: ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 75). Бой в Байках произошел 10-го сентября, вражеский отряд составлял около 200 человек. Об этом говорится в приказах как И. Д. Каширина, так и В. К. Блюхера (см.: ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 83; ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 155—156; Гражданская война на Южном Урале, с. 134—136).

[3] ЦГАОР, ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 56—61.

тях, примыкающих к Аскинской, могут встретиться красноармейские части, а население этих волостей настроено в пользу Советской власти [1]. В Байках же были найдены большие запасы керосина — 3.000 пудов, подавляющую часть которых верхнеуральцы передали крестьянской бедноте, остальное взяли с собой для передачи Красной Армии [2].

В тот день, когда верхнеуральцы проводили последний бой перед выходом к фронту, партизанский авангард — Троицкий отряд подошел к большому селу Аскино на севере Бирского уезда [3]. В этом селе до того находился крупный белогвардейский штаб. К 11 сентября он эвакуировался на д. Сейтяково [4]. Здесь оставалась лишь небольшая группа штабных чинов.

В. К. Блюхер приказал Н. Д. Томину вступить в Аскино. Утром 11 сентября Троицкий отряд вошел в Аскино и занял его северную часть. В центр села на разведку была послана сотня разинцев и квартирьеры. Как только они появились на центральной улице, из здания штаба выскочило десятка два белогвардейцев. Сбивая друг друга с ног, они бросились к оседланным коням. Но далеко не всем удалось ускакать от разинцев. Часть белогвардейцев разбежалась по селу, прячась за домами, сараями. Оказавшие сопротивление были зарублены, остальные взяты в плен. В Аскино к вечеру прибыл и Главный штаб. 11 сентября части Сводного Уральского отряда находились в следующих мес-

---

[1] ЦГАСА, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 84; ф. 3578, оп. 1, д. 4, л. 56.

[2] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 156—157; Уральский рабочий, 1918, 4 окт.; Гражданская война на Южном Урале, с. 134—136. В книге «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» (с. 207) борьба партизан в районах Красной Горки, в Байках и у Шафеева перевоза совершенно искажается. Бой в селе Байки рассматривается как продолжение боя в районе Красной Горки, что будто бы он разгорелся тогда, когда еще не вся партизанская армия переправилась на правый берег Уфы. В действительности Байки лишь по прямой находятся в 100 километрах от Красной Горки. Бой в этом селе произошел, как отмечалось выше, через неделю после окончания сражения на берегах Уфы, у Красной Горки. Никакой «ударной группировки», по выражению авторов книги, для «взятия реванша» в Байках у белых не было. Близ Байков, у Шафеева перевоза, моста через Уфу, о взрыве которого упоминают авторы, никогда не существовало. Ко всему прочему нужно заметить, что село Байки стоит не на реке Уфа, а примерно в 5 километрах от ее берега. Авторы книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» не критически использовали воспоминания С. П. Галунова, усугубив его ошибки, они пытались без изучения карты соединить два боя в различных, очень далеко отстоящих друг от друга районах, в один. Авторы книги называют ту же ошибочную дату боя в Байках «6 сентября», что и С. П. Галунов.

[3] Там же, ф. 7141, оп. 1, д. 1, л. 84.

[4] ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 37, л. 319.

тах: Троицкий отряд в Аскино, Уральский — в Королево и Евбуляке, Богоявленский и Архангельский — в Артакуле и Рефендах, Верхнеуральский, как уже отмечалось, — в Явгильдино, Байках и других населенных пунктах [1].

На другой день — 12 сентября была дневка. Войска оставались на занимаемых позициях и отдыхали. Она была вызвана не столько необходимостью передышки после 200-километрового пути, проделанного в течение недели, сколько необходимостью уточнения местонахождения линии фронта и установления непосредственной связи с частями Красной Армии. «Кроме сего остановка отрядов на местах, — указывал Блюхер, — необходима еще для того, чтобы население впереди лежащих пунктов успело получить сведения о движении наших отрядов, не приняв их за «белых» и не начав разбегаться, как это наблюдалось в последних пунктах» [2].

После форсирования Уфы партизанам пришлось еще чаще, чем прежде, встречаться с таким явлением: входит отряд в село, а в нем никого, кроме стариков, нет, — население попряталось в близлежащих лесах. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что отряды партизанской армии, неожиданно появляющиеся у селений, крестьяне принимали за белогвардейские части, обиравшие их до нитки, а с другой — воздействием клеветнической пропаганды местных властей, кулаков о приближении с юга какой-то огромной массы бандитов, грабящих, истязающих население.

Все разрешалось просто, если крестьяне той или иной деревни избегали встречи с белыми: они возвращались сами, как только через своих односельчан получали весть, что это красные партизаны. Они тут же возвращались радостные, возбужденные, упрашивали партизан не покидать их и оказать помощь в борьбе против распоясавшихся богатеев и восстановлении Советской власти. Было несколько случаев, когда партизаны встречали на своем пути коммунистов, которых в селах застали кулацко-белогвардейские восстания летом 1918 г. Они вынуждены были скрываться, проживать полулегально. Но, несмотря на угрозу ареста и расстрела, они продолжали выполнять свои задачи как коммунисты, вели революционную работу среди трудящихся крестьян, создавали подпольные группы из сочувствующих большевистской партии односельчан.

Так, в дер. Королево Аскинской волости работала подпольная группа под руководством бывшего солдата царской армии Василия Филатовича Зуева. Он возглавлял револю-

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 156—157.
[2] Там же, л. 157.

ционную «Солдатскую организацию» [1], созданную для борьбы за установление Советской власти и социалистические преобразования еще зимой 1917—1918 г. В нее входили представители Явбуляка и других деревень. В Королево, в отличие от волостного центра — Аскино, где было сильным влияние эсеров, многочисленной купеческо-кулацкой прослойки, практически безраздельным влиянием пользовались большевики (в этой деревне родился замечателный революционер, член РСДРП с 1898 г. И. С. Якутов).

Многие члены организации, в том числе В. Ф. Зуев, Ф. Н. Плотников, И. Г. Борисов — также бывшие фронтовики мировой войны, участвовали в установлении и защите в составе отряда Шарохова Советской власти, подавлении кулацко-эсеровских мятежей на севере Бирского уезда весной и летом 1918 г. В Королевскую солдатскую организацию, кроме названных лиц, входили коммунисты и сочувствующие партии: П. Борисов, С. Гареев, Д. И. Лузин, Г. С. Марков, П. В. Чечуров, Л. А. Щукин и др.

Многим подпольщикам приходилось жить нелегально или полулегально, скрываться в лесах, особенно по ночам, когда на деревню совершались налеты карательных отрядов. Встречаясь, члены организации обсуждали политические вопросы. Они агитировали крестьян уклоняться от мобилизации, уплаты налогов, поставки белогвардейцам подвод и т. д. Члены организации поднимали перед руководителями вопрос о том, что им необходимо попытаться перейти линию фронта и вступить в Красную Армию. Но в первых числах сентября организация узнала о том, что из района Уфы на север пробивается мощное партизанское соединение.

Подпольщики усилили агитацию среди крестьян, с нетерпением ожидая прибытия партизан. Когда в Королево вступил партизанский авангард — Троицкий отряд, он был встречен крестьянами с огромной радостью, тепло и сердечно. Было созвано собрание крестьян. Представитель отряда разъяснил цели и задачи Коммунистической партии, Красной Армии, борющихся за интересы трудового народа. Все члены солдатской организации и многие другие крестьяне, всего несколько десятков человек, вступили в партизанскую армию. Они были зачислены в 17-й Уральский, 1-й Уральский, Верхнеуральский стрелковые полки и другие

---

[1] «Солдатские организации в период Октябрьской революции создавались во многих селах и деревнях Урала и Сибири. Вбирая в свой состав членов большевистской организации и беспартийных, бывших фронтовиков, наиболее политически активную часть крестьян, они сыграли заметную роль в борьбе за власть Советов.

части. Бывшие подпольщики стали храбрыми бойцами — блюхеровцами. Некоторые из них стали командирами. В частности, Ф. Н. Плотников закончил войну командиром батальона. В обоз со своими подводами вступили пожилые королевцы: Н. С. Плотников, Н. Трапезников и др. [1]

В партизанскую армию вступали группы крестьян, не связанных с подпольной организацией, но также с большим ликованием встретивших блюхеровцев. Сложней было положение в тех селах и деревнях, где в отсутствии большевистского подполья, при сильном влиянии кулаков, белогвардейцы запугали крестьян. Но в результате разъяснительной работы с теми крестьянами, которые оставались в селах, скрывшееся было население начинало стекаться. Завязывались задушевные беседы, подчас возникали митинги всего населения деревни, на которых выступали коммунисты и беспартийные партизаны.

Особенно безлюдным было село Аскино (если не считать группы белогвардейцев). В лес убежали все жители: и малые, и старые. Единственным, кого увидели блюхеровцы на улице, был старик лет 75. Его убедили в том, что партизанская армия отстаивает интересы трудящихся и никаких насилий над мирным населением она не чинит. Старик отправился в лес и рассказал жителям об этом, высказав свою уверенность, что слухи, распространявшиеся белыми, являются грязной ложью. Вскоре в село из леса потянулись вереницей сначала старики и дети, а затем и все остальные. Был созван митинг, на котором были разъяснены справедливые задачи Коммунистической партии, Красной Армии и, наоборот, грабительские цели белогвардейцев, кулаков, купцов и других кровопийцев народа. На митинге выступали и местные жители. Они откровенно рассказывали, как запугивали их белогвардейцы красными, клеветали на них. Говорили они и об усиливавшихся с каждым днем поборах, о засилии кулаков и местного купечества [2].

Жители Аскино дали ценные дополнительные сведения о районе действия советских войск. Все говорило о том, что получаемая прежде информация была в целом правильной: красноармейские части действовали севернее Аскино, в Казанчинской и Тюинской волостях, а возможно, в непосредственной близости от Аскино.

Находясь поблизости от фронта, Троицкий отряд сразу же выделил разведку в несколько пунктов к северу от Ас-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1293, оп. 1, д. 546, л. 348; ф. 1346, оп. 2, д. 317, ч. 1, л. 99, 304; ЦГА БАССР, ф. 723, оп. 1, д. 83, л. 1—5; ГАПО, ф. 178, оп. 2, д. 411, л. 1—5.

[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 83, л. 37.

кино. Главный штаб принимает решение не медля, на следующий же день 12 сентября установить связь с Красной Армией. В приказе главкома указывалось, что должны быть высланы две сотни — одна в Казанчи, другая в Тюйное Озеро. «Задача указанных сотен выяснить местонахождение отрядов Красной Армии и, если представится возможность, то и установить с ними связь»[1]. Сотне, направленной для выступления в Тюйное Озеро, предписывалось «выступить с рассветом»[2].

Выполнение задачи установить связь с Красной Армией по тракту на Тюйное Озеро поручается 4-й сотне полка им. Степана Разина. Ее в качестве представителя главнокомандующего Сводным Уральским отрядом должен был возглавить помощник начальника штаба Троицкого отряда Виктор Сергеевич Русяев. Вечером 11 сентября его пригласили в Главный штаб и подробно проинструктировали о проведении операции.

В. К .Блюхер предупредил Русяева о том, что появление партизан может быть полной неожиданностью для красноармейских частей и не исключено, что те встретят сотню разинцев огнем. И тем не менее нужно было действовать так, чтобы избежать кровопролития, никоим образом не открывать ответного огня по своим, всячески добиваясь встречи с ними и завязки переговоров. В это же время не исключено было и столкновение с белогвардейской частью, отсюда следовало быстро сориентироваться, разобраться в том, кто встретился с партизанами: свои или враг и принять соответствующие меры.

Чтобы убедить красноармейцев в том, что перед ними не белогвардейцы, а партизаны, прорвавшиеся через линию фронта, сотне были переданы почти все красные знамена отрядов, к груди бойцов были прикреплены большие красные банты. В. С. Русяеву за подписью главкома был выдан документ, удостоверяющий, что он действительно является представителем штаба Сводного Уральского отряда и уполномочен установить связь с Красной Армией.

Обстановка для встречи с советскими войсками в районе Аскино была благоприятной. На этом участке сплошного белогвардейского фронта не было. В некоторых деревнях имелись небольшие подразделения. По тракту к северу от Аскино 11—12 сентября не было и таковых. Из Уфы белогвардейцами были заблаговременно получены сведения о

---

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 157.

[2] Там же. В приказе указывалось, что сотню должен был возглавить М. Д. Голубых. Но после издания приказа этот пункт был пересмотрен и во главе сотни поставлен В. С. Русяев.

продвижении по Бирскому тракту «красных». Белогвардейцы спешили оттянуть свои отряды из угрожаемого района. Советскому командованию, в частности командиру 1-й Бирской бригады Деткину Павлу Ивановичу и командиру 1-го Бирского Советского полка Федору Кузьмичу Воробьеву, части и подразделения которых занимали боевые позиции на данном участке фронта, об этом было известно.

Как вспоминал П. И. Деткин, он получил сведения о продвижении со стороны Бирска по тракту на Кунгур «несметных полчищ казаков, числом тысяч до 40». Не будучи уверенным, что это красные войска, он запросил по прямому проводу штаб 3-й армии. Ему ответили, что если среди командиров этих войск есть Блюхер, Каширин и Туманов, то они являются советскими [1].

Кто-то из фронтовых командиров (вероятно, Бирской же бригады, возможно сам П. И. Деткин) через некоторое время в штаб 3-й армии телеграфировал, что «по тракту через село Аскино ... идут советские отряды из Троицка и Верхне-Уральска и командующим которых состоит тов. Блюхер» [2].

В самый последний момент командиру полка Ф. К. Воробьеву было сообщено и из штаба Левой группы войск 3-й армии о наличии во вражеском тылу партизанских частей. В этот штаб из-за линии фронта была доставлена записка от штаба 1-го Уральского стрелкового полка с его печатью от 6 сентября, подписанная адъютантом А. Я. Бортовским (так как Бортовский поставил подпись лишь с указанием первых букв фамилии, неразборчиво, то она была прочтена как «Борисов»). В записке сообщалось, что в районе Емашево находятся советские части, и излагалась просьба к командованию частей Красной Армии установить с ними связь.

Записка с фронта в штаб Левой группы войск была доставлена в штаб не самим лицом, доставившим ее, а по обычным служебным военным инстанциям, поэтому подробности о войсках в Емашево и его районе не стали пока известными советскому командованию. Командование группы сделало вывод, что там имеется лишь один Уральский полк. 9 сентября об этом было сообщено в штаб 3-й армии. Начальник группы С. С. Шванский запрашивал: «Сообщите, есть ли такой полк и где он находился, возможно ли появление полка в этом районе?» [3]. Далее в донесении указывалось: «А по частным сведениям бежавших пленных

---

[1] Под красным знаменем. Сб. воспоминаний. Пермь, 1957, с. 297.
[2] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 526, л. 153—154.
[3] Там же, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 37.

из Бирска и Аскино, там паника. Все уезжают. Предполагаю, что панику эту делает вновь появившийся полк, но в то же время приходится бояться провокации».

На другой день штабом группы войск были получены дополнительные сведения о партизанах и панике в тылу белогвардейского фронта, о том, что «белогвардейцы из Бирска бегут» и они «очистили село Аскино» [1]. Агентура подтвердила наличие во вражеском тылу партизан, которые имеют «артиллерию и множество пулеметов». Левая группа войск не имела для установления связи свободной конницы. И все же по указанию командования навстречу партизанам решено было бросить подразделение кавалеристов и двинуть стрелковые части.

Командир 1-го Бирского полка вечером 11 сентября командиру конного эскадрона 1-й Бирской бригады приказал: «По распоряжению Левой группой войск... приказываю Вам немедленно с получением сего в полном составе летучего отряда двинуться на село Емашево Уфимского уезда, что в 25 верстах от гор. Бирска на реке Бире и завязать связь с 1 Уральским стрелковым полком, находящимся по проверенным агентурным сведениям в селе Емашевка, разбивая по дороге белые банды, если таковые встретятся. По соединении с 1-м Уральским стрелковым полком немедленно дать точный отчет об исполнении возложенной на Вас боевой задачи в штаб 1-го Бирского пехотного Советского полка и в штаб бригады» [2].

Задача продвижения на юг с целью соединения с уральцами была поставлена перед всеми ротами 1-го Бирского полка. Командиру 6-й роты, находящейся несколько севернее дер. Тюйное Озеро, что примерно в 22-х километрах по тракту севернее Аскино, было приказано «повести наступление в направлении Тюйно-Озерск — А́скин — Артакуль и, если окажется возможным, занять село Аскин, оставив полувзвод боевиков в Тюйно-Озерске и выставив в обеспечение левого фланга от возможных случайностей заставу в селении Верхне-Урминском» [3].

Как видно, командование Советских войск совершенно определенно знало о существовании и действиях партизан в районах Башкирии [4]. Однако эти сведения были неполными. Они не отражали и перемещения войск В. К. Блюхера после 6 сентября. Утром 12 сентября 6-я рота 1-го Бирского

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 40.
[2] Там же, ф. 3464, оп. 1, д. 10, л. 5.
[3] Там же, ф. 3464, оп. 1, д. 10, л. 8.
[4] В литературе до настоящего времени высказывается обратная точка зрения.

полка двинулась в наступление. Ею было занято Тюйное Озеро. Часть роты двинулась дальше в направлении на Аскино, принимая меры осторожности.

В этот же день ранним утром из Аскино в северном направлении двинулись и разинцы во главе с В. С. Русяевым. Они не знали, что от Красной Армии их отделяют всего лишь два десятка километров, опасались столкновения с белогвардейцами. Но настроение бойцов было исключительно приподнятым, да и внешний вид сотни, расцвеченной красными знаменами и флажками на пиках, бантами на груди каждого бойца, был похож на яркую, праздничную колонну. Впереди и по бокам сотни ехали небольшие дозоры для предупреждения о появлении противника или красноармейцев. Проехали одну за другой несколько деревень. Позади осталось почти 20 километров. Никого встретить не удалось. Чувство нетерпеливого ожидания все сильней охватывало бойцов.

Но вот в районе дер. Малое Гордино (Поляковка) передовой дозор обнаружил, что впереди имеется какое-то подразделение, но чье: белых или красных — неизвестно. Не доезжая с километр до позиций неизвестных солдат, сотня остановилась. Вперед были высланы два бойца с белым флагом в качестве парламентеров. Но последние были обстреляны, один из кавалеристов получил ранение в ногу. Ответ на вопрос: кто находится впереди, получен не был.

Принимается решение: атаковать неизвестное подразделение, но до полного выяснения, что это белые, ни одного выстрела не производить, не применять и холодного оружия. В итоге, если это окажутся красноармейцы, нужно было захватить хотя бы одного из них и через него вступить в переговоры с другими.

Сотня развернулась и пошла в атаку. Она встречена была ружейным и пулеметным огнем, но пули, к счастью, не задевали никого. Красные конники, маневрируя, стали полукольцом охватывать позиции неизвестных солдат. Последние, сев на подводы и нахлестывая лошадей, бросились отступать. Ворвавшись в ближайшую деревню, партизаны узнали от местных жителей, что отступающие — это взвод красноармейцев [1].

---

[1] В воспоминаниях и исторической литературе дата встречи блюхеровцев с частями Красной Армии называется самая различная. С. П. Галунов (см.: В борьбе за власть Советов, с. 186), авторы книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» (с. 207) называют 13-е, А. Шмаков (см.: *Шмаков А.* В. К. Блюхер на Урале, Урал, 1958, № 5, с. 144) — 14. Это же число значится в воспоминаниях В. А. Зубова (см.: В боях и походах, с. 203), в статье *В. Е. Бузунова* «Разгром иностранной военной интервенции и колчаковщины на Урале» (см.:

Конная группа в 10—15 человек на лучших конях во главе с Русяевым и командиром сотни Чуриковым немедля помчалась в погоню за красноармейцами. Их удалось настигнуть и окружить близ дер. Тюйное Озеро. Начались переговоры между Русяевым и командиром красноармейцев. Несмотря на предупреждение 6-й роты о неизбежности и необходимости встречи с партизанами (1-м Уральским полком), красноармейцам не верилось, что со стороны Аскино прибыли свои. По-видимому, на их отношении к случившемуся сказалось то, что, по сведениям, Уральский полк должен был находиться в тот момент по меньшей мере в 100 километрах южнее линии фронта.

Излишне осторожный командир, долго принимавший наличие у партизан красных знамен, бантов и их отказ от применения боевого оружия, за какую-то уловку белогвардейцев, после просмотра удостоверения, выданного В. К. Блюхером, наконец, согласился доставить В. С. Русяева к своему вышестоящему начальнику в Тюйное Озеро. Сотня, прискакавшая к этому времени к месту первой встречи партизан с красноармейцами, была на время оставлена вне Тюйного Озера, чтобы не осложнять встречу и переговоры. Позднее разинцев вызвали в эту деревню. Выслушав объяснения Русяева, командир вызвал по телефону Ф. К. Воробьева, находившегося в дер. Тауш. Тот посоветовал проехать на станцию Агарзя, к командиру 1-й Бирской бригады П. И. Деткину.

В. С. Русяев командиру 1-го Бирского Советского полка Ф. К. Воробьеву написал также записку. Вот ее содержание: «Командиру 1-го Бирского Советского полка, из Тюйно-Озерского. Довожу до вашего сведения, что по тракту через село Аскино идут советские отряды, состоящие из Троицкого, Верхнеуральского, Богоявленского, Архангельского и Уральского отрядов. Главкомом всех отрядов является Василий Константинович Блюхер, в мае посланный под Оренбург с Уральским полком. Предлагаю вам установить с нами телефонную связь, для чего исправьте на всем протяжении телефонную линию. Если это не удастся, то установите живую связь. Сообщите, имеете ли связь с центром и можно ли переговорить по телефону и откуда?

Социалистическое строительство на Урале. Сборник. Свердловск, 1957, с. 19) и др. публикациях. В. К. Блюхер в одном воспоминании (см.: *Блюхер В. К.* Статьи и речи, с. 56). называл 12, а в другом (см.: Легендарный рейд, с. 31) — 13 сентября. В воспоминаниях В. С. Русяева (см.: Легендарный рейд, с. 142) и кн. *В. В. Душенькина* «От солдата до маршала», с. 58—59) называется 12 сентября. Последние авторы правы. Об этом свидетельствуют приказы главкома от 11 и 12 сентября (см.: ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 157—158) и др. документы.

О всем сообщите немедленно. Помощник начальника штаба Троицкого отряда Русяев»[1].

Записка была немедленно отправлена[2] и ее содержание в тот же день было доведено до штабов Бирской бригады, Левой группы войск 3-й армии. Таким образом, 12 сентября 1918 г. между Поляковкой (Малое Гордино) и Тюйным Озером Уральская партизанская армия установила связь с частями Красной Армии[3].

Учитывая факт установления связи с красноармейской частью, Русяев решил, что самому ехать в Агарзю нет необходимости, целесообразнее быстрей вернуться в Аскино и информировать главкома о результатах поездки. Оставив сотню полка Разина в Тюйном Озере, В. С. Русяев спешно возвращается в Аскино. В штаб партизанского соединения выехали и представители Советского полка. По отъезду Русяева поздно вечером в Тюйное в сопровождении адъютантов и комиссара 2-го Бирского полка приехал командир Бирской бригады П. И. Деткин, встретился там с разинцами и лично получил от них информацию о партизанском соединении[4].

В Главный штаб партизанской армии Русяев прибыл уже затемно. Его информация вызвала огромную и вполне понятную радость В. К. Блюхера и других партизанских командиров, всех бойцов. Наконец-то сбылась мечта о соединении с Красной Армией! В приказе, изданном В. К. Блюхером в тот же вечер, указывалось: «Красноармейские части (1-й Советский Бирский полк в районе дер. Тауш, передовые его части в дер. Мал. Гордина (6-я рота) и пос. Тисяк. С 6-й ротой Советского полка нами осуществлена связь»[5].

Ранним утром 13 сентября на Агарзю выехал сам Блюхер в сопровождении В. С. Русяева и М. Д. Голубых.

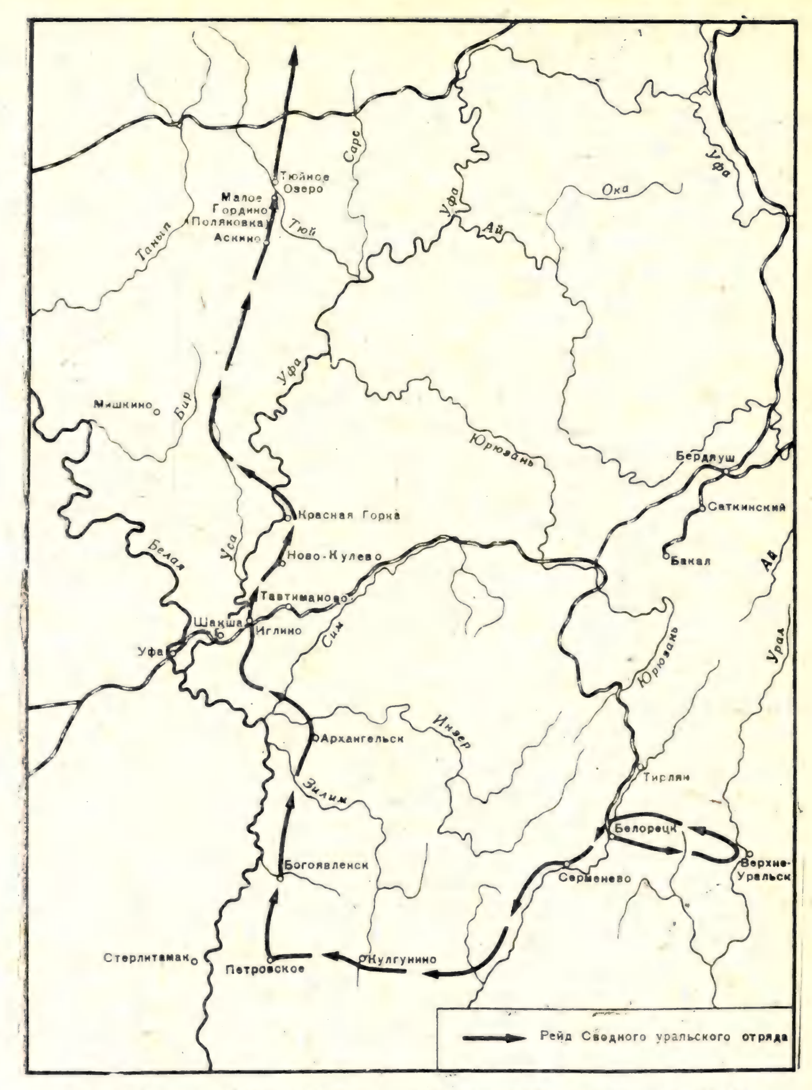
[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 90, л. 235, 236; д. 92, л. 58—59.

[2] В документе говорится, что записка была получена командиром 2-го Бирского полка. Вероятно, это описка, так как записка В. С. Русяева была адресована и послана командиру 1-го Бирского полка и встреча сотни разинцев произошла именно на участке полка Ф. К. Воробьева.

[3] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 158. Утвердившуюся в литературе версию, что столкновение между разинцами и красноармейцами произошло у дер. Тюйное Озеро, а переговоры между ними начались в какой-то более северной деревне, следует считать неточной. Документы говорят о другом: встреча произошла несколькими километрами южнее. Переговоры В. С. Русяев вел, находясь именно в Тюйном Озере. Об этом, в частности, свидетельствует составленный им документ (приводился нами выше).

[4] Там же, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 67, 73; Под Красным знаменем, с. 297—298.

[5] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 158.

РЕЙД СВОДНОГО УРАЛЬСКОГО ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ В. К. БЛЮХЕРА

В тот же день Сводный Уральский отряд двинулся на север. В течение 13 сентября Троицкий отряд вышел в дер. Алмаз, а Уральский — к Тюйному Озеру. На линию фронта вышли Богоявленский и Архангельский отряды. Верхнеуральцы в этот день сосредоточились в Аскино[1].

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 91, л. 158.

Блюхер и сопровождающие его работники штаба в Агарзе были тепло и радушно встречены П. И. Деткиным. От представителей 1-го Бирского полка, побывавших в Аскино, ему было уже известно, что войска Блюхера «уставшие, но прекрасно настроенные» и они многочисленны [1]. После переговоров В. К. Блюхера со штабом 3-й армии при штабе Бирской бригады было проведено совещание, на котором командиры решили бригаду и часть войск партизан развернуть в 5-ю Уральскую дивизию [2].

После этого задушевный разговор партизанского командарма и комбрига Красной Армии продолжался до глубокой ночи. Блюхера интересовало все, буквально каждая подробность боевых действий Красной Армии, положение Советской республики за последние 3 месяца. В свою очередь П. И. Деткин с восхищением слушал рассказ, подобный сказке, живой легенде о боевых действиях на протяжении ряда месяцев, о гигантском переходе уральских партизан по тылам врага. 13 сентября в разговоре начальника штаба 3-й армии М. И. Алафузо и начальника 4-й Уральской дивизии А. Л. Борчанинова говорилось о том, что «Блюхер ведет с собой двенадцать тысяч войска» и что в связи с этим дивизии, ставшей крайне истощенной, малолюдной, «нужно держаться хорошо». Делались прогнозы: удастся ли 3-й армии удержаться с этими новыми силами на занимаемом рубеже [3].

В разговоре с М. И. Алафузо С. С. Шванский отмечал, что войска Блюхера «уставшие, но прекрасно настроенные», что он 14 сентября отправит им «10000 литературы» и очень жалел, что «не захватил с собой табаку для отправки туда». Он сообщил, что, «по официальным данным», численность войск — «двенадцать тысяч» [4]. С этого времени телеграфные ленты изо дня в день заполняются сведениями об уральских партизанах.

Утром 14 сентября В. К. Блюхер отправил телеграмму из штаба Бирской бригады:

«Москва. Совнарком. Пермь, Областком, командующим армиями и всем, всем.

Приветствую Вас от имени южноуральских войск в составе Верхнеуральского, Белорецкого, 1-го Уральского, Архангельского, Богоявленского, 17-го Уральского стрелковых полков, 1-го Оренбургского казачьего Степана Разина,

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 67.
[2] Под Красным знаменем, с. 298.
[3] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 90, л. 318.
[4] Там же, д. 92, с. 67.

Верхнеуральского казачьего кавалерийских полков, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона. В вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Проделав беспримерный полутоъратысячный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией и тесном единении с нашими родными уральскими войсками и твердо верим, что недалек тот день, когда красное знамя социализма снова взовьется над Уралом»[1].

Через непродолжительное время, в тот же день, на имя В. К. Блюхера была получена приветственная телеграмма от командования 3-й Армии Восточного фронта. Затем по телеграфу состоялся теплый, наполненный радостью свершившегося события, разговор Василия Константиновича с главным политическим комиссаром 3-й Армии, секретарем Уралобкома партии Ф. И. Голощекиным. «Приветствую Вас, родной, — говорил Ф. Голощекин. — Весь пролетарский Урал сердечно радуется Вашему появлению». В ответ на просьбу Голощекина рассказать о себе, В. К. Блюхер очень лаконично и скромно сказал о походе и с гордостью добавил: «Мы явились к Вам сильные духом и боевым опытом...»[2].

Да, уральские партизаны были сильны духом. Все они были подлинными героями. Сравнительно немного было еще в истории молодой Советской республики таких проявлений массового героизма. Вся страна восхищалась героями-уральцами. В штаб В. К. Блюхера поступали новые приветствия. О блюхеровцах с восторгом и восхищением писали газеты. О героическом рейде заговорили всюду.

Подробная информация Уральским областным комитетом РКП(б) о Сводном Уральском отряде 20 сентября была направлена В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и И. И. Вацетису. В ней отмечалось: «...выдержав 20 жарких боев, прокладывая себе дорогу почти одними штыками и саблями, разбив противника под Уфой, прорвав его фронт по линии железной дороги..., наголову разбив польские легионы, части стерлитамакского гарнизона, 6-й чехословацкий полк, 6-й казачий полк, 1-й башкирский полк, 13-й и 14-й Уфимские полки[3], разбив, уничтожив, утопив их в р. Уфе, отняв у них имеющуюся артиллерию и пулеметы, они пришли к

---

[1] Легендарный рейд, с. 176—177.
[2] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 495, л. 65.
[3] Состав и наименование белогвардейских полков в документе дается не совсем точно и полно.

нам бодрые духом, чтобы совместно с нами вести борьбу за потерянные права трудового народа. Эта сухая передача фактов уже красноречиво говорит, что в лице товарища Блюхера, его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг. Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Областной Комитет Российской Коммунистической партии полагают, что эти легендарные герои революционной коммунистической войны должны занять среди наших войск первое место» [1].

В 20-х числах сентября уральскими партизанами во главе с В. К. Блюхером был получен приказ — приветствие от Реввоенсовета Советской республики и главнокомандующего Красной Армией. В нем говорилось: «Будучи отрезанным от родной революционной армии сплошной стеной вражеских войск, окруженные со всех сторон численно превосходившим вас врагом, вы, славные борцы за свободу, не смутились безвыходной тяжести своего положения. Смело взглянув в глаза смерти, вы несокрушимой стеной двинулись на врага, имея в сердце своем лишь одно решение: победить или умереть. И вы честно выполнили свой долг перед революционной Родиной... Под грохот орудий и трескотню пулеметов прошли вы ряды противника, сокрушив его в многочисленных сражениях, и невредимые примкнули свои ряды к рядам своих сражающихся братьев». И далее: «Ваши геройские подвиги не будут забыты свободной Родиной. Высший Военно-Революционный Совет Республики приносит вам, славные солдаты отряда Блюхера, и вашему бесстрашному командиру тов. Блюхеру горячую благодарность и выражает надежду, что скоро увидит вновь вас, оправившихся от тяжелых боев, в рядах своих революционных войск и вновь услышит о ваших великих подвигах» [2].

Получая все новые и новые сведения о героическом походе партизанских отрядов с Южного Урала к Кунгуру, Владимир Ильич Ленин, еще не оправившийся от ранения, горячо заинтересовался личностью Василия Константиновича. Он расспрашивал о Блюхере члена Уральского обкома партии А. П. Спунде и просил дать более точную информацию о деятельности Блюхера также и до партизанского рейда [3]. Выполняя эту просьбу, А. П. Спунде писал:

---

[1] Исторический архив, 1958, № 1, с. 83—84.

[2] Там же, с. 87.

[3] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 136.

«Дорогой Владимир Ильич! Посылаю Вам сведения о Блюхере, о котором мы сегодня с Вами говорили.

Участвовал почти все время в ликвидации дутовщины. Последний раз ушел из Челябинска против Дутова в начале мая при следующих условиях. В это время он лежал в лазарете, так как вскрылась рана, полученная на войне против немцев еще во время Керенского. В 8 часов утра были получены сведения о Дутове, к 10 утра Блюхер был уже в штабе для организации выступления... Был отрезан где-то в районе Оренбурга чехами. Сейчас, пробывши около 4-х месяцев в тылу у чехов, вышел к нам где-то около Бирска, увеличив значительно свои войска. При этом он не воспользовался ближайшей дорогой на Ташкент, а выбрал гораздо более трудную — на Урал, идя наперерез Самаро-Златоустовской железной дороге. Питался все время чешскими патронами и снарядами.

Товарищи, проведшие вместе с ним предпоследнюю дутовскую кампанию, утверждают, что буквально во всех случаях его стратегические планы на поверке оказывались абсолютно удачными... Поэтому Уральский областной комитет РКП (и, конечно, Советов тоже)... настаивают на том, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай... крепко жму руку и со всей искренностью желаю скорого выздоровления Ваш А. Спунде» [1].

Ознакомившись по данной справке и другим источникам информации с деятельностью В. К. Блюхера и героическим рейдом партизанского соединения, В. И. Ленин принял непосредственное участие в удовлетворении необычной просьбы уральцев. Вместе с тем он навсегда запомнил героическую эпопею на Урале, беззаветную преданность партизан коммунистическим идеалам, их невероятное мужество и организованность и приводил их в пример. Бывший начальник оперативного отдела Наркомвоена С. И. Аралов в воспоминаниях отмечал, что В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б), критикуя партизанщину, расхлябанность и выступая за крепкую регулярную армию, «привел в пример дисциплинированность, героизм В. К. Блюхера и В. И. Чапаева в Заволжье и Я. Ф. Фабрициуса на Северо-Западном фронте» [2].

Высшая награда в Советской республике уже была — только что утвержденный орден Красного Знамени. 30 сентября 1918 г. на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов обсуждался вопрос о

---

[1] Исторический архив, 1961, № 2, с. 196.
[2] См.: Незабываемое, с. 21.

награждении первой группы особо отличившихся воинов. И среди этой группы славных из славных члены ВЦИК решили особо выделить Василия Константиновича Блюхера и вручить ему орден Красного Знамени № 1. Блюхер стал первым кавалером первого советского ордена.

«...Переход войск тов. Блюхера в невозможных условиях, — отмечалось на заседании ВЦИКа, — может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии» [1].

Эта награда была достойным признанием не только большого личного подвига Блюхера, но и героизма всех участников рейда. Позднее, 14 октября 1919 г., такой же награды был удостоен Н. Д. Каширин. За подвиги во время партизанского похода и в составе Красной Армии такой же награды, а также именного оружия, серебряных часов и т. д., были удостоены многие командиры и бойцы.

Награде В. К. Блюхера искренне радовались все участники героического рейда, гордились своим бывшим главкомом, воспринимали ее и как высокую оценку партией, революцией подвига всех бойцов и командиров партизанской армии. В приветствии В. К. Блюхеру красноармейцев 2-й бригады 4-й Уральской дивизии (бывший Верхнеуральский отряд) от 9 октября 1918 г. говорилось: «Мы... шлем поздравление и привет первому из нашей среды и из среды всей нашей Красной Армии, получившему орден «Красного Знамени» товарищу Блюхеру и самый факт увековечения Вашего имени на страницах Российской революции считаем увековечением нашей общей работы на алтарь свободы и права трудового народа и честной крови погибших наших товарищей» [2].

Первые знаки утвержденного ордена были изготовлены спустя несколько месяцев и вручались героям лишь весной 1919 г. В. К. Блюхеру орден был вручен 11 мая 1919 г. По войскам 3-й армии в связи с этим был издан приказ, заканчивавшийся словами: «Железная сила воли, выдающаяся личная храбрость, военный талант, организаторская способность и обаяние личности — вот элементы, из которых создалась блюхеровская слава — блюхеровские орлы.

Вручая Вам, Василий Константинович, эту высокую награду, Военный Совет 3-й армии, следивший с восхищением за боевой Вашей деятельностью уже в рядах ее, в боях с упорным врагом, видевший Вас в цепи и в штабе, в пороховом дыму и в оперативном кабинете, с глубокой радостью и гордостью поздравляет Вас с заслуженной наградой и крепко верит, что она послужит залогом новых блестящих успехов на мощь и славу родной нам 3-й армии.

---

[1] *Душенькин В.* От солдата до маршала, с. 64.

[2] ЦГАСА, ф. 1348, оп. 1, д. 14, л. 76.

Командующий армией Меженинов, член Военного совета Трифонов»[1].

Как отмечали сподвижники, друзья В. К. Блюхера, он, как и всегда в жизни, проявлял редкую скромность при его награждении, как бы стесняясь быть в том положении, когда его выделяют из среды других советских командиров. Награда нашла достойнейшего из достойных!

Подвиги блюхеровцев действительно были достойны самой высокой похвалы. Полностью оправдались и надежды партии на то, что они займут в рядах Красной Армии одно из первых мест и еще не раз заставят говорить о себе, о своих подвигах в борьбе с белогвардейщиной. Партизаны рвались в новые битвы. «Настроение войск, пришедших с товарищем Блюхером, — писала газета «Уральский рабочий», — великолепное, несмотря на то, что многие пришли в лаптях, оборванные и измученные долгим переходом. Они, узнавши о положении дел на фронте, рвутся на подмогу. Говорят, что пойдут пешком, что они привыкли к переходам и обещают научить наших солдат храбрости. Казаков, пришедших с ними, они любят и гордятся ими»[2].

Газета сообщала об исключительно благотворном воздействии блюхеровцев на красные войска. «Под влиянием прихода войск Блюхера произошел перелом в настроении некоторых частей под влиянием легендарных рассказов о подвигах блюхеровских отрядов. Наблюдается большой подъем духа и на позиции. Резкое уменьшение количества сказывающихся больными... Части Блюхера состоят исключительно из добровольцев, проникнуты сознанием необходимости победы и уверенностью в ней и этим сильно влияют на соприкасающиеся с ними части дивизии»[3].

Навсегда врезалась в память красноармейцев, которым довелось первыми встретить уральских партизан, эта встреча. Несмотря на то, что советскому командованию стало известно о походе с юга партизанских отрядов, некоторые фронтовые части не были об этом своевременно поставлены в известность[4]. Для некоторых частей появление партизан

---

[1] Разгром Колчака. Воспоминания. М., 1969, с. 203.

[2] Уральский рабочий, 1918, 21 сент.

[3] Там же, 24 сент.

[4] Между прочим, это повлекло за собой один досадный случай в прифронтовой полосе. Неожиданно появившийся у пос. Суксун Уральский отряд И. С. Павлищева был принят местными военными властями за прорвавшуюся белогвардейскую часть. Отдан был приказ об отходе, а склады с оружием, боеприпасами и снаряжением были взорваны, сожжены автомобили и т. д. (см.: ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 41; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2119, л. 3 и др.).

было такой же неожиданностью, как и для красноармейцев 6-й роты 1-го Бирского полка.

Так, на участке, который занимала красноармейская рота самокатчиков, на рассвете 14-го сентября завязалась перестрелка с белогвардейцами. Но вдруг противник прекратил стрельбу, неожиданно наступила тишина. Красноармейцы усилили наблюдение. Наблюдатель, сидевший на дереве, вдруг крикнул:

— Конница! Я вижу много казаков! Их много: семь, восемь сотен!

Взволнованные бойцы роты приготовились к смертельной схватке с «противником», имевшим огромный перевес. Командир самокатчиков Н. Ф. Гарнич приказал не открывать огня без команды, подпустить противника ближе и обрушиться на него огнем пулеметов и винтовок.

Но в это время наблюдатель, разглядывая приближавшуюся конницу в бинокль, радостно закричал:

— Не стреляйте, товарищи! Это свои! Я видел у них красные знамена и красные ленточки на плече!

Вскоре это увидели и все бойцы. Это были каширинцы — кавалеристы Верхнеуральского полка. Произошла радостная встреча. Партизаны соскакивали с коней и бросались в объятия к красноармейцам. Мощное «ура» волнами прокатывалось над фронтовой линией.

Вслед за красными казаками подошли Верхнеуральский и Белорецкий пехотные полки. Красноармейцев поразил вид партизан: многие бойцы шли в лаптях, а то и совсем босиком, у некоторых ноги были обмотаны кусками рваной материи, их ноги кровоточили. А вследствие прошедших дождей всюду была грязь. Но партизан волновало не это обстоятельство. Первыми же их словами, обращенными к красноармейцам, была горячая просьба дать по нескольку обойм патронов, так как в боях их запас был почти полностью израсходован [1].

И в последующие дни, уже будучи бойцами Красной Армии, блюхеровцы продолжали так относиться к патронам, к оружию и боеприпасам в целом. Можно было наблюдать такую сцену. Едет по улице рысью красный казак. Вдруг круто осаживает коня, соскакивает с него, нагибается, вытаскивает из грязи боевой патрон, вытирает его о свою одежду, кладет в сумку, вскакивает в седло и спешит дальше, приводя всех видевших это в удивление.

Встреча партизан с красноармейцами была радостной и волнующей.

---

[1] На Южном Урале, с. 179—182.

В связи с тем, что по прибытии в Агарзю главком узнал о потере советскими войсками Красноуфимска, вносится последний существенный корректив в план маршрута партизанской армии: она прямым путем направилась в район Кунгура [1]. Исключение составил лишь Архангельский полк, который 16 сентября был включен в состав формирующейся 5-й Уральской дивизии. Ее начальником 24 сентября был назначен В. Г. Данберг. Полк был развернут в два полка — 1-й Архангельский пехотный и 1-й Уфимский кавалерийский. В январе 1919 г. архангельцы, в соответствии с их настоятельной просьбой, были слиты со 2-й бригадой 30-й стрелковой (бывшей 4-й Уральской дивизией и продолжили боевые действия бок о бок со своими сподвижниками по партизанскому рейду [2].

Нельзя не привести заявления архангельцев от 12 декабря 1918 г.: «Мы требуем, чтобы нас сию же минуту перевели к нашим дорогим товарищам Блюхеру, Кашириным и Томину, с которыми мы вышли из железного кольца белой банды» [3]. Это было волнующим свидетельством крепчайшей боевой спайки участников легендарного блюхеровского рейда, которая благотворно сказывалась в их жизни и действиях и в дальнейшем — в составе 30-й дивизии.

Части войск В. К. Блюхера, за исключеним, как мы отметили, Архангельского полка (отряда), выходят к Кунгуру, частично вступают в сам город. Встреча, устроенная блюхеровцам трудящимися города, была неописуемо радостной и торжественной. Городской Совет день 21 сентября даже объявил днем чествования партизанских отрядов. Был выпущен специальный номер газеты 3-й Уральской дивизии «Часовой революции», в котором крупным аншлагом включались приветствия: «Да здравствует цвет Рабоче-Крестьянской Красной Армии — рабочие и казацкие отряды Блюхера», «Привет героям Рабоче-Крестьянской Красной Армии, товарищу Блюхеру, его рабочим и казацким войскам». В передовой статье говорилось: «Сегодняшний день город Кунгур посвящает Красной Армии. Все на праздник в честь наших красных боевых молодцов, в честь цвета Красной Армии — блюхеровских отрядов» [4].

Блюхеровцы не упивались славой. Они спешили сосредоточиться в указанных им пунктах, вооружиться и быстрее двинуться в бой. В обращении бойцов Троицкого отряда к В. И. Ленину, принятом на митинге 21 сентября,

---

[1] Легендарный рейд, с. 181.
[2] ЦГАСА, ф. 1349, оп. 1, д. 138, л. 19.
[3] Там же, ф. 1293, оп. 2, д. 4, л. 67.
[4] *Душенькин В.* От солдата до маршала, с. 63.

говорилось: «Товарищ Ленин! Мы, рабочие, крестьяне и казаки Троицкого отряда Красной Армии, пробившиеся через цепи белогвардейских банд, приветствуем Вас — вождя русской революции, как истинного защитника пролетарских идей и верим, что контрреволюция... в самом непродолжительном времени будет ликвидирована в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Красное знамя труда вновь разовьется на сопках Урала»[1]. Троицкий отряд к этому времени (еще 19 сентября) прибыл в город Кунгур. Другие же отряды расположились в селах Ордынское, Медянка и пр. Было решено эти партизанские части объединить с совершенно обескровленной 4-й Уральской дивизией 3-й армии. Полуторатысячекилометровый беспрецедентный по своей трудности поход по тылам врага закончился.

О том, что отряды В. К. Блюхера прошли полторы тысячи километров, пишут все авторы, затрагивающие этот вопрос. Однако не все они отдают себе отчет в том, от какого пункта следует отсчитывать эти километры, чтобы можно было говорить о полуторатысячекилометровом походе. Авторы обычно указывают, что этот путь начался от Верхнеуральска до соединения с Красной Армией.

В отдельных работах[2] за начало похода авторы берут выход отрядов из Белорецка в северо-западном направлении. А между тем, при таком подходе к вопросу о рейде он сводится фактически лишь, примерно, к 800—900 километрам. Дело в том, что участники похода взяли за его начало выход из Оренбурга. Весь путь в полторы тысячи километров прошел отряд В. К. Блюхера и некоторые другие. Следовательно, в полуторатысячекилометровый путь включается расстояние от Оренбурга до Белорецка, от этого города до Верхнеуральска и обратно, наконец, от Белорецка до Кунгура.

Партизаны прошли громадный путь от Оренбургских степей до Пермских лесов в обстановке непрекращающихся боев. Это был поход-сражение. С боями шли они через горы и болота, степи и леса, преодолевая речные преграды. Они проявили пламенный советский патриотизм, беспредельную стойкость и бесстрашие перед лицом многочисленных, хорошо вооруженных врагов. Штыком, прикладом и саблей, экономя каждый снаряд и патрон, сметали они со своего пути белогвардейские полки. Тысячи бойцов проявили себя, как подлинные герои.

---

[1] *Душенькин В.* От солдата до маршала, с. 113—114.

[2] См.: История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 196; *Душенькин В.* От солдата до маршала, с. 39, 63 и др.

Выдающуюся роль сыграли партизанские командиры: В. К. Блюхер, Н. Д. Каширин, Н. Д. Томин, И. С. Павлищев, И. Д. Каширин, М. В. Калмыков, В. Г. Данберг, С. П. Галунов, А. Е. Карташов, А. П. Кононов, А. Я. Леонтьев, А. В. Пирожников, И. В. Погорельский и др. Особенно популярными и любимыми были В. К. Блюхер и Н. Д. Каширин. С особой теплотой произносили бойцы и командиры слова «Наш товарищ Блюхер», «Наш товарищ Николай»... Из боя в бой росло их военное мастерство. Они быстро сориентировались в обстановке полного окружения отрядов противником, умело применяли и совершенствовали партизанские методы борьбы. Они сочетали гибкую и жесткую оборону, изматывая врага и в нужный момент выводя свои части из-под удара, когда это было продиктовано обстановкой и задачами момента или, наоборот, упорно защищаясь, переходя в контрнаступление и добиваясь полного разгрома противника. Еще более успешно командование Сводного Уральского отряда решало тактические задачи в наступлении, всякий раз ломая оборону противника в нужном направлении и сметая его со своего пути.

Огромную роль сыграли коммунисты. Каждый из них был образцом воина, примером для подражания. Вместе с командирами они превратили наскоро сформированные из людей, в значительной части никогда не державших в руках оружия, отряды в дисциплинированные, высокоорганизованные, образцовые полки. Коммунисты стойко переносили все невзгоды повседневной боевой походной жизни и находили силы и время для политической работы среди партизан и местного населения.

Коммунисты и все бойцы проявляли заботу не только о себе: они вывели в советские районы тысячи беженцев — семьи коммунистов, красноармейцев, партизан, всех тех, кто не хотел оставаться под властью контрреволюции, кому угрожала смертельная опасность. На долю стариков, женщин и детей выпали тяжелые испытания, но они мужественно выдержали их. Не раз женщины и дети останавливали повозки, ложились у обочины дороги, по деловому загоняя в патронник патрон, и отбивали налет белобандитов на обозы.

Сколько было проявлено героизма, совершено бессмертных боевых дел партизанами, этими простыми людьми, которых разбудила, подняла на подвиг Великая Октябрьская социалистическая революция и ленинская большевистская партия!

2. Партизанская армия ушла, большевистское подполье и партизаны действуют

Уральские партизаны действовали и в занимавшихся ими, и других — захваченных интервентами и белогвардейцами районах Урала. Блюхеровцы непосредственно своими глазами и через информацию от населения, из белогвардейской периодической печати, захватывавшихся периодически документов видели, ощущали характер устанавливавшегося на Урале контрреволюционными силами режима. За спиной партизан-блюхеровцев происходила кровавая оргия временщиков, наблюдались страдания широких трудящихся масс, чего мы в определенной мере уже касались.

На Урале, как и в других районах, захваченных врагом, трудящиеся массы оказались в чрезвычайном положении. Контрреволюция там, где она утвердилась, свергла Советскую власть и стала восстанавливать эксплуататорский строй. Вначале для этого широко использовались меньшевики, эсеры и другие мелкобуржуазные партии, выступившие против диктатуры пролетариата.

В Екатеринбурге в августе 1918 г. было образовано областное правительство Урала во главе с П. В. Ивановым (кадет), в которое, наряду с кадетами, вошли соглашатели. Уральское правительство действовало в контакте с Временным правительством Сибири, во главе с бывшим кадетом П. В. Вологодским, играя по существу подчиненную роль по отношению к последнему, а также с Самарским правительством, именовавшимся Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч). Последнее имело вначале определяющее влияние, как в Поволжье, так и в Уфимской, частично в Оренбургской губерниях, где имел место блюхеровский партизанский рейд. Комуч возглавлял эсер В. К. Вольский. Кроме того, своего рода правительством являлось правление Оренбургского казачьего войска. Существовало Башкирское буржуазно-националистическое правительство упоминавшегося уже З. Валидова, возникшее еще в декабре 1917 г.

Открывшееся и завершившееся в сентябре 1918 г. в Уфе так называемое «Государственное совещание», после того, как соединение В. К. Блюхера удалилось от этого губернского города и направилось на север и паника в нем мало-помалу улеглась, избрало Директорию. Сибирское правительство было превращено в деловой аппарат этой Директории. Комуч и Уральское правительство были распущены. Мелкобуржуазные партии изнутри Директории, обосновавшейся в Омске и составленной из их представителей, и

извне ее своей деятельностью расчищали путь для установления в восточных районах страны военно-монархической диктатуры Колчака. Как указывал В. И. Ленин, колчаковщине «помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»)»[1].

18 ноября 1918 г. в Омске был совершен военный переворот. У власти оказался ставленник антанты адмирал А. В. Колчак, провозглашенный верховным правителем России. Одна разновидность буржуазной диктатуры сменилась другой, еще более реакционной.

Колчак продолжал проводить начатую эсерами и меньшевиками антинародную политику защиты интересов эксплуататорских классов, только еще более жестокими методами. Временные местные правительства, затем Колчак, ликвидировав в захваченных районах Советскую власть, все политические завоевания трудящихся, восстанавливали буржуазную диктатуру, частнокапиталистическую собственность на орудия и средства производства, старались удержать в повиновении трудящиеся массы, подавить их революционные выступления и мобилизовать все ресурсы для ведения военных действий против Республики Советов. Репрессивные методы эсеровско-меньшевистских властей стали при Колчаке практически единственными в отношении масс.

Развернулось наступление на жизненный уровень трудящихся, снижалась реальная заработная плата рабочих в результате восстановления свободной торговли и роста дороговизны продуктов питания и промышленных товаров. Так, в Уфе цены на многие предметы первой необходимости выросли в 4 раза, другие товары исчезали с прилавков магазинов и на рынках вообще[2].

Сугубо антинародный характер носила и аграрная политика оккупантов. При Колчаке на Урале о восстановлении частной собственности на землю было объявлено официально[3]. С крестьян взыскивались непосильные разнообразные налоги, в том числе за многие прошедшие годы, налагались контрибуции. Они сплошь да рядом подвергались массовым ограблениям военных властей, реквизициям. Башкирское, а также татарское, чувашское, марийское население оказалось, как и до Октябрьской революции, под двойным гнетом — русской буржуазии и помещиков и

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 156.

[2] *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, с. 209.

[3] ГАСО, ф. 1956, оп. 1, д. 18, л. 10.

местных купцов, баев и духовенства. Гнет социальный дополнялся национальным, который приобретал все более ярко выраженный характер.

Тюрьмы, другие арестные помещения, созданные концентрационные лагеря были переполнены партийными и советскими работниками, лицами хотя бы в какой-то мере выражающими сочувствие Советской власти. Многие тысячи политзаключенных томились в тюрьмах Екатеринбурга, Челябинска, Оренбурга, Уфы, Стерлитамака и других городов. Тюрьмы систематически «разгружались»: заключенных «поездами смерти» отправляли в Сибирь, на Дальний Восток, куда редко кто доставлялся живым. Производились массовые расстрелы.

В сводке командования Восточного фронта за сентябрь 1918 г. указывалось, что в Уфе «тюрьма полна... У моста реки каждую ночь в час или в два... проходят расстрелы» [1].

Трудящиеся воочию убеждались в том, что белогвардейщина несет им смерть, нужду, голод и зверскую эксплуатацию. Тяжелое экономическое положение народных масс и репрессии усиливали ненависть трудящихся к эксплуататорам, революционизировали массы. Постепенно, особенно заметно с осени 1918 г., начался и усиливался поворот среднего крестьянства и других колебавшихся слоев населения на сторону Советов. Массы все больше революционизировались, включались в борьбу за восстановление Советской власти. Во главе революционной борьбы масс практически повсеместно выступали коммунисты и вовлеченные в подпольные организации беспартийные большевики, сочувствующие и активно поддерживающие партию Ленина рабочие и крестьяне.

Организация и деятельность большевистского подполья на Урале направлялись Центральным Комитетом партии во главе с В. И. Лениным через Уральский областной, губернские и другие комитеты РКП(б), военно-политические органы Восточного фронта. С декабря 1918 г. непосредственное руководство подпольем осуществляет Сибирское бюро ЦК РКП(б), именовавшееся также Урало-Сибирским и длительное время размещавшееся в Уфе. В январе 1919 г. создается его отделение в Вятке, которому поручается руководство большевистским подпольем на Северном и Среднем Урале. Многое в организации подпольной партийной работы успели сделать местные партийные комитеты при эвакуации их и отходом с красноармейскими частями.

Большевистское подполье постепенно консолидируется, и уже к началу сентября 1918 г. создается его единый под-

[1] ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 558, л. 13.

польный центр для Сибири и Урала, находившийся вначале в Томске, а затем в Омске. На Урале наиболее сильными и влиятельными стали Челябинская, Екатеринбургская и Уфимская партийные организации со своими комитетами, фактически игравшими роль губернских подпольных центров. В целом на Урале в период своего наивысшего подъема, в первые месяцы 1919 г., большевистское подполье насчитывало многие сотни, а вместе с беспартийными членами его низовых звеньев, ячеек среди рабочих, крестьян, солдат — несколько тысяч. В условиях жесточайшего террора большевистские подпольные организации, группы, их члены руководствовались ленинскими принципами конспирации, используя богатый опыт нелегальной работы партии в условиях царизма. В частности, производилась группировка подпольщиков в небольшие, связанные с вышестоящими инстанциями лишь через руководителя конспиративные «пятерки» и «десятки», что предотвращало массовые провалы.

Автор далее конкретно на вопросе о большевистском подполье намерен остановиться предельно кратко и потому, что он большой, требует самостоятельного решения, и потому, что получил широкое освещение в прежних его трудах [1]. В разделе будут освещены лишь некоторые страницы большевистского подполья, причем в основном связанные с рейдом Блюхера, оставлением партийными органами, руководством партизанского соединения при уходе из населенных пунктов в городах, заводах, селах коммунистов и сочувствующих им активных рабочих и крестьян для революционной работы.

Однако предварительно следует несколько слов сказать о возникновении и деятельности Уфимской подпольной организации, ибо ее руководящий центр был связан со многими организациями губернии, в том числе с Благовещенской, Богоявленской, Симской, Миньярской, Аша-Балашовской, оказывал им помощь, направлял их деятельность.

Перед эвакуацией Уфы в июле 1918 г. здесь были оставлены для подпольной работы опытные коммунисты: Ф. И. Карклин, стоявший во главе латышской секции РКП(б), В. Симонова, И. А. Вавилов, И. И. и А. И. Шеломенцевы, П. Нечаев, В. И. Коссовский, молодые коммунисты и беспартийные работники С. М. Свирновский, М. Д. Сазонова и др. В работу активно включились опытные

---

[1] См.: *Плотников И. Ф.* В тылу врага. Большевистское подполье Уфимской губернии в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1919); *Он же.* В белогвардейском тылу, и др.

партийные работники Ф. И. и М. П. Локацковы, приехавшие в город из Миньяра и Сибири.

Присылались в Уфу через линию фронта коммунисты и в дальнейшем. Осенью в Уфу по заданию политотдела 5-й армии прибыл коммунист М. А. Чистяков, местный рабочий-железнодорожник [1]. В середине ноября в город прибыл видный член Омской подпольной организации, посланный для связи с ЦК РКП(б), А. Я. Бакаев [2].

Сначала в городе сложились Латышская, Железнодорожная организации и разрозненные группы. В конце осени усилиями активных работников создается общегородская организация, избирается подпольный центр (комитет) РКП(б) в составе Ф. И. Карклина, Ф. И. Локацкова, М. А. Чистякова и др.

Уфимская организация помогала политзаключенным, вела агитацию на предприятиях, в воинских частях, выпускала типографским способом и распространяла листовки. Накануне нового, 1919 г., при подходе Красной Армии железнодорожники организовали огромную «пробку». Станция Уфа и целый ряд разъездов были забиты железнодорожными составами. Белогвардейцы метались в бессильной злобе и вынуждены были бросить многие составы.

«Отступающие от Уфы белые, — отмечало Урало-Сибирское бюро ЦК, — загромоздили железную дорогу вагонами. Дело в том, что уфимские железнодорожники во все паровозы и вагоны подсыпали наждак, так что вагоны не могли далеко отойти, а паровозы и подавно. Очевидно, вследствие этого белые жгут вагоны. В своих газетах они глухо говорят, что вследствие «преступного» саботажа уфимских железнодорожников они оставили нам до 5 миллионов пудов хлеба» [3].

Вечером 30 декабря ворвавшиеся на плечах в панике отступающих колчаковцев, при содействии вооруженных подпольщиков, разведывательные красноармейские подразделения освободили более 1000 политических заключенных [4]. Подпольщики принимали участие и в наведении в городе революционного порядка.

В марте, после вторичной эвакуации Уфы, в ней вновь были оставлены коммунисты. Для развертывания работы их руководителям передаются деньги. Уфимский губревком

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 68, л. 1—16; д. 31, л. 16; д. 48, л. 1—9; оп. 2, д. 84, л. 207 и об.; За власть Советов, с. 288—289.

[2] ПАКб.О, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, л. 54.

[3] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 30.

[4] *Ганеев Р. Г.* Уфа в годы гражданской войны (июнь 1918 года — 1920 год). — В кн.: Страницы истории Башкирии, Уфа, 1974, с. 194.

9 марта принял решение: «Из особых средств ревкома партийному комитету на нелегальную работу в Уфе в случае эвакуации выдать 4000 000 руб.»[1] Полностью ли была передана подпольщикам эта огромная денежная сумма или частично, установить не удалось, но одно несомненно, что они обладали большими средствами. Об этом свидетельствует размах их работы. 28 марта 1919 г. начальник военного контроля 6-го корпуса Западной колчаковской армии сообщал, что в Уфе оставлено значительное количество большевиков, перед которыми поставлены задачи революционной борьбы[2]. В городе выпускались листовки, велась другая работа, поддерживалась связь с командованием Красной Армии, ей передавались ценные сведения.

Уфимские коммунисты, ведя пропаганду и агитацию, важнейшее место уделяли освещению положения на фронте, успехов Красной Армии, борьбы трудящихся в тылу врага на Урале и в Сибири. Летом и особенно в конце августа — начале сентября 1918 г. коммунисты центральное внимание в агитации отводили героическим действиям близ Уфы уральской партизанской армии, что ободряло трудящихся, вселяло в них уверенность в скорую победу и усиливало панику среди буржуазных элементов.

Не упускали из виду задачу организации большевистского подполья и развертывания борьбы трудящихся против интервентов и белогвардейцев, партизанского движения во временно оставляемых районах коммунисты и командование отрядов: В. К. Блюхер, Н. Д. Каширин, Н. Д. Томин, И. Д. Каширин, М. В. Калмыков, В. Г. Данберг и др.

Есть сведения о том, что при отходе отрядов под командованием В. К. Блюхера на Белорецк и Г. В. Зиновьева на Актюбинск в начале июля 1918 г. в Оренбурге были оставлены коммунисты для подпольной работы. Направлялись в Оренбург и его район подпольщики через линию фронта и в дальнейшем.

В материалах следствия по делу дутовского урядника, предававшего большевиков, отмечается, что в городе для подпольной работы был оставлен И. К. Кононович — бывший командир разведывательного отряда Орской железнодорожной организации. Подпольщик был расстрелян[3]. Летом и осенью 1918 г. в городе действовали подпольщики во главе с Н. Львовым, одним из руководителей профсоюза металлистов. В главных железнодорожных мастерских под-

---

[1] ПАБО, ф. 1832, оп. 1, д. 411, л. 34.
[2] ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 122.
[3] ГАОО, ф. 1547, оп. 2, д. 725, л. 17, 29, 109.

польщики 19 сентября произвели взрыв, уничтоживший почти все военные запасы дутовцев [1].

В Оренбурге летом 1918 г. и в последующие месяцы дутовцы учиняли кровавую оргию, арестовывали сотни людей, бросали в тюрьмы, расправлялись со своими жертвами часто без суда и следствия. Только в Оренбургской тюрьме было расстреляно более 500 человек. Убивали и прямо на улицах, отрубали головы, руки, выкалывали глаза, и изуродованные трупы валялись по закоулкам целыми днями. Подавляющая часть участников подпольной работы погибла или была отправлена в эшелонах смерти в Сибирь и на Дальний Восток. Поэтому какие-либо подробные данные о подпольной работе в Оренбурге выяснить крайне трудно. Известно, например, что среди арестованных и расстрелянных за участие в подпольной работе, помимо Кононовича, был И. Духанин. В Орске разведывательную работу в разное время выполняли коммунистка М. П. Корецкая и Д. С. Закопаева. Они были схвачены. Корецкая погибла, Закопаевой удалось совершить побег.

Но дошедшие до нас многочисленные документы свидетельствуют об огромной работе подпольщиков из числа, как правило, безымянных коммунистов и беспартийных активистов среди рабочих, крестьян, казаков, включая их воинские формирования. В ноябре 1918 г. белоказачьи военные власти отмечали, что большевики «стали вести борьбу подпольно, разбрасывать прокламации, писать письма и вообще начали агитацию среди войск, дабы подорвать доверие к командному составу» [2].

Совершенно разложен был 14-й Оренбургский казачий полк, в связи с чем он в феврале 1919 г. был снят с Илецкого участка фронта и переформирован. В приказе командира 1-го Оренбургского казачьего корпуса от 19 февраля отмечалось: «На молодом и неокрепшем организме корпуса появился новый нарыв — 14-й Оренбургский казачий полк, который за последние дни сильно назрел и вскрылся» [3].

Этот процесс продолжался, охватывая все новые казачьи полки. В марте 1919 г. Дутов приказал расформировать 15, 23, 24, 25, 27 полки, а «казаков расформированных полков передать в руки суровых и требовательных начальников» [4].

---

[1] Дела вечно живые. Комсомол и молодежь Оренбуржья в годы гражданской войны. Челябинск, 1968, с. 17.

[2] Оренбургский казачий вестник, 1918, 15 нояб.

[3] Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.). Докум. и материалы. Оренбург, 1958, с. 159.

[4] Там же, с. 163.

В Оренбурге проводилась подпольная работа и в белогвардейских башкирских частях.

Партийными и военно-политическими органами для подпольной работы в белобашкирских войсках в июле 1918 г. был послан советский активист, вскоре вступивший в большевистскую партию, — М. Ш. Шагиахметов. Ему с трудом с помощью С. Каримова, А. Муслимова, своего брата Мухамадинура и других рабочих и крестьян удалось пробраться из Уфы через свою родную деревню Биштяки в Оренбург. Там он связался с большевиками Г. Шамигуловым, К. Хакимовым и другими и вместе с ними в течение нескольких месяцев проводил работу в валидовских войсках. В частности ему помогали в распространении большевистской литературы, устной агитации солдаты-башкиры Джангиров и Хайруллин. Выезжал Шагиахметов в башкирские части, расположенные и в Илецке.

В связи с угрозой ареста М. Ш. Шагиахметов пробрался через линию фронта, в начале января 1919 г. прибыл в Уфу и проинформировал руководящих партийных работников о проделанной работе, о положении валидовских войск[1]. В результате проделанной с участием Шагиахметова и других подпольщиков, в том числе распропагандированных солдат, работы усилилось революционизирование башкирских войск. Многие из солдат переходили на сторону Красной Армии. А в феврале 1919 г. под воздействием требования солдат, усиления антиколчаковских настроений среди трудящихся, побед Красной Армии, Валидов и другие лидеры башкирских националистов вынуждены были перевести башкирские полки на сторону Советов.

Подпольная работа проводилась во многих селах, станциях и поселках, среди крестьян и казаков. В Беляевке, Карачае, Верхнеозерной, близ Гирьяла, активно работал П. Д. Щербаков, опиравшийся на распропагандированных крестьян. Под его руководством велась большевистская пропаганда, распространялись доставленные через линию фронта листовки, разрушалась линия связи между Гирьялом и Маршуком, срывались поставки лошадей, фуража, мобилизация в белую армию.

Для агитации за срыв мобилизации подвод Щербаков ездил в поселок Карачай, сорвал попытку белых построить мост через реку Урал в Верхнеозерной, разъяснив собранным из разных сел крестьянам, что всем следует разойтись и тем самым ухудшить положение белогвардейцев. Подпольщики забрали переписные книги и затруднили проведение объявленной мобилизации. В связи с этим П. Д. Щер-

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 21, л. 1—10.

бакова арестовали и терзали, спасся он только благодаря внезапному вступлению в этот район Красной Армии [1].

Подпольная работа развертывалась и в ряде тех сел, из которых многие крестьяне вступили в отряды В. К. Блюхера, Н. Д. Каширина и С. И. Синельникова. После ухода отряда Опрышко, сформированного в Ново-Никольском и других селах близ Шарлыка, там уже летом 1918 г. началась подпольная работа. Наиболее сильной была подпольная организация в с. Шарлык. Она охватывала влиянием подпольные группы в других селах. В числе видных подпольщиков — шарлыкцев были М. Бузов, Г. Косилов. В нелегальной работе участвовала учительница Смирнова. Среди населения велась бурная агитация и оно в подавляющей массе сочувствовало Советской власти, всеми силами мешало белогвардейцам проводить мобилизации, реквизиции и т. д. Несмотря на жесточайшие репрессии со стороны дутовцев, вплоть до забивания схваченным гвоздей в пятки, вырезания звезд на спине и прочих истязаний, подпольщики в этом районе, в других уголках губернии продолжали работу. Крестьяне сопротивлялись реквизициям и бесчинствам белогвардейцев, дутовцев. В ряде случаев дело доходило до вооруженных выступлений трудящихся крестьян [2].

В Троицке осталась значительная часть коммунистов, в том числе интернационалисты [3]. Мы не выявили данных, которые бы определенно свидетельствовали о том, что они были оставлены специально. В связи с чрезвычайными обстоятельствами, связанными с совершенно спешным отступлением советских отрядов, на некоторых участках в состоянии разобщенности и дезорганизации, коммунисты в городе оказались, по-видимому, случайно, не успев его покинуть.

Единой нелегальной большевистской организации в городе не было. Ее возникновению, консолидации партийных сил препятствовали массовые аресты коммунистов, всех подозреваемых в сочувствии к партии Ленина, к Советам. Но подпольная работа все же мало-помалу развертывалась. Зарождаются подпольные группы в железнодорожных мастерских в составе А. Ф. Ланкина, Ф. Ланкина, И. Тарасова и других, под руководством А. Я. Наумкина среди политзаключенных и т. д. Группа подпольщиков сплотилась вокруг бывшего фронтовика В. Д. Глебского. Она имела оружие, революционную литературу, через П. Глебского — ученика-телеграфиста на станции Троицк собирала военные све-

---

[1] ПАОО, ф. 6002, оп. 1, д. 69, л. 32—68.

[2] ГАСО, ф. 1200—Р, оп. 2, д. 3—Н, л. 1—8; ПАОО, ф. 6002, оп. 1, д. 61, л. 1—2; д. 269; л. 10; ГАОО, ф. 520, оп. 1, д. 27, л. 9—10; Народное дело (газета; Оренбург), 1918, 3 нояб.

[3] ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 174, л. 5.

дения, снимала копии оперативных сводок белогвардейского командования, вела агитацию среди населения. В. Д. Глебский смело выступил со страстной агитационной речью перед фронтовиками в цирке. Весной 1919 г. он был арестован и погиб [1].

В феврале—марте 1919 г. в Троицке с помощью Челябинской организации, усилиями ее представителя Н. С. Полухина и местных активных коммунистов создается единый подпольный центр, названный Военно-революционным штабом. Кроме Н. С. Полухина, избранного председателем, в него вошли А. Я. Наумкин, Д. А. Пенькова и др. Разрозненные группы были объединены. В марте-апреле состоялись две городские партийные конференции. В июле в городской организации, проводившей официальный прием в партию и выдававшей временные членские билеты, состояло 76 коммунистов. К ним примыкало большое число сочувствующих.

Работа организации отличалась необычайно умело поставленной конспирацией: члены организации проникали в местную милицию и даже военную контрразведку, что позволило выявить нескольких колчаковских агентов и уничтожить их. Особенно умело действовал коммунист П. П. Коптяков («Око») — начальник контрразведки подпольной организации.

Аресты подпольщиков в Троицке были сравнительно редкими и на общее состояние работы практически не влияли. В одном из агентурных сообщений колчаковцев говорилось: «В настоящее время в городе Троицке образовалась местная большевистская организация социал-демократов — большевиков. Организация обставлена весьма конспиративно» [2].

Оказывалась большая помощь политзаключенным в организации побегов, приобретении оружия и т. д. В частности, хорошо была проведена операция по разоружению тюремной охраны. Оружие систематически изымалось и переправлялось в тайники из местной милиции.

Троицкая организация успешно вела работу среди крестьян и трудящихся казаков уезда, например, в Новотроицком, Андреевском, Рождественском, Писклово, Бело-Ключевском, где имелись подпольные группы, в других местах.

Успешно проводилась работа по разложению колчаковских и дутовских войск. Так, в 12-м казачьем полку работа развертывалась И. П. Тарасенко и А. Е. Шевченко, в 18-м

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 71.
[2] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-а, л. 89.

казачьем — И. А. Куляшовым, И. Ф. Жуковым. Участились случаи дезертирства казаков, отказа от борьбы с Красной Армией, перехода на ее сторону. Эти полки властями считались самыми «крамольными»[1].

Троицкая организация длительное время и упорно готовила вооруженное восстание, приступила к развертыванию партизанского движения. Были созданы партизанские отряды в городе во главе с Д. А. Михайлютой в несколько десятков человек и более крупный в Новотроицком поселке под командованием И. И. Дудинского. После ряда успешных операций, присоединения большого числа распропагандированных солдат Новотроицкий отряд вырос до 550 бойцов. Он располагал двумя пулеметами.

Организация сначала намерена была в момент приближения фронта двинуть на Троицк отряд Дудинского, привести в действие отряд Михайлюты, поднять на восстание рабочих, вырвать из заключения политических и освободить город. Но, поразмыслив, взвесив обстоятельства — наличие в городе крупных сил врага с артиллерией и пулеметами, подпольная организация от первоначального плана отказалась.

Отряд И. И. Дудинского направился в глубь линии фронта навстречу Красной Армии. 2 августа 1919 г., выдержав непрерывный и кровопролитный тринадцатичасовой бой с отступавшими колчаковцами, отряд соединился с красноказачьим полком им. Степана Разина, сформированным более года до того в Троицке и принявшим участие в рейде Блюхера. Их совместными усилиями при поддержке из города отряда Д. А. Михайлюты, подпольщиков и рабочих 5 августа Троицк был освобожден[2].

В Верхнеуральске из-за определенной дезорганизации, разобщенности коммунистов, тяжелой болезни их руководителя Н. И. Иванова, поспешности отхода организованного подполья создано не было. В дальнейшем же, судя по некоторым воспоминаниям, определенная работа, в основном агитация, отдельными коммунистами и сочувствующими партии все же проводилась как среди населения, так среди белоказаков и солдат в городе и уезде. В числе коммунистов-подпольщиков был член партии с дореволюционным стажем И. Е. Лубских, вернувшийся в Верхнеуральск в ноябре 1918 г. из Восточной Сибири. Подполья ему обнаружить не удалось. Вместе с Н. Самойловым Лубских поступил на работу в местную типографию союза потреби-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1811, л. 2; д. 2268, л. 1—4.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1460, л. 19—21; д. 2058, л. 44; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале, с. 139—140.

тельского общества, где печатали и нелегально передавали солдатам бланки удостоверений, дававших тем возможность дезертировать, вели и устную агитацию [1].

Белорецкий партком перед эвакуацией 3 августа обсудил вопрос об оставлении для подпольной работы большой группы коммунистов. Были оставлены П. И. Елманов (руководитель), К. И. Бобров, Е. П. Гревцова, Кусков, Лопухов, А. Скребнев и др. В дальнейшем в подпольную работу включились коммунисты, комсомольцы и беспартийные Ф. Д. Бобров, Я. Зимин, М. И. Елманова, М. Ф. Павлов, В. В. Питьева, И. Рызин, П. И. Рябов, П. С. Семавин и др.

Работать пришлось в обстановке жестокого террора. Особенно свирепствовали сибирские казаки атамана-садиста Анненкова. В первый же день хозяйничания белогвардейцев в Белорецке произведены были аресты десятков рабочих, членов семей коммунистов и партизан. Расстреливали рабочих, женщин, стариков на окраине Белорецка, за речкой Мату, у оврага. В числе первых расстрелянных оказался коммунист А. Скребнев, оставленный на подпольной работе. Удручающе действовали на многих подпольщиков, рабочих, на трудящихся неоднократно появлявшиеся в белогвардейской печати лживые сообщения о разгроме партизанского соединения В. К. Блюхера. Тем не менее у подавляющей части рабочих сохранялся высокий морально-политический тонус. По сведениям Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б), полученным в начале 1919 г., «настроение рабочих на Белорецком заводе резко большевистское» [2].

Пополнялось подполье главным образом за счет активных рабочих, состоявших ранее в Белорецком полку, но не успевших своевременно отступить из-за пребывания на покосе, в других местах, ибо день отхода заранее не сообщался. В числе успешно работавших связных между подпольщиками на заводах и в горах были рабочий И. Валавин и его дочь.

На первых порах большинство оставшихся в тылу врага коммунистов скрывалось в горах, на покосах, в шалашах и на заимках. В дальнейшем, с наступлением холодов, часть коммунистов вынуждена была перебраться в поселок. Некоторые из них поступили на заводы, другие жили нелегально дома или у родственников и знакомых. Десятки коммунистов, других подпольщиков были арестованы, некоторые погибли, но революционная работа не прекращалась.

Нелегальной работой были охвачены как металлургический, так и сталепроволочный заводы, отдельные мастер-

---

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 42.
[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 8.

ские, солдатские массы. С помощью рабочих срывалось выполнение приказов белогвардейского командования в ремонте орудий, пулеметов, другого оружия. Часто одни механизмы ремонтировались, другие портились.

Большие усилия прилагались к разложению 23-го Миасского и 24-го Саткинского пехотных полков, размещавшихся в Белорецке, завоеванию распропагандированных солдат на сторону Советской власти. Проводилась агитационно-пропагандистская работа среди новобранцев, насильственно мобилизуемых в армию Колчака. В белогвардейских полках были созданы нелегальные организации.

Белорецк, подпольная организация были центром притяжения революционно настроенных, дезертировавших из белогвардейских войск солдат, включая казаков. В конце января 1919 г. Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б) Центральному Комитету партии сообщало, что по данным вернувшегося из вражеского тыла разведчика, «оренбургские казаки уходят с фронта в сторону Белорецкого завода... В Белорецком заводе предполагается оказать сопротивление». «Все это очень правдоподобно», — констатировали члены бюро ЦК [1].

Некоторое время весной 1919 г. среди рабочих и солдат вел агитацию прибывший из Верхнеуральска коммунист И. Е. Лубских. Успешно работали среди солдат женщины и девушки — М. И. Елманова, Е. П. Гревцова, В. В. Питьева. Некоторые подпольщики, например, С. Пантелеев проникали в казармы в офицерской и солдатской форме. Много полезного сделали члены ССРМ Я. Зимин, Г. Цепкин, И. Рызин и другие. В результате многие молодые рабочие уклонялись от мобилизации, скрывались. Многие из мобилизованных и отправленных в Кустанай, дезертировали, приняли там участие в вооруженном восстании.

Оказывалась помощь политзаключенным, военнопленным. Подпольной организации даже удалось организовать побег 40 пленных красноармейцев. Велась подрывная работа. Выводились из строя средства связи, железнодорожная линия. Комсомольцы использовали в работе часть молодых ребят (В. Н. Душина, И. А. Мезенцева, В. Мясоедова, П. Ф. Копьева и др.), которые входили в легально существовавшую молодежную организацию культурнического толка.

Длительное время готовилось вооруженное восстание рабочих и солдат. Врагу удалось предотвратить его в результате арестов, расстрела части подпольщиков, отправки распропагандированных полков под конвоем казаков на

---

[1] Сибирское бюро ЦК РКП(б). Сб. док. Н., 1978, т. 1, с. 68.

фронт. Солдаты Миасского и Саткинского полков без боя перешли на сторону красных.

Особое задание выполнял коммунист К. И. Бобров. Он из переданных ему больших сумм оказывал существенную материальную помощь семьям эвакуировавшихся коммунистов и партизан [1]. Много внимания уделялось сбору сведений военного, политического и экономического характера, передачи их подпольному центру и партизанам. Удавалось проникать и в белогвардейский штаб, «выуживать» ценные сведения у офицеров. Благодаря хорошей постановке разведки военно-боевая работа пошла успешней.

Был создан и действовал в районе Белорецкого, Узянского и Тирлянского заводов партизанский отряд. Используя его, подпольщики смогли предотвратить взрыв электростанции металлургического завода и сливного моста, сохранили оборудование, часть произведенной продукции, сырье. С приходом Красной Армии заводы, оказавшиеся на ходу, заработали, давая продукцию Советской республике. Белогвардейцы вынуждены были бросить в Белорецке даже большие запасы продовольствия и боеприпасов. Партизанский отряд активизировал свои действия в момент наступления Красной Армии, встречал войска 24-й стрелковой дивизии и влился в ее ряды [2].

В Богоявленском заводе в числе оставленных для подпольной революционной работы были пожилые или больные коммунисты — С. С. Калашников, А. М. Казаринов, В. И. Зудов, М. К. Еломанов, П. Козловский, С. С. Курбатов, рабочие М. Мальтоп, Н. Шуфенгауэр. Многие из них и десятки других рабочих, членов семей партизан были арестованы, брошены в местную, Стерлитамакскую и другие тюрьмы. По доносам контрреволюционеров были арестованы и расстреляны Калашников, Казаринов, Курбатов и многие другие.

Как ни трудно было развертывать работу оставшимся в живых и на свободе, но она все же проводилась. Толчком к ее усилению было прибытие осенью 1918 г. в качестве посланца уфимского подполья С. С. Гончарской. Она созвала нелегальное собрание, проинформировала о положении на фронте, о борьбе трудящихся в тылу белогвардейцев, сообщила о ранении и благополучном выздоровле-

---

[1] ГАСО, ф. 1200—Р, оп. 1, д. 14—Б, л. 6—7.

[2] Там же, ф. 1200, оп. 1, д. 14-Б, л. 6—7; ПАБО, ф. 1832, оп. 3, д. 246, л. 431—432, 446; ф. 7655, оп. 2, д. 23, л. 3—12; д. 173, л. 5; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 42; Белорецкий рабочий, 1958, 19 окт.; *Аминов З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, с. 426, 429.

нии В. И. Ленина. В. Ландграфу — отцу помощника командира Богоявленского полка и Паппу С. С. Гончарская дала явку в Уфе и сказала, что у уфимских подпольщиков они могут получить присланные для богоявленцев деньги. В дальнейшем эти деньги были получены и розданы нуждающимся семьям партизан. Затем Гончарская отправилась за линию фронта. Ее переправляли от одной деревни к другой башкирские и татарские крестьяне, сочувствовавшие Советской власти. Операция прошла благополучно [1].

Богоявленцы, несмотря на аресты и пытки многих из них, сохранили тайники с оружием. При приближении Красной Армии, в декабре 1918 г., рабочие по призыву подпольщиков восстали. Белогвардейцы бежали. Создав отряд из 150 человек, богоявленцы работали с оружием в цехах, оставляя вне завода дежурную команду. В случае очередного налета карателей, по сигналу, весь отряд становился под ружье и давал отпор врагу. Красноусольская республика в тылу белогвардейцев была возрождена. Держалась она вплоть до 29 декабря 1918 г., пока посланные за линию фронта разведчики не вернулись на завод с эскадроном красных кавалеристов [2].

Борьба богоявленцев против белогвардейцев не прекращалась и при вторичном захвате ими поселка в марте 1919 г., пока в конце мая он не был освобожден вновь.

Сложнее дело с выяснением вопроса о подпольной работе в Стерлитамаке. Несколько выявленных документов позволяют сделать вывод, что там она проводилась. В сводке белогвардейского командования от 17 марта 1919 г. отмечалось, что в городе ведется «большевистская пропаганда», наблюдались многочисленные отказы трудящихся от мобилизации [3]. Месяц спустя, 23 апреля, отмечалось, что стерлитамакские «рабочие недовольны приходом белых войск» и «сочувствуют красным». Речь шла также о том, что в городе «осталось значительное количество красногвардейцев, советских работников, шпионов» [4]. Факт засылки в тыл врага советских агентов в Стерлитамак колчаковцы отмечали еще в январе 1919 г. В числе других десяти человек «с важным поручением» был направлен бывший матрос Шумилов [5].

Во время пребывания Главного штаба на правобережье

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 79, л. 90—96; Гражданская война в Башкирии, с. 124.

[2] *Ушаков А. А.* Усолка остается красной, с. 88—89.

[3] ЦГАОР, ф. 1425, оп. 1, д. 16, л. 91.

[4] Там же, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 153.

[5] ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 30, л. 153.

Уфы, как рассказывается в воспоминаниях А. Ф. Хоменко, В. К. Блюхером и другими руководителями партизанской армии, для подпольной работы в селах и деревнях Надеждинской и Ново-Никольской волостей, была оставлена группа в составе инспектора Надеждинского училища А. Ф. Филекина, учительницы Л. Н. Немвицкой, А. Ф. Хоменко и, вероятно, других лиц. Руководитель группы Филекин был сразу же арестован белогвардейцами и расстрелян без суда и следствия.

План развертывания работы был расстроен, но не сорван полностью. А. Ф. Хоменко, молодой крестьянин, вернувшийся в свою дер. Козьмо-Демьяновку Ново-Никольской волости, сумел создать подпольную организацию из беспартийных активных односельчан. В нее вошли З. Климов, В. Костылев, Я. Кунилов, В. П. и Ф. Лямины, И. Л. и Ф. Л. Мотковы, К. Рева, С. Скоропад, Ф. Т. Хоменко и другие. Вскоре подпольные группы появились в Никольском и ряде поселков.

В подпольную организацию охотно вступали молодые члены семей, из которых, как уже отмечалось, несколько десятков человек вступили добровольцами в Богоявленский и другие блюхеровские полки. А. Ф. Хоменко и ряд других крестьян, скрывавшихся от мобилизации, жили в лесу, поддерживали связь с остальными членами организации через И. Л. Моткова, П. Лямина, Ф. Т. Хоменко и др.

Работа подпольщиков, конспиративные связи с односельчанами облегчались тем, что в подпольную работу включился старший брат Ивана Моткова — Фрол, бывший солдат-фронтовик, сочувствовавший большевикам, хотя и был зажиточным крестьянином. Когда ему предложено было белыми властями стать старостой Козьмо-Демьяновки, он от этой должности не отказался и широко ее использовал для оказания помощи подполью.

На первых порах подпольщики основное внимание уделяли агитационной работе, срыву мобилизаций в белогвардейскую армию и достигли в этом больших успехов. Молодежь призывного возраста почти поголовно уклонялась от явки на сборные пункты и скрывалась. В сельской местности это направление работы подпольщиков было крайне важно, ибо там процент подлежащих мобилизациям был особенно высок. Уже летом и осенью 1918 г. уклонение от мобилизации становилось, в частности в Уфимской губернии, повсеместным и массовым. Не случайно в одном из приказов генерал-майора Тимонова по Уфимскому району (губернии) говорилось: «За последнее время деятели павшей Советской власти вновь начинают поднимать голову:

начали поступать сведения, что там-то ведется пропаганда большевиков, там-то начали на митингах отрицать установившуюся власть Комитета членов Учредительного собрания, там-то начали протестовать против распоряжений Верховной власти относительно мобилизации двух возрастов и проч.»! В заключение генерал угрожал за такие протесты, срыв мобилизации военным судом [1].

Угрозы эти действовали, но преимущественно на слабонервных и чем дальше, тем меньше. Под воздействием агитации трудящиеся крестьяне Ново-Никольской волости отказывались также давать властям продукты, лошадей, подводы, ждали возвращения войск Красной Армии.

В дальнейшем подпольщики основное внимание стали уделять созданию на базе лесной подпольной группы партизанского отряда, изысканию оружия и боеприпасов. Основная партия оружия — до 20 винтовок в зимних условиях с большим риском была извлечена из земли в Вознесенском лесу и доставлена на базу в лесу близ Козьмо-Демьяновки.

28 декабря 1918 г. в Никольское прибыла команда конных разведчиков 24 Саткинского белогвардейского полка с карательной целью — для ареста «агитаторов» Кузнецова и Кулятина. Крестьяне заявили, что Кузнецов и Кулятин «уехали». Староста отказался их искать. Кулаки же доносили, что названные лица скрываются, в частности Кузнецов вместе с вооруженной группой на одной из пасек. Собранный белогвардейцами сельский сход «единогласно» им «заявил, что мы этих граждан вам не дадим арестовывать, а если арестуете, то арестовывайте всех нас» [2].

При приближении зимой 1919 г. Красной Армии выросший партизанский отряд выступил против белогвардейцев, установил связь с Курским стрелковым красноармейским полком, принял участие в освобождении Никольского. Отряд затем был на время распущен. В сформированный ревком вошли в основном члены подпольной организации. Его возглавил К. Рева. Стала создаваться партийная коммунистическая ячейка, в которую вступали многие бывшие беспартийные подпольщики. Из бывших партизан и других крестьян формируется добровольческая рота (командир И. Л. Мотков). Однако из-за отсутствия оружия ее распустили по домам и на этот раз. В связи с внезапно начавшимся в первых числах марта 1919 г. наступлением колчаковских войск, многие из бывших подпольщиков, бойцов недоформированной роты отступили с частями Красной

---

[1] ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 631, л. 297.
[2] ЦГАОР, ф. 1453, оп. 2, д. 74, л. 347.

Армии, затем вступили в ее ряды и сражались до конца войны [1].

За несколько дней до наступления колчаковской армии никольцы оказались свидетелями и в определенной мере участниками значительного революционного события. Никольское, его отдельные крестьяне, вовлеченные в нелегальную работу, использовались для связи Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б) и подпольными организациями Симского горного округа. И тогда, когда село находилось во власти белогвардейцев, и после его освобождения через него на соединение с Красной Армией пробирались в одиночку и группами рабочие Миньярского, Аша-Балашовского и других заводов и трудящиеся крестьяне.

В конце февраля 1919 г. в районе Миньяра под руководством представителя бюро ЦК К. М. Туманова и коммуниста В. В. Грачева, освобожденного летом 1919 г. из заключения уфимскими подпольщиками, тайно формируется преимущественно из молодежи вооруженный отряд лыжников примерно в 170 человек. 26 февраля отряд на лыжах тронулся из района Моховых печей в путь к фронту [2].

Переход оказался невероятно трудным. Самодельные лыжи у многих оказались малопригодными для сложной пересеченной заснеженной местности, бездорожья. Продуктов бойцы взяли на один-два дня. В пути после оттепели ударил сильный мороз, вымокшая одежда вдруг превратилась в ледяной, сковывающий мускулы панцирь.

Шли несколько суток по бездорожью, избегая встречи с колчаковцами. Продукты кончились. Бойцы выбивались из сил, стали замерзать не только на привалах, но и на ходу, падая в снег. Более сильные, выносливые помогали погибающим, но это не всегда удавалось. В районе дер. Тереклы авангардная группа отряда наткнулась на белогвардейцев. Часть бойцов успела скрыться, несколько человек попали в плен. Наконец, примерно 3-го марта, тяжелейший 120-километровый поход завершился в Никольском. Долгожданная встреча с красными войсками произошла. Но какой ценой! До 20 человек в дороге погибло или попало в плен, а до 10 лыжников настолько обморозились, что почти все стали инвалидами.

Никольские крестьяне, вчерашние подпольщики и партизаны, как и красноармейцы предельно тепло встретили героев. Их обогрели, накормили, стали лечить. Были немедленно снаряжены подводы и посланы за несколькими

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 183, л. 20—27.

[2] ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 1, л. 94; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 92, 105, 140; д. 1213, л. 136.

ослабевшими, упавшими в пути, недалеко от села, партизанами. Вскоре на базе этого отряда был создан отряд лыжников особого назначения, который именовали «Охотники», в 270 чел. Его командиром был назначен С. Д. Павлов. Отряд имел до 8 пулеметов [1]. Он предназначался для перехода линии фронта, боевых действий в тылу врага и поднятия мощного вооруженного восстания в районе Миньяра — Златоуста. Советское командование планировало на эти дни наступление, рассчитывало на помощь отряда Павлова и восстания рабочих, а также крестьян.

Отряд 8 марта приготовился в районе Старокулево, на участке 26-й стрелковой дивизии 5-й армии к переходу через горы и леса в тыл врага. Но все планы были спутаны начавшимся мощным наступлением врага. Отряд командованием был передан в распоряжение начальника 26-й дивизии и включился в изнурительные оборонительные бои.

В связи с новым назначением С. Д. Павлова, командование отрядом принял молодой коммунист, участвовавший в 1918 г. в подпольной и партизанской борьбе в Уфе, Якуб Хазиахметович Ахметов. Отряд Ахметова с боями отходил к Уфе и далее — к Белебею. Его бойцы сражались отважно, но подразделения редели. В районе Уфы в него было влито большое пополнение и он, по некоторым сведениям, вырос до 1500 бойцов. Он становится одной из крупнейших боевых единиц, прикрывающих отход к Белебею.

В районе Ново-Троицка и Павловки отряд, стремившийся во что бы то ни стало сдержать и отбросить врага, начал яростную контратаку, которая оказалась успешной. Отряд во главе с Ахметовым ринулся за отступающим врагом, нанося ему новые удары. Однако, поскольку соседние части не смогли развить успеха ахметовцев, отряд, продвинувшийся на глубину до 25 километров, оказался в глубоком тылу противника. Отряд занял большой участок железной дороги, вывел из строя коммуникации, освободил ст. Давлеканово. Но в это время противник произвел перегруппировку сил и замкнул фронт в тылу отряда Ахметова [2].

Отряд дрался в окружении трех вражеских полков — 13, 14 и 15-го. Он разгромил 13-й Уфимский полк, ранее битый уже блюхеровцами, нанес большой урон другим полкам, но и сам, прорываясь из окружения, нес невосполнимые потери. Отряд прорывался двумя группами в направ-

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 9; оп. 6, д. 97, л. 28; ПАБО, ф. 7655, оп. 2, д. 84, л. 20: Сибирское бюро ЦК РКП(б), с. 187.

[2] Распространенное в литературе мнение, что отряд Я. Х. Ахметова был, как партизанский, специально послан в тыл противника, является неверным.

лениях на Бугуруслан и Бугульму. В одном из беспрерывных боев, находясь на угрожаемом фланге боевого порядка в районе Павловки, смертью героя пал командир отряда Я. Х. Ахметов вместе с бойцами роты моряков. Большая часть бойцов и командиров отряда полегла в жестоких боях, но часть их во главе с принявшим командование отрядом коммунистом М. П. Козловым, прорвалась к красным и была выведена на ст. Нурлат Уфимско-Самарской линии железной дороги [1]. В отряде к 9 апреля в строю имелось лишь 60 человек [2].

После пополнения отряд продолжал сражаться на фронте, а затем был отозван и в составе 57 бойцов под командованием члена партии с 1905 г. П. В. Гузакова в 20-х числах июня 1919 г. направлен через линию фронта, через Старо- и Новокулево в район Миньярского завода. Здесь с его помощью были созданы два крупных отряда — Миньярский (в 300 бойцов под командованием М. Т. Фатеева) и Симский (до 200 бойцов под командованием Н. А. Масленникова), которые, наряду с другими партизанскими отрядами, дезорганизовали тыл противника и вместе с восставшими рабочими сыграли выдающуюся роль в победоносной Златоустовской операции 5-й армии [3].

Урало-Сибирское бюро ЦК 1 июля из Уфы в ЦК партии, В. И. Ленину, Реввоенсовету республики телеграммой сообщало: «23 июня отряд коммунистов, проникший в тыл противника, произвел мобилизацию всех рабочих до 35-летнего возраста. 24 июня явилось в лес несколько сот вооруженных рабочих Симского, Миньярского, Аша-Балашовского и Усть-Катавского заводов, у них было до 1000 винтовок и 14 пулеметов. Они развернули фронт в 30 верст в тылу противника, отрезав ему пути отступления по железной дороге и Сибирскому тракту. Белые погрузили в вагоны машинные части с заводов и пытаются их увезти в Сибирь. Рабочие послали впереди этих поездов свои отряды, чтобы остановить эти поезда» [4].

Летом 1919 г. Уфимская губерния, другие районы Урала, по которым за год до этого неукротимой лавиной, сметающей на своем пути вражеские полчища, совершался рейд партизан В. К. Блюхера, были освобождены. Это было

---

[1] ПАБО, ф. 7655, оп. 2, д. 84, л. 21; *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, с. 408—412; *Эйхе Г. Х.* Уфимская авантюра Колчака. М., 1960, с. 101—160.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 541, л. 5; ПАБО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15; ПАБО, ф. 7655, оп. 2, д. 84, л. 21.

[4] Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями, июнь—июль 1919 г. М., 1974, т. VIII, с. 679—680.

прежде всего заслугой Красной Армии. Но важным фактором достижения победы и освобождения Уральского края от колчаковщины явилось большевистское подполье, повстанческое и партизанское движение, вновь достигшее мощного размаха, организаторы и руководители которого широко использовали опыт партизанской борьбы начального этапа гражданской войны, особенно легендарного рейда Блюхера.

Глубоко справедливыми были оценки В. И. Ленина, высказанные им летом 1919 г. в связи с анализом ярчайших побед на Урале сравнительно малыми силами войск Восточного фронта, с которого десятки частей перебрасывались на Южный фронт, ставший главным, и когда исключительное значение приобрело повстанческо-партизанское движение в тылу Колчака. «Здесь мы имеем, — говорил В. И. Ленин, — на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса» [1].

Рейд по тылам врага регулярных красноармейских, красногвардейских, партизанских отрядов, постоянно пополнявшихся, питавшихся за счет широчайшей и активнейшей помощи трудящихся масс, этот мощный, сокрушающий врага подлинно народный поток был одним из первых ярких, убедительных проявлений и образцом ведения революционной войны. Он явился важной составной той блестящей победы над интервентами и белогвардейцами на Урале весной и летом 1919 г., о которой так высоко отзывался В. И. Ленин.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 320.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Боевые партизанские дела были только началом славного пути уральцев. По выходе к Кунгуру, они стояли на пороге новых ратных подвигов, теперь уже в составе регулярных войск Красной Армии. К моменту выхода Сводного Уральского отряда в район Кунгура положение 3-й армии было крайне тяжелым.

Оставив 25 июля Екатеринбург, 3-я армия продолжала непрерывные бои на широком фронте. Неся большие потери, ее бойцы и командиры мужественно отбивали удары врага и прикрывали путь на Нижний Тагил — Кушву, Кунгур — Пермь и Красноуфимск — Ижевск. Но к середине сентября 1918 г. резервы были почти полностью исчерпаны, дивизии были обескровлены. Враг нанес тяжелое поражение 4-й Уральской дивизии в районе Красноуфимска и захватил этот город. В тяжелом положении находилась и соседняя 3-я дивизия, прикрывавшая путь на Пермь. Она вынуждена была также постепенно отходить и находилась всего в каких-нибудь 20—30 километрах восточнее Кунгура.

Малочисленная 2-я дивизия 3-й армии с трудом удерживала в своих руках район Нижнего Тагила. Создав на этом участке большой перевес сил, белогвардейцы стремились овладеть Нижним Тагилом, разгромить 2-ю дивизию и полностью отрезать 1-ю Уральскую дивизию — группу советских войск, находившуюся в районе Алапаевска — Егоршино — Режа. Нуждалась в помощи и зарождающаяся 5-я Уральская дивизия, сражавшаяся западнее 4-й дивизии.

Тяжелые и беспрерывные бои, потери, усталость резко отрицательно сказались на моральном состоянии многих бойцов и командиров уральских частей. О крайне тяжелом положении 3-й армии с тревогой сообщали члены ее Военного Совета командующему Восточным фронтом И. И. Вацетису и просили об оказании срочной помощи. 19 сентября командующий армией Р. И. Берзин И. И. Вацетису телеграфировал: «3-я армия переживает критические минуты.

4-я дивизия в районе Красноуфимска окончательно разбита... В 3-й дивизии в районе железной дороги Шамары—Кунгур полное разложение... В 1-й дивизии после боев осталось только 3 тыс. штыков в районе Алапаевска. Во 2-й дивизии в районе Тагила до 900 надежных штыков. В Перми стоят два полка только что мобилизованных, но элемент самый ненадежный и сырой. Резервов других почти нет... Шлите срочно резервы» [1]. Так обстояло дело.

Один из виднейших военно-политических работников, член Военных Советов ряда фронтов в период Великой Отечественной войны генерал К. Ф. Телегин, которому с осени 1918 г. довелось воевать вместе с бывшими партизанами-блюхеровцами, вспоминал: «Фронт приближался к Кунгуру. Красногвардейские отряды дрались днем и ночью, но враг, более организованный, хорошо вооруженный, продолжал рваться вперед. И это активизировало кулачество, враждебную агентуру — эсеров и меньшевиков. По городам и деревням поползли провокационные слухи, начинался саботаж, срывались продовольственные заготовки.

Вот в каких условиях услышали мы, омичи [2], что под Кунгур вышла из вражеского тыла партизанская армия Блюхера и братьев Кашириных. Мы еще не знали подробности этого героического рейда, но сам факт усиления 3-й армии закаленными бойцами окрылял верой в то, что с отступлением будет покончено и мы вновь погоним врага за Урал» [3].

Появление мощного партизанского соединения и выход его в район Кунгура действительно резко изменили положение 3-й армии. Командарм Р. И. Берзин начальникам дивизий говорил: «Много надеюсь на части Блюхера, которые приближаются к Кунгуру. Если вам удастся продержаться 4—5 дней, тогда положение исправится» [4]. Войска приободрились и держались эти дни из последних сил. Да, собственно, они помимо моральной, стали получать реальную помощь уже в то время, когда отряды Блюхера находились в пути, на подходе к Кунгуру. Начальник 3-й Уральской дивизии Р. П. Вайнян командующему 3-й армией доносил: «Настроение отрядов Блюхера хорошее. Интересен такой случай. Сегодня я сообщил Уральскому отряду И. С. Павлищева о критическом положении 4-й Уральской стрелковой дивизии и просил оказать поддержку. Хотя

---

[1] ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 107, л. 10.

[2] Имеется в виду Омский отряд, в котором состоял К. Ф. Телегин и который затем был включен в состав 4-й Уральской (30-й) стрелковой дивизии.

[3] Незабываемое, с. 176.

[4] *Душенькин В. В.* Уральский рейд. с. 117.

этот отряд прошел сегодня 40 километров и не получил приказания от Блюхера, тем не менее он согласился сейчас же двинуться на помощь, не говоря совсем об усталости»[1].

Прибытие блюхеровцев позволило командованию 3-й армии произвести перегруппировку сил, отбить наступление противника в Нижнетагильском направлении, вывести советские войска из района Егоршино к Кушве. Создалась возможность выправить положение 3-й и 4-й Уральских дивизий и начать контрнаступление в восточном направлении. Улучшилось положение 5-й дивизии, части которой уже 12—13 сентября, используя панику в рядах белогвардейцев, начали наступательные действия[2].

Командование 3-й армии с согласия и по просьбе партизан, жаждавших новых сражений с врагом, решило незамедлительно направить их в бой. Партизанские части, за исключением Архангельского полка, переданного 5-й Уральской дивизии, в соответствии с принятым решением, включаются в 4-ю Уральскую дивизию, понесшую огромные потери. Партизанские отряды реорганизуются в бригады. Из Верхнеуральского отряда образуется 2-я, из Уральского — 3-я, из Троицкого — 4-я бригады. Полк М. В. Калмыкова был включен в состав 3-й бригады. 2-й бригадой командовал И. Д. Каширин, 3-й — И. С. Павлищев, 4-й — Н. Д. Томин. 1-й бригадой, в которую были сведены остатки 4-й дивизии, командовал И. К. Грязнов. Начальником дивизии стал В. К. Блюхер, его помощником Н. Д. Каширин.

Перед 4-й дивизией была поставлена боевая задача: занять пункты по линии Богородское-Суксунское-Осиновское и вести наступление на Красноуфимск — Бисертский завод с целью захватить Западно-Уральскую железную дорогу у ст. Гробово-Шемаха[3].

Начальник 4-й Уральской дивизии В. К. Блюхер в приказе от 21 сентября писал: «Уверен, что вверенные мне войска, не раз разрывавшие железное кольцо врагов, преодолевшие препятствия природы на протяжении полутора тысяч верст и с честью вышедшие из тяжелых испытаний, обогащенные боевым опытом, покажут врагу, что какой бы боевой экзамен ни готовил нам враг, мы выдержим его с честью, ибо каждый из нас знает, за что он борется. Уверен и в том, что боевые товарищи, вступающие в нашу семью из состава бывшей 4-й дивизии, несколько упавшие духом под неудачами последних дней, забудут тяжелые дни

---

[1] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 117.
[2] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 92, л. 68; ф. 3464, оп. 1, д. 10, л. 5—8.
[3] Легендарный рейд, с. 183.

и в дружном натиске сломят зарвавшегося врага и разобьют наемников буржуазии»[1].

4-я дивизия уже 24 сентября перешла в решительное наступление. На Красноуфимском участке был достигнут резкий перелом. Командующий Екатеринбургской группой войск генерал Гайда 1 октября телеграфировал своему высшему командованию: «Красные, усилившись отрядом Блюхера—Каширина, теснят Иркутскую дивизию н акрасноуфимском направлении. Срочно необходима ей помощь»[2]. Но белогвардейцам ничто не помогло. Ломая сопротивление врага, ошеломленного неожиданным появлением мощного красноармейского соединения, 4-я дивизия 2 октября освободила Красноуфимск. Были достигнуты успехи и на ряде других участков фронта действий 3-й армии. Наступление противника в Пермском направлении было сорвано.

Так фактически без отдыха, с огромным воодушевлением ринулись блюхеровцы на врага. В этих боях они показали, что накопленный опыт борьбы на Южном Урале, в районах Башкирии в тягчайших условиях не пропал даром. 4-я Уральская дивизия сразу же заслужила славу прекрасной боевой части.

В разгаре боев за Урал, пополнившись за счет двух бригад расформированной 3-й Уральской дивизии, она 11 ноября 1918 г. была переименована в 30-ю стрелковую дивизию[3]. В боях с Колчаком Тридцатая прошла от Урала до Иркутска, за боевые действия в районе которого она получила наименование «Иркутской» и награждена почетным революционным Красным знаменем. Переброшенная затем на Южный фронт, дивизия сыграла выдающуюся роль в окончательном разгроме Врангеля и за героизм, проявленный при штурме Чонгарских укреплений, 30-я была награждена орденом Красного Знамени.

Командующий Южным фронтом выдающийся пролетарский полководец М. В. Фрунзе после разгрома Врангеля

---

[1] Легендарный рейд, с. 184.

[2] *Душенькин В. В.* Уральский рейд, с. 121.

[3] В 3-м томе «Истории гражданской войны в СССР» (с. 235—236) неточно раскрывается история образования 30-й дивизии и ее состав. Там сказано без указания на время действия: «Из 3-й и 4-й Уральских дивизий сформировалась 30-я стрелковая дивизия. В нее влились отряды Красной Армии, созданные из южноуральских рабочих и присоединившейся к ним крестьянской и казачьей бедноты. Совершив героический рейд из района Белорецка, они вышли в расположение 3-й армии. Из этих отрядов были созданы Белорецкий, Богоявленский, Архангельский, 1-й Верхнеуральский имени Степана Разина и 2-й Верхнеуральский полк 30-й дивизии». Как было показано нами, образование полков произошло много раньше, еще во время партизанского рейда. Допускаются неточности и в определении состава и названия полков.

направил председателю ВЦИК М. И. Калинину телеграмму следующего содержания:

«Товарищ председатель! Вам было угодно предложить мне назвать именем ВЦИК ту из дивизий фронта, которая проявит наивысшую степень доблести в боях с неприятелем. Прежде Вы надеялись, что такою должна стать 30-я стрелковая дивизия. Ныне я рад доложить, что надежды Ваши дивизия оправдала в полной мере. Пройдя с боями огромное пространство и овладев с боем сильно укрепленными позициями в районе ст. Сальково и Чонгар, дивизия обеспечила этим наши дальнейшие успехи. Наконец, в боях 10 и 11 ноября под жестоким огнем противника, в условиях необычайной трудности дивизия штурмом овладела Сивашской и Чонгарской переправами и, заняв дальше одним ударом ряд укрепленных позиций противника, ворвалась в Крым» [1].

И 24 декабря 1920 г. Совет труда и обороны специальным постановлением 30-й дивизии присвоил высокое и почетное наименование имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. М. В. Фрунзе 30-ю любовно и с гордостью называл «боевой жемчужиной Красной Армии» [2].

За успешную ликвидацию махновщины и другие, в том числе трудовые заслуги дивизия Украинским ЦИКом была отмечена орденом Трудового Красного Знамени. В 1934 г. дивизия награждается орденом Ленина[3].

«30-я всегда оставалась, — говорил В. К. Блюхер, — победительницей на полях сражений в хмурых горах Урала, широких степях Зауралья, в суровой тайге Сибири, во время штурма бетонных твердынь Чонгара и в ликвидации последнего оплота буржуазии в годы гражданской войны на Украине — авантюриста Махно» [4].

Это о ней, о 30-й, пелось в популярной военной песне:

От голубых Уральских вод
К боям Чонгарской переправы
Прошла Тридцатая вперед
В пламени и славе.

В пламени и славе, умножив боевые революционные традиции периода гражданской войны, прошла Тридцатая в годы Великой Отечественной войны. За новые выдающиеся заслуги, стойкость, мужество и героизм бойцов и коман-

---

[1] *Фрунзе М. В.* На фронтах гражданской войны. М., 1941, с. 444—445.

[2] В боях и походах, с. 578.

[3] *Алексеев Д.* Уральская жемчужина, с. 174.

[4] На Южном Урале, с. 89.

диров она была переименована в гвардейскую. Ей было присвоено наименование Пинской (Иркутско-Пинской). К ее легендарному знамени рядом с орденом Ленина, орденами Красного Знамени были прикреплены еще несколько орденом. Ныне это гвардейская мотострелковая Иркутско-Пинская орденов Ленина, Октябрьской революции, Суворова, трижды Краснознаменная имени Верховного Совета РСФСР дивизия.

Слава партизанская, слава фронтовая, добытая уральскими рабочими, крестьянами, казаками, иностранцами-интернационалистами в жестоких боях с врагом, — поистине бессмертна. Беззаветная преданность революции и небывалое мужество, проявленные тысячами героев-партизан, их талантливым и смелым главкомом Василием Константиновичем Блюхером, будут всегда восхищать советских людей и звать их к верному служению идеалам коммунизма.

Ныне советское общество, ведомое ленинской Коммунистической партией, вступило в новый переломный этап развития. «На новом этапе исторического развития, — подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, — перед нашей партией, советским народом во весь рост встала задача всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ в целях дальнейшего продвижения к коммунизму»[1]. В этих исторических достижениях есть и доля заслуг участников борьбы в защиту завоеваний Октября — героев-блюхеровцев.

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 128.

СОДЕРЖАНИЕ

Плотников И. Ф.

П 39 Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986.—400 с.

Монография заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора исторических наук, профессора И. Ф. Плотникова посвящена одному из наиболее выдающихся событий гражданской войны на Урале — легендарному рейду уральских партизан во главе с В. К. Блюхером.

Рассчитана на широкий круг читателей.

П $\frac{1304010000-91}{М\ 121(03)-86}$ 6—86

63.3(2)712

Иван Федорович Плотников

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ УРАЛЬСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ БЛЮХЕРА

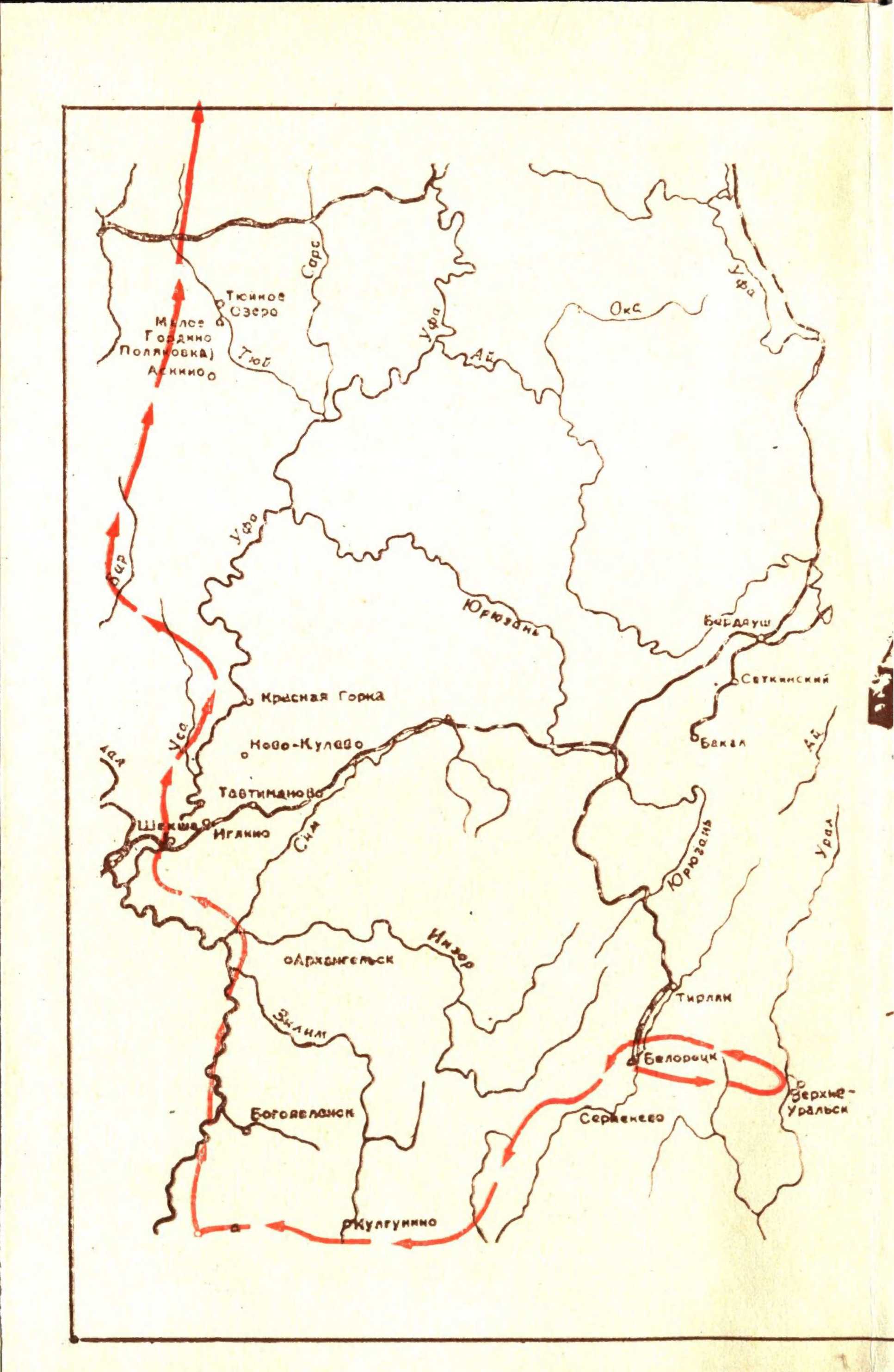
Художественное оформление
Ю. Витковского

Редактор **Л. О. Хаирова**
Художественный редактор **А. А. Костин**
Технический редактор **Г. А. Даутова**
Корректоры **Г. Р. Сахиуллина, И. П. Пастушкова, Л. И. Семенова**

ИБ № 2896

Сдано в набор 24.04.86. Подписано к печати 11.11.86. П19144. Формат бумаги 84×108 1/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 21,0. Усл. кр. отт. 21,84. Учетн.-издат. л. 24,25. Тираж 10 000 экз. Заказ № 684. Цена 1 руб. 70 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Советская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР. Уфа-1, проспект Октября, 2.

Тюйное Озеро
Малое Гордино Поляковка)
Аскино
Сарс
Тюй
Уфа
Ай
Окс
Уфа
Бир
Уфа
Юрюзань
Бердяуш
Саткинский
Бакал
Ай
Красная Горка
Ново-Кулево
Уса
Тавтиманово
Шакша
Иглино
Сим
Юрюзань
Урал
Инзер
Архангельск
Зилим
Тирлян
Белорецк
Верхне-Уральск
Серменево
Богоявленск
Кулгунино

1 р. 70 к.

И. ПЛОТНИКОВ